

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

АЛГЕБРА РОДСТВА

РОДСТВО
СИСТЕМЫ РОДСТВА
СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Выпуск 13

Санкт-Петербург
2012

ББК 63.5

А-45

Составитель и ответственный редактор:

В.А. Попов

Рецензенты:

А.В. Калюта, Е.С. Соболева

В статьях очередного выпуска альманаха обсуждаются теоретические и методологические проблемы реконструкции первичных систем родства (на ностратическом и прежде всего индоевропейском материале). Исследуются феномен родства как основа индийского кастового общества, а также различные аспекты функционирования современной русской номенклатуры родства и свойства (наименования новорожденного ребенка, термины родства и личное имя, термины родства как элементы атрибутивно-посессивных конструкций). Предлагается оригинальная трактовка метафорического употребления русских терминов родства (города как родственники). Анализируются тюркские термины родства в древнерусских письменных памятниках и «периферия» системы родства алтайцев (родственная категория «сурас»). Впервые печатаются материалы по терминологии родства ерукала (Индия), афробразильцев, албанцев Приазовья (Украина), ингушей и нивхов. Публикуется аннотированная библиография научной литературы на русском языке по антропологии родства.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
по проекту № 11-01-00467а*

А 0505000000

ISBN 978-5-88431-200-5

Без объявления

© МАЭ РАН, 2012

© Попов В.А. (отв. ред.,
сост., предисловие), 2012

© Харитонова А.Ю.

(худож. оформл.), 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателя очередной выпуск альманаха «Алгебра родства»¹ представляет собой сборник научных статей, посвященных разработке актуальных проблем генезиса и исторической динамики, а также функционирования систем родства (СР) и систем терминов родства (СТР).

Главную часть выпуска составляют дискуссионный и теоретико-методологический разделы, причем в первом публикуются статьи, тематически связанные с уже завершенными дискуссиями («Тетраидная теория генезиса первичных систем родства»² и «Проблемы реконструкции протосистем терминов родства и свойства»³). Так, статья Н.М. Гиренко «К дискуссии о генезисе первичных систем родства»⁴ посвящена критическому разбору так называемой тетраидной теории, созданной английским антропологом Н.Дж. Алленом, которую Н.М. Гиренко (1940–2004) считал неудачным вариантом решения проблемы реконструкции первичной системы родства и в целом определил как «старый подход к старым проблемам», поскольку в его основе — апелляции к существующим и гипотетическим «простым» формам социального устройства (в том числе и системам родственных отношений) как к первичным по отношению к более сложным и современным, т.е. используются логика и аргументы середины XIX в., восходящие к философским рассуждениям о том, что развитие суть усложнение («клетка проще, чем многоклеточный организм, община проще, чем государство» и т.д.). В итоге «фундаментальный дуализм СР и СТР, в основе которого лежит тот факт, что любая СР воспроизводится путем соединения двух групп (группы мужа и группы его жены), вел и ведет в настоящее время исследователей к поиску некоторого древнего источника этого дуализма» [Наст. изд.: 12–13].

Очередная работа Г.В. Дзибеля («Индоевропейские термины родства, индоевропейские ларингальные и проблема языкового родства») продолжает разработку иденетической (гигнетической) методологии как синтеза этнологического и лингвистического подходов к СТР. Исходная посылка статьи заключается в том, что регулярные фонетические соответствия зависят от принципов семантического отбора слов в этимологические гнезда, но с течением времени слова меняют как свой фонетический облик, так и свои значения, а традицион-

ный сравнительно-исторический метод рассчитан на описание лексических ситуаций, когда фонетика и семантика остаются относительно постоянными. Иденетическая же методология, по убеждению автора, «позволяет производить вычленение потенциальных фонетических закономерностей на материале анализа СТР с последующей их верификацией на более широком лексическом материале», а установление «родства» между языковыми формами в пределах одного языка должно находиться в диалектической взаимозависимости с поиском «родства» между формами в разных языках.

В статье Е.Н. Успенской «О значении родственных отношений в кастовом обществе», продолжающей серию ее публикаций по кастовым институтам в ракурсе kinship studies⁵, индийская кастовая система трактуется как совокупность иерархически организованных социально-родственных институтов, что способствует более целостному представлению о сущности касты и ее основы — джати, для которой характерны уникально дробное общественное разделение труда и капсуляция составных компонентов. Родственная природа джати и ее эндогамия теснейшим образом связаны с наследственной профессией («жизненным предназначением») и гарантированной возможностью сбыта продуктов труда и услуг, а завоеванные социальные позиции наследуются из поколения в поколение в клановых общинах.

А.А. Бурыкин и В.А. Попов в статье «Проблемы изучения системы терминов родства и свойства нивхов» впервые дают полное описание СТР нивхов и не только определяют наиболее характерные признаки этой СТР, но и используют нивхскую номенклатуру родства как источник информации для решения дискуссионного вопроса о происхождении и этнокультурных связях нивхов и нивхского языка, генетическая принадлежность которых является спорной. Этнолингвистическая реконструкция протосистемы ТР нивхов, по мнению авторов, позволяет утверждать, что нивхский язык не только входит в алтайскую семью, но и является рано отделившейся ветвью тунгусо-маньчжурских языков. Явные заимствования в нивхской СТР приходится на термины свойства и некоторые второстепенные ТР, что, возможно, связано с межэтническими браками. Источником этих заимствований (как и в других группах лексики нивхского языка) могли быть айнский, чукотско-камчатские и эскелеутские языки. В целом, этнолингвистический материал

и прежде всего СТР дают достаточные основания рассматривать нивхов как промежуточное звено между тунгусо-маньчжурами и айнами.

Раздел «Конкретные исследования» содержит статьи И.Б. Качинской «Русские термины родства и личное имя», в которой по материалам архангельских говоров убедительно показано, что в номинации практически любой ТР может сопровождаться именем собственным, в то время как в вокативе имя сопровождает только ТР ‘бабушка’ и ‘тётя’ (в остальных случаях используется либо только ТР, либо только имя), и М.В. Ахметовой «Города как родственники», исследовавшей метафорическое употребление русских ТР по отношению к городам, т.е. когда один город позиционируется как сын, брат, муж и т.д. другого, причем с установлением «родственных связей» между городами главную роль играют временной, статусный и территориальный признаки. При этом один и тот же город может попадать в разные дискурсивные «генеалогические сетки» (например, Таганрог может быть «младшим братом» Петербурга или Ростова-на-Дону, но также «сыном» Одессы и Ростова; Петербург и Москва могут приходиться друг другу как «мужем» и «женой», так и «братом» и «сестрой», а также «сыном» и «матерью»). По признаку статуса может наблюдаться и функциональная синонимия ТР: «(младший) брат» и «сын»; «(младшая) сестра» и «дочь»; «мать», «отец», «(старший) брат» и «дедушка» (так, Сызрань может быть и «дочерью», и «младшей сестрой» Самары, а Зеленоград — и «сыном», и «младшим братом» Москвы).

А.В. Шабашов (статья «Тюркские термины родства в древнерусских письменных памятниках (до 1480 г.))» обнаружил, что все тюркские заимствования в древнерусском языке — это названия женщин половозрелого возраста. Исходя из постулата, что заимствованные ТР свидетельствуют о присутствии в составе этноса иноэтнического субстрата, а заимствованные термины свойства указывают на брачные контакты между этносами, он приходит к выводу, что биологические контакты между тюрками и славянами концентрировались вокруг женщин-невольниц. Т.С. Аникина в своей статье «Термины родства как элементы атрибутивно-посессивных конструкций» выявила, что как в русском, так и в африканских языках суахили, руанда и йенданг ТР отражают эгоцентрическую картину мира, а их функционирование в рамках атрибутивно-посессивных

конструкций определяется такими факторами, как референтное и нереферентное употребление посессора, а также его позиция и позиция обладаемого в рамках иерархии одушевленности. Если в составе адъективно-посессивных конструкций ТР проявляют те же свойства, что и лексемы с другим значением, то материал обычных посессивных конструкций однозначно указывает на их особое положение в рамках лексики соответствующего языка.

В разделе «Материалы» публикуются впервые систематизированные материалы к описанию терминологии родства и свойства албанского говора украинского Приазовья (статья Е.А. Рудневой), ингушей (статья М.С.-Г. Албогачевой) и индийского «зарегистрированного племени» ерукала (статья А.В. Иванова), а А.Ю. Сиим в своей работе, посвященной терминологии родства у афробразильцев, выявляет среди членов общин синкретических культов африканского происхождения типа кандомбле своего рода фиктивные родственные связи, выражаемые в языке рядом специальных ТР.

А.Б. Коконова (статья «Наименования новорожденного ребенка в говорах Русского Севера») обнаружила в архангельских говорах более 120 названий новорожденного, которые представляют собой лексемы и фраземы с разной семантической мотивированностью, т.е. обозначения ребенка могут заключать в себе признак, указывающий на его пол, возраст и антропометрические характеристики; очередность его появления в семье; предметы, связанные с детьми определенного возраста, и действия, характерные для младенцев; сопутствующие рождению и воспитанию ребенка признаки; мифологию. Большой интерес представляют метафорические номинации, которые содержат сведения о древних представлениях. Д.В. Арзютов в статье «“Периферия” системы родства алтайцев: сурас» обращает внимание исследователей на алтайское слово «сурас» (человек, рожденный вне брака, или «безотцовщина») и раскрывает его значение для СР и наследования/утраты родовой принадлежности при патрилинейном счете родства.

Практически во всех статьях раздела «Материалы» в научный оборот вводятся весьма информативные данные о специфике родственных и семейно-брачных отношений.

Завершает альманах раздел «Библиография», в котором публикуется составленная Г.В. Дзибелем аннотированная меж-

дисциплинарная библиография научной литературы на русском языке по родству, системам родства, системам терминов родства, семейно-родовой организации и браку (с добавлениями литературы на языках бывшего Советского Союза и Болгарии), опубликованной с 1835 по 2012 г.

Составитель считает своим долгом выразить искреннюю признательность А.А. Бурыкину и Г.В. Дзибелю за деятельное участие в подготовке этого выпуска альманаха, а также благодарность П.В. Кузьминой и Т.Г. Мяндр за техническое содействие и квалифицированные консультации.

В. А. Попов

¹ Первый выпуск альманаха «Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства» был издан в 1995 г. Содержание этого и девяти последующих выпусков, а также алфавитный указатель всех статей и материалов, опубликованных в первых десяти выпусках альманаха (на русском и английском языках), см. в [АР-11 (раздел «Библиография»): 253–283]. Содержание АР-11 отражено в составленной Г.В. Дзибелем и публикуемой в данном выпуске «Аннотированной междисциплинарной библиографии научной литературы на русском языке по родству, системам родства, системам терминов родства, семейно-родовой организации и браку (с добавлениями литературы на языках бывшего Советского Союза и Болгарии), 1835–2012».

² Материалы этой дискуссии напечатаны в первом выпуске «Алгебры родства» [АР-1: 7–98].

³ Первая часть этой дискуссии напечатана в пятом выпуске «Алгебры родства» [АР-5: 51–88], вторая — в [АР-7: 5–135], третья — в [АР-9: 5–56], четвертая — в [АР-11: 5–116], пятая — в [АР-12: 6–41].

⁴ Статья написана в 1994 г., но не была напечатана, поскольку автор посчитал ее «сырой», но так и не успел ее доработать. Публикуемый текст — это тот первый машинописный вариант, который сохранился в архиве составителя АР.

⁵ См. прежде всего: *Успенская Е.Н.* Каста как родственная категория // АР-9. С. 61–79; *Она же.* К вопросу об экзогамии касты // ЭО. 2009, № 3. С. 3–19; *Она же.* Паритет статусов бирадари: «братство-равенство» в индийском кастовом обществе // АР-12. С. 101–131.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В ТЕКСТЕ

ИЕ — Индоевропейский

ПИЕ — Праиндоевропейский

СР — Система(ы) родства

СТР — Система(ы) терминов родства

ТР — Термин(ы) родства, терминология родства

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Тетраидная теория генезиса первичных систем родства

Н.М. Гиренко

К ДИСКУССИИ О ГЕНЕЗИСЕ ПЕРВИЧНЫХ СИСТЕМ РОДСТВА

Эволюционистские школы рассматривали явления культурной жизни других народов как последовательный переход от одного состояния к другому (как последовательную смену исторически неизбежных стадий), стремясь построить эволюционный ряд общественных и культурных признаков в стройную цепь по принципу первичности/вторичности. В основе такого подхода, конечно, лежит идея происхождения всего социального из некоторой единственной точки, будь то чудотворное или естественное создание (возникновение) первичной пары людей, первичного единого народа, первичного единичного культурного типа, первичного специфического языка и т.п.

Материалы по системам родственных отношений имеют принципиально важный характер для понимания социальной жизни в так называемых догосударственных обществах, являющихся как бы исторической основой для осмысления общих закономерностей развития человеческого общества в самых различных его проявлениях. Именно догосударственные общества и их рудименты в современных государственных социальных организмах представляют собой некоторую социально-историческую платформу, или отправной исторический материал для осознания эволюционных корней явлений современной действительности, не поддающихся интерпретации на основании синхронного социологического материала обществ исследователей. Но и сами современные, т.е. относящиеся к эпохе научного познания этнографического мира, «примитивные общества», снабжающие этнографически-

ми параллелями различные интерпретации культурных явлений обществ «развитых», поставляющие материал для гипотетических представлений о далеком прошлом индустриальных культур и всего человечества, являются нашими современниками, учитывая, сколь мал с исторической точки зрения временной период с начала целенаправленного изучения «иных» культур по настоящее время. В данном случае принципиальным становится вопрос о соотношении времени эволюционного и времени астрономического — однонаправленной хронологической шкале из некой вечности прошлого в некую вечность будущего, где нулевая точка отсчета находится не в прошлом или в будущем, а в современности, к которой относит себя исследователь. Эволюционное время от времени мирового отличается, прежде всего, тем, что предполагает процесс развития явления (будь то Вселенная, человечество или отдельное общество). Развитие не имеет смысла, если не предполагать, что произошел переход от некоторого предыдущего состояния к некоторому последующему, т.е. и здесь не существует некоторого нуля, полного отсутствия объекта развития. Последнее с неизбежностью предполагает и преемственность в последующем состоянии некоторых свойств состояния предшествующего. Само сопоставление двух состояний одного явления, например, существующей в настоящее время системы родственных отношений, или СТР, с ее гипотетическим прошлым состоянием, требует определения их общих свойств и свойств, отличающих эти два состояния, т.е. предполагает их системное единство. Это правомерно только в том случае, если мы говорим о некотором едином процессе, отдельном наблюдаемом объекте — одна система, один субъект развития в различных его временных состояниях. Развитие (в отличие от простого изменения) необходимо предполагает накопление свойств, в то время как замедление развития предполагает снижение темпов накопления свойств, а деградация, или инволюция, — их уменьшение. Как принято считать, для такого объекта, как человечество, вместе взятое, эволюция идет с ускорением накопления свойств, в результате чего изменяется облик человечества в целом. При этом, однако, и тоже с ускорением, ряд свойств становится общим для всего человечества.

Между тем практика показывает, что любое новое явление возникает всегда по обратной логике — из некоторого множества явлений (людей, идей, народов и пр.) возникает нечто

новое, заимствуя из предшествующего состояния (через взаимодействие компонентов этого предшествующего состояния) некоторые свойства и образуя новое явление, часто сосуществующее параллельно с явлениями прошлого и формируя (уже только благодаря этому сосуществованию) более сложную систему. В данном случае важно, что ни один компонент бывшего «множества» в отдельности не может рассматриваться в целом как эволюционный предшественник этой «новой» системы. Таковым могут считаться только те свойства в «предшествующем» состоянии, без которых невозможно само существование «последующего». В эволюционизме часто это соотношение части (отдельного свойства бывшего множества) и целого (вся сумма компонентов этого множества) отождествлялись, что нашло отражение в попытках введения глобальной стадильности не только для человеческого общества в целом, но и для отдельных общественных компонентов, отдельных обществ, отдельных культур.

В достаточно ярком виде это проявилось, в частности, в попытках выяснения исторического соотношения родовой, семейной и общинной организации, СР и СТР, форм брачного поселения и направленности брака. В настоящее время мы можем видеть всю палитру подходов к соотношению этих явлений. Здесь присутствуют и стремление дать конкретную причинно-следственную обусловленность возникновения одного из отмеченных институтов из другого конкретного института или из сочетания конкретных институтов, и полный отказ от общих моментов в эволюции общественных систем и отдельных, представленных во множестве культур подсистем, и попытки вывести все формы социальных институтов из некоторой основной формы, которой должна была обладать некая первичная система.

В целом можно сказать, что вопрос как состоял, так во многом и в настоящее время состоит в том, какие стадильные формы были пройдены в процессе эволюции, какие свойства выступали на различных этапах в качестве первичных, что заставляло человечество или какие обстоятельства вынуждали общество модифицировать эти свойства. Тенденции такого подхода, по крайней мере в отношении социальных институтов первобытности, древней или относительно современной социальной истории, существуют и в настоящее время.

Этот подход, будучи исторически неизбежным и эвристичным для XIX в., века систематизации и классификации эмпирических данных на пространственной и временной (эволюционной) шкале, таит в себе опасность подмены таких явлений, как отдельное свойство наблюдаемого (или реконструируемого) социального института и сам социальный институт как целостность. Например, общераспространенное деление людей по полу и возрасту дает основания для мысли о том, что отдельные социальные роли на любой стадии эволюции могли зависеть от пола и возраста индивидов. Однако если мы предположим, что общество, следуя этому фундаментальному свойству, вполне актуальному и для животного мира, и для современного общества, возникало путем формирования двух изолированных групп, состоящих из лиц только мужского и только женского пола, то это предполагает, что в процессе социальной эволюции при возникновении таких групп было снято различие социальных ролей по признаку пола (в пределах группы) и взаимодействие полов было сведено исключительно к биологическому воспроизводству (между группами).

В пределах групп одного пола при такой схеме, очевидно, предполагается существование социальной структуры, основанной исключительно на возрастном делении социальных ролей. Тем самым допускается, что в формирующемся обществе (или, пользуясь терминами приверженца этой идеи Ю.И. Семёнова, при переходе от сообщества предлюдей к первобытному обществу) в целом произошло упрощение ролевых функций по отношению к гипотетической предшествующей фазе состояния общества или биологического сообщества, т.к. сняты социальные (или этологические, что более приемлемо для животного мира) различия по признаку пола и взаимодействие между полами лишено социальной (или этологической) функции, сведено сугубо к биологии воспроизводства особей.

Такой конструкт формально вполне логичен, если принять за основу рассуждений тезис о том, что главными принципами, движущими развитием социальной организации на начальных этапах социогенеза, были подавление половых инстинктов и иррациональное (либо рациональное) стремление индивидов к регулированию полового общения. На самом же деле данная умозрительная конструкция изначально основана на полном принятии тезиса конца XIX в. о первичности статической ду-

альной организации общества по отношению к другим формам социальности и, по существу, является вариантом логического упражнения, цель которого — показать, что если дуальная организация общества была в основе социальности, то она должна быть основана на подавлении полового инстинкта и могла иметь только такую форму, хотя и не соответствующую общей тенденции социальной эволюции (переходу к более сложным организованным системам) и нежизнеспособную по своей сути. Наиболее четко и последовательно такая позиция в советской этнографии была представлена в работах Ю.И. Семенова.

Более подробно разбор феномена дуальной организации как варианта статических социальных членений сделан в другом месте (см. подробнее: [Гиренко 1980]). Здесь существенно отметить, что в советских построениях исторических моделей начала становления человеческого общества использовалась именно логика XIX в., когда отдельное свойство отождествлялось с социальным институтом в целом и затем подбирались примеры из этнографической реальности, где наиболее отчетливо это свойство было институировано. Так, в случае с дуальной организацией показывалась широта представительства этого свойства или отдельного социального института, что служило как бы очевидной иллюстрацией, подтверждающей достоверность гипотезы. Такой способ «статистического» подтверждения достоверности первичности социальных форм был в свое время предложен одним из основателей этнологии Э. Тэйлором в известной работе «О методах исследования развития социальных институтов, применимом к законам брака и преемственности родства» [Тэйлор 1888]. Дольше всего такой способ эволюционного мышления продержался в советской этнографии, как представляется, исключительно по политическим причинам, хотя для большинства исследователей в остальном научном мире эта логика уже давно является экзотикой. Дж. Мердок явно заблуждался, утверждая в 1971 г., будто идея о том, что все культуры прошли серию всеобщих и обязательных стадий в эволюции социальных и культурных форм, всемирно отвергнута компетентными учеными [Murdock 1959: 127].

Фундаментальный дуализм СР и СТР, в основе которого лежит тот факт, что любая СР воспроизводится путем соединения двух групп (группы мужа и группы его жены), вел и ведет в настоящее время исследователей к поиску некоторого древнего

источника этого дуализма. Так, А.М. Золотарев, как многие до него и после него, не сомневался в изначальной первичности дуальной формы организации общественного коллектива. В заключении к работе «Родовой строй и первобытная мифология», опубликованной через много лет после гибели автора и аккумулирующей огромный материал по мифологии догосударственных культур, он пишет: «Будучи первой упорядоченной формой общества, дуальная организация оказала глубочайшее влияние на мировоззрение человечества. В дуальной организации первобытный человек нашел готовый трафарет, которым он пользовался при классификации внешнего мира» [Золотарев 1964: 291]. Принцип оппозиции, без которого невозможна никакая классификация или оценка, и здесь соотнесен в плане первичности/вторичности с делением общества на две определенные группы, примеры существования чего имеются на всех континентах. Тем не менее и эта работа в наше время используется как подтверждение изначальности дуальной формы социального устройства.

Из перечисленных выше явлений, которые исследователи использовали для выяснения тенденций в эволюции общественных систем в глобальном масштабе или для преемственности отдельных форм социальных образований, наиболее строгими часто признаются исследования СТР в их соотношении с СР. В отношении этих общественных явлений проведено, пожалуй, больше глобальных изысканий и создано больше типологий, нежели в отношении каких-либо других общественных подсистем. Но, по-видимому, старые принципы, заложенные еще Л.Г. Морганом и Э. Тэйлором при формулировании соотношения перечисленных выше институтов, продолжают активно использоваться, даже если исследования направлены на опровержение отдельных положений Л.Г. Моргана. Об этом, в частности, свидетельствует ряд работ, опубликованных в последнее время, в частности, в альманахе «Алгебра родства» (Вып. 1) [1995].

Следует отметить несколько принципиальных моментов, без которых рассматривать соотношение СТР и системы родственных отношений представляется в настоящее время малопродуктивным:

1. СТР является системой, т.е. взаимосвязанным и взаимообусловленным набором категорий (нормативных видов отношений индивидов), зафиксированных в соответствующих

терминах. СТР обладает системностью только в отношении системы отношений. Иначе это просто группа слов языка, иногда обладающих некоторой спецификой какой-либо регулярности в изменениях, т.е. спецификой в собственно лингвистическом смысле. Для определения сходств и различий в реальных СТР они накладываются на гипотетическую систему (генеалогическую матрицу), в основе которой лежат связи индивидов по браку и происхождению и в которой все позиции определены и каждая имеет свой адрес или условное обозначение. Как обозначать позицию на генеалогической матрице — не важно, но при сохранении основного условия — каждой точке соответствует только один адрес.

2. Термины выражают конкретные нормативные типы отношений, существующих в обществе, и всегда предполагают соотношение статусных позиций между конкретными людьми, признаваемыми родственниками (свойственниками), участвующими (реально или потенциально) в этих отношениях прямо или опосредованно.

3. СТР сугубо эгоцентрична, т.е. это всегда определение (формулирование) отношения (прямого или опосредованного отношением других лиц) какого-то отдельного лица относительно говорящего, именуемого в научных схемах как эго (некоего «Я»), т.е. того, кто термин использует. Выражение отношения «эго (моя группа) — другой (другая группа)» лежит в основе всей номенклатуры родства и характерно для любых видов социальных взаимодействий. Но, в отличие от т.н. социоцентрических категорий, те, кого конкретный индивид эгоцентрически определяет неким термином, могут определяться совершенно другими терминами другими людьми. Если у двух и более людей эти классы родственников и конкретные лица совпадают, то в номенклатуре родства (но не свойства) таковыми являются только однополые сиблинги (например, братья). В этой связи можно заметить, что СТР всегда «дуальна», т.к. других родственников, помимо связей через отца и мать, индивиду не дано. Как не дано и свойственников, помимо тех, с которыми мужчина связан через жену, а женщина — через мужа. Но для различных индивидов это будут, как правило, различные группы относящихся к ним лиц, в связи с чем и было предложено такие формы именовать относительными, или динамическими, дуальностями в противоположность статическим, или абсолют-

ным, где лица, относящиеся к той или иной половине дуальной организации, «принадлежат» этой половине все и для всех (для членов как своей «половины», так и противоположной). В этой связи совершенно странной выглядит критика И.Ж. Кожановской в указанном альманахе [1995] Ю.И. Семенова за справедливое разделение эгоцентрической (относительной) номенклатуры и социоцентрических (абсолютных) наименований (т.е. тоже номенклатуры) брачных классов. Автор не согласен с замечанием Ю.И. Семенова о том, что если рассматривать соотношение СТР и СР, то относительность ТР коренится в относительности самой социальной группировки. На это замечание И.Ж. Кожановская возражает: «относительность термина коренится во взгляде, поскольку таковой термин обозначает не сам объект (это задача абсолютного наименования), а отношение, возникающее между объектом и эго, ту специфическую роль, в которой объект (в нашем случае брачный класс) выступает по отношению к данному говорящему индивиду... каждая секция по отношению к остальным трем выступает не в одном, а в разных качествах: для секции “В” секция “А” — в роли супруга; с секцией “С” она в “патрилинейных” отношениях, с секцией “D” — в “матрилинейных”.

...Социоцентрические — конкретные явления, а эгоцентрические — абстрактны по своей природе и обозначают сложившиеся типовые связи» [Кожановская 1995: 12]. Было бы более справедливо усомниться в «относительности» группировки родственников, отражаемой в номенклатуре, т.к. эта группировка всегда конкретна, но терминологическое определение лиц, в ней участвующих, действительно относительно в том смысле, что они зависят от точки отсчета, от конкретного лица (эго) в этой группировке. В отличие от этого, брачный класс (как и возрастной класс в системе возрастных классов) будет одинаково именоваться всеми членами «секционного» (или возрастно-классового) общества, и все люди, относящиеся к брачному классу «А», будут всеми членами данного общества именоваться по имени брачного класса «А» (или определенно-го возрастного класса) и никакого другого, кто бы ни служил точкой отсчета. В системе родственных отношений у каждого индивида в соответствующие категории родственников входят различные конкретные люди, в то время как группы людей, относящихся к секциям «А», «В», «С», «D», для всех членов дан-

ного общества (с брачными секциями) будут идентичны. При введении основного функционального критерия — избежание инцеста — в данном случае СТР вполне могла бы состоять только из четырех терминов «а», «b», «с» и «d», обозначающих брачные секции, а при двух секциях — и вовсе из двух терминов-обозначений. Вся остальная номенклатура просто излишня — остальные социальные роли вполне возможно отражать, как это часто и осуществляется, вне СР с использованием обозначений, не предполагающих эгоцентричности, типа «мужчина», «женщина», «ребенок», «старик», «хозяин» и пр. Предположение о первичности таких статусных обозначений социальных ролей по отношению к номенклатуре родства было выдвинуто еще У. Риверсом [Rivers 1907]. И следует заметить, что ТР тоже определяют статус обозначаемых ими лиц относительно эго, т.е., если настаивать на первичности статусных социоцентрических наименований, что вполне допустимо, они сохраняют это качество, но предполагают введение особой характеристики — статус по отношению к данному индивиду (эго). Если принять во внимание тот факт, что оппози́т «свой — чужой (мой — иной)» лежит в основе определения (осмысления и формулирования) любой социальности, то обозначенные две «секции» совершенно не обязательно должны делить всех людей данного гипотетического коллектива на две взаимообращающиеся группы. Достаточно простого определения типа «наша» (имярек) в противоположность «не нашим», сколько бы таковых ни имелось. Такая схема была предложена в качестве некоторого варианта механики возникновения экзогамии «нашей» группы на этапе становления первичных социальных коллективов. Основа возникновения практической экзогамии «нашей» группы на ранних этапах общественного развития лежит не в существовании некоторого мистического запрета, а в большей вероятности обеспечения брачным партнером за пределами малой группы охотников и собирателей, но в пределах множества, некоторой совокупности таковых малых групп. Вся остальная масса негативных последствий ориентировки на поиск внутреннего партнера (в пределах малой группы) могла только стимулировать закрепление в мировоззрении, культуре большей вероятности и предпочтительности поиска брачного партнера за пределами «нашей группы», т.е. экзогамии «нашей» группы в качестве категорического императива. В основе этого

экзогамного запрета лежит столь же категорический императив обязательности для каждого индивида включения в биологическое воспроизводство, т.е. обязательность брака, а не его запрет (см. подробнее: [Гиренко 1995]). Последнее унаследовано еще из «досоциального» состояния и существует по сей день, что подтверждает и существование экзогамных норм в любом современном или известном науке обществе вне зависимости от уровня социального и экономического развития.

Важно подчеркнуть, что рассуждения о «возникновении» экзогамии в прошлом веке, да порой и сейчас, на самом деле направлены не на выяснение функциональной обусловленности «брака во вне», а на выяснение социальных институтов и культурных традиций, с которыми экзогамия связана. Возникновение, изменение отдельных конкретных экзогамных норм, возникновение и изменение конкретных форм социальных образований, связанных с экзогамией, на самом деле и составляет основное содержание исследований систем родственных отношений.

С одной стороны, СТР не только эгоцентрична, но и вторична по отношению к системе социальных взаимодействий — к СР, вне отношения к которой она, собственно, системой не является. С другой — определяется она относительно искусственной матрицы, искусственной идеальной схемы, в отношении которой исследуемые СТР сопоставляются и, соответственно, объединяются в типы, варианты и пр. Это не меняется ни в том случае, когда номенклатура «переводится» на доступный для понимания исследователей иной язык, как это делал Л.Г. Морган, ни когда описание места, покрываемого значением термина (набор адресов) на абстрактной генеалогической матрице, производится в условных обозначениях, например посредством кода Левина, или иными символами. Эгоцентричность номенклатуры в данном случае (на матрице) находит отражение в том, что система координат здесь представлена точкой в центре генеалогической матрицы (условное эго), по отношению к которой любая другая точка представляет собой возможное значение термина (условный альтер). При создании такой схемы возникает соблазн представлять местами эго и альтера, как бы меняя позиции индивидов, и заранее вкладывать «биолого-генеалогическую» логику интерпретации терминологических отождествлений и противопоставлений и их интерпретаций, т.е. переносить эту логику на

социальную реальность. Так, неразличение сиблингов от орто- и кросскузенов, обозначение родственников поколения родителей теми же терминами, что и родителей, интерпретировалось в свое время как указание на реальное неразличение их в отношении брачных норм и рудимент существовавшего некогда «промискуитета»; терминологическое объединение поколений внуков и дедов — как неразличение генеалогических поколений или экстравагантные формы браков и пр. Особенно устойчива традиция восприятия особенностей структуры СТР на генеалогической матрице как особенностей структуры общества в целом. Так, неизбежная бифуркация СТР на родственные связи через отца и через мать до сих пор воспринимается как свидетельство обязательного деления общественной системы на две взаимообрачающиеся группы, представленность в СТР родственников трех родовых групп (при принадлежности эго либо к родственникам отца, либо к родственникам матери) — как свидетельство неперемennого существования в прошлом или настоящем замкнутой системы из трех экзогамных коллективов. Элементарный принцип неизбежной дуальности СТР, восходящий к универсальному факту брака мужчины и женщины, при неизбежной эгоцентричности номенклатуры родства постоянно возвращает исследователей к предположениям об универсальном социальном дуализме общества. Одной из таких попыток является постулирование в качестве начальной «тетраидной» модели, в которой делается попытка внесения в «генеалогическую» матрицу элемента динамики. Основное направление рассуждений в последнем случае таково: тетраидная модель из двух взаимообрачающихся коллективов минимально необходима для существования СР, и в связи с этим она первична, а как следствие — дравидийские типы СТР, в которых прослеживается кросскузенный брак и слияние категорий родства и свойства, наиболее архаичны. Основное свойство таких архаических систем видится именно в предотвращении инцеста, а не в обязательности осуществления брачного императива для всех членов коллектива. Так, приводится один из основных аргументов в пользу тетраидной модели: «Только при тетраидной модели наиболее просто и логически обоснованно гарантируется задача избегания инцеста» [Allen 1986: 91]. Здесь вновь как бы за скобки выносятся тот факт, что брак, считающийся инцестным в одних системах, в других таковым не является. Что такое иде-

альный брак — вопрос сугубо культурной нормы, но нет систем родственных отношений, не предполагающих запрет брака в пределах некоторого набора родственников.

Учитывая, что в данной модели представлены (взяты) минимальные свойства любой системы (брак двух пар, состоящих из мужчины и женщины, и результат — появление аналогичных двух пар, причем постулируется, что данные пары — сиблинги и такой обмен производится из поколения в поколение), здесь, действительно, представлены минимально необходимые свойства самовоспроизводящейся абстрактной модели, если под «сиблингами» подразумевать членов экзогамных групп любой конфигурации, вынужденных искать партнера извне, и признать, что обмен производится только между двумя экзогамными коллективами. Действительно, все остальные виды СР по отношению к таковому будут усложнением. Остается только непонятным, для каких целей необходима остальная номенклатура с дифференциацией родственников, помимо собственно маркера принадлежности к дуальной половине или брачной секции. Единственный ответ обычно сводится к необходимости предотвращения сексуальных поплзновений со стороны старших и младших поколений эго (его/ее отцов и сыновей, матерей и дочерей и т.д.). По той же логике легко объяснить упрощение терминологической системы, например при возникновении поколенной (генерационной) номенклатуры, в целях снятия таких опасений.

Неразличение эгоцентрической и социоцентрической номенклатур позволяет авторам вслед за Э. Тэйлором рассматривать в единой цепи причинно-следственной обусловленности брачные секции, системы возрастных классов и СР на основании того, что все три института в той или иной степени регламентируют и брачные отношения между людьми в зависимости от их пола, социального возраста и принадлежности к определенной группе генеалогического поколения. Игнорирование того факта, что СТР может быть выявлена только в отношении биологической матрицы, но реально качеством системности обладает только в отношении системы социальных отношений, ведет к целому ряду недоразумений при попытках интерпретации содержания отдельных терминов и способов осознания самими носителями определяемого в термине отношения. Так, в одной из статей альманаха отмечается, что в вокативной системе некоторых

народов Африки (пенде, няккюса) и за ее пределами предок и потомок (родитель—ребенок) обозначаются одним термином [Дзибель 1995: 140]. Действительно, у няккюса термин *mwanangu* употребляется как взаимный в обращении друг к другу между отцом, матерью, сыном и дочерью. В отношении к детям, действительно, данное слово (с соответствующими конкретизаторами) используется и как референтивный термин, и как вокативный. Но в отношении к лицам восходящего поколения или между супругами он используется исключительно как вокативный, т.к. для обозначения данных социальных категорий родственников существуют вполне отдельные референтивные термины. Но дело не только в этом. Действительно, термин «*mwanangu*» (*mwana* + *ngu* — мой) широко представлен в номенклатурах этого региона в его «генеалогическом» значении — «мой ребенок». Но если обратиться к более широкой лексике той же группы языков, то он не несет собственно генеалогического смысла. Так, женщина, в отличие от жены, будет именоваться *mwanamke*, что следовало бы понимать как ‘ребенок женщины’, соответственно мужчина — ‘ребенок мужа’ (*mwana-mume*), *mwananchi* — ‘гражданин’ (‘ребенок страны’), *mwanafunzi* — ‘учащийся’ (‘ребенок ремесла’), *mwana wee* следовало бы переводить как «ты ребенок», что недопустимо, так как оно употребляется для указания на сопричастность, близость, предполагающую взаимопонимание «сам (сама) понимаешь», «что ты» и т.д. (яз. суахили). Будет недопустимым упрощением слово «Рюрикович» понимать как «сын Рюрика», а «русич» — как «сын Руси». Так и титул одного из восточно-африканских вождей *Mwanasimba* ошибочно переводить как «сын льва». Точно так же употребляется и суахилийский термин *mtoto*. В сочетании с притяжательным местоимением *wangu* — ‘мой’ оно будет обозначать ‘мой ребенок, мое дитя’, при дополнении еще и конкретизирующего полслова — «мой сын» или «моя дочь», а выражение *mtoto wa watu* (дословно — ‘ребенок людей’) переводится как ‘знатный’, ‘породистый’ (о человеке). Вне соответствующего контекста оно будет обозначать только соответствующий возраст (не взрослый). В языке папуасов деревни Бонгу (Берег Маклая, Папуа — Новая Гвинея) *TP abatra* используется для обозначения сиблинга одного пола с говорящим в пределах родовой группы (вемуна) в противоположность кровному (от одного отца) брату (или сестре, если

говорит женщина) — *abadamu*, если речь идет о внутривидовых отношениях. Однако если речь идет о межвидовых отношениях в пределах общины Бонгу, то он используется для обозначения родственника внешней родовой группы, в противоположность родне «моего» рода. Если речь идет о взаимоотношениях между группой родов Бонгу и внешней общиной, то он может использоваться для обозначения людей этой внешней общины, в то время как «наши мужчины» будут «*aba*», т.е. кровные родственники. Интересно, что папуасы полагали, что ту же дихотомию можно продолжить. Так, все папуасы и русские в связи с некоторым культом Миклухо-Маклая в этом районе по отношению друг к другу — *abatra* (внутри себя — *aba*), в то время как австралийцы по отношению к папуасам — «*tan'ag*», т.е. чужаки, совершенно внешние люди (собственные данные по экспедиции АН СССР 1972 г.). В меланезийском пиджине точно в таких же значениях используются термины «*brata*» и «*sista*». Совершенно очевидно, что ни к каким пережиткам дуальной организации эти дихотомии относиться не могут, как не замечено у бонгу и следов социальной дуальности. Тот же термин «тангар» может использоваться и для обозначения любой группы, с которой можно вступать в брак, т.к. никаких запретных связей с ними нет.

Контекстуальность значения слов, используемых и как ТР, — широко распространенное явление, требующее специального исследования, но вряд ли с полной достоверностью можно утверждать, что слово как ТР во всех случаях первично по отношению к так называемым «переносным» его значениям. Можно долго спорить, что первично в терминах «жена», «муж» во многих языках — собственно брачная связь конкретных лиц или просто обозначение женщины и мужчины (женатого, замужней), статус в хозяйстве (хозяин, хозяйка).

В концепции исторической (эволюционной) «первичности» самой простой из зафиксированных или реконструируемых СТР и родственных отношений неизбежно вводится предположение, что изначально никакой регламентации в отношении брачных норм, или точнее — регламентации биологического воспроизводства и соответствующей этологии, не было, хотя наблюдения над животным миром демонстрируют обратное.

Н. Аллен этот «начальный» этап предполагает следующим: «Можно вообразить себе общество, в котором происходит бес-

порядочное соитие и в котором дети, однажды родившись, в дальнейшем не имеют ничего общего с матерью, а остаются одни с отцом или со своими сиблингами» [Аллен 1995: 26]. Жалко, что в этой гипотетической картине не уточнено, дети какого пола остаются со своим отцом и какими сиблингами и с какого до какого возраста (т.е. какова должна быть гипотетическая демография такого сообщества). Непонятно, почему дети должны оставаться именно с отцом, а не с матерью, т.к. большинство свидетельств указывает на то, что и в животном, и в человеческом обществе «потомство» до получения возможности вести самостоятельную (социальную или животную) жизнь, как правило, сосуществует именно с матерью, а не с сиблингами (вероятно, мужскими?) или «отцом». Можно сказать, что «беспорядочное соитие» присутствует на уровне растений и низших животных, где, впрочем, оно уже регламентировано сезонностью, так что речь может идти о «безупорядочности» исключительно в генеалогическом плане. В таком случае самые упорядоченные — это пчелы и муравьи, где единственная матка производит несколько «бесполох» поколений, а способные к размножению особи выращиваются сообществом по мере демографической необходимости.

Отмеченное несоответствие структуры отношений, как она «реконструируется» на основании номенклатуры родства, а точнее — отражается в ней, и реальной социальной структуры (структуры социальных групп, реально существующих в обществе, и их соотношений) составляет основную сложность в использовании СТР в качестве синхронного источника для описания общественной системы как источника для синхронной и эволюционной типологии СР и основанных на ней реконструкций общественных систем. Л.Г. Морган несоответствие СТР и СР трактовал только как отставание в развитии СТР от СР, но специфику эгоцентрической проекции СТР практически не учитывал. Впрочем, эта специфика недостаточно учитывается, как видно, и в современных работах, связанных с использованием СТР в качестве этносоциологического источника.

В связи с постоянной со времени Дж. Макленнана и Л.Г. Моргана апелляции к существующим и гипотетическим «простым» формам социального устройства как к первичным по отношению к более сложным и современным, хотелось бы высказать ряд соображений. Аргументы середины XIX в. восходят к общепhilософским рассуждениям о том, что развитие суть

усложнение, включение предшествующей стадии в процессе развития живой материи в стадию последующую. Клетка проще, чем многоклеточный организм, община проще, чем государство и т.д. Со времен Г. Спенсера и Э. Дюркгейма в социальной антропологии тоже используется понятие «социальный организм», при рассмотрении общества как отдельной саморазвивающейся системы. Но любая система, в том числе и система общественная, состоит из компонентов, составляющих ее подсистему. Изучение истории развития общества — суть история эволюции и представленных в нем компонентов, в том числе и систем родственных отношений. Если в патриархальной теории Мэйна общественное развитие предстает как последовательное развитие из патриархальной семьи, то у Л.Г. Моргана — как переход от широких неструктурированных сообществ к дуальной организации, родовой и далее к государству с описательными СР и «римским» родом. Предполагается, что и системы родственных отношений развивались от «простых» — к более «сложным».

Аллен 1995 — *Аллен Н.* Начальный этап эволюции терминологии родства дравидийского типа // АР-1. С. 26–42.

Гиренко 1980 — *Гиренко Н.М.* Дуальная организация и тураноганованские системы: к вопросу о статике и динамике в социальной структуре // АЭС. Л.: Наука, 1980. Вып. XII. С. 101–128.

Гиренко 1995 — *Гиренко Н.М.* Экзогамия // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1995. № 4.

Дзибель 1995 — *Дзибель Г.В.* Феномен генерационного скашивания в системах родства // АР-1. С. 138–172.

Золотарев 1964 — *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964.

Кожановская 1995 — *Кожановская И.Ж.* О тетраидной теории Н.Дж. Аллена: Некоторые предварительные замечания // АР-1. С. 7–26.

Тэйлор 1888 — *Тэйлор Э.* Об исследовании эволюции социальных институтов. СПб., 1888.

Allen 1986 — *Allen N.J.* Tetradic theory: An approach to kinship // JCA. 1986. Vol. 17.

Murdock 1959 — *Murdock G.P.* Evolution in social organization // Evolution and anthropology. Washington, 1959.

Rivers 1907 — *Rivers W.* On the origin of classificatory system of relationships // Anthropological essays presented to Edward B. Tylor. Oxford, 1907.

Проблемы реконструкции протосистем терминов родства и свойства

Г.В. Дзибель

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ТЕРМИНЫ РОДСТВА, ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЛАРИНГАЛЬНЫЕ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО РОДСТВА

Несмотря на то что индоевропеистика по праву считается наиболее передовой отраслью исторической лингвистики, этимология большинства ИЕ ТР является туманной. Индоевропеисты вынуждены прибегать к фантастическим интерпретациям генезиса ИЕ ТР, которые вызывают критику как у их коллег-лингвистов, так и у этнолингвистов и этнологов. Современное состояние ИЕ реконструкций ТР не проливает свет на типологические характеристики ПИЕ системы, известные этнологам по сотням СТР, зафиксированных в этнографической реальности. Примечательным также является тот факт, что многие гнезда ТР содержат труднообъяснимые фонетические аномалии и двусмысленности, вызывающие у фонологов конфликтные интерпретации. Приведем несколько примеров. В латинском *nurus* (от ПИЕ **snusós*) ‘жена сына’ первый гласный является нерегулярным: ИЕ **u* перед *r* в латинском должно давать *o* (**norus*). В албанском падение *s* перед *v* в *vjeherr* ‘отец супруга’ не является фонетической регулярностью, а фиксируется только в словах, содержащих морфему **swe-*, а таковыми словами часто являются ТР [Намп 1986]. В славянских языках термины для ‘брата отца’ восходят к праформе **stryjǫ*. При сравнении с лат. *patrius* и др.-инд. *pitr̥vā* ‘брат отца’ выясняется, что слав. *s-* соответствует ИЕ *p-*, но без всякой регулярности. В германских языках рефлекс ИЕ **deH₂iwēr* (др.-в.-нем. *zeihhur*, др.-англ. *tācur*, *tācor*, др.-фриз. *taker*) содержат аномальный велярный (прагерм. **taikr(o)*), который, однако, хорошо согласуется с велярным в армянском *taugr*. (В арм. *g* — регулярный рефлекс ПИЕ **w*.) В древнеиндийском *duhitā* ‘дочь’ (<**dhuġH₂tēr*)

ПИЕ ларингальный $*H_2$, якобы оказывает двойное действие: превращает палатализованный смычный $\hat{g}$ в спирант h (если бы $\hat{g}$ отражалось в санскритской форме регулярным образом, то фиксировалась бы форма $**duzītā$) и одновременно отражается как гласный i . Как это оказалось возможным, непонятно. В ИЕ гнезде ‘сестра мужа’ 1) начальный согласный в др.-инд. *gīrer* (род. пад.) (при лат. *glōs* и греч. *γαλόως*) указывает на ПИЕ $*g-$, тогда как слав. $*zŭly$ — на ПИЕ $*\hat{g}$, а арм. *tal* — на ПИЕ $*d-$; 2) первый гласный может интерпретироваться как вокальный рефлекс ПИЕ $*H_2$ (др.-инд. i , греч. a) или как рефлекс ПИЕ силлабического l [Eichner-Kuhn 1976; Beekes 1988]. Индоевропейцы обычно объясняют фонологические аномалии методом постулирования контаминации с другими словами: *tal* якобы возникло по аналогии с *taygr* ‘брат мужа’, а слав. $*zŭly$ — по аналогии со слав. $*zeŭi$ ‘son-in-law’. Когда к разговору подключаются сторонники существования ностратического праязыка, то ситуация осложняется еще больше: ностратикам нужен ПИЕ $*g'$, зафиксированный в слав. $*zŭly$, для того чтобы обосновать реальность ностратического $*kal$ ‘свойственница’, в котором $*k$ должно закономерно давать ИЕ $*\hat{g}$ [Manaster-Ramer 1994].

Решение относительно того, какой именно рефлекс является аномальным, принимается на субъективных основаниях; соответственно, мнения исследователей на этот счет расходятся. Недавно иранист Г. Уиндфур предложил модель, по которой армянский сохраняет исконное родство терминов для ‘сестры мужа’ и ‘брата мужа’ ($*deH_2/dH_2-$), что семантически выглядит очень естественно. В других языках переход $d-$ > $g-$ произошел под влиянием термина для зятя (слав. $*zeŭi$, греч. *γαμβρός*, лат. *gener*) [Windfuhr 2002]. Работа Г. Уиндфура отличается от типичных работ индоевропейцев тем, что он пытается уловить в ИЕ ТР систему, оперирующую на семантическом, морфологическом и, естественно, фонетическом уровнях. Если ИЕ термины для ‘сестры мужа’ и ‘брата мужа’ происходят от одного корня, у них появляется более или менее интересная с точки зрения исторической типологии СТР этимология: свойственная терминология со стороны мужа в исторических ИЕ языках, очевидно, подверглась усложнению посредством расщепления переменной «пол альтера», по сравнению с ПИЕ состоянием. Однако гипотеза о родстве терминов для ‘сестры мужа’ и ‘брата мужа’ базируется только на данных армянского языка, что

кажется недостаточным. Если же признать, что идентичность начального сегмента в армянском *tal* и *taygr* — продукт поздней контаминации, то у обоих терминов не остается никакой этимологии, а у этого участка СТР теряется системность. Неудивительно, что индоевропейцы, достигшие высокой степени формализма в описании исторической фонетики, по сей день возводят индивидуальные ИЕ этимоны ТР к натурализованным понятиям типа «доить», «связывать», «приносить (огонь)», «давать», «свой» и пр., которые, с их точки зрения, имеют прямое отношение к древним идеям родства. Очевидно, что, хотя ИЕ термины для ‘сестры мужа’, несомненно, являются родственными, их родство основывается на элементарном сходстве по значению и звучанию, которое, так сказать, досталось науке от истории «по наследству», а не благодаря наличию у науки некоего особого метода. Сравнительный метод не в состоянии ни разрешить характер начального согласного в термине для ‘сестры мужа’, ни выработать для этого термина разумную этимологию. Гипотеза о происхождении этого термина от ПИЕ **deH₂/dH₂-* ‘сibling мужа’, основанная на *внутренних* данных одного армянского языка, оставляет остальные рефлексy этого этимона в санскрите, греческом, латинском, старославянском и других языках фонетически нерегулярными. Это, в свою очередь, подрывает основополагающий тезис компаративистики о регулярности фонетических соответствий *между* родственными языками. Примечательно в этой связи активное использование в исторической лингвистике понятия «родство» для описания систематических фонетических параллелей в группе языков при фактическом отрицании ими системности ТР в пределах одного языка.

В серии работ [Дзибель 2000а; 2000б; 2001] я обосновал новый подход к реконструкции ПИЕ ТР, основанный на иденетическом (гигнетическом) синтезе этнологического (антропологического) и лингвистического подходов к СТР. Суть его заключается в наблюдении, что регулярные фонетические соответствия зависят от принципов семантического отбора слов в этимологические гнезда. С течением времени слова меняют как свой фонетический облик, так и свои значения. Традиционный сравнительно-исторический метод рассчитан на описание лексических ситуаций, когда фонетика и семантика остаются относительно постоянными, а праформа узнаваема не ана-

литически, а путем визуальной инспекции. Такие «простые» лексические ситуации возникают либо в связи с тем, что языки разошлись сравнительно недавно и семантика и фонология не успели кардинально измениться, либо потому что морфологическая структура языков отличается пониженным разнообразием словообразовательных процессов, либо потому что рассматриваемые слова являются строго обособленными в пределах своих лексико-семантических классов. ИЕ ТР демонстрируют ситуацию явно более сложную. Для удовлетворительного разрешения этимологии ИЕ ТР необходимо внимательно всмотреться в существующие фонетические законы и проверить, правильно ли исследователи рассортировали формы по этимологическим гнездам. Представляется возможным, что идеальная ситуация, при которой системность ТР внутри языка не противоречит, а проливает свет на системность регулярных фонетических соответствий между языками, просто искусственно теряется из виду из-за некорректной группировки слов в этимологические гнезда.

Примером неправильного построения этимологического гнезда является ИЕ термин для 'брата' [Dziebel 2006: 66–68; 2009]. Как я попытался показать, гнезда **bhreH₂ter* 'брат' и **mer-* 'свойственник' обнаруживают близкие параллели: 1) семантический сдвиг типологически закономерен, т.к. разграничение подсистем родства и свойства — эволюционно вторичное явление; 2) латыш. *mārša* 'жена брата' (< **martiya*) соответствует слову «брат» семантически и лат. *frātria* 'жена брата' — морфологически; 3) фонетический сдвиг **mr* > *br* — типичное явление в ИЕ языках; 4) как показал Курилович, придыхательный согласный может развиваться из последовательности «смычный + ларингальный» (в санскрите придыхание может возникать из ларингального в случае как глухих, так и звонких согласных); 5) перенос придыхания с заднего сегмента на передний фиксируется в греческом и может иметь ПИЕ происхождение. В итоге ИЕ названия 'брата' восходят к **mreH₂ter*, а не к **bhreH₂ter*, как твердят учебники по ИЕ сравнительному языкознанию.

На основании данной этимологии можно предложить следующие гипотезы уже чисто фонетического содержания: 1) ИЕ второй ларингальный отражается как придыхательный компонент смычных не только в санскрите, но и в ПИЕ; 2) реконструирование придыхательного и ларингального в одном слове излишне, т.к. последний порождает первый; 3) двойное отра-

жение ларингального — как гласного ($H_1 > e$, $H_2 > a$, $H_3 > o$, $eH_1 > \bar{e}$, $eH_2 > \bar{a}$, $eH_3 > \bar{o}$) и как согласного — может иметь место в пределах одного этимологического гнезда; 4) перенос ларингального со второго слога на первый можно интерпретировать как метатезу, связанную каким-то образом с другой метатезой, зафиксированной в армянском и осетинском. Как осет. *(æ)rvad*, так и арм. *elbayr* ‘брат’ демонстрируют идентичную метатезу плавного. Возникновение этих форм остается загадкой, т.к. в древнеармянском слова не могли начинаться с *r* (см. подробнее: [Дзибель 2000: 123–124; 2001]). Хотя для целей этнолога, интересующегося СТР ранних индоевропейцев, новой этимологии ИЕ термина для ‘брата’ достаточно, чтобы предположить, что в обществе ранних индоевропейцев имела место какая-то форма брачной прескрипции, закономерно приводящая к отождествлению категорий родства и свойства, историческому фонологу требуется серия отчетливых примеров, удовлетворяющих пунктам 1–3.

Рассмотрим в этой связи ИЕ термин для ‘дочери’. В настоящее время подавляющее большинство индоевропейцев реконструируют этот термин как **dhuġH₂tēr*. Однако в свете фонетических процессов, очевидно приведших к ИЕ термину для ‘брата’, *dh-* в термине для ‘дочери’ выглядит излишним. ИЕ **bhreH₂ter* относится к **mreH₂ter*, как **dhuġH₂tēr* относится к **duġH₂tēr* (ср. [Windfuhr 2002: 472–473] о переходе **dH₂- > *dh-* в этом слове). В санскрите H_2 привел к переходу от **ġ* к *h*, тогда как в греческом H_2 повлек переход от **d* к *dh* (позже оглушенный в θ). В обоих языках H_2 также отразился как гласный (*duhitā* и $\theta\upsilon\acute{\alpha}\tau\eta\rho$). Таким образом, звонкий придыхательный появился в этом слове в результате двух независимых процессов, затронувших греческий и санскрит уже после распада ПИЕ праязыка. Реконструкция **dhuġH₂tēr* объясняет отсутствие придыхания в санскритской форме действием закона Грассмана, по которому при наличии двух звонких придыхательных в одном слове один теряет придыхательность по диссимиляции. Но в греческой форме следы диссимиляции отсутствуют, хотя закон Грассмана в греческом действовал с такой же частотой и регулярностью, как и в санскрите. Греч. $\theta\upsilon\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ является как бы зеркальным отражением др.-инд. *duhitā*: первый согласный в этой форме аспирированный, а второй, наоборот, нет. Традиционная реконструкция заставляет постулировать закон Грасс-

мана для санскритской формы, но не для греческой, а падение ларингального без образования придыхательного согласного только для греческой формы, но не для санскритской. Реконструкция **duḡH₂tēr* кажется более предпочтительной, т.к. она подразумевает общий процесс для санскрита и греческого (образование придыхательного согласного под влиянием ларингального), с той лишь разницей, что в санскрите ларингальный повлиял на второй согласный, а в греческом — на первый. Перенос придыхания в начало слова в греческом можно подкрепить другими примерами: например, микен. <*a-mo*> (т.е. *arhmo*) дает греч. *hárma* ‘колесо’ и пр. [Dziebel 2006: 68]. Закон Грассмана можно переосмыслить как запрет на соприсутствие двух придыхательных в следующих друг за другом сегментах — правило, опять-таки действующее как на греческую, так и на санскритскую формы.

Тохарский фиксирует интересную ситуацию: тох. В *tkācer* указывает на **dh-*, тогда как тох. А *skācar* демонстрирует спирант, который может восходить как к **t*, так и к **tskacar* < **dzkacar* < **dgater*. Обычно *c-* в тох. А объясняют посредством дальнейшей ассимиляции *c-* следующего сегмента, что выглядит как натяжка. Наличие в тохарских формах *ts-* (< **dz-*) указывает на неаспирированный **d*, а не на **dh-*. Если тох. А *skācar* восходит к **dzkacar*, то налицо праформа, на которую явно действовал запрет на соприсутствие двух придыхательных. Действие закона Грассмана в тохарском далее доказывается такими примерами, как 1) тох. В *tsaik-* ‘лепить’ при др.-инд. *dehi* ‘стена’, лат. *fiŋgō* ‘леплю’, греч. *τεῖχος* ‘стена’ (традиционная реконструкция **dheigh-/dhoigh-*) и пр.; 2) тох. А *tsāk* ‘гореть’ при лат. *foveō* ‘грею’, др.-инд. *dahati* ‘гореть’ (традиционная реконструкция **dhegh^wh-*). Из тохарских примеров видно, что тохарская диссимилиация идентична древнеиндийской, но отличается от диссимилиации в греческом и латинском, что косвенно подкрепляет реконструкцию *skācar* < **tskacar* < **dzkacar* на манер др.-инд. *duhitā*.

В итальянских языках дублетность простого и аспирированного дентального смычного в термине для ‘дочери’ может отражаться в оск. *fu(u)tir* ‘дочь’ и лат. *uxōr* ‘жена’. Возможность семантического перехода ‘дочь’ > ‘жена’ подтверждается поддержкой из трудов римского юриста начала нашей эры Гая [I: 3, 118; II: 159], в которой про жену, которая переселяется в соответ-

ствии с нормой патрилокального брака к мужу и попадает под его власть (*manu*), говорится: «in familiam viri transibat, filiaequе locum obtinebat». Историк римского права Р. Зом оставил следующий комментарий: «С юридической точки зрения *uxor in manu (materfamilias)* выступает в роли ‘*filiaefamilias loco*’. Ее отношения с мужем как по поводу имущества, так и по поводу ее собственной персоны управляются теми же правилами, как и отношения между мужчиной и его детьми. Отношения между женой по *manu* и ее детьми управляются теми же правилами, что и отношения между братьями и сестрами» [Sohm 2002: 365–366]. Хотя само текстовое свидетельство является относительно поздним, оно явно отражает социальный институт глубокой древности, который в эпоху Гая уже выходил из употребления [Gardner, Wiedemann 1991: 6, n. 1]. Фонетически гипотеза о наличии *d*- на ранних стадиях эволюции латинского термина для ‘дочери’ позволяет рассматривать *uxōr* в ряду слов, обычно служащих примерами выпадения дентального в латинском: *dui* > *bi*, *Dius*, *Diovis* > *Iovis*, *suāvis* ‘sweet’ < **swādwis*-, *peior* ‘worse’ < **pediōs*. Последний сегмент в *uxōr*, возможно, подвергся влиянию со стороны термина *sorōr* (< **sosōr*) ‘сестра’ в период, предшествовавший латинской ротасизации. Такое объяснение лат. *uxōr* кажется более удовлетворительным, чем прочие существующие (напр., от **ugh-swesor* ‘сестра в ярье’ от ИЕ глагольной основы **wegh*- [E.W.F. 1907]), хотя надо признать, что фонетическое условие падения *d*- в латинском (позиция перед *u* или *w*) в форме *uxōr* отсутствует. Возможно, в *uxōr* отражается древняя полная форма *(*d*)*we*-, которую А. Клухорст [Kloekhorst 2011] также усматривает в лик. *cbatra* (< праанатол.**dwegtr*). Правда, в этом случае ожидалась бы лат. ***bekter* по аналогии с **dwellum* > лат. *bellum* ‘война’. Если в середине слова *d* перед *w* и *u* просто теряется, то в начале слова *d* обычно переходит в *b*. Но переход *d* в *b* в анлауте — явление явно позднее (Цицерон в «Ораторе» упоминает это изменение в произношении как произошедшее на его памяти), и не исключено, что первоначально группы *dw* и *dy* в начале слова вели себя так же, как и в середине слова, — *d* терялся. Несмотря на эти фонетические трудности, общая тенденция к ослаблению и падению простых звонких смычных в латинском позволяет рассматривать лат. *uxōr* ‘жена’ (< **duktēr*) как потерянный рефлекс ИЕ этимона для ‘дочери’, указывающий на исконно неаспирированный анлаут.

Наконец, стоит обратить внимание на два ИЕ этимона, не имеющих отношения к ТР, но также, возможно, отражающих ситуацию, когда неправильная сортировка форм по этимологическим гнездам приводит к тому, что древние фонетические процессы теряются из виду. ИЕ **medhu* ‘мед’ и **sweH₂dwe-* (лат. *suāvis*) ‘сладкий’ демонстрируют несомненное сходство по значению. При внимательном рассмотрении также обнаруживается, что и фонетически эти два этимона являются сопоставимыми. В **medhu m-* может быть результатом диссимиляции более ранней формы **wedhwe-* > **medhwe-* (ср. чередование **morw-* и **worm-* в гнезде ‘муравей’: например, греч. *μίρμος*, ст.-слав. *mravī*, при тох. *warne* [Mallory 1997: 24]), тогда как **sweH₂dwe-*, возможно, содержит так называемый *s-mobile*, присоединенный к основе *weH₂dwe-*. «Стряхнув», таким образом, с этих этимонов следы вторичных фонетических контаминаций, мы получаем две чрезвычайно близкие по семантике и фонетике формы: **wedhwe-* и **weH₂dwe-* (< ПИЕ **wedH₂we-*), которые демонстрируют тот же процесс переноса ларингального внутри слова и видоизменение звонкого смычного в звонкий придыхательный под влиянием соседнего ларингального.

Эти примеры показывают, что семантика и фонология ИЕ ТР тесно взаимосвязаны и реконструкция ПИЕ СТР и фонетического облика ПИЕ ТР невозможна без систематического привлечения данных этнологии, истории, юриспруденции и других дисциплин, смежных с исторической лингвистикой. Иденетическая (гигнетическая) методология позволяет производить вычленение потенциальных фонетических закономерностей на материале анализа СТР с последующей их верификацией на более широком лексическом материале. Установление «родства» между языковыми формами в пределах одного языка должно находиться в диалектической взаимозависимости с поиском «родства» между формами в разных языках.

Дзибель 2000а — Дзибель Г.В. К теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства // АР-5. С. 5–52.

Дзибель 2000б — Дзибель Г.В. Теория и практика в сравнительно-исторических исследованиях (в связи с дискуссией об иденетической реконструкции протосистем терминов родства) // АР-5. С. 97–188.

Дзибель 2001 — Дзибель Г.В. Еще раз об иденетике, сравнительно-историческом языкознании и индоевропейских терминах родства и свойства // АР-7. С. 66–135.

Beekes 1976 — *Beekes R.S.P.* Some Greek aRa-Forms. II. γάλας // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1976. 34. S. 13–16.

E.W.F. 1907 — *E.W.F.* Note on Warren // American Journal of Philology. Vol. 28. P. 488.

Eichner-Kühn 1976 — *Eichner-Kühn I.* Vier altindische Wörter. 3. Ai. *yātr*; 4. Ai. *giri*-, griech. γαλις // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft 1976. 34. S. 25–37.

Dziebel 2006 — *Dziebel G.V.* Reconstructing «Our» Kinship Terminology (Comments on the Indo-European Material in A.V. Dybo and S.V. Kullanda's The Nostratic Terminology of Kinship and Affinity) // AP-11. C. 42–92.

Dziebel 2009 — *Dziebel G.V.* Refining the Points of an Ongoing Debate about Indo-European, Nostratic and Kinship Terminological Reconstructions // AP-12. C. 6–20.

Gardner Wiedmann 1991 — *Gardner J.F., Wiedmann T.* The Roman Household: A Sourcebook. L.; N.Y., 1991.

Hamp 1986 — *Hamp E.P.* Alb. *vajzë, motrë* // Studi Albanologici, Balcanici, Bizantini e Orientali in Onore di Giuseppe Valentini / ed. by P. Carlo Messori Roncaglia and G. B. Pellegrini. Firenze, 1986. P. 109–110.

Kloekhorst 2011 — *Kloekhorst A.* The Accentuation of the PIE Word for 'daughter' // Accent Matters / ed. by T. Pronk and R. Derksen. Amsterdam; N.Y., 2011. P. 235–243.

Mallory 1997 — *Mallory J.P.* Encyclopedia of Indo-European Culture. L., 1997.

Manaster-Ramer 1994 — *Manaster-Ramer A.* The Triune Velars Revisited. Manuscript. 1994.

Sohm 2002 — *Sohm R.* The Institutes of Roman Law. Bridgewater, 2002.

Windfuhr 2002 — *Windfuhr G.L.* The IE Terms for Siblings of Spouse: Etymology and Chiastic Logic // The Linguist's Linguist: A Collection of Papers in Honour of Alexis Manaster Ramer. München, 2002. Vol. 2. P. 461–475.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Е.Н. Успенская

О ЗНАЧЕНИИ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАСТОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Кастовый строй индийского общества соответствует мировоззренческим основам индийской культуры, формировался и функционирует под влиянием идеологии брахманизма-индуизма, этические императивы которого объективно направлены на консервацию и воспроизводство архетипических форм социального взаимодействия и общественного сознания. В индийском традиционном обществе практикуется сегрегационно-комплиментарный способ социального взаимодействия между общинно-клановыми структурами, в ряду которых высшей является *джати* (санскр. «рождение, происхождение, порода»). Традиционная организация *джати* складывается на основе родственной самоорганизации, для нее характерны уникально дробное общественное разделение труда и капсуляция составных компонентов, а выстраивание паритетных и иерархических статусных схем является способом взаимодействия между специализированными по своим «жизненным предназначениям» социальными коллективами. Профессия, рабочее место и гарантированная возможность сбыта продуктов труда и услуг, а также завоеванные социальные позиции передаются и наследуются из поколения в поколение в клановых общинах. Родственные связи выступают в кастовом обществе как основа социального структурирования, и именно максимальная категория родственности *джати* (квазиплемя) является базовой функциональной ячейкой кастового общества — в отличие от касты, которая может быть определена как административно введенная в Новое время учетная категория, составленная из нескольких паритетных по статусу профессии *джати*. Чтобы понять, как устроено кастовое общество, антропологи должны изучать не искусственно сформированные касты, а *джати* и ее экзогамные компоненты — во всем их этнокультурном разнообразии.

Кастовое общество в своей представленной в дхармашастрах модификации сложилось к первым векам до н.э., когда в дополнение к первоначальным трем варнам индоариев образовались пограничные категории «четвертая варна *шудра*» и «вневарновые пятые, *аварна*»; варны теперь состояли из множества капсулированных кастоподобных *джати*. Усложнение структуры «варн, состоящих из множества *джати*», отражало процесс абсорбции общинно-клановых структур и племен аборигенов Южной Азии в складывающееся кастовое общество и свидетельствовало о наложении двух социальных систем, соответствовавших ведической и автохтонным доарийским культурам. Антропологические исследования позволяют заметить, что стратификация сообщества индоариев привела к формированию варн — социально-экономических категорий ведического общества, сословно-корпоративных по характеру (жрецы-брахманы, воины и земледельцы), в то время как индийские автохтонные сообщества развивались по типу сегментированных систем. Брахманическое осмысление этой ситуации отражено в социальном наставлении *чатурварнашрама-дхарма* («закон жизни четырех варн и четырех стадий жизни»), имеющем своей целью привитие эталонных брахманических норм в культуру кастовых коллективов. Брахманическая идеология совершенно определенно выделяет основанные на родстве социальные категории как основные и строит регламентацию общественного быта на четком понимании роли самой *джати*, а также ее компонентов и комплексов *джати* в общественной и экономической жизни. Для них предназначены практические варианты вероучения и культовой практики, которые осмысляются через понятие *свадхарма*. Однако «о небрахманских *джати* дхармашастры не говорят, так же как не говорят ни о каком из небрахманских экзогамных кланов и линиджей — без сомнения, потому, что те сами о себе позаботятся в соответствии с правилами *джати-дхармы* и *кула-дхармы*, бессмертными проявлениями жизни касты и клана» [Trautmann 1981: 244]. Действительно, благодаря императивным адресным религиозным наставлениям *джати-дхарма* и *кула-дхарма* самобытные добрахманические («природные, врожденные», подлежащие окультуриванию), часто очень архаичные этнокультурные особенности разных *джати* консервируются и сохраняются в течение многих столетий. Это и традиционная хозяйственная специализация, и оригинальные

способы жизнеобеспечения и воспроизводства, и духовные достижения, и язык. Все они оцениваются «по уровню культурности», соизмеряемой с культурой брахманов, и рассматриваются как маркеры социального статуса. Если образ жизни новой *джати* вполне брахманический, то она будет стоять высоко или получит шанс повысить свой статус. Если, с точки зрения брахманов, наблюдаются значительные несообразности природного образа жизни, то это приведет к тому, что статус группы будет невысоким, и контакты с нею будут ограниченными. Характерные для конкретных *джати* брачно-родственные отношения рассматриваются в брахманической традиции как один из главных показателей уровня культурности наряду с языком, способом жизнеобеспечения и степенью вовлеченности в брахманические общинные ритуалы. В этом контексте особенности индоарийской культуры выступают как высококультурные санскритские, все остальные — как изначально «дикие» и неразвитые, частично преодоленные в процессе окультуривания, но все еще хорошо заметные. «Законсервированные во времени» благодаря кастовой традиционности, эти автохтонные несанскритские субстратные основы «проглядывают» из-под брахманических норм и представляют особенный интерес для антропологов.

Сущность категории *джати* может быть понята при функциональном анализе индийской традиционной системы на всех ее уровнях, начиная от связей родства. Но эволюционистская теория касты не предполагает изучения СР и клановых структур, и эта ограниченность обзора во многом сохраняется поныне. Соотношение «кастовой системы» и родственной организации относится к числу самых сложных вопросов в антропологии Индии, вызывающих расхождение по партиям сторонников той или иной точки зрения. Ответы на этот вопрос могут быть разными при разных методологических подходах к исследованию общественных отношений.

В общей теории касты термин и понятие «*джати*» употребляются бессистемно и нечетко. В наиболее терминологически точных работах слово *джати* принимается в качестве индийского эквивалента для английского *subcaste*. Его содержание понятно по морфологическому составу самого английского термина: имеется в виду подразделение касты, чаще — эндогамное. Так, М.К. Кудрявцев объяснял: термин *джати* употребляется чаще всего как название для «начальной, кастовой, точнее вну-

трикастовой, эндогамной общности первого ранга, т.е. уже не делящейся на эндогамные группы и содержащей в себе только экзогамные, а иногда гипергамные подразделения. И чаще всего такая общность будет совпадать с подкастой» [Кудрявцев 1992: 30]. Д. Манделбаум тоже отмечает, что для *джати* характерны эндогамия, более определенные, чем у касты, территориальные границы, большая профессиональная однородность. *Джати* имеет функции в ритуале, по ее каналам налажено самоуправление в кастовой общине. Но на роль основной единицы кастового общества *джати*, по мнению этого исследователя, претендовать не может: «...она подчеркивает только некоторые черты сходства между кастой, племенем, профессиональной группой, сектой и т.д., игнорируя весьма существенные социальные различия между ними. Так, с одной стороны, стирается отличная во многом от кастовой специфика этнических общностей, а с другой — выпадают из поля зрения различия между внутрикастовыми и надкастовыми структурными единицами, и теряется представление о кастовой структуре вообще. Эклектичность порождаемых ею представлений о кастовой системе не позволяет *джати* считаться основой кастового общества» [Mandelbaum 1970: 29–30]. Но, может быть, именно эта «эклектичность», или, более точно, универсальность, *джати* является ее достоинством, если сотни миллионов людей живут по правилам организации *джати* тысячи лет?

В материалах первых переписей населения Индии (по 1931 г. включительно) особенности тысяч каст и десятков, сотен тысяч подкаст-*джати* описаны предельно скрупулезно, с включением всех известных составителям подробностей жизни этих групп, иногда даже нелепых и неправдоподобных. Здесь же помещены фрагменты *джати*-пуран («истории *джати*») в пересказах. Поэтому теперь самые интересные и полные сведения об индийских *джати* можно найти все в тех же словарях каст и племен столетней и более давности. Названия *джати* очень разные: производные от топонимов, по именам предков, по профессиям, производные от прозвищ и сами прозвища, названия, основанные на каком-то социальном обычае, указывающие на религиозные предпочтения. Обобщающих названий для экзогамных подразделений также немало, и в каждом языке они свои. Например, очень качественное в своем роде описание каст и племен Хиндустана, данное М.А. Шеррингом в 1872 г.,

сообщает о *бархаи*, касте плотников, что те имеют семь подкаст, которые «настолько отличаются друг от друга, что не поддерживают прямого тесного общения друг с другом — ни в браке, ни в принятии пищи, ни в курении» [Sherring 1975: 1, XXII].

В науке утвердилось представление, что каста и подкаста различаются в количественном, а не в качественном отношении. Очень характерно в этом смысле разъяснение С.В. Кеткара: «Каждая из этих групп имеет особое название, и несколько таких сравнительно мелких образований группируются вместе под общим именем, в то время как большие группы — не что иное, как подразделения групп еще более крупных, и все они имеют свои названия. Так, мы видим, что есть несколько уровней этих групп. Слова «каста» и «подкаста» относительны в определении. Более крупная группа будет называться кастой, в то время как более мелкая будет называться подкастой — это зависит от размера группы. Но в общем обе группы могут называться кастой. Эти деления и подразделения вводятся на различных принципах. Таким образом 200 млн индуистов [речь идет о начале XX в. — Е.У.] разделены настолько дробно на нескольких уровнях соподчиненности, что есть касты, брачные контакты которых находятся в пределах не более чем пятнадцати семей» (цит. по: [Hutton 1946: 43]).

М.К. Кудрявцев писал так: «В том случае, когда каста слишком велика [подчеркнуто мною. — Е.У.] и широко расселена, ее роль практически выполняет подкаста <...> Проблема состоит в том, считать ли основной статус-группой в кастовой системе касту или ее эндогамное подразделение — *джати*» [Кудрявцев 1992: 27]. В действительности *джати* является оптимальной эндогамной единицей в составе кастовой организации, ее структурной основой, и это никак не связано с относительными размерами кастовых единиц. Кроме того, *джати* является строго функциональной социальной единицей кастового общества. Вместе с тем каждая *джати* обладает этнокультурным своеобразием, которое обусловлено ее природой.

В контексте контакта культур «Запад — Индия» *джати* воспринимается как индийский эквивалент термина «каста». Слово *джати* санскритское, оно есть во всех новоиндийских языках, вошло в дравидские языки (в фонетически измененной форме *чати*), но на Юге чаще употребляется дравидское *кулам*. «Тамильское слово *кулам* означает линию родства или проис-

хождение от общих предков» [Roy 1934: 215]. Оно, в свою очередь, рано вошло в санскрит и практически во все новоиндийские языки в форме *кула* в оригинальном значении «экзогамный клан» и широко употребляется в среде небрахманских каст. Уже это обстоятельство указывает на то, что имело место не просто заимствование терминов, происходило глубокое взаимное проникновение традиций в социальной культуре.

В индийском контексте слово *джати* употребляется всегда с уточняющим определением. Индиец, понимая *джати* как свою главную и прирожденную идентичность, может выразить через это слово с соответствующим эпитетом следующие смыслы:

— какой он религии (и это не обязательно индуизм); эту идентичность он получает по рождению;

— где он живет; место жительства человек практически не меняет от рождения; локальные наименования часто упоминаются в имени *джати*;

— какой у него кастовый статус; он осмысливается как понимание места своей семьи в кастовой общине и через ее роль в ритуале. Это очень информативный комплекс представлений;

— какое у него профессиональное занятие; это он получает по рождению;

— «чьих он будет», из какой семьи происходит.

Джати, таким образом, — главное понятие для индийца в плане самоидентификации. Кроме того, особенность кастового строя состоит в том, что идентичность *джати* как характеристика по статусу рождения определяет социальное положение человека на всю жизнь. Он и женится именно так, как определено его рождением, в своей *джати*. «Каждая каста эндогамна. Как правило, у человека нет родственников за пределами собственной касты, и все его родственники находятся в составе касты. Одна часть касты человека — это его расширенная семейно-родственная группа, а все остальные члены касты — это его возможные родственники. При таком положении дел каста отстаивает многие ценности, реализуемые в семье, и верность обычаям касты можно сравнить с верностью ценностям семьи. Отделить их друг от друга невозможно» [Karve 1965: 55].

Границы каждой *джати* довольно определенны даже в современных условиях, ее внутренние связи постоянно обновляются в брачных контактах, в процессе необходимого определения экзогамных и эндогамных кругов. Все родственники индивиду-

ма по происхождению или по браку, реальные и потенциальные, входят в его *джати*; сюда относятся и кровные, и номинальные родственники. Человек чувствует ответственность перед ними всеми, и это важный фактор и аргумент в его деятельности; в частности, он старается не нарушать свою *джати-дхарму*, чтобы не навлечь осквернение и потерю статуса остальными «своими», «нашими». На протяжении всей истории формирования и развития кастовой системы это были многочисленные общинно-клановые структуры и племена автохтонов индийского субконтинента и пришлых завоевателей и переселенцев. Со временем к ним добавились также формирующиеся на связях родства квазиплеменные коллективы профессионалов того или иного дела и касты-секты, среди которых даже celibатные организуются по типу *джати*.

«*Джати* характеризуется тремя принципами организации: общностью происхождения (родством и наследованием), территориальной локализацией и общностью культа» [Das 1990: 57]. Традиционные кастовые общности обычно представлены в деревнях и городских кварталах территориальными (локальными) группами, ядро которых составляют линиджи, восходящие каждый к своему предку, реальному и всем известному, память о котором жива. В Северной Индии это, как правило, патрилинейные линиджи, на дравидском Юге нередко матрилинейные линиджи. На индоарийских языках эти локальные кастовые группы называются *кхандан*, *тхок* и т.п. терминами со значением «семья». Д. Манделбаум определяет локальную кастовую группу как «локализованный линидж» и описывает ее как коллектив из нескольких родственных семей, главы которых «мужчины — родные братья, имеющие отдельные домохозяйства, или сыновья родных братьев, или сыновья двоюродных братьев по отцу <...> Все в этих домохозяйствах, включая жен, приемных детей, живущих вместе с родителями жены зятьев — т.е. тех, кто не является кровным родственником, — считаются членами местной кастовой группы, хотя имеют другое происхождение по отцу. Таких родственных семей может быть две–три или двадцать–тридцать» [Mandelbaum 1970: 134]. Связи между родственными семьями очень крепкие; и это не только эмоциональная привязанность родственников — их объединяют совместное выполнение ритуалов жизненного цикла, почитание одних предков и богов; для линиджа характерно тесное сотруд-

ничество в экономическом плане; для занятых в земледелии линиджей это общая земля. Профессия, рабочее место и налаженная сеть потребителей (гарантированная возможность сбыта продуктов труда и услуг), а также достигнутые социальные позиции передаются и наследуются из поколения в поколение именно в этом тесном кругу родственников. Родственные коллективы уровня кулы/готры/клана оказываются расселенными на больших территориях, выходящих за пределы одной деревни [Успенская 2003: 75–84, 100–152].

Семья в разных *джати* выглядит по-разному; это зависит от ее этнических традиций. На Севере это обычно патрилокальная (жена приходит не столько в семью мужа, сколько в семью свёкра) так называемая большая (расширенная) семья (*joint family*), или большесемейная община. Семейные отношения строго упорядочены и скрупулезно организованы традицией и обычным правом. В глубоко санскритизированных общинах два (некоторые дхармашастры считают — три) потомка главы семьи по прямой и два (три) его предка по прямой — это та ортодоксально признанная конфигурация родственных связей, на которую рассчитаны все обряды, и она определяет тип индийской семьи, нормативный для высоких каст. Отец отца — главная фигура в индийской семье. Он главное действующее лицо в ритуалах, которые проводит сам или заказывает у брахмана для своей семьи и предков. Независимо от типа родственных отношений уважение к старшим составляет одну из основ патриархальной идеологии индуистов. Старшие определяют в индийских семьях все предприятия, в том числе занимаются устройством браков для молодых членов семьи.

Женщины патрилинейного клана могут рассчитывать на помощь своих кровных родственников и после замужества. В многодетных индийских семьях мальчики и девочки с раннего возраста привыкают поддерживать особенно близкие дружеские заботливые отношения с ближайшими по возрасту сиблингами. В своей взрослой жизни практически каждый индийский мужчина оказывает всемерную помощь своей любимой сестре и ее детям; на индоарийских языках племянники называют его *мама*. Он поддерживает сестру в сложных обстоятельствах жизни в доме свёкра и принимает непереносимое участие в ритуалах как представитель родного линиджа женщины, особенно в организации свадьбы своих племянников. Он не может брать от

своей сестры деньги и даже подарки, но должен предоставлять то, что требуется. Отмечается, что помощь длится до тех пор, «пока сестра жива», что говорит о том, что брат заботится прежде всего о представительнице своего клана, а не о ее детях, относящихся к патрилинейному клану отца.

Патрилинейные линиджи поддерживают отношения со родственниками своих мужчин (*йонисамбандха*, букв. «связанные через лоно»); эти родственники являются неперенными участниками некоторых ритуалов. Но в отношениях с ними имеет место избегание. Так, с родственниками жены человек не общается и не ездит к ним в дом в течение, по крайней мере, 4–5 лет после свадьбы. Со своей стороны и тесть, и его домашние никогда не ездят в дом своего зятя. Объясняется и тот, и другой обычай следующим образом: отец невесты «подарил» свою дочь жениху во время свадьбы, и после этого нельзя налагать новых расходов ни на зятя, ни на тестя. Индийцы даже стесняются говорить с посторонними о своей жене, ее родных и ее деревне. В доме свёкра, в его большой семье, невестка общается только со своими детьми, мужем и женщинами семьи. Из родственников мужа лишь деверь имеет возможность общаться с женой старшего брата, особенно в тех общинах, где практикуется левират. Общение со свёком и старшим братом мужа совершенно исключено, невестка не открывает лица перед ними и не разговаривает с ними. Современные высокообразованные индийские сторонницы феминистских идей расценивают эту ситуацию как дискриминационную: «Уже в ведическом обществе самыми главными обязанностями женщин были репродукция и продолжение в потомстве линиджа ее мужа, а в особых обстоятельствах — линиджа ее отца¹, и ее сексуальность уже находилась под патриархальным контролем» [Jaiswal 2000: 9–10].

Во многих дравидских семьях преобладают традиции правового доминирования женщин, матрилинейности и матрилокальности. «Как правило, женщина в южноиндийской семье пользуется большим авторитетом, она властна, свободна и самостоятельна в решении немалого круга вопросов; часто бразды правления принадлежат ей <...> В некоторых кастах малаяльцев, каннара и у многих малых дравидских народов социальный и ритуальный статус матери в семье выше, чем статус отца. В тех областях и тех социальных слоях, где сильны матриархальные [так у автора. – Е. У.] пережитки, наибольшим авторитетом и ве-

сом в вопросах воспитания пользуется не отец ребенка, а брат матери². Женщины являются хранительницами традиционных знаний и преданий, связанных с семьей, родом и кастой. Эти знания они передают своим дочерям. Иногда женщины разделяют ответственность со своими мужьями за добывание средств к жизни, заботу о благополучии семьи и ее престиже. Брачные узы для южноиндийской женщины далеко не всегда оказываются тяжелыми и роковыми: разводы здесь во многих случаях официально разрешены, и разведенная может вновь выйти замуж, не преступая при этом этических и законодательных норм» [Альбедиль 1999: 25]. Матрилинейность дравидов и их образ жизни всегда рассматривались брахманами как низший полюс некультурности в вопросах семейно-брачных отношений, противоположный брахманической рафинированности. Это всегда статусный маркер. Кшатрии, например, подчеркнуто отрешиваются от пережитков правового доминирования женщин. А в последнее время эти особенности стали парадоксальным образом возноситься на щит как этнодифференцирующие особенности, как маркеры этнической идентичности дравидов в их националистическом противопоставлении северянам — тем, кто провел санскритизацию. Дравиды считают теперь, что санскритизация увела их с оригинального пути развития, что под влиянием санскритизации и политико-административных мер, направленных на изживание «некультурных» традиций, значительное распространение приобрели внешние проявления социального приоритета мужчин.

В наши дни, особенно в городских условиях, большесемейные общины утрачивают свое влияние: они просто не воспроизводятся во всей полноте как территориально локализованные группы. В этих обстоятельствах нуклеарная семья оказывается хранительницей традиции. А. Бетей пишет так: «Нуклеарные семьи превосходят по численности расширенные во многих вариантах социального окружения. Конечно, верно, что один и тот же человек может жить в обоих типах семьи в течение разных стадий своей жизни. Более того, дедушки-бабушки, дяди, тети, двоюродные братья и сестры продолжают играть важную роль в развитии отдельного человека — или изнутри, или извне семьи, в которой он живет, и это имеет место во всех слоях индийского общества. Современная индийская семья в среде высокообразованных профессионалов, государственных служащих и т.п. — это

не просто реплика традиционной семьи дхармашастр в ее строении, нормах и ценностях. Она имеет свои собственные нормы и ценности, которые не идентичны таковым для нуклеарной семьи на Западе. Несмотря на свою нуклеаризацию, индийская семья остается ориентированной на брак, материнство и отцовство, тесные отношения между сиблингами и вовлеченность в более широкий круг родственных связей» [Béteille 1991: 14–15]. Далее исследователь отмечает, что такая семья выполняет в современном обществе многие «функции линиджа и более широких родственных групп» в вопросах передачи традиции, наследственной профессии и организации брачных контактов своих членов — в доказательство своего «аргумента о замещении касты семьей» [Béteille 1991: 17]. Очень важным в данном контексте является, на мой взгляд, особое упоминание кастовой профессии.

Состав индийских семейно-родственных групп как отдельная тема исследования довольно хорошо проработан и в индийской брахманической науке, и в научной литературе. Существует несколько работ, написанных индийскими специалистами в стилистике антропологии дхармашастр. Составители древнеиндийских законодательных текстов показали себя знатоками разных вариантов обычного права своего времени, а их теоретизирование сохраняет свое значение по сей день. Древние законодательные требования не всегда осуществляются в своем идеальном виде сегодня, но они неизменно оказывают влияние на практикуемые модели отношений: следование дхармашастрам является признаком высокой культуры и сообщает *джати*, соблюдающей идеальные стандарты дхармашастр, высокий статус. Есть несколько специальных работ по индийским СР. Предложены интересные этнографические описания отдельных кастовых общностей. В этой проблематике главные позиции занимают К.М. Кападия, И. Карве, К.С. Матхур, Дж.Д. Берреман, Т.Р. Тротманн, Дж. Парри, А. Мейер, К. Гоу, Т. Мадан.

Т.Р. Тротманн [Trautmann 1981] сумел дать качественный и глубокий сравнительный анализ различных дравидских систем между собой и подойти к пониманию параметров прадравидской СР. Но на сегодняшний день в неиндийской науке торжествует мнение, сформулированное Л. Дюмоном, что касты на Юге «не могут считаться имеющими родственную природу, т.к. среди них есть матри- и патрилинейные» [Dumont 1988: 92 ff]. В этом русле находится, как понятно по взятым выше цита-

там, описание наяров Дж. Путхенкалама, а также исследование К. Фуллера. Размышляя о статусе детей в браках между матрилинейными *наярами* и патрилинейными *намбудири*, этот автор тоже столкнулся с непреодолимой теоретической трудностью: «Каста отличается от родственной группы. Каста — билатеральная группа, и членство ребенка в касте, в противоположность членству в родственных группах, таких как матрилинейная община *теравад*, не может быть определено только одним родителем. Каста, в которой вопрос отцовства полностью игнорируется, — это противоречие в терминах» [Fuller 1976: 45]. В этом затруднении можно предложить такое решение: в *джати* наяров принят матрилинейный счет родства, и поскольку гипергамные отцы детей наярских женщин в их наярскую *джати* не входят, то ребенок наследует *джати* матери и ее брата. Этот матрилинейный обычай известен всем этнографам, в том числе и К. Фуллеру, только он «не вписывается» в общую ориенталистскую теорию касты. Матрилинейная филиация *джати* прекрасно видна по именам наяров: в качестве фамильных выступают названия *джати*, и обязательно упоминаются имена матери, поэтому даже сегодня перед фамилией наяра (наярки) стоят обычно три имени (три инициала).

Когда в 1960 г. вышла книга американского исследователя А. Мейера с программным названием «Каста и родство в Центральной Индии» [Mauey 1970, герг.], она привлекла большое внимание. Сам патриарх индийской этнологии Г.С. Гхурье приветствовал ее появление и подчеркивал, что тема выбрана исключительно актуальная [Ghurye 1969: 220]. Книга, как оказалось, особенно интересна тем, что представляет собой своеобразный «Розеттский камень» индологии (вернее, одну из его сторон). Дело в том, что, когда А. Мейер собирал материал для своей книги в индийской деревне, практически параллельно с ним в соседнем дистрикте, в исторической области Мальва, работал индийский этнолог К. Матхур. Свою книгу «Каста и ритуал в деревне в Мальве» К. Матхур издал в 1964 г. [Mathur 1964]. Так получилось, что существуют две очень разные книги на одну тему, два решения одной задачи, написанные по материалам одного исследования на разных языках науки. А. Мейер интерпретировал свое видение индийских реалий в классическом «западном» ключе, К. Матхур — в современном, ориентированном на индийскую традицию. Эта антропологическая

билингва очень помогла мне в восприятии и интерпретации индийского понимания кастового строя. Исследование К. Матхура, очень качественное в его теоретической части (в фактологической тем более), проясняет несколько важных вопросов, в частности концепции *джати-дхарма* и *кула-дхарма*, или «законы жизни» *джати* и клана; но оно остается малоизвестным. Работа А. Мейера гораздо чаще цитируется и остается одной из наиболее информативных полевых записей. Если суммировать выводы из материалов А. Мейера, получается следующая картина: 1) каждый человек является членом трех социальных образований: семейно-родственной группы, подкасты и касты; 2) вся подкаста может быть семейно-родственной группой. О том, что это именно так, мы узнаем по общему родовому имени для всех ее членов. В нее входят люди небольшого территориального района, объединяющего несколько десятков поселений, т.е. подкаста имеет территорию расселения; 3) родство обеспечивает человеку признание со стороны других людей в качестве члена касты или подкасты; «член подкасты, происходящий издалека, считается таковым, только если его связь по определенным признаваемым степеням родства с местными людьми является доказанной» [Mayer 1970: 5, 151, 213, 248, 269, 271, 272]. Описание наполнено терминологией хинди и разными схемами, но заметно, что искомой стройности и логической упорядоченности в интерпретации того обилия фактов, что собрал в поле, автор не достиг. Эта принципиальная невозможность унифицировать (хотя бы для одного региона) родственные подразделения и их диалектные названия в их связи с кастой очень показательна. Признавая функциональное значение подкасты, А. Мейер, к сожалению, не углубился в рассмотрение того факта, что по внутреннему составу различаются между собой не только подкасты разных каст, но и подкасты одной касты — а это хорошо видно по его материалам.

Самое грустное во всей этой истории противопоставления мнений — то, что правы все. В этих обстоятельствах самым существенным оказывается тот факт, что «кастовая система» видна на уровнях, где располагаются *джати* и кастовые общности, сами состоящие из разных *джати* (объединения, или комплексы *джати*, по терминологии И. Карве), а родственные отношения видны на уровнях подразделений *джати*. Уже поэтому *джати* — базовая единица кастового общества. Только

находясь на уровне организации *джати* и проводя анализ функциональных особенностей *джати*, можно составить стройное представление о характере и особенностях кастового общества. Если исследователь старается понять и разъяснить универсальный принцип организации холистической «кастовой системы», как это сделал Л. Дюмон, который его действительно разъяснил, то нет необходимости углубляться в уровни родственных связей. При этом сущностную роль *джати* надо признать, и не нужно отказываться от рассмотрения родственных начал касты. И, наоборот, если исследователь принимает во внимание родственные отношения, то необходимо довести их рассмотрение до уровня функциональных надклановых связей, вершиной которых является именно *джати*.

Родственные связи являются всеобщим каркасом системы, стержневой идентификацией, которая привязывает человека, начиная от его семьи, далее к куле и *джати* на уровне социального общения, ритуала и культурного взаимодействия и к касте, общине и государству на уровне общественной самоорганизации и политического самоопределения. И. Карве отмечала: «Кастовое общество имело две системы построения, которые пересекались друг с другом, не создавая конфликта. Принцип управления внутри самой касты, который держал ее вместе и регулировал отношения в ней, — родственный принцип. Он ориентирован на локализованную патрилокальную или матрилокальную семью, большую или нуклеарную, живущую под одной крышей. Все эти линиджи жили как соседи, и вся сеть кровных связей и отношений по свойству была представлена в касте. Все родственники были тут, в касте. Отец семьи, самые главные члены самых важных линиджей и старшие в касте были центрами власти в деревне. Деревня представляла собой систему, в которой регулировались и проявляли себя межкастовые отношения. Деревня сама по себе, хотя и состояла из мелких частиц, одновременно была самодостаточной, представляла собой часть более крупной системы деревень. Эти системы деревень группировались по разным принципам: экономическим, если зависели от одного города с его торговым рынком и объединялись вокруг него, или кастовым: они представляли территорию расселения отдельных каст и даже семейно-родственных групп. Поведение внутри деревни, между деревнями и между деревней и властями регулировалось через панчайт — совет деревни.

И если правитель государства принимал во внимание традиции этого общества, то ему было несложно править» [Karve 1961: 106–107]. Самые заметные стороннему наблюдателю черты социальной жизни касты — профессия, культовая практика, правила питания, социального общения и эндогамия — относятся к родственным группам. Индийский исследователь М. Паниккар подчеркивал: «...эти два института, каста и большая семья, хотя теоретически не связаны между собой, на практике переплетены настолько, что становятся одним целым. Ячейка сообщества индуистов не индивидуум, а большая семья. Явное проявление такой семьи — это “подкаста”, и она часто состоит из нескольких больших семей, которые вступают в брак между собой и могут совместно принимать пищу» [Panikkar 1955: 19].

В традиционных индийских условиях человек проводит всю свою жизнь в кругу родственников и соседей, которые являются членами его *джати*. Повседневные бытовые потребности, дружеское общение, работа и все ритуальные взаимоотношения построены на общении преимущественно в этом кругу людей, причем даже очень отдаленное и не прямое родство признается не менее значимым, чем ближайшее, хотя, конечно, на практике наиболее тесные контакты имеют место в пределах семейно-родственной группы. Дж.Д. Берреман, изучивший и описавший общество *пахари* Пригималайских районов Северной Индии, отмечает в своих наблюдениях: «В Сирканде слово *джати* относится либо к эндогамной касте, либо к экзогамной семейно-родственной группе. Так как слово означает буквально “рождение” или “линидж”, это не удивительно. Обе — и каста, и семейно-родственная группа — предопределяются рождением» [Berreman 1962: 149]. Эта как бы путаница очень показательна: эндогамия *джати* является естественным продолжением экзогамии *готр/кула* и более мелких родственных групп. И. Карве предложила определять *джати* как эндогамную расширенную родственную группу, хотя и называет ее, как принято, «каста» [Karve 1961: 17]. Поскольку такая группа всегда эндогамна, имеется возможность реально проследить, по крайней мере, в небольших *джати*, как именно каждая семья связана кровными и/или брачными отношениями с другими семьями. Дж.Д. Берреман предлагает такую схему структурирования семейно-родственных групп: = Патрилокальная расширенная семья как базовое экономическое, социальное и религиозное

подразделение общества. = Локализованный линидж: патрилинейная группа кровных родственников, которая может проследить свое происхождение до всем известного предка. Эта группа, как полагает Дж.Д. Берреман, включает жен, мужчин линиджа и исключает замужних сестер и дочерей. = Родственники с обеих сторон. Эти люди имеют значение для самого человека, особенно в ритуале, но не являются отдельной группой в социологическом смысле. = Род (*sib*), патрилинейная группа, более широкая, чем линидж («малая» *джати*). В этой группе родство признается, но связи проследить трудно. Клан — это, по Дж. Берреману, род с его женами. = Готра, или фратрия: унаследованная родственная принадлежность к отцовской линии. Готра может содержать несколько родов, но ни один род не входит в две готры [Berreman 1962: 143–196]. Эта модель структурирования отличается от брахманической, где *готра* описывается как экзогамное подразделение, которое во многих случаях совпадает с патрилинейным кланом. Кроме того, Дж. Берреман говорит, что эти родственные группы функционируют во многих контекстах как социальные и участвующие в ритуале единицы, но имеют для индивидуума прогрессивно уменьшающееся значение — в том порядке, как они перечислены. Это не совсем так. *Джати* определяет статус человека и, соответственно, весь внешний рисунок его жизни — то, что описывается знатоками брахманской мысли как «жизнь — один бесконечный обряд, в котором есть место и ритуалу у алтаря, и труду как ритуалу». Предписанная рождением в конкретной *джати* джати-дхарма определяет для каждого человека правила существования и поведения в обществе, и эти правила работают прежде всего на уровне кастовой общины. Таким образом, и трудовая деятельность кастового индуиста, и даже поддающиеся контролю разума частности его физиологической жизни соотносятся с *джати*-дхармой и находятся под наблюдением представителей *джати*. Если кто-то не соблюдает эти нормы, то может быть наказан вплоть до изгнания из своей *джати*.

Индийские исследователи видят исключительность категории *джати* и пишут, например, так: «Мужчина по факту своего рождения одновременно становится членом нескольких групп, расположенных иерархически от семьи до варны, т.е. собственно семьи, линиджа, клана, подкасты и касты» [Chauhan 1967: 32]. Очень немногие неиндийские исследователи увидели эту особенность кастовой организации.

Р. Фокс предлагал ввести в практику сложный комплекс терминов, основанных на признании главенствующего значения родственных групп: *lineage of maximal recognition* — «линидж максимально прослеживаемый» и *stratified lineage* — «стратифицированный линидж» [Fox 1971: 17–47]; эти коллективы он рассматривает как кастовые подразделения. Он объясняет: «Каста, если определять ее с помощью термина “линидж, максимально прослеживаемый”, является дальнейшим расширением системы родства по одной линии, в которую включены свойственники и где выработаны запреты и предписания в отношении брака. Обычно не замечают, что каста зависит от этого уровня социальной организации» [Fox 1971: 43]. Имея в виду подобные и собственные наблюдения, Дж.Д. Берреман дал такое определение: «Каста — это предельно расширенная родственная группа» [Berreman 1962: 199]. Группа, добавим, имеющая свою идентичность, проистекающую во многом из осознания этого родства.

И. Карве, убежденная в том, что каста является «расширенной родственной категорией», в свое время провела масштабные полевые исследования в подтверждение этого вывода. «Мы дважды пытались показать вероятную действенность этого утверждения в случае двух каст: одна — около 200 тыс. человек, вторая — 250 тыс. Первая каста называлась брахманы-*читтаван*³. Они имеют характерные фамилии, которых известно около 150. Имеющие одну фамилию люди прослеживают свое происхождение от общего предка, и не только теоретически, а в большинстве случаев реально. В этом сообществе брак между близкими родственниками и обменные браки не разрешаются. Мы думали, что если взять одну большую фамилию и проследить все заключенные ее членами в течение нескольких поколений браки, то можно будет встретить все 150 фамилий *читтаван* среди родственников этой одной фамилии. Это исследование еще не завершено, но предварительные результаты, как уже видно, подтверждают, что мы были правы. Фамилия, избранная для исследования, — Ранаде из Пуны. На сегодняшний день только часть семей Ранаде в Пуне была исследована, а именно те, кто происходит от некоего Рамчандра Ранаде, который жил в Пуне в XIX в. Судя по документам и генеалогиям, 98 мужчин и женщин Ранаде вступили в брак с представителями 60 разных других фамилий, т.е. произошло объединение 40 % всех

фамилий брахманов-*читпаван*. В этих генеалогиях отмечались только мужья женщин и жены мужчин Ранаде. Если включить браки потомков урожденных Ранаде женщин, отданных замуж в другие семьи, то практически все фамилии *читпаван* попадают в эти связи. Для второго исследования была взята земледельческая джати *гангадикар воккалига*; она расселена в четырех дистриктах Майсора и разделена на экзогамные кланы; для нее характерны кросскузенные браки. Для изучения были выбраны три деревни в трех разных дистриктах. В каждой деревне представлены многочисленные фамилии, принадлежащие к разным экзогамным кланам, и каждая из этих фамилий была связана со всеми другими брачными и/или кровно-родственными отношениями. И в трех этих деревнях было несколько фамилий, по которым было видно, что даже наиболее отдаленно живущие *гангадикар воккалига* оказались связанными родственными узами». Исследовательница указывает далее: «Подобное исследование нужно бы провести и в отношении североиндийских каст Индии, которые не имеют фамильных имен, но имеют экзогамные кланы, происходящие от тотемных символов, и которые практикуют деревенскую экзогамию»⁴ [Karve 1961: 17–19]. Этими исследованиями И. Карве показала, как она думала, что есть касты, в которых буквально все люди являются друг другу родственниками. На самом деле она наблюдала *джати*, и об этом, в частности, говорит характерное двойное название общности, в данном случае *гангадикар (в)оккалига*.

В сообществе индуистов издревле существует понимание социального характера родства. Биологическое родство не всегда важнее социально признанного усыновлением или установленного по иным традиционным основаниям искусственного родства. Усыновление дает усыновленному и — что не менее важно — усыновляющему полный спектр прав. В связи с требованиями индуизма в отношении ритуала наличие сыновей является совершенно необходимым для семьи: сын отвечает за продолжение рода и благополучие праотцов в загробном мире. Уже в ведическом обществе усыновление было широко распространено. Более того, в высших слоях общества практиковался обычай *нийюга*. Его содержание понятно, например, по одной из главных сюжетных завязок Махабхараты: слепой царь Панду уговаривает свою жену Кунти родить для него сыновей от подходящего брахмана. Он приводит ей в пример древние обычаи:

жена должна радовать мужа, в том числе рождением сыновей. И если судить по священной литературе, в эпический период именно брахманы считались законными агентами для восстановления рода умершего или неспособного мужчины. Известен ведический обычай «рождение сына дочерью», когда разрешалось завести себе сына-внука. Позднее, с развитием общественных отношений и под влиянием знакомства с обычаями автохтонов Индии, брахманы санскритизировали свои представления. Не только *нийога* или *басави*, но и левират и повторное замужество вдов оказались невозможными в брахманских *джати* и порицаемыми в остальных. Подобное установленное через особые обряды родство признается как кровное и влечет за собой участие обретенных родственников в экзогамии родственных групп [Успенская 2003: 115–116]. Система родственных отношений у раджпутов — слоя кшатрийских кланов и *джати* Северной Индии — типична для многих хорошо санскритизированных североиндийских *джати* и в то же время сохраняет особенности кочевнической генеалогической структуры [Там же: 65–99]. Кроме того, в воинском сообществе раджпутов исторически сложилась повышенная потребность в дублировании родственных связей: раджпутская *дхарма* требовала от жен воинов быть готовыми к смерти в любую минуту. Совершающие самосожжение в *сати* и *джаухаре* женщины оставляли своих детей на попечение родственников и представительниц других каст — это известно из их собственной литературы [Там же: 188–198]. В Раджастане даже сегодня можно выбранную по симпатии «родственную душу» не только удочерить, но и назвать матерью, особенно если своей матери нет. Это называется, соответственно, *jholī mēē lenā* (букв. «взять к себе в мешок», образуемый на спине тканью головного покрывала-*орхни*, в котором, как в кармане, носят всякие полезные мелочи) и *dharm kī mā lenā* (т.е. «взять себе мать для дхармы, ритуалов»). Очень интересное свидетельство приводит Б.Р. Чаухан: «Преобладание обычая *парда* (затворничества) среди раджпутов делает жизнь жены еще сложнее; но один из обычаев этой касты устраняет эту сложность. После свадьбы молодую жену усыновляет один из дядьев ее мужа или другой член семьи ее свёкра. И теперь она в этом доме может вести себя как родная дочь, и все члены семьи мужа относятся к ней так, как если бы она родилась в этой семье. Эти отношения не распространяются на другие родствен-

ные им семьи. В ритуальных отношениях сыновья и дочери ее нового отца ведут себя как ее братья и сестры» [Chauhan 1967: 143]. Это удобно: дочери не должны закрывать лицо в своей семье, и у них меньше иных ограничений статусного свойства. В крестьянской семье, где у женщин есть существенные экономические роли, это особенно важно.

Прежде чем перейти к рассмотрению вариативности брачных правил, обратим внимание на существенную особенность индийского родства. Д.А. Ольдерогге отмечает в статье «Иерархия родовых структур...»: «Экзогамия, которую мы считаем характерным признаком рода, может характеризовать и другие социальные группы. Как известно, существует экзогамия отдельных селений, деревенская экзогамия, т.е. экзогамия территориальной группы» [Ольдерогге 1975: 18]. Она отмечена повсеместно в Северной Индии [Mayer 1970: 144–146; Mandelbaum 1970: 151–152; Кудрявцев 1992: 88–92]. Обычно в деревне, в общине представлено несколько *джати*; однокастовые деревенские поселения в Индии — редчайшее исключение. Локальные кастовые группы состоят из нескольких семей каждая. «В деревнях по крайней мере нескольких частей Северной Индии человек по обычаю использует родственную терминологию для всех жителей своей деревни, хотя многие из них не имеют прослеживаемых генеалогических связей с ним» [Freed 1963: 89]. Это явление называется «фиктивное родство», и брак между жителями одной деревни рассматривался бы как инцест; следствием указанных представлений является так называемая «экзогамия деревни», — объясняет С. Фрид. А. Мейер называет этот тип отношений «деревенское родство» [Mayer 1970: 117]. М.К. Кудрявцев видел в этом явлении черты племенной организации: «Экзогамия готр, мулов, кхул, кханданов и т.д. может быть квалифицирована как родовая, а деревенскую экзогамию можно назвать не просто территориальной, но соседской, общинной экзогамией комплекса принципиально неродственных между собой фрагментов родов из разных каст» [Кудрявцев 1992: 88]. Такая, как описано в этом определении, деревенская экзогамия не может реально существовать: это входило бы в противоречие с основами кастовой организации, которые неизблемы именно в области экзогамии. Не совсем ясно, переходит ли такое «фиктивное родство» границы разных *джати*: этот момент обычно не прописывается в объяснениях исследовате-

лей. Похоже, что указанное словоупотребление является следствием плотных социальных связей в тесном кругу деревни и кастовой общины: здесь в орбиту семейно-родственных связей включены через совместное участие в ритуалах представители иных *джати*, потому что с ними существуют отношения реципрокного обмена *джаджмани*. Широко известно, что он наиболее ярко выражен в экономической области и принимает форму обмена товарами и услугами [Кудрявцев 1992: 60–72]. Но гораздо менее известно, что он имеет ритуализованный характер, а традиционные крепко установленные отношения в разделении труда постоянно подтверждаются совместным участием представителей круга *джаджмани* в ритуалах жизненного и календарного циклов — индийцы видят в этом подтверждение «общности судьбы» и отношений взаимопомощи. В этих ритуалах даже для низкокастовых мусорщиков прописана своя роль, и хотя на подобных общинных мероприятиях разные *джати* общаются буквально за разными столами и даже в разное время, в плотном ритуальном расписании деревенской жизни чуть ли не все население деревни постоянно встречается на свадьбах–рождениях. В похоронах, однако, участвуют практически только родственники, а именно те, кто входит в прописанный обычным и шастрическим правом круг наследников, а также «похоронные специалисты» (термин словарей каст и племен), т.е. представители специализирующихся на этих услугах *джати*. Совместное участие в ритуалах жизненного цикла — главный маркер родственных отношений в кастовой среде. Понятно, что каждый «родственник по деревне» живет по законам собственной *джати* и вступает в брак так, как принято, — с учетом экзогамии своего клана. Поэтому разделяю мнение Р. Фокса, который приходит к такому выводу: «Обычно родственники, которые обитают в других деревнях, и неродственные представители своей касты, которые живут в одной деревне, имеют второе по значению место в социальных связях индивидуума. Неродственные члены своей касты из других деревень и соседи по деревне, относящиеся к другой касте, имеют третье место по значению в контактах» [Fox 1971: 42]. Существенно мнение Т.Р. Тротманна: «Этнография индоарийских народов показывает тенденцию к тому, что отношения интимности и близости переводятся в рубрику родственности, если эта интимность носит характер проживания в одной деревне,

если у них один гуру, или если люди путешествуют за границу вместе на одном корабле <...> Они не приводят к появлению экзогамии по типу круга родственников *сапинда*» [Trautmann 1981: 297–298].

Через ключ родства и *джати* можно понять ситуацию с кастами Юга, которая выглядит в литературе предельно запутанной и совсем не функциональной. Эталонно сложной и при этом довольно хорошо изученной считается этнокастовая ситуация в штате Керала. Дж. Путхенкалам, написавший содержательную книгу о семейных отношениях *малаяли*, отмечает: «Кроме обычного деления каст на высокие и низкие, как во всей Индии, касты в Керале делятся на матрилинейные, патрилинейные, и *мисраважи*, или *мисрадаям*, т.е. смешанные. Это деление не имеет ничего общего с кастой как таковой, но матрилинейные касты считают себя выше таких же патрилинейных каст» [Puthenkalam 1977: 18–19]. Он уточняет далее, что матрилинейных каст в Керале двадцать восемь, в их число входит много каст племенного происхождения, а племена вообще почти все матрилинейные. Патрилинейных каст насчитывается 21. Самые известные из них — это *наяры* и *намбудури* соответственно. Дж. Путхенкалам говорит, что «это деление каст внешнее и основано на особом счете родства и на системе родства. *Некоторые касты являются в одном районе матрилинейными, а в другой местности — патрилинейными* (курсив мой. — Е.У.)» [Puthenkalam 1977: 18]. Подобным образом расценивают факты этнографии Юга практически все исследователи. Но если признать приоритет *джати*, то становится видно, что здесь в Керале, как и повсюду, многочисленные разные *джати*, живущие на ограниченных территориях, с их собственным внутренним миром (в том числе с особыми СР и особыми брачными обычаями) оказываются формально отнесенными в качестве подкаст к сравнительно небольшому числу каст, выделенных по профессиональному или иному признаку в целях удобства административного учета. Так, получается, что в одной касте формальным образом, в документации всяких переписных списков, собраны матрилинейные и патрилинейные подкасты-*джати*, но это совсем не значит, что «одна и та же каста в одном районе является матрилинейной, а в другом — патрилинейной».

Эндогамия считается главной характеристикой касты. Под влиянием дхармашастр эндогамия рассматривается в науке как

способ сохранения ритуальной чистоты кастовой общности. Наиболее последовательно такой подход выдержан в теории Л. Дюмона. «Регуляция брака — это выражение принципа разделения: касты отделяют себя друг от друга, запрещая браки вне пределов группы, так же как они запрещают бытовые контакты и общение между людьми, принадлежащими к различным группам» [Dumont 1988: 109]. На практике рука об руку с эндогамией идет гипергамия. Это положение дел хорошо описал К. Фуллер: «Касты обычно эндогамны, т.е. муж и жена принадлежат к одной касте, и это же каста их детей. Если брак заключается через кастовые границы, тогда это почти инвариантно гипергамный брак, так что женщина выходит замуж в более высокую касту. Даже сегодня очень немногие индуисты, кроме самых либерально мыслящих представителей городской элиты, свободно вступают в браки “по любви”; преобладающее огромное большинство брачных союзов заключается родителями молодоженов по правилам эндогамии или гипергамии. Принцип сговоренного брака является, возможно, самым прочным основанием для существования кастовой системы» [Fuller 1992: 14].

Пользующеся практически полной поддержкой объяснение принципа эндогамии содержится в теории Г. Рисли. Главное ее положение состоит в том, что расовый конфликт ариев и автохтонов Индии вызвал к жизни кастовую организацию общества. Вслед за древними брахманскими теоретиками и сам Г. Рисли, и его последователи рассматривают эндогамию как защитный механизм для обеспечения этнической изоляции ариев в условиях контакта разнородных культур и рас, поэтому данная теория получила название «теория культурного шока». Г. Рисли сопровождает эти идеи аргументами расовой теории, имевшей заметное влияние в английской колониальной этнографии начала XX в. В современной трактовке объяснение звучит уже мягче: «Группы, которые практикуют эндогамию, отличаются друг от друга в своих привычках и образе жизни, культурных особенностях и во многих случаях этническим и расовым происхождением» [Bauly 1999: 28]. Г. Рисли разъяснил и происхождение гипергамии каст: она также появилась в период арийского завоевания Индии, когда недостаток женщин среди ариев заставил их брать жен из местных племен, но не давать им взамен своих дочерей [Risley 1915: 179]. Теория Г. Рисли следует

брахманическим идеям, и в ней научные термины «эндогамия» и «гипергамия» фактически замещают брахманическое понятие «анулома», разрешенный брак «по волосу», когда по статусу своих *джати* жених и невеста равны или невеста стоит ниже на одну ступень.

Индийское традиционное мировоззрение не выдвигает эндогамию касты как самоцель. В разговоре об эндогамии кастовых общностей надо помнить, что это не просто брак в общине; это всегда брак в общине по особым правилам, т.е. всегда в сочетании с экзогамией и иными обычаями заключения брака. Оказалось, что *джати* одной касты практически никогда не вступают в брак друг с другом, т.е. состоящие в них экзогамные подразделения не могут искать брачных партнеров через границы своих *джати*. Они вообще практически не общаются между собой — ни в быту, ни в ритуале: такое общение рассматривается как потеря престижа и как опасная «неправильным распознаванием, неразличением» близость. Это говорит о том, что того значения, которое приписывается эндогамии касты, на самом деле нет. Существует только эндогамия *джати*, основанная на экзогамии входящих в нее родственных групп. Функциональность эндогамных кастовых общностей проявляется именно на этом уровне. И она заставляет индийцев помнить о границах своей общности, идентифицировать себя именно в ней.

Брак в кастовом обществе является причиной причин. Брачные отношения — это та сфера, в которой проявляются все особенности индийского традиционного способа организации жизни, все то, ради чего кастовый строй существует. В строительстве и поддержании брачных контактов задействованы все ресурсы кастового общества. Это связано с мировоззренческими и религиозными ценностями и с тем значением, какое придается в этом обществе отношениям родства, которые формируются и поддерживаются посредством брака. Брак практически доминирует в социальной жизни индуистов. Он является той универсальной ценностью, вокруг которой и ради которой выстраивается самый широкий спектр социальных взаимоотношений. Брачный обряд делает мужчину самым привилегированным членом общества, обладающим всей полнотой прав и священных обязанностей. Женщина вообще становится замеченной этим обществом только после инициации в него посредством брачного обряда, тогда, когда она становится нераз-

дельной частичкой существа своего супруга. «Брак как самый важный социальный акт санкционирует и освящает связывание родственных групп через “дарение девы-невесты” *каньяда-на* от одной родственной группы другой. Люди самых разных регионов и статусных групп скажут, что брак имеет ценность и значение только если невеста не была замужем до него и бесспорно невинна. По той же самой логике нарушение, разрыв имеющих всеобщее значение и власть над всеми брачных связей является социальным потрясением космического масштаба, которое делает жену (и никогда мужа) человеком постоянной и неустранимой неблагоприятности» [Karve 1961: 55]. Но и все остальные родственники тем или иным способом оказываются вовлеченными в важнейшие контакты в своей родственной среде, неотступно поддерживают нужные связи, имеющие конечной целью поддержание существующих семей и устройство новых правильных браков. Ради этой цели постоянно идет строительство новых сетей общения, налаживаются отношения взаимного обмена и помощи, и вершиной всех усилий становится очередное «дарение дочери» единственному предназначенному для нее жениху, найденному в подходящей семье в нужное время. Вновь образованные связи и связи, традиционно налаженные, поддерживаются на всех направлениях и постоянно обновляются совместным участием в ритуалах, и эта важнейшая деятельность входит в сферу ответственности *кула-дхармы*, т.е. «закона жизни клана». Для брахманов-учителей и жрецов брачные отношения представителей подопечных *джати* с глубокой древности были и остаются постоянным и главным предметом забот. В своей наставнической и культуртрегерской работе с паствой они уделяют пристальное внимание вопросам «правильного брака» и правильного рождения новых членов общества, которых потом ведут по жизни (а она есть один большой ритуал), через всю цепь событий, ежедневное культовое предписание, фиксированные по времени ритуалы и обряды жизненного цикла, главным из которых для каждого нового индуиста становится брачный обряд. Трудовая деятельность в индийском традиционном обществе также представляет собой особенный ритуал длиной в жизнь, и она тоже связана с семейно-брачными отношениями.

При рассмотрении связанных с браком общественных отношений оказывается, что главный агент во всей этой титани-

ческой работе по воспроизводству кастового общества — родственная категория *джати*. Жизнь кастового индуиста проходит в заданном родством и браком кругу «своих», «наших братьев», «наших людей» — так буквально переводятся термины *джати* и *бирадари*, которые индийцы употребляют в данном контексте. Между ними поддерживаются не только родственные эмоциональные контакты: часто эти люди не знают друг друга лично. Но между ними выстраиваются системные экономические и ритуальные взаимоотношения, а главное — царит непоколебимая уверенность, что все в этом коллективе — реальные и потенциальные родственники друг другу, т.е. надежные и верные, неопасные товарищи по жизни. «В *джати* обо всех людях можно сказать, что они родственники друг другу: либо по браку, либо по кровному родству. Два человека могут непосредственно не быть кровными родственниками или свойственниками, но они могут оба иметь отношение к третьему человеку, с которым один кровный родственник, а второй связан с ним отношениями свойства» [Karve 1961: 17]. Именно эта черта жизни кастового общества носит в науке название «эндогамия касты» и является не причиной, а следствием мировоззренческого императива индуистов в отношении «правильного брака». «Правильный брак» — это брак вне запретного экзогамного круга близких родственников и внутри надежного и безопасного круга «своих», в *джати*. «Ужас эксцеста в Индии столь же силен, как кошмар инцеста» [Mandelbaum 1970: 231].

Правила «запрета на брак» существуют во всех *джати*, и часто они появились задолго до влияния брахманических установлений. Под влиянием брахманических учений эти правила были в большей или меньшей степени унифицированы и санскритизированы — по моделям экзогамии агнатных клановых структур самих брахманов (готра и составляющие ее более мелкие подразделения), как предписано законоучителями. Отсюда такое разнообразие внутренней функциональной структуры кастовых общностей и наблюдающееся смешение терминологии. И, казалось бы, нельзя провести никакой логической связи между ними всеми.

Отправной точкой в рассмотрении этой проблемы станет положение, которое признают даже сторонники антиродственного подхода к кастовой проблематике: браки в кастовом обществе заключаются все-таки между членами экзогамных подразделе-

ний эндогамной кастовой общности, а не просто в эндогамной группе между неродственниками.

Предписываемый дхармашастрами брак — это брахманический идеал, в выполнении которого сами брахманы должны демонстрировать особую скрупулезность. Отсюда характерные для брахманов разные запретительные брачные обычаи (как, например, «детские браки», запрет на замужество вдов и даже отсутствие развода), которые имеют в глазах общества высокую ценность и сообщают практикующей их касте высокий социальный статус. Брак будет верифицирован индуизмом в лице брахманов, совершающих этот обряд, только если он заключен по наставлениям *дхармашастр*, а именно: в брак вступают представители экзогамных групп, равных друг другу по статусу или различающихся по статусу на одну ступень; более низким должен быть статус женщины. Правило называется *анулома* (букв. «по шерсти») и, как видим, предполагает варианты изогамии и гипергамии. Если статус женщины более высокий, брак квалифицируется как *пратилома* («против шерсти») и расценивается как опасный для дхармы. «В науке дхармы представлен шастрический идеал брака: “дарение девы” *каньядана*. Это форма религиозного дара, т.е. дар особенного, нересципрокного рода, и транзакция между дающим и реципиентом предполагает и поддерживает между ними отношения асимметричной природы <...> И все составляющие моменты устройства брака происходят из такого понимания. Брак дарением начинается с символического принятия превосходства стороны жениха по сравнению со стороной невесты <...> Эта идеология брака делает развод и замужество вдовы невозможным <...> Она также естественным образом включает патрилинейную перспективу» [Trautmann 1981: 27].

Почти повсеместно кастовые общности, образ жизни которых разрешает развод и повторное замужество вдов, рассматривались и рассматриваются как отличающиеся от более утонченных и культурных групп населения своей нецивилизованностью и низкими нравами. Разные варианты «некультурных» браков рассматриваются как особенности *свадхармы* конкретных *джати*. Даже в самих брахманских кастах наблюдается большое разнообразие брачных обычаев и строения *джати* в связи с ними. Например, брахманские касты *бауга* и *агария* Центральных провинций практиковали «некультур-

ные» кросскузенные браки, называя его «возврат женщины», или «отплатить за молоко». Как пишет Э. Тэрстон, «идея в том, что, взяв женщину в ее семье, мужчина отплатит за нее, возвратив другую женщину, свою дочь, в следующем поколении. Этот обычай рассматривался как результат брачных контактов между ариями и дравидами: патрилокальные племена хотели брать женщин из матриликальных семей, и те настаивали на возврате им женщин» [Thurston 1907: 54]. Э. Тэрстон уверяет, что обычай характерен также для *дешастха* (брахманов Махараштры) и для *айяр* (брахманов Карнатаки). В целом же отказ от характерных для дравидов «некультурных» кросскузенных и иных брачных обычаев в пользу брака, основанного на экзогамии патрилинейного клана и *анулома*, сделался необходимым маркером высокого статуса общности. Но многие *джати* сохраняют собственные правила брака и оригинальную систему родственных отношений, несмотря на формальное признание брахманической терминологии. Это явление характерно для небрахманских *джати* и очень затрудняет исследование.

Тематика родства глубоко продумана и детально рассмотрена древними индийскими законоучителями (Ману, Яджнявалкья, Нарада, Гаутама, Васиштха, Харадатта и др.) в *дхармашастрах*, *дхармасутрах*, *грихьясутрах*. Традиционная социальная организация кастового общества — материальный субстрат этого по-настоящему научно разработанного и поэтому действенного законодательства в области семейного права. Древнеиндийские законодатели подробно рассматривали три важнейших контекста, в которых имеет значение концепт родства, — брак, связанное со смертью ритуальное осквернение, наследование. В разных ситуациях задействованы разные конфигурации родственных связей и разные аспекты прав и обязанностей. В практическом применении, особенно в практике жизни невысоких каст, происходит полное смешение требований закона, и отсюда запутанность деталей правовых и традиционных предписаний. Этнографы имеют возможность наблюдать практически только такое неквалифицированное правоприменение. Вместе с тем в подобных случаях небрахманические *джати* демонстрируют уцелевшие, несмотря на влияние дхармашастр, собственные оригинальные нормы обычного права, что для этнографии имеет огромную ценность.

Законодатели очень скрупулезно выясняли и объясняли, кто именно по праву рождения и по браку мог претендовать на со-

вместное пользование достигнутыми социальными позициями, наследование имущества и социальных позиций и саму возможность заработать новые блага, и тексты дхармашастр полны описаниями этих связей. Признаваемый круг родственников ревниво защищает свои позиции и благосостояние, не пускает к себе посторонних. Анализ этнографических наблюдений показывает, что общий культ и ритуал (почитание предков ритуалами *шраддха*, культ богини-матери клана *кула-деви*, обряды жизненного цикла, особенности фиксированных по календарю ритуалов, ежедневного культового предписания) служат надежным способом фиксирования границ кулы, а участие в ритуалах подтверждает причастность к этому кругу. Это традиционный и надежный критерий для самоидентификации кулы. Странно, но это важнейшее обстоятельство обычно не формулируется исследователями индийской касты. Экзогамные кланы, круг которых очерчен обычным правом, совместным участием в ритуалах, общим культом предков и богини-матери клана, объединяются в брачных целях на основе признания «общей судьбы», или «равенства-братства» *бирадари*, и создают тем самым круг эндогамии, или *джати*. *Джати* возникают и воспроизводятся как круги брачных связей между экзогамными кланами *готра/кула* представителей одной профессии, обладающих иными признаками равного статуса, и эндогамия появляется в этом кругу в ходе и в результате объединения. Эндогамия *джати* является конечным результатом брачных установлений, а не их причиной. Вместе с тем уже указанные факты говорят о том, что *джати* как родственная категория зависит от данного уровня самосознания и организации. Понятно также, что характерная для *джати* «наследственная профессия», или, точнее, рабочее место, передается именно в этом родственном кругу претендентов.

В этом контексте особое значение имеет феномен *бирадари*, который я рассматриваю как принцип общения на равных, кастовое «равенство-братство». В контексте брачных отношений *бирадари* — это круг из нескольких паритетных («братских») максимальных экзогамных групп, члены которых могут вступать в брак друг с другом, с гарантией, что не утратят своего статуса. Паритетные схемы *бирадари* заметны в разных плоскостях социальных отношений как круги общения между ровней; они уже не имеют своей целью организацию браков, но создают

в кастовом обществе «безопасную» с точки зрения ритуального осквернения социальную инфраструктуру. Принцип общения на равных, или паритет статусов, выражающийся понятием «равенство–братство» *бирадари*, действует на всех уровнях организации, является универсальным и системным, и он «ответствен» за организацию кастового общества в той же степени, что и прославленная иерархия. Иерархия и паритет статусов — это структурно взаимосвязанные принципы (подробнее см.: [Успенская 2009]). Гипергамные *джати* широко распространены, особенно в среде этнокастовых общностей. Гипергамия не противоречит принципу паритета статусов *бирадари*.

На одной территории формируются брачные круги нескольких *джати* и создается «слоевая иерархия» *джати*: многие *джати* складываются одновременно на одной территории; при этом каждая отдельная *джати* складывается на началах «равенства» своих клановых структур, но отдельные сформировавшиеся здесь *джати* по отношению друг к другу всегда иерархичны. Таким образом, родство — сущностная характеристика *джати*, а считающиеся главными «признаками» касты эндогамия и наследственная профессия производны от родственных связей внутри конкретных *джати* в составе касты.

Индийские знатоки ведической литературы и эпосов подчеркивают, что во время появления в Индии ведических ариев у них не было специально сформулированных правил клановой экзогамии [Karadia 1947: 80; Jaiswal 2000: 80]. Ведические арии вели патрилинейный счет родства и запрещали кровосмесительные союзы между отцом и дочерью, матерью и сыном, а также между братьями и сестрами. Браки между другими представителями семейно-родственной группы были возможны, вероятно, вследствие малочисленности самих ариев. Похоже, что в поздневедический период уже был широко распространен кросскузенный брак. Упоминания о брачных союзах эпических героев с дочерью брата матери часты в Махабхарате: Арджуна женился на Субхадре, дочери брата своей матери; так же поступили его сын Абхиманью и брат Сахадева. Кришна женился на Рукмини, дочери брата своей матери, и подобным образом поступили его сын Прадьюмна и внук Анируддха. В эпической и пуранической литературе не известны примеры ортокузенного (брака с дочерью брата отца или с дочерью сестры матери). Последние рассматривались как кровосмешение. Автор Законов

Ману очень строго порицает брак с дочерью сестры матери: кто так женится, говорит он, лишается своей касты, т.к. сестра матери не кто иной, как мать [Ману 1886, XI: 72]. Брахманические правила также строго запрещают переходить границу поколений. Все эти факты говорят о том влиянии, какое обычаи дравидских автохтонов Индии оказали на ведическое общество, которое, что бы ни говорилось в брахманической традиции, усвоило многие существенные черты культуры местного населения. В добрахманических южноиндийских общинах кросскузенный брак (брак с дочерью брата матери) был не только предпочтительной формой брака, но и приоритетной. Исследователи считают, что такая форма брака представляет собой способ сохранения матрилинейного наследования в патрилинейной форме. Одно из распространенных в работах по кастовой проблематике объяснений выглядит так: при матрилинейном праве человек не может передать имущество собственным детям. Если он хочет, чтобы собственные дети все-таки наследовали отцу, то должен женить их на детях своей сестры, т.к. она наследует его имущество. Поэтому заключаются браки с дочерью брата матери или дочерью сестры отца, т.е. кросскузенные браки [Hutton 1946: 55]. Считается также, что под влиянием матрилинейного счета родства у дравидских автохтонов в конце ведического периода в брахманическом праве возник двусторонний счет родства, и вместе с ним под влиянием местных обычаев появились подробно разработанные правила экзогамии, ориентированные на патрилинейные готры [Karadia 1947: 53].

Вопросы родства обсуждаются в терминах «запретного брака», т.е. в очерчивании круга самых родных людей, с которыми нужно делить свое имущество, которым можно передавать свою профессию и рабочее место, но с которыми по определению нельзя вступать в брак. Круг таких родственников описывается в шастрическом праве в терминах *саготра*, букв. «из одного коровьего стойла», и *сапинда*, букв. «связанные совместными поминальными по предкам рисовыми клецками» (вариант перевода: «те, кто имеют те же самые частички тела»). Термин *готра* из дхармашастр вошел в научную литературу как название для максимального экзогамного подразделения брахманской касты. Это древнее слово встречается еще в Ригведе и означает, как уже сказано, «коровье стойло»; впоследствии оно стало означать любую замкнутую группу родственных явлений и пред-

метов, например горную гряду; в социальном контексте — это «те, кто существует совместно», и слово может применяться и к семье, и к тем родственным коллективам, которые называются «линидж» и «клан». Древнеиндийские законодатели проводят несколько иное, чем принято в этнологии, разграничение линий общинных и клановых структур. В этом пункте в антропологии дхармашастр начинается теоретизирование по поводу различия между членами патрилинейного клана *gotra* и теми, кто «имеет одинаковые частички тела». Вопрос в том, насколько хорошо мы все можем понять древнеиндийских законоучителей. Язык санскрит дает подсказку. Он различает *gotra* и *sagotra*, *pinḍa* и *sapinḍa*. В словах *sa-gotra* и *sa-pinḍa* префикс указывает на причастность к готре и совместное обладание частичками тела (кучками риса) или на совместное принесение их в жертву предкам. Лексема *сапинда*, таким образом, определяет круг людей, которые участвуют в одних обрядах жизненного цикла. Круг родственников сапинда складывается по общей для всех них обязанности совершать поминальные обряды по одному и тому же человеку. Он тесно связан в индийском классическом законодательстве с правом наследовать имущество. Несмотря на то что и само слово, и ситуация однозначно указывают на связь с обрядами проводов умершего и наследованием, родственная группа сапинда стала со временем учитываться при заключении браков. Это, как указывают индийские знатоки вопроса, не добавило смысла и лишь дополнительно затруднило толкование закона. Брахманка И. Карве объясняет: «Те, кто родился от одного тела, являются сапинда друг другу. Ребенок является сапинда своему отцу и своей матери. Он также сапинда братьям, сестрам, отцу и деду своего отца. А также братьям, сестрам, отцу и деду матери. Он сапинда своим кузенам — детям сестры отца, детям сестры матери, детям брата отца, детям брата матери, т.к. он имеет общие с ними частички тела или по материнской, или по отцовской стороне. В этом значении слово “пинда” говорит о том, что родство по крови устанавливается с обеих (и отцовской, и материнской) сторон» [Karve 1965: 55]. Родные сапинда — те, кто был и сейчас является потомками пяти и даже семи поколений ваших отцов и дедов по отцу и матери, плюс их жены и мужья. Круги родства сапинда широкие и очень многочисленные, они шире, чем контуры большесемейной общины.

Посмотрим на характер брахманских готр. В вопросах определения конфигурации готры главные авторитеты — только законоучители, потому что у брахманов нет обычного права в привычном смысле. Сформулированные законодателями правила принимаются во внимание до сих пор. Они учили, что готра — это самая широкая патрилинейная родственная группа, такая, в которой уже невозможно реально проследить родство; как считается, это наступает за пределами 14 поколений. В нашей терминологии это клан. В пределах готры есть более конкретно ощущаемые степени родства, а именно сакулья (букв. «одной кула»), те, кто может проследить свое общее происхождение, обычно в пределах 14 поколений. Из них семь поколений входят в сапинда как ее часть, и в целом эта группа более широкая, чем кула или готра [Karadia 1947: 278]. Ситуация становится более понятной, если иметь в виду, что все саготра носят одно родовое имя, т.е. фамилию. В круге сапинда будут не только носители вашей собственной от отца полученной фамилии, но и встретятся фамилии ваших родных по их бракам с вашими саготра. Круги родственников саготра и сапинда не совпадают, хотя они частично состоят из одних и тех же людей и обычно участвуют в одних обрядах жизненного цикла. Однако агнатные родственники, члены готра, сами проводят обряды, а сапинда на них только присутствуют. В других ситуациях люди из группы ваших сапинда, будучи готрика для своей агнатной семьи, тоже сами проводят обряды. Проводят обряды, как известно, старшие мужчины семьи, и конфигурация «три поколения вверх и вниз от эго по мужской линии» является сакральной в индуистском ритуале.

Учение брахманов о готрах нагружено идеологическими и престижно-статусными коннотациями; его сопровождает обильное мифотворчество. Собственные готры брахманы возвели к семи великим мудрецам-риши, семи сыновьям Брахмы, тем, кто «слышал» часть Веды, которую они передали человечеству. Традиционное объяснение происхождения брахманских готр таково: когда брахманы озаботились поисками своих предков, они выбрали ту систему, которая имеет 8 компонентов и символически восходит к созвездию Большой Медведицы. Это созвездие является для ведической традиции астрономической доминантой. Восьмая — звезда Канопус, соотносимая с риши Агастья. Тем самым провозглашается идея духовного

родства и преемственности со святыми персонами. Список этих *готракара риши* (букв. «риши-создателей готр») различен в разных священных книгах, но сами готры, названные по именам риши, таковы: Кашьяпа, Васиштха, Агастья, Бхригу, Гаутама и Бхарадваджа (эти две объединяются под именем Ангираса), Атри и Вишвамित्रа. В дополнение к ним существует десять готр, основанных кшатриями, которые стали брахманами [Blunt 1931: 43], и бесчисленные другие готры, основанные потомками первоначальных семи или восьми готр. Брахманские готры явно носят характер заимствованной, иногда даже «декоративной» престижно-статусной идентификации: они, как признают индийские авторы-брахманы, очень запутанные и остаются действительно важными только в духовной традиции учительства. То, что о них говорится в контексте заключения браков между брахманами, не находит полного практического подтверждения. По моим предположениям, брахманские экзогамные готры усложнены линиями духовного родства и иными добавлениями мифологизированных «привязок» к святым именам и линиям наставничества. Они стали во многом искусственными престижными категориями, структурированными по типу клана, и как-то учитываются при заключении брака. Как именно — из описаний понять нельзя; и это не вопрос тайного знания, это проблема нежизненности ментального конструкта. У брахманов практически нет клановой структуры, она размывается влиянием линий духовного наставничества. Жреческие категории брахманов не живут клановыми общинами (тем более такими, которые столетиями обитают на одной территории, как это характерно для многих небрахманских *джати*) и не ведут хозяйство большими родственными коллективами: общество кормит отдельные семьи брахманов-жрецов ежедневно и постоянно. Каждый из брахманов во время инициации индивидуально присоединяет себя к линии духовного родства и школе ритуала, которую он берет у своего наставника-гуру. Он получает своеобразный шифр *правара*, фрагмент священного текста, в котором представлены имена реальных и духовных предков (*арша-готра*, линия от риши). Поэтому в *правара* иногда встречаются одинаковые имена риши у представителей разных готр, и в одной готре у последователей разных ведических школ ритуала разные *правара*. Частичные совпадения кодов *правара* являются признаками близкого родства и экзогамных запретов.

Брахманские семьи придают своей *праваре* первостепенное значение. Землевладельческие брахманские группы в своих социально-экономических ролях существенно отличаются от жреческих, в этом кругу формируются обычные большесемейные общины, но и мирские брахманы неизменно соблюдают готру и правару: эта идентификация для брахмана является определяющей. Каждый ортодоксальный брахман должен не только знать свою правару, которую он повторяет в молитвенной формуле, но и уметь определить соотношение своей готры с готрами других брахманов.

Строго говоря, в небрахманских *джати* готра может быть получена только по праву «второго рождения». «Дваждырожденные» небрахманских *джати* во время церемонии инициации, принимая священный шнур, специально провозглашают свою принадлежность к определенной готре в этом обряде. Таким образом, мужчины высших варн имеют идентификацию по *готрам*, часто вполне формальную, но всегда престижно-статусную. При этом часто наблюдается своеобразное «присоединение» параметров престижной брахманской готры к параметрам реальных кул; случается даже такое, что идентичность по патрилинейной готре «сочетается» с оригинальной матрилинейной филиацией.

Основанное на таком понимании родства требование предписанного дхармашастрами «запрета на брак» выражается в двух правилах. Первое — «экзогамия *готры*» — запрещает браки между членами патрилинейного клана. Второе — правило *сапинда* — запрещает браки между любыми двумя претендентами, если они имеют общего предка со стороны отца и в меньшей степени со стороны матери: «Мужчина не должен жениться на девушке, которая является ему родственницей по мужской линии в пределах седьмого колена, а по материнской — в пределах пятого» [Karve 1965: 55]. Правило *сапинда* соблюдается в кастах высокого уровня. Однако это общее правило должно детализироваться: не всегда возможно его реально соблюсти: наиболее практичная вариация правила *сапинда* гласит, что человек не может взять жену из своего клана; из того клана, куда отдал замуж дочь; из родного клана своей матери, в том числе приемной; из родного клана бабушки по отцу и матери (в том числе приемных) [Parry 1979: 221–222]. Максимально упрощенная формула этого правила, практикуемая в невысоких кастах, такова: браки между

двумя семьями запрещены, пока память о предыдущих браках сохраняется в заинтересованных в новом браке семьях. Еще менее точно это правило выглядит так: нельзя брать невесту из семьи, которая уже давала невесту в вашу семью, и наоборот, нельзя выходить замуж в семью, из которой жених уже брал вашу девушку. Эти модификации уменьшают те трудности, которые возникают в случае следования особо строгим формулам экзогамии. Но общая идея такова, что чем выше *джати*, тем более строго она придерживается различных регламентирующих правил социального взаимодействия, в том числе и брачных. Если *джати* не придерживается строгих брахманических норм экзогамии, она руководствуется обычным правом.

Экзогамные кланы небрахманских каст обычно называются *кула*, хотя могут быть и такие названия, как *гот*, *иллам*, *энанган*, *мул*, *пхед*, *пал*, *пангат*, *бани*, *тхат*, *нукх*, *кури*, *кхель*. Экзогамные линиджи тамиллов называются *пангали*, для них характерны имена, производные от топонимов, названий рек и водоемов, т.к. тамильский основной хозяйственно-культурный тип — земледельческий.

По принципиальной идее кула — строго экзогамная единица. Но даже среди брахманских *джати* есть такие, в которых готра не экзогамные. Например, брахманы-*сакалдвини* Бихара делятся на подразделения *пур*, которые не совпадают с их готрами; но эти пур суть экзогамные группы. Сакалдвини соблюдают условие, что брак заключается между пурами, и в результате такой брак может оказаться в пределах одной готры. Подобная система существует также у брахманов-*сарасават* Панджаба [Hutton 1946: 50]. Это говорит о том, что являющиеся ныне брахманскими, эти *джати* сохранили свою добрахманическую клановую организацию. В состав касты *бхуинхар* Бихара входят экзогамные подразделения *мул* (букв. «корень» — *E.V.*), которые носят территориальные и профессиональные названия, а также названия брахманских готр — всего 84; «в тех случаях, когда экзогамия территориальных подразделений *мул* вступает в конфликт с готрой, а это часто случается, то *мул* преобладает над готрой» [Blunt 1931: 45]. Из описания понятно, что речь идет о локализованном линидже данной *джати* мирских брахманов.

Эти и иные правила заключения браков выглядят чаще всего как наложение брахманического влияния на оригинальные представления, унаследованные из добрахманической и даже

первобытной жизни. Подобными терминологически крайне запутанными описаниями полны словари каст и племен и книги по кастовой проблематике. Я выбрала характерные сложности, и их можно рассмотреть как примеры (при этом сохранена терминология оригинальных текстов).

Ахир, земледельческая каста Панджаба и Уттар Прадеша, практикуют экзогамию готра, которые называются у них *гот* в западных районах расселения и *мул* — в восточных. Эти мул делятся на более мелкие подразделения *пурукх*, которые «формируют основу экзогамии у *ахиров* там, где у них нет *готр* или *мулов*» [Shah 1974: 231].

Многие готры касты *голапураб* в дистрикте Агра называются по их деревням, а некоторые — по занятиям [Crooke 1896: 2, 423]. Это указывает на то, что речь должна вестись о многих пастьешеских *джати*, которые сохраняют свои докастовые брачные обычаи, в том числе экзогамию деревни, а экзогамия готр появилась вследствие санскритизации как вполне декоративная.

Каста *кхангар* Центральных провинций имеет в своем составе четыре подразделения: *раи*, *мирдха*, *карбал* и *дахат*. Первые три вступают в брак между собой. Четвертое подразделение эндогамное, и «первые три на него смотрят свысока за то, что те держат свиней <...> Но племя в целом делится на тридцать и более готр, которые являются в сущности экзогамными тотемными кланами» [Russel, Hiralal 1916: 3, 440]. Традиция свиноводства говорит о добрахманическом аустрическом происхождении общности.

Думал, земледельческая *джати* Ориссы, «имеет три подразделения *барга*, отличительной чертой которых являются особые занятия; три секции *митти* по их территориальному происхождению и три группы *гот*, “которые есть тотемные кланы”. Правила экзогамии принимают в расчет все три типа принадлежности, и жених, и невеста должны иметь хотя бы одно из них разное, хотя необязательно все три» [Russel, Hiralal 1916: 2, 530].

Наттукоттей чети, торговая *джати* Мадур, называет свои девять, очевидно, экзогамных подразделений по девяти храмам, в которых они совершают обряды. Эти экзогамные группы называются *ковил* (букв. «храм») и состоят из более мелких экзогамных подразделений, все придерживаются обычая заключать брак с дочерью сестры отца [Thurston 1907: 5,

261, 265]. Племя прошло санскритизацию. А указанные экзогамные группы на деле являлись ядром большесемейных общин, и обычай кросскузенного брака не противоречит требованиям экзогамии матрилинейного клана, о чем будет рассказано чуть ниже.

Гоала Бихара имеют два эндогамных подразделения, подкасты-*джати*, которые демонстрируют характерную картину брачных правил. «Подкасты называются *наомулия* и *саммулия* (буквально “девять мулов” и “семь мулов”. — Е.У.), потому что первые должны избегать девять мулов, а вторые — семь мулов: 1) собственный, т.е. мул своего отца; 2) отца матери; 3) отца матери матери; 4) отца матери матери матери; 5) отца матери отца и т.д.» [Pradhan 1966: 232]. Это объяснение выглядит неправдоподобным, хотя явно получено от местных информантов. Речь на самом деле идет о том, что обе *джати* касты *гоала* объединяют по девять и семь мулов соответственно и браки заключаются в этих эндогамных кругах с учетом экзогамии мулов. Неслучайно автор исследования все-таки назвал группы *наомулия* и *саммулия* «подкастами». Иначе брачное поле не могло бы работать по недостатку функциональных компонентов. Примеры этого рода можно множить, но уже понятно, как выглядит ситуация и каким образом оговариваются значение и роль этих клановых групп в составе отдельных *джати*, входящих в касты. Чтобы система могла работать, экзогамных групп в составе *джати* должно быть не менее двух.

Традиционный для дравидских общин кросскузенный брак вызывает к жизни такие конфигурации семейно-родственных связей, для описания которых употребляется «зеркальное отражение терминологии кровного родства в группе родственников по браку» [Fruzzetti et al. 1983: 21]. Эту черту дравидских каст особенно подчеркивал Л. Дюмон, разработавший теорию «брачных альянсов» [Dumont 1983; 1986], в которых роль родственников рассматривается совершенно иначе, чем рекомендует брахманическая теория и чем принято в североиндийских общинах. В частности, Л. Дюмон считал, что в южных матрилинейных кастах с их кросскузенным браком нет экзогамии [Dumont 1988: 112]. Это мнение не может считаться верным в отношении всех южных *джати*. Т.Р. Тротманн доказывает, что экзогамия передается в дравидской терминологии через фиксацию относительного возраста и точное указание на про-

исхождение кузенов, а широко распространенное мнение о том, что кузены называются теми же терминами, что родные братья и сестры [Кудрявцев 1992: 93; Karve 1965: 196–202], не вполне соответствует действительности.

Родственная природа *джати* и ее эндогамия теснейшим образом связаны с наследственной профессией («жизненным предназначением») *джати*. Это основа той самой характерной черты кастового общества, которую можно назвать «всеохватный собес». Эта черта кастового строя сохранилась от первобытного прошлого. Самое удивительное, что и сегодня общество признает право тружеников на сохранение завоеванных социальных и экономических позиций за своей семьей, причем для работников в разных сферах деятельности. Стремление коллектива родственников к наследованию достигнутого положения, «экологической ниши» и «участка кормления» в индийском обществе считается не только естественным, но и очень правильным, и общество не только поддерживает, но и стимулирует его. Оно проявляется с удивительным постоянством на протяжении всей истории страны. С этим стремлением семьи и клана не борются как с безнравственным или антиобщественным. Его возводят в степень закона кастового строя. Отсюда живучесть родственных связей, их прочность и постоянство. Отсюда их четкая конфигурация и развитость генеалогии как необходимого знания. Отсюда управляемость общественной макросистемы, которая на низовых уровнях организации жестко контролируется через родственные связи и отношения.

Описанная ситуация требует детального изучения. Однако нужно изучать не региональные или этнические особенности СР, а собирать материалы по мелко сегментированным срезам, исследовать каждую отдельную *джати*. Только тогда можно будет делать полезные для науки общие панорамные планы и теоретические обобщения.

¹ Речь идет о детально проработанной в ведической культуре ситуации, которая называлась «дочь без брата», и о связанном с нею обычае рождения сына не женой, а этой самой дочерью, что называлось *басави*. — *Примеч. Е.У.*

² Выше отмечено, что брат матери играет очень заметную роль в жизни племянников во всей Индии — при патриархальных порядках в меньшей степени.

³ Брахманы-*читтаван* практикуют брахманические варианты брака. — *Примеч. Е.У.*

⁴ Они имеют тотемные символы в виде определенного дерева, камня, металла, которые связаны с богинями-матерями *мата*, и это для них маркер родства. — *Примеч. Е.У.*

Альбедиль 1999 — *Альбедиль М.Ф.* О женской энергии как основе семейных отношений в индуизме // *Этикет у народов Южной Азии.* СПб., 1999. С. 21–35.

Кудрявцев 1992 — *Кудрявцев М.К.* Кастовая система в Индии. М., 1992.

Ольдерогге 1975 — *Ольдерогге Д.А.* Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин // *Социальная организация народов Азии и Африки.* М., 1975. С. 6–19.

Успенская 2003 — *Успенская Е.Н.* Раджпуты. Традиционное общество, государственность, культура. СПб., 2003.

Успенская 2009 — *Успенская Е.Н.* Паритет статусов бирадари: «братство-равенство» в индийском кастовом обществе // *АР-12.* С. 101–131.

Bayly 1999 — *Bayly S.* Caste, Society and Politics in India from the Eighteenth Century to Modern Age // *The New Cambridge History of India.* IV.3. Cambridge, 1999.

Berremen 1962 — *Berremen G.D.* Sib and Clan among the Pahari of North India // *Ethnology.* 1962. Vol. I. № 4. P. 524–528.

Blunt 1931 — *Blunt E.A.H.* The Caste System of Northern India with Special Reference to the United Provinces of Agra and Oudh. L., 1931.

Béteille 1991 — *Béteille A.* The Reproduction of Inequality: Occupation, Caste and Family // *Contributions to Indian Sociology.* 1991. Vol. 25. № 1. P. 3–28.

Chauhan 1967 — *Chauhan B.R.* A Rajasthan Village. Delhi, 1967.

Crooke 1896 — *Crooke W.* The Tribes and Castes of North-Western Frontier Province and Oudh. Calcutta, 1896. 4 Vols.

Das 1990 — *Das V.* Structure and Cognition. Aspects of Hindu Caste and Ritual. New Delhi, 1990 (2nd ed.).

Dumont 1983 — *Dumont L.* Affinity as a Value. Marriage Alliance in South India, with Comparative Essays on Australia. Delhi, 1983.

Dumont 1986 — *Dumont L.* A South Indian Subcaste: Social Organization and Religion of the Pramalai Kallar. Delhi, 1986.

Dumont 1988 — *Dumont L.* Homo Hierarchicus. The Caste System and its Implications. Complete Revised English Edition. Delhi, 1988.

Fox 1971 — *Fox R.G.* Kin, Clan, Raja and Rule. State-Hinterland Relations in Preindustrial India. Berkeley; Los Angeles; L., 1971.

Freed 1963 — *Freed S.A.* Fictive Kinship in a North Indian Village // *Ethnology.* 1963. Vol. II. № 1/January. P. 86–103.

Fruzzetti et al. 1983 — *Fruzzetti L., Östör Á., Barnett S.* The Cultural Construction of the Person in Bengal and Tamilnadu // *Concepts of Person. Kinship, Caste and Marriage in India.* Delhi, 1983. P. 8–30.

- Fuller 1976 — *Fuller C.J.* The Nayars Today. Cambridge, 1976.
- Fuller 1992 — *Fuller C.J.* The Camphor Flame. Popular Hinduism and Society in India. Princeton, 1992.
- Ghurye 1969 — *Ghurye G.S.* Caste and Race in India. Bombay, 1969.
- Hutton 1946 — *Hutton J.* Caste in India: Its Nature, Function and Origins. Cambridge, 1946.
- Jaiswal 2000 — *Jaiswal S.* Caste. Origin, Function and Dimensions of Change. New Delhi, 2000.
- Kapadia 1947 — *Kapadia K.M.* Hindu Kinship. Bombay, 1947.
- Karve 1961 — *Karve I.* Hindu Society — an Interpretation. Poona, 1961.
- Karve 1965 — *Karve I.* Kinship Organization in India. Bombay, 1965.
- Mandelbaum 1970 — *Mandelbaum G.D.* Society in India. Vol. I. Berkeley; Los Angeles, 1970.
- Manu 1886 — Manu. The Laws of Manu (Manu-smṛiti) // Sacred books of the East. XXV. Oxford: Clarendon Press, 1886.
- Mathur 1964 — *Mathur K.S.* Caste and Ritual in a Malwa Village. Bombay; Calcutta, 1964.
- Mayer 1970 — *Mayer A.C.* Caste and Kinship in Central India. A Village and its Region. Berkeley; Los Angeles, 1970.
- Panikkar 1955 — *Panikkar K.M.* Hindu Society at the Cross Roads. Bombay, 1955.
- Parry 1979 — *Parry J.* Caste and Kinship in Kangra. L., 1979.
- Pradhan 1966 — *Pradhan M.C.* The Political System of the Jats of Northern India. Bombay, 1966.
- Puthenkalam 1977 — *Puthenkalam J.S.J.*, Fr. Marriage and Family in Kerala. With Special Reference to Matrilineal Castes. Calgary, 1977.
- Risley 1915 — *Risley H.H.* The People of India. Calcutta, 1915.
- Roy 1934 — *Roy R.B.S.C.* Caste, Race and Religion in India // Man in India. 1934. Vol. XIV. № 1. P. 39–63; Special Number. P. 75–220; № 3–4. P. 271–311.
- Russel, Hiralal 1916 — *Russel R.V., Hiralal R.B.* The Tribes and Castes of the Central Provinces of India. L., 1916. 4 Vols.
- Shah 1974 — *Shah A.M.* The Household Dimension of the Family in India. Berkeley; Los Angeles; L., 1974.
- Sherring 1975 — *Sherring M.A.* The Tribes and Castes of Hindustan. Delhi, 1975. (Repr. 1872).
- Thurston 1907 — *Thurston E.* Ethnographic Notes in Southern India. Madras, 1907.
- Trautmann 1981 — *Trautmann Th.R.* Dravidian Kinship. Cambridge, 1981.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА И СВОЙСТВА НИВХОВ

Среди малочисленных этносов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока нивхи занимают особое место по целому ряду причин. Во-первых, этот этнос считается генетически изолированным, и ни одна из высказанных насчет его происхождения гипотез не является общепризнанной. Во-вторых, ареальные связи нивхского языка и этнокультурные контакты нивхов, хотя и привлекали к себе внимание, но остаются пока вне детализации и вне хронологической структурированности. В-третьих, дифференцированность нивхского языка на амурский (АМ), восточносахалинский (ВС) и северносахалинский, или шмидтовский (СС), диалекты дает основания для осуществления внутренней реконструкции архаического состояния нивхского языка, если таковое будет необходимым, — мы делаем данную оговорку только для тех, кто считает нашу точку зрения на происхождение и генетические связи нивхов и нивхского языка не слишком убедительно обоснованной или не вписывающейся в какие-то схемы.

Настоящая статья представляет опыт описания СТР нивхов на основе материала, извлеченного из русско-нивхского и нивхско-русского словарей [Савельева, Таксами 1965; 1970; Таксами 1983], а также специальной литературы [Штернберг 1893; 1905; 1933], которая, как оказалось, во многом также служит источником данных по ТР для словарей вместе с интерпретирующими характеристиками. Основная цель нашей работы сводится к тому, чтобы показать состав номенклатуры родства нивхов, многозначность отдельных нивхских ТР и в общих чертах определить наиболее характерные признаки СТР нивхов, с тем чтобы создать возможность для сопоставительного и сравнительно-исторического описания СТР нивхов и СТР тунгусо-маньчжурских народов — эвенков, ороков, ульчей, нанайцев. Как обычно, в лингвистических описаниях такой группы слов, как ТР, имеется и некоторый чисто практический смысл, поскольку полная и семантически адекватная разработка ТР весьма важна для обучения нивхской лексике в дошкольных учреждениях, школах и иных учебных заведениях, если учиты-

вать то обстоятельство, что в учебных пособиях по языкам народов Севера даже такие группы лексики, как ТР, зачастую приводятся в неполном составе или с неточностями в значениях.

Изучение нивхской СТР теснейшим образом связано и с важнейшими проблемами этногенеза и этнической истории нивхов, в том числе в этнолингвистическом отношении, т.е. с языковыми контактами нивхов, их последствиями для языка и этнической культуры, в теоретическом плане — с более общей проблемой проницаемости СТР для лексических заимствований. Вместе с этими проблемами лингвистики и этнографии, сложность и разносторонняя значимость которых не нуждается в обоснованиях, данная работа имеет прямое отношение еще к одной теме — к истории лексического состава нивхского языка как языка, генетическая принадлежность которого является спорной. То, что нивхский язык считается генетически изолированным, можно прочесть в любой справочной статье об этом языке. Е.А. Крейнович, занимавшийся языками, которые и теперь часто считаются изолятами — нивхским, юкагирским и кетским, — опубликовал работу о связях нивхского и тунгусо-маньчжурских языков и посчитал все лексические сходства между этими языками результатом заимствования этих слов из тунгусо-маньчжурских языков в нивхский [Крейнович 1955]. Работы в этом направлении продолжил А.М. Певнов, уточнивший и дополнивший наблюдения Е.А. Крейновича и едва ли не впервые отметивший факты нивхских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках [Певнов 1992].

Несколько опережая изложение, отметим, что ценные и актуальные даже сегодня материалы, собранные Е.А. Крейновичем (в частности, им зафиксированы слова, не включенные в современные словари нивхского языка), на самом деле распадутся на 4 группы: 1) лексика, которая может быть общей для нивхского и тунгусо-маньчжурских языков (эта группа в количественном отношении может вырасти в объеме за счет более углубленного анализа праформ нивхских слов); 2) заимствования из отдельных тунгусо-маньчжурских языков в нивхский язык и его диалекты; 3) заимствования из нивхского в отдельные тунгусо-маньчжурские языки; 4) культурная лексика маньчжурского, монгольского, китайского происхождения, заимствованная нивхским языком при посредстве тунгусо-маньчжурских языков.

Материалы, собранные Е.А. Крейновичем, побудили лингвистов задуматься о характере связей нивхского и алтайских языков, в частности, о том, что между нивхским и алтайскими языками возможно генетическое родство. Точка зрения, согласно которой нивхский язык может входить в алтайскую семью, была высказана Т.А. Бертагаевым и В.З. Панфиловым [Панфилов 1973], к ней достаточно сочувственно отнеслась В.И. Цинциус, привлекавшая нивхский материал для своих исследований в области сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков [Цинциус 1972] и опубликовавшая работы о характере связей нивхского и тунгусо-маньчжурских языков [Цинциус 1974; 1983; 1984]. Ряд сопоставлений ТР нивхов и ТР тунгусо-маньчжурских народов отражен в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» [ССТМЯ].

С середины 1980-х гг. один из авторов настоящей работы ведет исследования истории нивхской лексики, реконструкции архаического состояния нивхского языка по данным диалектов и фактов заимствований и генетических связей нивхского языка, основанных на сравнении нивхской реконструкции и реконструкции состояния отдельных групп алтайских языков, прежде всего тунгусо-маньчжурских [Бурыкин 1987б; 1988; 1989]. Одна из последних работ на эту тему, посвященная названиям металлов в нивхском языке, позволила показать корректность той реконструкции, которая сближает нивхский язык с тунгусо-маньчжурскими языками, при том, что все названия металлов в нивхском языке и даже название кремня, вопреки Е.А. Крейновичу, являются разновременными заимствованиями, пришедшими в нивхский язык из разных источников — языков континентальной Восточной Азии и языков Крайнего Северо-Востока [Бурыкин 2005].

Эта точка зрения позволила вспомнить одну ремарку М.Г. Левина, отметившего, что по данным антропологии и этнографии, нивхи могут рассматриваться как промежуточное звено между тунгусо-маньчжурами и айнами, но, по его мнению, этому категорически препятствуют данные языка [Левин 1958: 251–252]. Однако, как нам представляется, данные языка не только не препятствуют такому размещению нивхов на этнической карте Восточной Азии, но и прямо указывают на это, притом что айнские лексические заимствования в этом языке вплоть до настоящего времени не были выявлены ни отечественными, ни за-

рубежными учеными. Между тем анализ айнско-нивхских лексических параллелей показывает с очевидностью, что айнский язык не только повлиял на нивхский, но и привнес в него те черты, которые казались исследователям эксклюзивными: чередования начальных согласных, префиксы в морфологии, а также некоторые морфологические показатели (префикс взаимности *в-*, показатель намерения действия *йыкы-*), а та лексика, которая считалась собственно нивхской, на фоне большого количества нивхско-тунгусо-маньчжурских и нивхско-алтайских параллелей, различающихся в современных языках и нивхских диалектах по форме, надежно отождествляются как айнские вкрапления, с единичными предположительными культурными терминами с обратным направлением заимствования (например, название шаманского бубна: нивх. *к'ас* и айн. *качо*).

Е.А. Крейнович в одной из своих статей [1979] обсуждал вопрос о лексических связях нивхского языка с чукотско-камчатскими. В настоящее время проблемой соотнесенности нивхского языка с палеоазиатскими, а именно с юкагирским и чукотско-камчатскими языками, активно занимается О.А. Мудрак [2000], получивший довольно интересные результаты, объективно проливающие свет на этимологии многих нивхских слов, не имевших тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских параллелей. Хотя, если говорить о характере схождения, эти факты похожи на какие-то заимствования в нивхский язык из палеоазиатских, а также отчасти из уральских языков. Точка зрения корейского лингвиста Канг Кир Уна, предпринявшего в 1980-е гг. фронтальную попытку сравнения лексики нивхского и корейского языков, судя по всему, не нашла поддержки.

История изучения СТР нивхов весьма интересна тем, что описание СР и СТР нивхов получило исключительный резонанс в этнографической науке и истории первобытного общества. СР нивхов (гиляков) и особенности ее СТР были описаны Л.Я. Штернбергом в статье «Сахалинские гиляки» [Штернберг 1893]. Позже материалы по СТР нивхов публиковались им еще как минимум трижды [Штернберг 1905; 1933; 1935]. Вот что писал Л.Я. Штернберг (данная работа 1905 г. практически повторяет статью 1893 года, указанную выше): «Из всех особенностей гиляцкого быта ничто так характерно не выделяет гиляков среди окружающих их народностей, как классификаторская СР и правила, регулирующие половые отношения и брак.

В этом отношении гиляки стоят одинаково далеко от своих южных соседей айнов, так и от окружающих их тунгусских племен. Айны — единственная народность Приамурского края, у которой сохранились черты матернитета. Гиляцкая же семья и род — чисто патриархальные учреждения. Что касается тунгусских племен, то и у них открыта мной классификаторская СР и черты группового брака, аналогичные с открытыми мною же в 1891 г. у гиляков, но внимательное сравнение этого института у тунгусских племен и у гиляков приводит к заключению, что они принадлежат к совершенно различным периодам эволюции брака и хотя они могли влиять друг на друга, но в основе своей принадлежат, выражаясь языком геологии, к различным формациям. <...>

Прежде всего вас поражает странная родственная номенклатура. Целая группа женщин зовет целую группу мужчин своими мужьями (*ну, иин*), и эти последние зовут их своими женами (*ангей* — Штернбергом приводится вокативная форма. — А.Б., В.П.). Точно так же целая группа мужчин зовет группу женщин своими матерями (*ымк*), и группу мужчин — своими отцами (*ытк*), а эти — первых своими детьми.

В частности, как и у многих других первобытных людей, гиляк зовет своей женой (*ангей*) не только свою собственную жену, но и жен своих старших братьев всех степеней родства, а также и всех сестёр своей жены всех степеней родства, а они, в свою очередь, зовут его своим мужем (*ну, иин*). Дети их зовут друг друга братьями и сестрами (*тувн, руф*). Сверх того, гиляк зовет своими женами уже от рождения всех кузин по матери (дочерей братьев своей родной матери и братьев всех женщин, которых он зовет *ымк* — мать). Матерью (*ымк*) гиляк зовет не только свою родную мать, но и всех жен братьев своего отца, родных и агнатных, а также и сестёр этих женщин, а они зовут его своим сыном. Соответственно этому он называет своим отцом (*ытк*) не только своего родного отца, но и братьев отца, причем у некоторых родов термин “отец” прилагается ко всем старшим и младшим братьям (родным и агнатным) отца, у других (у большей части сахалинских гиляков) — только к братьям младшим отца. Дети братьев по отношению к последним считаются сыновьями и дочерьми. Еще страннее является то правило, по которому женщины называют сестрами жен братьев мужа, а мужчины — матерями сестёр тестя... <...>

Вопреки высказанным в недавнее время мнениям, что классификаторская СР представляет собою одну только номенклатуру возрастов, я могу засвидетельствовать после долгих годов наблюдений, что у гиляков номенклатура эта, основанная на строгом исчислении степеней родства, *вполне соответствует* нормам полового общения. <...> Все лица, связанные между собою званием *ангей* и *пу* (муж и жена), действительно имеют супружеские права друг на друга, т.е. не только имеют право вступать между собою в регулярные браки или иметь половое общение до вступления в регулярный брак, но сохраняют права на половое общение и тогда, когда лица этих категорий состоят уже в индивидуальном браке. Состоя в законном, так сказать, индивидуальном браке, жена в то же время пользуется правом негласно, т.е. в отсутствие мужа, иметь общение с лицами из группы мужчин, которых она зовет *пу*, *иин* (муж). Чаще всего, конечно, пользуются этим правом братья ее мужа, родные или более отдаленных степеней родства, живущие с ним в одной деревне; но и пришлые мужчины, часто совершенно незнакомые, случайно проехавшие через селение, если считают себя хотя бы по самому отдаленному родству “пу” данной женщины, свободно пользуются этим правом, разумеется, с согласия женщины. Во время моих путешествий по Сахалину мои спутники с западного берега, явившись вместе со мной в отдаленное селение на восточном берегу, в котором ни они, ни их отцы никогда не бывали, но в котором, по генеалогическим их сведениям, проживала женщина категории *ангей*, свободно осуществляли свои права, разумеется, когда мужа в юрте не было. Это явление совершенно тождественно с тем, что рассказывают об австралийских кроках и кумитах» [Штернберг 1905: 22–23].

Сообщение о результатах полевых исследований Л.Я. Штернберга подвигло Ф. Энгельса написать в 1893 г. специальную статью (как известно, Ф. Энгельс именно в это время много занимался вопросами происхождения и эволюции семьи и брака и проблемами преемственности СР). Приведем небольшую выдержку из этой статьи Ф. Энгельса: «За последнее время у некоторых рационалистских этнографов вошло в моду отрицать существование группового брака; в связи с этим представляет интерес нижеследующий отчет, который я перевожу из московской газеты “Russkija Vjedomosti” (“Русские ведомости”) от 14 октября 1892 г. старого стиля. В нем не только определенно

устанавливается наличие действующего с полной силой обычной группового брака, т.е. права группы мужчин и группы женщин вступать между собой в половые отношения, но и такой его формы, которая тесно примыкает к пуналуальному браку у гавайцев, т.е. к наиболее развитой и классической ступени группового брака. В то время как типичная пуналуальная семья состоит из ряда братьев (единоутробных или более отдаленных степеней родства), которые находятся в брачных отношениях с рядом единоутробных или находящихся в более отдаленных степенях родства сестёр, — в данном случае, на острове Сахалине, мы видим, что мужчина состоит в брачных отношениях со всеми женами своих братьев и со всеми сестрами своей жены, иначе говоря, если рассматривать это явление с женской стороны, его жена имеет право вступать в половые связи с братьями мужа и с мужьями своих сестёр. Отличие от типичной формы пуналуального брака состоит, следовательно, только в том, что братья мужа и мужья сестёр — это не обязательно одни и те же лица» [Энгельс 1969: 377–378].

Влияние трудов и идей Л.Я. Штернберга, посвященных СТР и СР нивхов, оказалось столь значительным, что характеристики значений нивхских ТР, данные им как описание «классов» внутри СР, оказались включенными в словари нивхского языка, которые по какой-то странной причине увидели свет только в 1960-е гг. [Савельева, Таксами 1965; 1970; Таксами 1983]. Они же получили известность благодаря продолжению этнографического изучения СР нивхов в традиционном ключе [Крейнович 1973а; 1973б]. К сожалению, эти словари и глоссарии даже сейчас остаются единственными доступными источниками нивхской лексики. Учебные издания и словари нивхского языка оказывают исследователю помощь только в том плане, что некоторые из таких словарей или пособий по нивхскому языку, подготовленные добросовестными и хорошо знающими свой предмет авторами, содержат лексические единицы, не учтенные другими словарными изданиями [Пухта 2002], а новая волна пособий по нивхскому языку, как и большая часть разнообразных тематических и учебных словарей и разговорников [Санги, Гашилова 2002]), оказывается, по существу, бесполезными и представляет собой компиляции из предшествующих словарей. Несколько ранее нивхские ТР и СР рассматривались в работах Р. Аустерлитца [Austerlitz 1956: 264, 267] и Л. Блэк

[Black 1972], позднее — Е.А. Крейновичем [Крейнович 1973а; 1973б].

Переходим к рассмотрению конкретного материала.

Термины родства

Атак, ВС *атькитъх*, *атк* — ‘дед, отец отца или матери’, ‘прадед, отец деда или бабушки’, ‘старший брат отца’, ‘старший брат мужа’, ‘группа лиц мужского пола, находящаяся в различных родственных отношениях, братья дедов и прадедов с отцовской и материнской стороны, отцы, деды, прадеды мужей сестёр матери, отцы, деды прадеды (и их братья) мужей сестёр тестя’ [НРС: 36–37]: вок. *ата* [Пухта 2002: 9].

Пила ытык — ‘большой (старший) отец’ [Пухта 2002: 7].

Битик, ВС *аттик*, *ачк*, *ач’им* — ‘бабушка, мать отца или матери’, ‘прабабка, мать деда или бабушки’, ‘все сестры бабушки и прабабушки с отцовской и материнской стороны’, ‘жены братьев матери и их сестры’, ‘жены отцов, дедов и прадедов братьев матери’, ‘жены сыновей братьев матери’, ‘мать, бабушка и прабабушка сестёр жены’ [НРС: 466]; ‘бабушка’, ‘жена брата матери’, ‘тёща’ [Пухта 2002: 7], ВС *ачмам* — ‘бабушка’ [Отаина 1976: 167].

Битика, *ач’има* — ‘бабушка’, ‘тёща’ (обращение) [НРС: 466].

Пила ымык — ‘большая (старшая) мама’ [Пухта 2002: 7].

Битык, ВС *ытк* — ‘отец’, ‘все братья отца’, ‘мужья всех сестёр матери’, ‘братья мужа сестры матери’, ‘мужья сестёр’, ‘братья мужей сестёр’, ‘тести’, Ср. т.-ман. *этки* — ‘отец жены’, ‘старший брат жены’ [Штернберг 1933: 133; Панфилов 1973: 10; Цинциус 1983: 95].

Ота — ‘отец’ [Штернберг 1933: 133] — с пометой «редк.».

Пила ытык — ‘старший брат отца’, *матьки ытык* — ‘младший брат отца’ [НРС: 466–467].

Матька ытык, *матька ыты* — ‘маленький отец (младший брат отца)’ [Пухта 2002: 9].

Эр — вок. ‘папа, отец’ [Пухта 2002: 11].

Бмык, ВС *ымк* — ‘мать’, ‘жены всех братьев отца’, ‘сёстры жен братьев отца’, ‘сёстры матери’, ‘сёстры тестя’. Ср.: маньчж. *эмэ* — ‘мать’, монг. *эмэ* — ‘женщина’, кор. *ми* — ‘мать’ [Цинциус 1983: 95].

Ома — ‘мать’ [Штернберг 1933: 133] — с пометой «редк.».

Пила ымык — ‘старшая сестра матери’.

Матьки ымык — ‘младшая сестра матери’ [НРС: 164], вок. *Бмык* (официально), *ир* (в быту) [Пухта 2002: 9].

Бкын, ВС *акад*, *аканд* — ‘старший брат’ [НРС: 463; Штернберг 1933: 132–133] — вок. *ык* [Пухта 2002: 9]. Ср.: эвенк. и др. т.-м. *акин* — ‘старший брат’ [Крейнович 1955: 158; Панфилов 1973: 10; Цинциус 1983: 95].

Бкын, *ык* — ‘старший брат’, ‘старшие сыновья братьев отца рода’ [Пухта 2002: 12].

Рув — ‘брат’, ‘сестра’ [Пухта 2002: 8]; *рув*, ВС *рувнг* — ‘единокровные и родные братья, сёстры, дети братьев и сестёр’; *тув*. ВС *тувнг* — ‘братья и сёстры всех степеней родства’; ср. нан. *тува* — ‘дети сестёр’ [Крейнович 1955: 158; Панфилов 1973: 10]; ср. также сомнительное сравнение этого слова с чукот. *тумгытум* — ‘товарищ’ [Крейнович 1979: 199].

Рув ускр, *халнгаз рув* — ‘родной брат’ [Пухта 2002: 11].

К’иу — ‘брат’ (устар.) [Пухта 2002: 7].

Тонгр — ‘близнецы’.

Рандр ускр, *халнгаз рандр* (*ранр* НРС: 304) — ‘родная сестра’ [Пухта 2002: 11].

Рандр — ‘сестра’ [Пухта 2002: 12].

Нанак, *нана* — ‘старшая сестра’, ‘сестра отца’, ‘свекровь’ [Пухта 2002: 12].

Нанак, ВС *нанх* — ‘старшая сестра’ [НРС: 205], вок. *нана* [Пухта 2002: 9].

Ытык нанак, *ымык нанак* — ‘тётка’ [НРС].

Аттик, *аск* (устар.) — ‘младший брат, младшая сестра’ [Пухта 2002: 9], вок. *аттика* [Пухта 2002: 9], *атя* — ‘ласковое обращение к младшему брату, сестре’ [Пухта 2002: 9].

Атик, ВС *аскад*, *аск*, *анд* — ‘младший брат’ [НРС: 37].

Оһ,ла, ВС *эһ”лнг* — ‘ребенок’, ‘сын’. Ср. др.-тюрк. *ogul*, *oglan* — ‘ребенок’ [Штернберг 1933: 133; Панфилов 1973: 10; Цинциус 1983: 94].

Уткуоһ,ла, ВС *азмытэһ,лн”* — ‘сын’.

Умгуоһ,ла, ВС *риан”к”эһ,лн”* — ‘дочь’ [НРС: 394].

Ола — ‘внук, внучка’ [Пухта 2002: 8].

Апак — ‘дядя’ [НРС: 34; НРС: 137]; *апак* — ‘тесть’, *ахмалк”* ВС *ахмалн”* — ‘тесть по отношению к одному сородичу и всему роду’; *ап*, *апп* — ‘тесть’, ‘брат матери’ [Штернберг 1933: 133].

Атак — ‘дядя, брат матери’ [Пухта 2002: 8]

Рувгу уткуогла — ‘племянник’.

Рувгу умгуогла — ‘племянница’.

Н’енг ВС — ‘дочь сестры’: ср.: маньчж. *нонь* — ‘младшая сестра — родная и двоюродная’ [Крейнович 1955: 161].

Рувгу — ‘двоюродный — о брате и сестре’; *Рув*, *тув*, ВС *Рувн”* — ‘единокровные или родные братья и сёстры’, ‘дети братьев всех степеней родства’, ‘дети сестёр всех степеней родства’ [НРС: 311].

Из приведенных примеров видно, что круг значений терминов, относящихся к предкам эго в +2 и +1 поколении, исключительно широк, и в их число входят даже обозначения родственников по браку, но при этом отношения родства по восходящей линии и родство по нисходящей линии по признаку поколения распространяются на два поколения по восходящей и на одно — по нисходящей линии, в последнем случае — с оговорками.

Для СТР нивхов характерно неразличение по полу младших сиблингов эго, что характерно также для СТР ряда тунгусо-маньчжурских (эвенки, эвены, удэгейцы, маньчжуры) и монгольских народов.

Интересной особенностью СТР нивхов является отсутствие самостоятельной лексемы для обозначения потомка эго, т.к. термин *охла*, ВС *эллн*” имеет значение «дитя, ребенок», и история его появления в нивхском языке с учетом лежащих на поверхности сопоставлений выглядит не вполне понятной. Названия для сына и дочери образуются от данного слова с помощью гендерных идентификаторов *утку*, ВС *азмыть* для мужского пола, *умгу*, *риан*”к” — для женского пола. По той же модели, но с дополнительным элементом, маркером второй степени родства, самостоятельно означающих потомков сиблингов, т.е. двоюродных братьев и сестёр *рувгу* (форма мн.ч. от *рув*, ВС *рувн*), образуются названия для потомков сиблингов эго.

Термины для внуков и внучек в нивхской СТР отсутствуют, а форма *ола*, отмеченная М.Н. Пухтой, — это слово со значением «ребенок» на амурском диалекте.

Что касается собственно СР нивхов, то она в основных чертах сходна с тем, что в реликтовой форме отмечается у тунгусо-маньчжурских народов, в частности у эвенков. Так, Г.М. Василевич писал: «Термины *амингилви*, *амтынгилви*, *энингилви*, *энтынгилви*, так же как *хутэнгилви* (дети), употребляемые в песнях и шаманских песнопениях, были неправильно переведены Рычковым как “матери”, “отцы” с соответствующим объяснением (“группа мужчин зовет группу женщин своими материями, а группу мужчин — своими отцами”). А.Ф. Анисимов перенес это объяснение в свою работу... в целях доказательства, что в разные периоды у эвенков существовали группы жен и группы мужей. Но эти термины имеют суффикс отчуждаемой принадлежности (*-нги*), который подчеркивает не прямое родство (*энтылви* — “мои матери”, “родители”, *амтылви* — “мои отцы”, “родители”), а более отдаленное, более широкое: *амтынгилви* — “предки”, “прадеды”, но не “отцы”» [Василевич 1969: 144, прим. 2]. Далее Г.М. Василевич отмечает: «Родственная терминология определяла право на половые связи, что свидетельствовало о существовании в прошлом брачных групп. Говорящий имел брачные права на всех женщин, которые по отношению к нему были *угив*, и не имел права на женщин, кото-

рые по отношению к нему были *кужинми*. Эти права разрешали мужчинам жениться на вдовах старших родственников и наоборот — женщинам выходить замуж за младших по возрасту вдовцов» [Василевич 1969: 148].

По имеющимся в нашем распоряжении фольклорным материалам, у эвенов различие терминов *уги* «жена старшего брата» и *кокэн* «жена сына, жена младшего брата», гомогенных с соответствующими эвенкийскими ТР, свидетельствует о бытовании аналогичных норм у эвенов — норм, дававших младшим братьям право на связи с женами старших братьев, но запрещавших связи старших братьев с женами младших братьев.

Термины свойства

Утку, ВС *азмыть* — ‘мужчина’ [НРС: 397], *утку* — ‘мужчина’ [НРС].

П’утку — ‘муж’.

Вутку — ‘ее муж’ [Пухта 2002: 8].

Пу — ‘муж’ (устар.) [Пухта 2002: 10].

Иви, СС. — ‘муж’ [Пейрос, Старостин 1986: 214], *иин* — ‘муж’ [Штернберг, см. в цитатах выше].

Умгу, ВС *ршан”к”* — ‘женщина’, ‘жена’ [НРС: 393] *нюмгу* — (‘моя женщина’) ‘жена’ [НРС: 140].

Вумгу — ‘его жена’.

Ср. корейск. *анхэ* — ‘жена’ [Крейнович 1955: 136].

Ок”он — ‘зять’; *ок”он*, *ымһ,и* [НРС: 243, 464] — ‘зять по отношению к отдельному сородичу и всему роду’.

Оро — ‘зять’ в цитатах: у меня два зятя — *Ни оро мен* [Пухта 2002: 12].

Умгу ыкын — ‘шурин — старший брат жены’ [НРС: 462].

Умгу аттик — ‘шурин — младший брат жены’ [НРС: 462].

Амр, ВС *ёх*, — ‘жена младшего брата’ [НРС: 32], *ёхо* [НРС: 233] — ‘невестка’; ср.: маньчж. *аму* — ‘жена старшего брата’ [Крейнович 1955: 158]; маньчж. *ухэн* — ‘жена младшего брата’, *окэ* — ‘жена младшего брата отца’ [Крейнович 1955: 160].

Эмр — ‘невестка’ [Пухта 2002: 10].

Ивы (iyu) — ‘жена брата’ [Штернберг 1933: 133, 140].

Апак — ‘тесть, отец жены’ [НРС: 420].

Эдр — ‘тесть’ [Штернберг 1933: 133]; ср. нан. *эди* — ‘муж’ [Штернберг 1933: 133].

Ахмалк, ВС *ахмалн* — ‘тесть по отношению к одному сородичу и всему роду’ [НРС: 38], ср. ульч., нан., маньчж. *амха* — ‘тесть’ [Крейнович 1955: 158]; *ап*, *апп* — ‘тесть’, ‘брат матери’ [Штернберг 1933: 133].

Атк — ‘отец жены’ [Штернберг 1933: 13], ср. АМ *атак* — ‘отец мужа’ [Крейнович 1973а: 470].

Умгу ымык — ‘тёща, мать жены’ [НПС: 38].

Ачк. — ‘мать жены’ [Штернберг 1933: 133].

Утку ытык — ‘свёкор’ [НПС: 380].

Нанак, нана — ‘свекровь’, ‘старшая сестра’, ‘сестра отца’ [Пухта 2002: 12].

В подсистеме терминов свойства отмечается отсутствие каких-либо специальных терминов для супруга и супруги, в этой функции используются слова *мужчина* и *женщина* в притяжательной форме, причем такая ситуация характерна для основных диалектов нивхского языка, лексика которых в сколько-нибудь значительной степени документирована словарями (для северосахалинского, или шмидтовского, диалекта мы не располагаем сколько-нибудь объемным словарным материалом). При странных лексических различиях в номинациях мужчины и женщины и в амурском, и в восточносахалинском диалектах наблюдается параллелизм значений «мужчина/муж», «женщина/жена».

Семантика терминов, обозначающих брачного партнера потомка, не вполне ясна. Мы наблюдаем различие обозначений *ок* ‘он’, *ыmh,и* и *оро* ‘зять», притом что мужья сестёр относились к категории *ытык*, ВС *ытк* (см. выше), для жены младшего брата термин зафиксирован, но для жен сыновей и старших братьев наименований словари не дают. При наличии особых лексем *апак* — ‘тесть, отец жены’, *ахмалк*”, ВС *ахмалн*” — ‘то же’ (различия не определены) — наименование для тёщи отсутствует и в этой функции используется термин *ытык*, ВС *аттик*, *ачк*, *ач’им* — ‘тёща’, имеющий и иные значения (см. выше). Таким же синкретическим оказывается и термин *нанак, нана* — ‘свекровь’, ‘старшая сестра’, ‘сестра отца’. Какое из значений является более архаичным, а какое более поздним — исходя их общих соображений, согласно которым ТР могут смешаться в составе терминов свойства, но едва ли возможно обратное, вероятнее всего, значение ‘тёща’ у лексемы *нанак* вторично. Равным образом пока трудно разобраться в наличии некоторых дублетных ТР, к тому же, согласно зафиксировавшим их источникам, обладающих многозначностью.

В словарных материалах по нивхскому языку не отмечены специальные термины для братьев и сестёр мужа, а также для сестёр жены, но для старшего и младшего братьев жены фикси-

руются составные наименования с лексемами, используемыми для обозначения старшего и младшего братьев, — данные наименования являются описательными. Обращает на себя внимание отсутствие терминов для обозначения родителей супругов по отношению друг к другу, возможно, эти наименования поглощены именованием соответствующих родов в том родовом союзе, о котором писал В.Р. Кабо: «Л.Я. Штернбергом установлено, что экзогамия — один из главных признаков нивхского рода. Брак внутри рода был безусловно запрещен. Нивхское общество представляло собой прочную конструкцию, состоявшую из отдельных родов, которые были связаны взаимными обязательствами. Каждый род брал женщин из одного определенного рода и, в свою очередь, отдавал своих женщин в другой, тоже точно определенный род. По отношению к одному роду он являлся *ымхи*, т.е. родом зятьев, по отношению к другому — *ахмалк*, т.е. родом тестей. Обязательства, связывавшие членов различных родов, не ограничивались сферой семейно-брачных норм, они распространялись на обширную область многообразных социальных отношений, в этом-то и состояло их значение как системы связей, цементирующих общество.

В соответствии с традицией мужчины брали жен не из того рода, куда их род отдавал в жены своих женщин, а из третьего, и таким образом каждый род оказывался связанным узами брака по крайней мере с двумя родами. Однако в конце XIX — начале XX в. браки на основе трехродовых союзов у нивхов уже почти не заключались, а практиковались взаимные браки между двумя родами» [Кабо 1981]. В русско-нивхском словаре слово «сват» переведено на нивхский язык как *умгу һ,егуйн* ”ыр тохт утку — «человек, занимающийся сватовством» [РНС: 380].

Яркой особенностью нивхской СТР, причем такой особенностью, которая может быть обнаружена только в наши дни и, пожалуй, только при лингвистическом анализе, является довольно регулярная соотношенность вокативных ТР с референтивными, а что касается терминов свойства, то в их составе вокативы практически отсутствуют и отмечаются только для тех терминов, которые функционируют и как ТР. И здесь нельзя не отметить, что, по существу, в большинстве случаев терминология, отражающая первичные СР, фиксируется исследователями на уровне вокативов, т.е. в ходе сбора материала исследователь записывает, как информант-эго *называет* тех или иных родствен-

ников, а отнюдь не то, как они называются в языке. В данном случае мы далеки от того, чтобы думать, будто Л.Я. Штернберг ошибся или не записал какие-то референтивные ТР. Скорее мы имеем дело с каким-то иным феноменом СТР, которая формируется на основе вокативных форм или «подстраивается» под инвентарь вокативных форм. Определённым основанием для данного предположения является то, что далеко не все классы родства нивхской СР являются функционально значимыми для эго и далеко не каждое из противопоставлений классов родства может реализоваться на социальном уровне. Иными словами, вокативный термин для отца распространяется на всех родственников, принадлежащих к одной возрастной категории с отцом, вокативный термин для матери — на всех родственников, принадлежащих к одной возрастной категории с матерью.

Распространение терминов со значениями «муж» и «жена» имеет место только в пределах одного поколения, поколения эго, хотя и имеет гендерную асимметрию в отношении возраста: для мужчины термин «жена» распространяется на жен старших братьев, для женщины термин «муж» — на младших братьев мужа. Но и тут, даже с учетом дозволенности связей между лицами названных категорий, данное наименование может иметь чисто вокативную природу, если принять во внимание, что при трёхродовом союзе, характерном в прошлом для нивхов, «мужья» и «жены» принадлежали для эго к одному и тому же роду, и эта ситуация коренным образом отлична, например, от тунгусской экзогамии, где жены братьев могли принадлежать и к разным родам.

Реконструкция архетипов нивхских ТР и поиски параллелей для них в других языках являются задачей, смежной с описанием нивхской СТР, и, как представляется, именно возможные и обнаруживаемые ниже параллели могут прояснить некоторые особенности СТР нивхов и в плане ее состава, и в плане ее системных отношений.

Соответствие АМ *атак* ВС *атькитъх*, обозначающего старшего родственника мужского пола, указывает на архетип **ата* ~ **ати* — выбрать одну форму из двух не позволяют не вполне регулярные соотношения диалектных слов.

Соответствие АМ *ытик* ВС *аттик*, *ачк*, *ач'им* — названия старшей родственницы женского пола — указывает на архетип **ижи* или **эжи* [Бурыкин 1989], что более вероятно, исходя

из инвентаря ТР алтайских языков. Именно этот тип соответствия между двумя диалектами нивхского языка в свое время ввел в заблуждение Е.А. Крейновича, посчитавшего, что восточносахалинский диалект архаичнее амурского: в отношении структуры слова это было, безусловно, так, но в отношении целого ряда соответствий (в том числе соответствия амурских среднеязычных согласных восточносахалинским переднеязычным) восточносахалинские факты не позволяют ориентировать на них реконструкцию. В нивхском языке в структурах CVCV, сохраняющихся из архаического состояния, и в современном языке в интервокальном положении могут находиться только щелевые согласные. Если в корне слова со структурой CVCV находится смычный, это означает, что либо перед этим смычным выпал предшествующий ему сонант [Бурыкин 1987a], либо слово с такой фонетической структурой является заимствованием. Но пока трудно ответить на вопрос, могли ли данные ТР быть заимствованы нивхами у кого-либо, тем более что для второго термина более вероятным оказывается монгольский, нежели тунгусо-маньчжурский, источник.

Архетип слов *ытык*, ВС *ытк* — ‘отец’ — должен иметь вид **этэ*, архетип слов *ымык*, ВС *ымк* — ‘мать’ — **эмэ*. Первый из данной пары примеров опять-таки показывает интервокальный смычный и наводит на размышление о возможном заимствовании этого слова из тунгусо-маньчжурских языков, второй пример просто совпадает с известными тунгусо-маньчжурскими и алтайскими формами слова «женщина» и образованных на его основе ТР.

Архетип слов *ыкын*, ВС *акад*, *аканд* — ‘старший брат’ восстанавливается как **ики-* или **экэ-*, что сходно с тунгусо-маньчжурским термином для старшего брата *акин* и тождественно с ним по семантике. Айнское *ak'i* (*ak'ihī*, *ak'i ut'ara*) — ‘младший брат’, кажется, могло повлиять на форму данного ТР в восточносахалинском диалекте нивхского языка. Оставляя пока без внимания различающиеся наименования сестры, отметим, что наименование младшего сиблинга — АМ *аттик*, *аск* (устар.), ВС *аскад*, *аск'анд* — ‘младший брат, младшая сестра’ восстанавливается как **ачи-*. Подведение его под тюркский архетип **еже* [Севортян 1974: 231 и след.] будет вполне логичным. Тем более что данный термин обозначает как мужчин, так и женщин, хотя только в редких случаях используется для име-

нования родственников одного поколения с эго и потомков по нисходящей линии, однако в указанной статье отмечено употребление тюркского *еже как вокатива. Интригует и гендерный синкретизм нивхского термина на тюркском фоне, о котором уже сказано.

Соответствия гласных в названии ребенка — АМ *оһ,ла*, ВС *эһ,лн* — являются нерегулярными, однако же очевидно сходство амурской формы *оһ,ла* с соответствующим тюркским термином *oglan, ogul* — ‘ребенок, мальчик, сын’ [ДТС 1969: 363, 364; Севортян 1974: 414–417].

Термины *апак* и *атак*, обозначающие сиблинга родительницы, как представляется, имеют корни **апа* и **ата* и оказываются сходными с соответствующими корнями алтайских ТР, с той же самой нюансировкой [Севортян 1974: 54 и след., 200 и след.], либо в них следует предполагать согласный, который выпадает перед сохраняющим свое качество интервокальным смычным *n* и *m*, либо данные ТР являются в нивхском языке заимствованными. Первое предположение, несмотря на логичность, оказывается уязвимым: мы почти не наблюдаем в данном регионе ТР с фонологической структурой CVCCV, а для архаического нивхского языка именно такая структура должна не просто существовать, но доминировать среди ТР. Впрочем, здесь можно указать и на эскимосские ТР *апа* — ‘дед’ и *ата* — ‘отец’, *на* — ‘мать’, последнее может быть соотносительно с нивх. *нанак*.

Нивхский термин *рув*, *рувнг*, обозначающий родственников по боковой линии или потомков сиблингов без различения пола, не имеет аналогий в тунгусо-маньчжурских или иных алтайских языках и, казалось бы, как по форме, так и по семантике должен подчеркивать эксклюзивность нивхского языка в регионе. Мы полагаем, что представления об эксклюзивном характере и изолированности нивхского языка доживают последние дни — более чем вероятно, что данный нивхский термин заимствован из айнского языка: ср. айнское *ur'ivaxne* — ‘родственный, родной по братьям или сестрам; близкородственный’. Отпадение начальных гласных является характерной особенностью нивхского языка: ср. нивхское название Амура — *Ла* < маньчж. *ула* — ‘река’, нивхское название Сахалина — *Лырмиф*, *Лермиф* < чукот. *илир* — ‘остров’, нивх. *рал* — ‘лягушка’ и орок. *удала* — ‘лягушка’.

Термины для супруга и супруги из амурского диалекта нивхского языка В.И. Цинциус отождествляла с восстанавливаемы-

ми ею корнями *этэ- для обозначения родственника мужского пола и *эмэ- для обозначения женщины [Цинциус 1972]. Согласно нашей реконструкции, форма *утку* попадает в разряд тунгусо-маньчжурских или алтайских заимствований в нивхском языке, поскольку сочетание согласных *-тк-* в ней явно вторично (компонент *-ку*, очевидно, является архаичным показателем множественности), а бывшее интервокальное положение смычного *-т-* заставляет задуматься о причинах, по которым он избежал спирантизации, — наиболее вероятной причиной тут оказывается заимствованный характер слова в нивхском языке.

Наименования для супруга потомка мужского и женского пола, т.е. зятя и невестки, не имеют явных параллелей в языках, соседствующих с нивхским или контактировавших с ним ранее. Впрочем, для нивх. *окон* — ‘зять’ можно усматривать какую-то связь с эскимос. *укак* — ‘невестка’ (без различия возраста коннектора и поколения коннектора: для нивхского ТР эти параметры неясны); переход *у>о* для нивхского языка закономерен, а сохранение смычного между гласными опять же указывает на заимствованный характер слова. Нивх. *оро* — ‘зять’ сравнимо с айн. *уру/ури* — ‘человек’ [Добровольский 1876: 376]. Нивх. *эпр* — ‘невестка’, возможно, имеет общий корень с чукот. *умириг* — ‘сват’, что приемлемо, исходя из эволюции фонетических структур слова в нивхском языке, хотя неясность морфологической структуры чукотского слова (возможно, что оно содержит показатель собирательности–множественности *-т*, материально совпадающий с грамматическим показателем множественного числа в чукотском языке) не позволяет оценивать сближение как строго доказанное. Ср. также айн. *им'уре* — ‘родственная пара разного пола (муж и жена, сын и дочь)’.

Нивхское наименование отца супруги — *ахмалк*, ВС *ах-малн* — ‘тесть по отношению к одному сородичу и всему роду’, как можно думать, состоит из корня *ак-* со значением ‘старший родственник’ и чукотского ТР *матальын* — ‘отец жены, тесть’, ‘отец мужа, свёкор’, в котором произошло упрощение групп согласных.

Термин *ынги*, ВС *анги* — ‘жена’, используемый также для обозначения жён старших братьев эго и восстанавливаемый как **инги* или **энги*, сопоставим с др.-тюрк. *jengä* — ‘жена старшего брата или дяди’ [ДТС 1969: 256; Севортян 1989: 189 и след.]. Он сходен и с чукот. *ынтыэ*, *ынтыё* — ‘жена сына, жена стар-

шего или младшего брата', но при этом мы встречаемся с той же самой неясностью морфологического состава чукотского слова. Возможно, хотя и маловероятно, что нивхский термин *ёхо* — 'невестка' является какой-то уклоняющейся формой того же термина (если они оба или хотя бы один из них окажутся заимствованиями из алтайских языков), подобно тому что мы предполагаем для якут. *дьахтар* — 'жена', тюркского по происхождению, но негомогенного для якутского языка по нормам исторической фонетики.

Термины восточносахалинского диалекта нивхского языка *азмыть* — 'мужчина' и *риан"к* — 'женщина' вполне выводимы из айнского языка: ср. айн. *ача* — 'дядя', *ачану* — 'отец' [Добротворский 1876: 33] и *миция*, *мичи* — 'отец' [Добротворский 1876: 171], при *мичибо* — 'внук', и *турес* — 'младшая сестра' [Добротворский 1876: 352], с компонентом — именным суффиксом *-anak* [Bachelor 1905: 30] или, возможно, сравнимы айн. *upereke*, *opereke* — 'маленькая девочка' [Bachelor 1905: 481].

Попытаемся подвести итоги. СТР нивхов, рассматривавшаяся практически как образцовая классификационная СР, обнаружила ряд признаков, согласно которым «классификационность» данной системы и, вероятно, многих аналогичных систем связана с особым поведением вокативных ТР, которые либо не отличаются от референтивных, либо являются их источником.

СТР нивхов как лексическая группа генетически изолированного языка при сравнении реконструкций архетипов ТР нивхов с ТР соседствующих с ним языками оказалась составленной из двух компонентов, ни один из которых не является исконным в нивхском языке на протяжении той истории, какую мы можем проследить по данным междиалектной реконструкции и внешнего сравнения нивхского и тунгусо-маньчжурских языков. Большая часть нивхских ТР выглядит как заимствования из тунгусо-маньчжурских языков и частично из тюркских (в ряде случаев источник ТР установить невозможно). Несколько меньшая часть ТР, в основном термины свойства, с определенностью заимствована нивхами у айнов. Возможно, в какой-то степени на СТР нивхов повлиял и чукотско-корякский и эскалеутский субстрат, отмечающийся в нивхском языке.

Таким образом, анализ СТР нивхов подтверждает сформировавшееся мнение относительно происхождения нивхов и нивхского языка. То, что нивхский язык не только входит в алтайскую семью, но, видимо, является рано отделившейся ветвью

тунгусо-маньчжурских языков, подтверждается данными реконструкции архаического состояния нивхского языка, проверенными еще раз на материале ТР. То, что ТР нивхов похожи на вторичные заимствования из тунгусских языков, может свидетельствовать о вторичных контактах нивхов с носителями тунгусских языков на протяжении последнего тысячелетия — уже после основных изменений структуры слова в нивхском языке, но еще до разделения амурского и восточносахалинского диалектов. Явные заимствования в нивхской СТР приходятся на термины свойства и некоторые второстепенные ТР, возможно, поддерживаемые некогда межэтническими брачными связями. Источником этих заимствований должны быть чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские языки и айнский язык, заимствования из которых присутствуют и в других группах лексики нивхского языка. Таким образом, лингвистический материал успешно подтверждает тезис М.Г. Левина и мы имеем достаточные основания рассматривать нивхов как промежуточное звено между тунгусо-маньчжурами и айнами.

Бурыкин 1987а — *Бурыкин А.А.* Происхождение чередований начальных согласных в нивхском языке // *Языки Сибири и Монголии*. Новосибирск, 1987. С. 185–190.

Бурыкин 1987б — *Бурыкин А.А.* Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма // *Лингвистические исследования 1987. Общие и специальные вопросы языковой типологии*. М., 1987. С. 46–54.

Бурыкин 1988 — *Бурыкин А.А.* Тунгусо-маньчжуро-нивхские связи и проблема генетической принадлежности нивхского языка // *Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера: межвуз. сб. науч. тр.* Л., 1988. С. 136–150.

Бурыкин 1989 — *Бурыкин А.А.* Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма. II // *Лингвистические исследования 1989. Структура языка и его эволюция*. М., 1989. С. 45–49.

Бурыкин 2005 — *Бурыкин А.А.* Названия металлов в нивхском языке // *Кюнеровские чтения (2001–2004): крат. содерж. докл.* СПб., 2005. С. 177–185.

Василевич 1969 — *Василевич Г.М.* Эвенки. Л., 1969.

Добротворский 1876 — *Добротворский М.М.* Айнско-русский словарь. Казань, 1876.

ДТС — *Древнетюркский словарь*. Л., 1969.

Кабо 1981 — *Кабо В.Р.* Община и род у нивхов // *Пути развития Австралии и Океании*. М.: Наука, 1981. С. 198–219.

Косарев — *Косарев В.Д.* Айнско-русский словарь. URL: krafto.narod.ru/Titul.htm, <http://kosarev.press.md/ai-in0.htm>.

Крейнович 1955 — *Крейнович Е.А.* Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1955. № 8. С. 135–167.

Крейнович 1973а — *Крейнович Е.А.* О пережитках группового брака у нивхов // СНВ. М., 1973. Вып. 15. С. 224–233.

Крейнович 1973б — *Крейнович Е.А.* Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973.

Крейнович 1979 — *Крейнович Е.А.* К истории заселения Охотского побережья: (По данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола) // СНВ. М., 1979. Вып. 20. С. 186–201.

Левин 1958 — *Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.

Мудрак 2000 — *Мудрак О.А.* Юкагиры и нивхи (проблема палеоазиатов) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М., 2000. С. 133–148.

НРС — *Савельева В.Н., Таксами Ч.М.* Нивхско-русский словарь. М., 1970.

Отаина 1976 — *Отаина Г.А.* Лексические особенности восточно-сахалинского диалекта нивхского языка // Лингвистические исследования 1976. Вопросы лексикологии лексикографии и прикладной лингвистики. М., 1976. С. 161–172.

Панфилов 1973 — *Панфилов В.З.* Нивхско-алтайские языковые связи // ВЯ. 1973. № 1.

Певнов 1992 — *Певнов А.М.* Нивхский и тунгусо-маньчжурский языки: проблемы контактов // Б.О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина: материалы Междунар. науч. конф., 31 октября — 2 ноября 1991 г., Южно-Сахалинск. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 2.

Пейрос, Старостин 1986 — *Пейрос И.И., Старостин С.А.* О тонах нивхского языка // Палеоазиатские языки. Л., 1986. С. 213–218.

Пухта 2002 — *Пухта М.Н.* Русско-нивхский разговорник и нивхско-русский тематический словарь (амурский диалект): учеб. пособие для начальной и средней школы. СПб.: Дрофа, 2002.

РНС — *Савельева В.Н., Таксами Ч.М.* Русско-нивхский словарь. М., 1965.

Санги, Гашилова 2002 — *Санги В.М., Гашилова Л.Б.* Нивхско-русский словарь (сахалинский диалект). СПб., 2002.

Севортян 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.

Севортян 1989 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на «Ж», «Ж», «Й». М., 1989.

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975–1977. Т. 1–2.

Таксами 1983 — *Таксами Ч.М.* Словарь нивхско-русский и русско-нивхский. Л., 1983.

Цинциус 1972 — *Цинциус В.И.* Вопросы этимологии алтайских терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Цинциус 1974 — *Цинциус В.И.* О роли сопоставительной типологической характеристики отдельных уровней языковой структуры при решении вопроса — является ли связь между языками ареальной или генетической (по материалам языков тунгусо-маньчжурских и нивхского) // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1974. С. 82–85.

Цинциус 1983 — *Цинциус В.И.* О роли сопоставительной типологической характеристики отдельных уровней языковой структуры при решении вопроса — является ли связь между языками ареальной или генетической (по материалам языков тунгусо-маньчжурских и нивхского) // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1983. С. 92–102.

Цинциус 1984 — *Цинциус В.И.* Этимологии алтайских лексем с анлаутными придыхательными смычными губно-губными звуками // Алтайские этимологии. М., 1984. С. 17–130.

Штернберг 1893 — *Штернберг Л.Я.* Сахалинские гиляки // ЭО. 1893. № 2. С. 1–46.

Штернберг 1905 — *Штернберг Л.Я.* Гиляки // Отд. отд. из журнала «ЭО». М., 1905. Кн. 60, 61, 63.

Штернберг 1933 — *Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Сборник статей и материалов. Хабаровск, 1933.

Штернберг 1935 — *Штернберг Л.Я.* Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1935.

Энгельс 1969 — *Энгельс Ф.* Вновь открытый пример группового брака // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1969. Т. 22. С. 377–381.

Austerlitz 1956 — *Austerlitz R.* Gilyak Nursery Words // Word. 1956. Vol. 12. № 1. P. 260–279.

Bachelor 1905 — *Bachelor J.* An Ainu-English-Japanese Dictionary — including a Grammar of the Ainu Language. Tokyo, 1905.

Black 1972 — *Black L.T.* Relative Status of Wife Givers and Wife Takers in Gilyak Society // *American Anthropologist*. 1972. Vol. 74. № 5. P. 1244–1248.

КОНКРЕТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.Б. Качинская

РУССКИЕ ТЕРМИНЫ РОДСТВА И ЛИЧНОЕ ИМЯ (по материалам архангельских говоров)

Говоря о ТР, принято различать номинативную и вокативную функции. Не все ТР способны выступать в вокативной функции, но если способны, то вокатив всегда может быть использован и как номинатив. Если ТР не выступает в функции вокатива, в обращении используется имя собственное.

Иная терминология предложена в Википедии («Термины родства»)¹, где ТР подразделяются на *референтные* и *апеллятивы*: «Референтные термины используются для указания на конкретного родственника; апеллятивы — при обращении к данному родственнику. У многих народов личные имена табуируются и обычным обращением являются ТР. Одному референтному термину могут соответствовать несколько апеллятивов, различающихся стилистически. В р<усском> яз<ыке> референтному термину *отец* соответствуют апеллятивы: *папа, папочка, папаша, папаня, батя, батюшка, тятя, тятенька* и др.».

Однако наши материалы свидетельствуют о том, что лексем, используемых в вокативной функции (как *апеллятивы*), значительно меньше, чем в номинативной (см. ниже).

Действительно, между ТР и именем человека существует тесная связь. ТР может выступать в союзе с именем собственным — и в обращении, и в номинации. Как правило, это происходит тогда, когда родственники существуют в некотором множестве (*бабушки, тётки*). С точки зрения сегодняшнего рационального сознания уточнение необходимо, поскольку у каждого индивидуума имеется в роду по две родные *бабушки* и по два *деда*, может быть большое количество *тёток* и *дядей*, родных *братьев* и *сестёр*, *двоюродных братьев* и *сестёр*, *племянников*, *внуков*. В русских ТР не содержится информация, с чьей стороны (отца или матери) выступают *дедушки* и *бабушки*, *дяди* и *тёти*; не различаются по старшинству *братья* и *сёстры*, не

различаются ни по старшинству, ни по линиям родства *внуки* и *племянники*.

ТР могут сопровождаться именами, но могут и не сопровождаться. Как правило, не сопровождаются именами собственными термины, называющие родственников, которые не образуют группу. Среди ТР это *мать*, *отец*, у которых в качестве обращения используется ТР. Напротив, к родственникам, которые являются младшими по роду, таким как *дочь*, *сын*, *внуки*, *братья*, *сёстры*, *племянники*, в качестве обращения обычно используется личное имя. По нашим материалам, чаще всего ТР в союзе с именем используется в обращении к *тёткам* и *бабушкам*.

Для номинации и обращения к родственникам имеется по 3 возможности.

В номинации:

(1) ТР, (2) ТР в сопровождении имени, (3) имя без ТР.

В вокативе:

(4) ТР, (5) ТР в сопровождении имени, (6) имя без ТР,

т.е. (1) и (4) *бабушка*; (2) и (5) *бабушка Маша*; (3) и (6) *Марья Ивановна*.

Позиции (3) и (6) — самостоятельное использование имени собственного в номинативе и вокативе — мы практически не рассматриваем, т.к. нужно быть хорошо включенным в ситуацию, чтобы знать, к кому именно из родственников говорящий обращается лишь по имени. Не рассматриваем мы также позицию (1) в номинации, т.к. сюда относится подавляющее большинство примеров, иллюстрирующих употребление ТР. Таким образом, примеры приводятся только на позиции (2): «ТР в сопровождении имени в номинации», (5): «ТР в сопровождении имени в обращении» и (4): «ТР без сопровождения имени в обращении».

Данное исследование проведено на материале архангельских говоров (АГ). Использованы изданные выпуски Архангельского областного словаря [АОС], Картотека АОС [КАОС] и собственные полевые записи автора.

1. Мать

В синонимический ряд понятия ‘мать’ в АГ входит около 50 лексем (в основном с корнями *мам-*, *мат-*)², из них более 20 зафиксированы в вокативной функции.

Номинация (ТР + имя): *Мати*-то дошла *Дуся*, согнулася, одні только кости да жильё осталось. ВИЛ. *Матерь*, говорит, видела во снѣ, *матерь Олексаху*. ВИН.

Обращение-1 (ТР + имени): нет

Обращение-2 (ТР без имени): Ты што, *мати*, рѣбила-рѣбила, ницѣ не зарѣбила. ПИН. *Мать*, я молодичцо привѣс, трактористку ис Сабурова. УСТЬ. *Мать*, грѣй самовар — нас вѣть переписали (зарегистировали брак). ПИН. Пойдѣм, *мама*, я тебя вывожу. КРАСН. Ну цѣ, *мама*, вы видели, ницѣ хорошего не видели, фсѣ ломили на нас. ШЕНК. *Мамо*, поди ф передню избу, передок. ПИН. *Мам*, не мой (посуду), ты по-нашому не смѣеш. КАРГ. А к ним приѣхала дѣчи: *Ма*, ты што наделала, заварила тѣтко. ПИН. *Маманька*, я за грибами. КАРГ. Дай, *мамани*, мне там попить. ВИН. Сиди, *мамани*, не бѣй ничево. КАРГ. Не ругай меня, *мамаша*, што я съметану пролила, об окошко шѣл Алѣшка, я бес памяти была (Ф)³. КАРГ. *Маменька*, на пеци квашня. КОН. *Мамка*, поговори на прикос. МЕЗ. *Мамка*, не спиш? КАРГ. *Мамонька*, роскажи деушкам цеве-нибуть. ПИН. Ты, *мамушка*, проси меня, дурака, — наизвиняѣсе. КОН. Ой, *мамушко* родная! ПИН. Косу расплетают, ак она причитат, рѣщца, ак ишо: «Не выдавай меня, *мамынька*, взамуш!» ПИН. *Матка*, дай-ко водички попить, пропадаю, *матка*. ОНЕЖ. *Матушка*, дай мне покушать. УСТЬ.

Предпочтения выбора лексемы при обращении к родной матери могли меняться:

С той поры фсѣ *мамой* звѣл, никогда *мать*, *матерью*. ПИН.

Как видно из примеров, ТР со значением ‘родная мать’ в союзе с именем собственным практически не используются. Сочетание ТР *мати*, *матерь* с именем в номинативной функции, по-видимому, принадлежит не детям, говорящим о своей матери, а некому третьему лицу.

2. Отец

Синонимический ряд понятия ‘родной отец’ содержит около 60 лексем, из них в вокативной функции зафиксировано более 30. Все 6 корней, обслуживающие этот ТР (*бат-*, *тат-*, *тат’-*, *тят’-*, *отец-*, *пап-*), встречаются как в номинации, так и в обращении.

Номинация (ТР + имя): *Анатолій* йѣзь, *бѣтько*-то, Ольги Васильевны муш. ПРИМ. *Отець-то Никифор* умер. КОН. Я дотого таблѣтками еѣ допоила — она фсѣ охала, рѣхала, а *отець Алексант* придѣт — сразу заулыбайещца. ПРИМ.

Обращение-1 (ТР + имя): нет

Обращение-2 (ТР без имени): *Бѣтько*, как тебѣ не стыдно! ПРИМ. Пошли давай, *бѣтя*. КАРГ. Не жури, родной *бѣтюшко*. (Ф).

ВЕЛЬ. Вот ѝи завицилась, на печь зашла, молно: *отець*, каку корову мне взять? ЛЕШ. Йесьли выпил, то извините, *мати, отец*, заложыл немношко. НЯНД. Поди, *папа*, с тёты сядь. МЕЗ. *Маменька да папенька*, я теперь не маленька, мне семнацатый годок — купите шолковый платок (Ф). КАРГ. *Папка*, я, наверно, домой боле перейду. ПИН. Ох ты кака́я, игрушкой играйеш: *папочка*, приежжай! ОНЕЖ. *Папушка*, скучям по тебе. ВЕЛЬ. Я, *тато*, оддала циганке. ВЕЛЬ. А, *тато*, где я срублю-то? ПИН. Не купили, а нет, *тат*, ницёго. ОНЕЖ. *Татка*, што-то не вериця. *Татко*, я до пастуха буду ходить. ПРИМ. Никуда, *татушка*, не пойеду. МЕЗ. Я говорю, што ты, *тата*, сама занесу. ПИН. *Татя*, расскажи скаску. ШЕНК. *Татенька*, разрешыте мне Таню взять взамуш. ЛЕШ. На колёнцях моляця: дай тебе, *тятенька*, здоровья. ВИЛ. *Тятка*, возьмите меня! КАРГ.

В огромном количестве примеров информанты противопоставляют старые, исконные лексемы (с корнями *бат'*-, *мат'*-, *тят'*-) лексемам новым (с корнем *пап*-):

У нас Мишку фсего запутали — хто *татей* зовё, хто *папой*. Спрашыват у свого *тати*: *папа*, ты *тата* ли *папа*? Ты *папа* мене али *тата*? ПИН. Раньшэ *батьком* звали, а мы уш *таткой*, а теперь хто и *папой*. ЛЕШ. А йешо звали *папу* не *татей*, а *батькой*. ПИН. *Папой* не звали веком, фсё *батьюшком*, а некоторыё *таткой*. КАРГ. Я, *папа*, уйеду — раньшэ *оццём* звали *батьюшко*. КАРГ. *Татой* звали, *батькой* *оца*-то. ОНЕЖ. *Батьком* зовут, не *папой*. *Батьюшко* называли родново *оцця*, *тятя*, бывало, а я вот слыжала фсё *тата*. Тожэ на имё, *батьюшко* ли *папа* ли. Мы *оцця* дак звали *батьюшком*. *Татей* мы не звали. Я таг *батьюшком* звала, звали йещё *татко*, *татой* некоторы звали. КАРГ. Раньшэ не *папкой* звали, а *таткой* *оца*-то. КОН. А у нас не *папа* звали, а *тата*, *тятя*. ПИН.

Обращение в союзе с именем не встретилось. Сочетание ТР с именем собственным в номинативной функции, по-видимому, принадлежит не детям, говорящим о своем отце, а некоему третьему лицу.

3. Бабушка

Синонимический ряд понятия 'родная бабушка' / 'мать отца или матери' содержит более 10 лексем (от корня *баб*-), почти все они зафиксированы и в вокативной функции. Имя сопровождает ТР как в номинации, так и в обращении.

Номинация (ТР + имя): Бежы г *бабы Марины*. ОНЕЖ. *Бабе Тоне* запозафтра будё полго́да (о поминках). ПИН. Зобёнка-то давняя, ошшо́ у *бапки Лизы* привезёна из города, набыть. ШЕНК. На цисценци приду, помяну сех родителей, *бабушку Онисью*, *дётку Якова*. ЛЕШ.

Обращение-1 (ТР + имя): Принесёт, оптешыт так кросиво: вот тебе, *бабушка Хима*. ОНЕЖ. Ой, *бабушка Дуня*, поправися. КАРГ.

Обращение-2 (ТР без имени): *Ба́бо*, я пришла веть. ВИН. Задравица (ребенок): *ба́ба, ба́ба, ба́ба!* ЛЕШ. *Баба*, сварь-ко опары. ХОЛМ. Ходи, *баба́ня*. МЕЗ. Онтон ревь: *бабу́ля! Бобу́ля! Бабу́ля*, тебя к телефону! — Кто, бо храни? ПИН. Коля, ты куриш? — Нет, *бабу́ся*, нет. ШЕНК. *Ба́бушка*, только мы цяй с тобой дуем. КАРГ.

В номинации и в обращении к прабабушке используются те же лексемы, что и в обращении к родной бабушке:

О прабабушке: А прабабушку ба́бушкой фсе́ зову́т. Я уж де́сеть ра́с прабабушка, а ба́бушкой зову́т. ПИН. Где ба́ба-то? Ну́ко! Ба́ба! (правнуку). ПИН. Фсе́ просяця, правнуцята-то мене́: *Ба́бушка*, мы к тебе́ прие́дем. ХОЛМ. Спасибо, *бабу́лечка*. ПИН.

При обращении к прабабушке может присутствовать имя собственное (хотя у нас имеется лишь косвенный пример на обращение с именем): Правнучёг звал — *ба́ба Ба́ря*. КРАСН.

4. Дед

Синонимический ряд понятия ‘родной дед’ составляет около 15 лексем (с корнем *дед-*), из них в вокативной функции зафиксировано лишь 5.

Номинация (ТР + имя):

О деде: Грамотёшки у *де́да Макси́ма* ма́ло. ПРИМ. *Де́да Ива́н Михайлович* красиво́ писа́л. ЛЕШ. Старинно́й давностьи́ (газета). *Де́т Ми́тя*, наверно́, выпи́сыва́л. ПИН. У Ани́сима бы́л *де́тка Ива́н*. МЕЗ. У *де́тки Миха́йла* у Хы́рковых то́жо шо́рка́ли. МЕЗ. *Де́душко Ива́н* ста́ростой бы́л ф чясовне. ПИН. Но́ги кривы́, каг *де́тко Арте́мушко* бу́де он. ПРИМ. У *де́тка Миха́йла* бы́л крест. МЕЗ.

Обращение-1 (ТР + имя): *Де́тко Васи́ка*, отло́ш. КАРГ.

Обращение-2 (ТР без имени): *Де́да, де́да*, г ба́бушке Ане веть на́до, ба́бушка А́ня у нас йе́зь да. ВИЛ. А вот вну́чка говори́т: «Я ваз, *де́душко*, прию́тю». В-Т. *Де́душка*, не́т ли с каме́шком ту́рки? ПРИМ. По́ди и ска́жы: «*Де́до*, иди́ ча́й пи́ть». ПИН. На́, *де́до*, йе́ш, яго́док прине́с тебе́. КРАСН. Ста́рик пошо́л со вну́ком: Го́рит ле? — Го́рид, *де́тко!* ПИН.

Как и с ТР, обслуживающими понятие ‘родная бабушка’, имя сопровождает ТР с понятием ‘родной дед’ как в номинации, так и в обращении.

Вежливое обращение к родному деду могло меняться:

Де́душком не зва́ли, а *де́тком*. ЛЕШ. Зовите *де́тком*. ОНЕЖ. А ты́, Катю́ха, не зови́ *де́тком* — зови́ *де́душком*. ОНЕЖ.

ТР, обслуживающие понятие ‘прадед’, в союзе с именем зафиксированы только в номинации, но можно предположить, что в качестве обращения используются те же лексемы, что и при обращении к деду.

О прадеде: А *прадедушко Йёгор* — а оцессьва не знаю. ШЕНК. *Прадётко Долман* был — имя старинноё. ВИН. Мой *правдетко Йёгор*. КАРГ. *Продед Еремий* находил далеких старых родников (запись). МЕЗ.

5. Дочь

Синонимический ряд понятия ‘родная дочь’ содержит 20 лексем (с корнем *доч-*), из них в вокативной функции зафиксировано менее половины.

Номинация (ТР + имя): *Та́нька-то до́черь* в́зamuш ушла. ШЕНК. *До́черь Васили́са* о́крук своёго огоро́ца з баташко́м ходит. ВИЛ. *До́чечка* была *Таню́ша* умерла. ПРИМ. *Ли́да до́чи* да *То́ня* йезь *до́чи*. ПИН. У него веть *Ва́лечка до́чка* осталась. ПИН. Береги сынове́й и о́собенно *до́цюрку Зи́ну*. МЕЗ. Это *Га́ля до́цюша* вышивала. ЛЕШ.

Обращение (ТР + имя): нет

Обращение (ТР без имени): Иди́, *до́чи*. ВИЛ. Прошай, любимая моя́ *до́чка*! — последне́ слово. ПИН. Сосётки маму укори́ли: Куда́ дочку береге́ш? Она́ заплакала, сказа́ла: *до́чь*, последний год живе́ш (Ф). — Замуш отда́ют. ПИН.

В номинации имя сопровождает ТР достаточно активно, в обращении чаще всего используется только имя — союз ТР с именем не зафиксирован. ТР в вокативной функции используется редко.

6. Сын

Синонимический ряд понятия ‘родной сын’ содержит более 10 лексем (с корнем *сын-*), из них в вокативной функции зафиксировано лишь 4.

Номинация (ТР + имя): Я роди́ла *Ва́сеньку сыно́чка*. ПИН. Ёр. Ма́мушкин *сыно́к Онто́н*, фторо́й Микола́й, Манёфа. МЕЗ. Фсе́ *Ва́ле́рик*, золоти́й *сыно́к*. УСТЬ.

Обращение (ТР + имя): Де́тям сво́йм да чита́ют: Доро́гие вы мои́ да *сыночки*, *Никола́юшко да Алекса́ндрушко*, уш осироте́ли вы да не во́время, не во́время да не во́ пору... (Ф). ПИН.

Обращение (ТР без имени): Здра́стуй, *сы́на*, при́йе́хал. КРАСН. Не на́до таку́ пота́чку дава́ть, *сыно́чек*. ПИН. Вот, *сыно́чек доро́гий*, што жо́нки-то де́лают. В-Т. Не ска́жот мамка доро́гая: Става́й, *сыно́к*, попе́й ча́йку... (Ф). ПИН.

Имя при ТР используется достаточно редко. Пример на употребление в вокативе ТР при имени собственном содержится в похоронном причитании, которое ведется как бы от имени покойного, в конструкции несобственно-прямой речи. В обращении обычно личное имя. В качестве обращения к детям (в том числе взрослым) используются и лексемы со значением ‘старший’ — ‘младший’, различающие время появления детей на свет:

Мамаша (свекровь) скажут: сегодня во такой наряд: ты, *Якоф*, будеш возить назём, а ты, *старший*, будеш намётывать. ОНЕЖ. *Малой*, далеко не убегай, с Виталинкой будеш. ШЕНК.

Эти же лексемы (в том числе субстантиваты) со значением ‘старший’ — ‘младший сын’ зафиксированы в союзе с именем:

Толик-от *большак* не захотел уицца. КОН. А *малый* сам *Коля* привёс нам дичину такую большую, я сижу тереблю эту дичину. ШЕНК. Я-то с *малым* живу, с *Онотољём*, Виталько — тот под горой. УСТЬ. И *Ваня*, *малой*, тожо такой трудник. ЛЕШ.

Для понятия ‘родной сын’ используются лексемы, изначально обозначающие половозрастную категорию — ‘мальчик’, ‘невзрослый молодой человек’ (*парень*, *парнёк*, *паря*, *детёш* и пр.), которые в качестве обращения используются чаще, чем ТР с корнем *сын*- (в приводимых ниже примерах мать обращается к своему родному сыну):

Ты учишь, *парень*, тебе надо учица. ПИН. Ско́лько мо́жно теря́ть? — Ско́лько надо, *парнёк*, у тебя племянников до лэшэва. ШЕНК.

То же в номинации (о взрослом сыне):

Фёдор-*детёш*, тот на Артуме. ЛЕШ.

7. Сестра

У ТР со значениями ‘сестра’ и ‘двоюродная сестра’ лексемы часто совпадают, иногда в пределах одного говора, поэтому мы рассматриваем их в одном параграфе.

Синонимический ряд понятия ‘родная сестра’ содержит 20 лексем (с корнем *сестр*-), из них в вокативной функции зафиксировано 4. Синонимический ряд понятия ‘двоюродная сестра’ содержит более 20 лексем с корнем *сестр*- и около 15 с другими корнями, из них в вокативной функции — 8.

Номинация (ТР + имя):

О родной сестре: У меня *Марья-сёстра́* в Москвы. ПИН. Мне *Маиэ сеструхе* говорили: привезу тебе лопатину (одежду). ВИН.

О двоюродной сестре: *Сёструнья Анна*-то. КАРГ. *Сеструха Та́лька* тожо умерла. ПИН. А это *Рая сестреница* йёсь. МЕЗ. *Дунька* у ней йёсь *сестреница*, да йейна балька (овца). ЛЕШ. Вот тут вот *Огафья двоюродница* — у йей во́семь (детей). ПРИМ.

Обращение-1 (ТР + имя):

О родной сестре: *Марья-сёстра́*, помоги! ПИН.

Обращение-2 (ТР без имени):

О родной сестре: А пошол, на колёньях пополс: — Просьти, *сестра́*! — Просьти, брателко, тебя и бох просьтит. Зайдём-ко, *сестра*, в магозин. Паша, здравствуй. — Здравствуй, *сестра*. ПИН. *Сестрёнушка*, я помираю от нок. В-Т. Ён идёт, падат мне на груди́ну: *сестри́чка*, што с тобой? КАРГ. Вот полюбуйся, *сестри́чка*, какой брателко пришол.

ПИН. Маменька ругайеца, братишка защищайеца: Иди, *сестрица*, на гулянку, милый дождайеца (Ф). Милая *сестриця*, ты мне не живица (Ф) — братья йесь, погоняй девок-то. ПИН. Лихо позевайеца, никто не догадайеца, догадался братец мой: пойдём, *сестричюшка*, домой (Ф). ПИН. Уш ты возьми, моя сродна *сестричюшка*... (Ф). ПИН.

О двоюродной сестре: *Сестреница*, ты, говорит, грижу заговаривай. МЕЗ. *Сеструха*, опохмель-ко меня, я тебе што хож зделаю. ПИН. Ой, *сеструха*, мне жалко, што мальчика увезут. ХОЛМ. Вот ходит ко мне: ну довай бат, *сестрица*, садись, чяю попей. ПИН. Ой, *двоюроденка*, у тебя ума палата. ОНЕЖ.

В случае как с родной сестрой, так и с двоюродной имя при номинации может присоединяться к ТР. В обращении обычно употребляется имя собственное (реже — ТР без имени):

Теперь фсё *по имени* зовут, не зовут там сестра ли тётка ле — фсё по имени. ПИН.

Помимо лексем с корнем *сестр-*, для понятий ‘родная сестра’ и ‘двоюродная сестра’ используется корень *чич-* (*чича*, *чичка*). Он тоже способен связываться с именем собственным в номинации:

Ну вот у меня А́нка да Тама́рка-то — вот это ра́ньшэ *цицькой* звали фсё. Везде таг звали, это ныне вроде как не зовут *цицькой*-то, фсё *по имени*. Пойду к *цицьке*. [Это родная сестра или двоюродная?] — Родна. Ну я пошла в го́сьти к *цицьке Анке* — либо вот так. Либо к *цицьке* в го́сьти пойду схожу. А ныне фсё к *сестры* веть. Бывай и *чичками* звали? Меня никто не звал — и я никого не звала. Люди как-то *чичками*, а у нас *сёстра* да *сёстра*. Мы не звали, мы *по и́мю* фсё звали. ПИН.

Если родная сестра имела племянников, другие сестры могли называть ее *тётой* и соответственно к ней обращаться. Это ТР легко соединяется с именем и в номинации, и в обращении:

Это моя *сестра* тут ыде, *тёта Са́ша*. *Тёта Таля* у нас последние вре́мё — *сестра* наша — нет ума, да фсё говорит: «Ма́ша в горот уехала» — а Ма́ша фсё с ней! О, *тёта Са́ша*, до последней ты кли́чки дожи́ла — и свекро́ф, и сва́тья, и бабу́шка, а тепе́ря и до прабабу́шки.

Еще одно значение лексем *чича*, *чичка* — ‘двоюродная сестра, значительно старшая по возрасту’:

Цицькой ране звали *двоюродную сестру*, ста́ршую. Ра́ньшэ йешо *чичкой* звали, йесли тебя ста́ршэ *двоюродна сестра*. *Цицька* — *двоюродна сестра*, *цицька Лю́пка*. Фсё *чича Ма́ша* звали. *Сестру́ха*. Это ра́ньшэ звали, до войны *чичками*. ПИН.

Слово *чича* / *чичка* оказалось необщепотребительным — оно стало «неудобным», его начали заменять:

Это я нынче *тётку Насьтю* стала *тётмой* звать, а раньше *чичя Насьтя, чичя Дуня*. Чичями неудобно тожо, вот перешла на *тётму Насьтю*. *Тёта Насьтя*, я пойду. ПИН.

Оказались взаимозаменяемыми понятия 'двоюродная (троюродная) сестра' и 'тётка' и в зависимости от возрастного соотношения родственниц: если одна из двоюродных сестёр оказывается значительно старше, младшая называет ее *тётей*, *тётушкой*:

Дак, поди, по тятэ мне *сестру́ха*-то, *тётка Федорка*. ВИЛ. Жыли ф Кузьнецове, там у меня ф Шыльде *тётушка* — не *тётушка*, *двоюродна сестра*. КАРГ. Сосетка *тётка* мне доводилась, она *троюродна сестра* жонке моей, но пожылая, *тёткой* звали. ШЕНК.

Напротив, если тётка и племянница попадают в одну возрастную группу, они предпочитают называть себя сёстрами, хотя знают, что «формально» это не так:

Йейной отец да мой дедушко — братья, из одного дому, дак мы *сестренницы*, но в опшэм, она мне-ка будёт *тёта*. ЛЕШ.

8. Брат

Синонимический ряд понятия 'родной брат' содержит более 30 лексем (с корнем *брат-*), из них в вокативной функции зафиксировано 4. Синонимический ряд понятия 'двоюродный брат' содержит около 15 лексем с корнем *брат-* и 7 с другими корнями, 3 лексемы выступают в функции вокатива.

Номинация (ТР + имя):

О родном брате: *Влад брат, Иван брат да Николай брат*, фсе братья. КАРГ. *Сестра Феклушка* да *брат Ваньша*. На дальны острова и бес права переписи. ПИН. *Илья брателко* приснился. НЯНД. *Братилко Йегор* говорит: «Берегись, сестра!» ПИН. *Брателко* у меня *Иван* слепой был. МЕЗ. *Фёдор братенко* помер сколько годоф, память зафтра. МЕЗ.

О двоюродном брате: Надо сходить к *Василию братану*. ПИН. Нхч. У йих эттока *Иван Иванович братан* проживает. У нас *Вани Ушакову* купили *братану*. Надо ужэ вот ф Село пойду схожу г *братану-то к Витьке* дэк пороскажот. ВИЛ. У меня *братанчик Ванчик*, я сестрёночка йего, он мою подругу любит, я товаришша йего (Ф). ШЕНК. *Брательника Веню* застрелили. В-Т. *Алёшка братаньчик*. *Братаньчик* тожо *Игнат*-от мне, свой, йегонный отец и моя мама — брат ы сестра. Мне *братик* сказал *Анатолий Фёдорович*: Не пей тоблетки, а пей изгон или зверобой. У нас *брателко Василий* фсе приговаривал: век — долга неделя. Жысь — не поле перетти. ПИН. Мой *двуйеродник Миша*. ХОЛМ.

Обращение-1 (ТР + имя): нет

Обращение-2 (ТР без имени):

О родном брате: Раньше дома рубят на два сразу брата. Давай, говорят, **брат**, срубим вместе дом. ПИН.

О двоюродном брате: **Брателко**, чево с тобой сделалось? КАРГ. Спасибо, **брателко**, на добром слове. Ты, **брателко**, не командуи в нашом доме. ПИН. Правду сказать, **братан**, мало она здорова, сеструха-та. ВИЛ. Поменейтесь, **братаньчики**. ШЕНК. Ой, **брателко**, я севодня натворила чудесоф! ПРИМ.

Имя собственное легко присоединяется к ТР в номинации — как по отношению к родному, так и к двоюродному брату. В обращении выступает самостоятельно либо имя, либо ТР.

Частотные обращения **брат**, **братец**, **братѧха** обычно направлены не к брату (родному или двоюродному), а к любому лицу мужского пола — неродственнику:

Братѧха, ты што, говорит, **братѧха**! МЕЗ.

или даже к лицу любого пола и возраста (в том числе к девушке, женщине) и даже к нескольким лицам, т.е. здесь мы имеем дело с экстраполяцией ТР на неродственников:

Дақ йей, **брат**, и хорошо з дочерью-то. КАРГ. Ну, **брат**, фся заскупила-то. ВЕЛЬ. Да што-то я ленива, **брат**, два раза валилась. ШЕНК. Сиди, **брат**, не выкуркивай. ВИН. Написалась ты много, досыта, у тебя, **брат**, ходит быстро. КАРГ. **Брацы**, ну-ко давай спробуем, половину згребём. МЕЗ. Таки дела, дефки-ребята-**брацы**. ПИН.

Такое обращение может переходить в междометие:

Ой, не стуку ни грому не бойца — **братцы мойи**, какой он смелый, дақ ой! ПРИМ. Лпш. Жыла (очень жадный), жыла Володя-то, **брат ты мой**, он и печи кладёт — мало не возьмёт. ХОЛМ.

9. Тётка

Синонимический ряд понятия ‘тётка’ / ‘сестра матери или отца в отношении к детям’ содержит 10 лексем (с корнем *тет-*), из них в вокативной функции зафиксировано 7.

Номинация (ТР + имя): Жывых-то **тёта** Дуня да **тёта** Надя. МЕЗ. Не ты росытила — **тётка** Надежда. КАРГ. У **тётки** Верки был муш Лаврентий. ВИЛ. Она: «**Тёточка** Рымочка идёт!» ПРИМ. **Тётушка** Дарья по цюжым людям находилась. ЛЕШ. Они с **тётей** Маней было приехали в войну. ХОЛМ.

Обращение-1 (ТР + имя): **Тёта** Матрёна, скажи дочерям поклон. КАРГ. Ой, **тётка** Павла, иш-отъ тея кожа-то оттенулася, скоро умрёш! ВИЛ. **Тётка** Анка, ты как фстанеш? ПИН. Она идёт, кричит: «**Тёточка** Рымочка!» ПРИМ. **Тётя** Груня, почему ты через их переживайеш?! ПРИМ. **Тётъ** Лида, у тебя йесть вино-то? ОНЕЖ.

Обращение-2 (ТР без имени): **Тёта**, я не люблю писём писать. ВЕЛЬ. Назафтре я пришла, она: **тётка**, много народу-то было? ПИН.

Сухарикоф твоих, *тётушка*, хочю, у тебя загорелыйе, румяныйе. ПИН. *Тёнька*, я хочю с тобой поговорить. ПРИМ. *Тётя*, нет ли сапок? КАРГ.

Все ТР, обслуживающие понятие 'родная тётка', легко сочетаются с именем, в том числе и в вокативе.

Родная тётка часто становилась крёстной матерью, поэтому лексемы, имеющие протозначение 'крёстная мать' (*божата*, *божатка*, *хрёстная*, *кока*), иногда используются и для обозначения 'тёти'; смешение функций провоцирует взаимозамену терминов:

У нас родная *тётка* называли *божата*. ПЛЕС. *Божатка* — оцу сестра мойему, Усьтинья, я так и звала йё — *божатка* (сестра отца не была её крестной матерью). У меня была *божатка*, мамина сестра была божатка. ШЕНК. Ребята много — *тётей* да *хрёсной* зовут. ВИЛ. Это у мамы сестра, мне *божатка*. ЛЕШ. Я не звала её *божаткой*, фсё *тётя*. ПИН.

В обращении при имени:

Ты чё, бабушка, к *коке Любе* пойдёшь? ВИН.

Тётей будет дальняя родственница среднего возраста:

Фсё, *тётя Владя*, ничего про него сказать нельзя, он полностью деградант. Ходит, летат, психует. ПИН.

Термин *чича* / *чичка*, по-видимому, прототипически относящийся к старшей сестре — родной или двоюродной (см. выше), оказался использован и в отношении к двоюродной сестре отца, т.е. к троюродной тётке, дальней родственнице: дети называют родственницу так же, как и их отец. Термин сопровождается именем собственным:

У оца двоюродну сестру дёти зовут *чичками*. А у мамы — *по и́мю* звали. Отец нам сказал — и мы звали *чичка Майша*, хоть ты лопни. *Чичка Майша* была и *чичка Оксёнья*. ПИН.

Если возраст тётки приближается к возрасту «бабушек», ее могут называть тем же термином, что и бабушку (пожилую женщину):

Она-то им *тёта*, а они фсё *бабой Лизой* зовут. ПИН.

10. Дядя

Синонимический ряд понятия 'родной дядя' / 'брат матери или отца в отношении к детям' содержит 15 лексем (с корнем *дяд-*), из них в вокативной функции зафиксировано 2.

Номинация (ТР + имя): Вчера *дятька Вовка* посулил сходить за грибами. ВИН. Там *дядюшко Арсёньтий* дал игрушку, он приломал. МЕЗ. *Дядюшка Пётрушка* говорит: «Сколько у тебя дровён?» НЯНД. Посмотри, где *дядюшко-то Олександр* родился. ПРИМ. 3 *дяди*

Мишыной дочью. ХОЛМ. У меня *дядя Йегор*, *дядя Василий* по матери — лес возили. ПИН. Йещё не дядя звали ф старину — дедя, *дедя Миша*. ВИЛ. Дядя был, дядя — а фсё пошто-то скажэм *дедя Ондрей*. МЕЗ. *Дедю Ваню* созвали, дётко сел — и поехали засватывать. ШЕНК. И *дядя Петро* не пришёл, и хресьница не пришла. У нас у таты тожэ был брат, *дядя Стёпка*. *Дядя Пётка* проздравил. ПИН.

Обращение-1 (ТР + имя): нет

Обращение-2 (ТР без имени): Спасибо, *дядюшка*, ты меня на добро толкайеш. КРАСН. О, *дядя*, я медведя насмотрелась. ОНЕЖ. Возьми, *дедя*, вереску, насеки, упарь. КРАСН.

Имя собственное многократно зафиксировано в союзе с ТР в случае номинации, но в вокативной функции в картотеке АОС зафиксировано лишь к неродственнику:

Я веть тожэ в годá была, а он вдовёл, жэна умерла. Я не пойду́ за тебя, *дядя* Вася, не за вжысть не пойду! МЕЗ.

Думается, это связано с тем, что лексема *дядя* и его наиболее частотные дериваты (*дяденька*, *дядечка*, *дядюшка*) не являются в своем основном значении словами специфически диалектными и поэтому не фиксировались специально — кажется, что в узусе в обращении к родному дяде ТР должен сопровождаться именем достаточно часто.

11. Племянники

В вокативной функции ТР, связанные с понятием ‘племянник’, используются редко — из 22 лексем, употребленных в номинации для понятий ‘племянник’, ‘племянница’, ‘внучатый племянник’, ‘внучатая племянница’, как обращение встретилося всего 4.

Номинация (ТР + имя):

О племяннике: *Коле* тут *племяннику* спутья, он говорит: я свезу́ их. ШЕНК. *Племеньник Витеньтий да Вася*. ЛЕЩ. А *Василей племянник* живё ф Кушкополы — тётá, к нам, к нам, к нам! Я каг завижу — фсё с *Васильем с племянником*. ПИН. *Племянник Никанор* мне, родник. МЕЗ.

О племяннице: *Племеньнка Марёюшка*, это уш пáмьть Марёюшки. ОНЕЖ. *Наташа*-то пишот, *племянка* моя. КАРГ.

Обращение-1 (ТР + имя): Ну-ко, *племеньника*, ставай, *Ли́зонька*, ставай. КАРГ.

Обращение-2 (ТР без имени): *Племеньнка*, máло, náдо ишо стронить (срубить). КАРГ. Он фсё меня: *племеньнка*, *племеньнка*. ВИЛ. *Племеньнка*, а горесьти не потерпиш, дак и сладосьти не увидиш. ЛЕШ. Понеси лешый тебя, *племеньничко*! Матка-то живёт ў готовой избе, не плачено, да и сын-от. КОН. Вы, *племянничьки родны́е*, потужыте обо мне (Ф). КОН. Уш *племеньичьки* вы нашы

родные, не видали ли нашей сестры, сестры родимой, нашей Ули-дочери... (Ф). ЛЕШ.

Имя собственное сопровождает ТР главным образом в номинации.

12. Внуки

Синонимический ряд понятия 'внук' / 'сын сына или дочери', содержит 15 лексем, из них в номинативной функции зафиксировано 14, в вокативной — 3. Синонимический ряд понятия 'внучка' / 'дочь сына или дочери' содержит 12 лексем, из них в номинативной функции зафиксировано 12, в вокативной — 1. Синонимический ряд понятия 'внуки' / 'дети сына или дочери', содержит 11 лексем, все они употреблены лишь в номинативной функции, в вокативной не зафиксированы. Таким образом, встретились всего 4 лексемы, использованные в качестве обращения, но и там примеры единичны.

Номинация (ТР + имя):

О внуке: У меня то́жо йе́сь *вну́к Илья́*, у ма́лой-то у до́чки. ШЕНК. Да два внучёнка да *вну́к Са́ша*. ЛЕШ. Вот де́да-то стои́т с *вну́ком* с *Дени́ском*-то, ма́ленькой тут, а те́перь ста́л та́кой де́рगा́ч, вы́сокой! КАРГ.

О внучке: *О́льга вну́ка* йе́сь ф Плисе́цке. ПЛЕС. Ну́ у на́с *вну́ка* йе́сь *Иро́чка*. ШЕНК. Вот *вну́ка* у меня́ *Ма́ша* в Арханге́льске учи́ща. ШЕНК. *Да́ша* — *внуче́чка* моя́. ПРИМ. Вари́ла та́м *вну́ка И́рка* у их. УСТЬ. У *вну́ки* у *Ната́ши*-то му́ш прие́де́ копа́ть (карто́шку). ПИН. За́втра с *вну́кой* с *Ле́ной* пойду́т на телефо́н. ПИН.

О правнучке: У меня́ *правну́ка Кристи́на* йе́сь. КАРГ. Э́то моя́ *правну́ка Але́на*. ПИН. У мя́ *правну́ка Лено́чка*-то. ВЕЛЬ. Она́ иде́т с *правну́кой* с *Анну́шкой*. КОН.

Обращение (ТР + имя): нет

Обращение (ТР без имени): Каг бу́деш гово́рить: Э́й, *вну́чек!* КАРГ. Щя́с, *вну́чюшко*. МЕЗ. Ты зде́сь, *вну́ково?* ПРИМ. Же́ланенька ты́ моя *вну́чю́чка!* ОНЕЖ.

Имеется косвенное указание на то, что слово *вну́ченька* употреблялось и в вокативе (в сопровождении имени):

Вну́ченька зва́ла, *Капу́шка* назо́ве́т, голу́бушка — она́ (бабу́шка) о́чень бы́ла до́брая. ОНЕЖ.

Термины со значением 'правнук' в вокативной функции не зафиксированы. И в обращении к внуку, и в обращении к правнуку обычно используются личные имена:

А у ме́ня *вну́ка* и́ гово́рит: Чт́о твоя́ пе́нсия — гро́шы. А я́ гово́рю: *На́стя*, э́ти гро́шы на́до зарабо́тать. ШЕНК

Из таблицы видно, что в номинации практически любой ТР может сопровождаться именем собственным. В вокативе массо-

вые примеры, когда имя сопровождает ТР, встретились только для лексем с понятиями ‘бабушка’ и ‘тётя’ — в остальных случаях используется либо только ТР, либо только имя.

	Номинатив			Вокатив		
	ТР	ТР + имя	имя	ТР	ТР + имя	имя
1	мать	(+)	—	+	—	—
2	отец	(+)	—	+	—	—
3	бабушка	+	—	+	+	—
4	дед	+	—	+	+	—
5	дочь	+	+	+	—	+
6	сын	+	+	+	(+)	+
7	сестра	+	+	+	(+)	+
8	брат	+	+	+	—	+
9	тётка	+	—	+	+	—
10	дядя	+	—	+	(—)	—
11	племянники	+	+	+	—	+
12	внуки	+	+	(+)	—	+

В скобки взяты позиции, когда примеры зафиксированы, но представляются нам не вполне корректными (+), либо примеры отсутствуют, но это отсутствие представляется нам случайным (—).

Практически полное отсутствие личного имени при терминах, обозначающих отца и мать, принято связывать с древнейшими запретами (в современной русской северной деревне совершенно неосознаваемыми): «Семейные табу на имена — явление очень сложное, и они выросли не из одной какой-нибудь причины. Первичной основой мы склонны признавать, вслед за Фрэзером, верования в магическую силу имени... У турок Алтая дети не произносят имени своих родителей, как бы считая себя недостойными этой чести... Тот же самый запрет отмечен и у сойотов... и у карагасов... У русских не сохранилось прямого запрета, но фактически дети никогда не называют своих родителей по именам, а только: *тятя, батя, мама* (мои наблюдения...)» [Зеленин 1930: 139–140].

Действительно, имена родителей настолько редко звучат в семье, что ТР *papa, мама* воспринимаются детьми как личные имена [Доброва 2005]. Это связано еще и с тем, что ТР легко переносятся на свойственников и неродственников. После рождения уже первого ребенка жена называет своего мужа словом, которым в данном говоре принято называть отца (*батя, тата, тятя* и др.), соответственно муж называет свою жену словом, которым обозначают мать. Когда супруги достигают почтенного возраста, они превращаются в *деда* и *бабку* — иногда вне зависимости от появления реальных внуков: подавляющее число обращений *дедко, дедо*, записанное в АГ, адресовано не деду и

прадеду, а мужу. То же касается номинации. Ср. у Зеленина: «...словесные запреты во взаимоотношениях между мужем и женой развились в теснейшей связи с верою в магическую силу имен... У сербов жена зовет своего мужа большею частью местоимением *он*; называть мужа по имени ей запрещено... Украинки на юге Киевщины тоже зовут своих мужей большею частью местоимением *он*... У русских широко распространена *текнонимия*: после рождения ребенка супруги именуют друг друга: *отец, мать*; прямого запрета на имя супругов нет, но явные следы его сохраняются в переживаниях (мои наблюдения); между прочим, жена даже молодого своего мужа часто называет *старик*... Осетин не называет по имени своей жены, так же как и своей матери... У хевсур муж и жена не имеют права называть друг друга по имени...» [Зеленин 1930: 140–141].

Наблюдается постоянная диффузия ТР. Так, пожилая женщина может оказаться *мамкой, мамашей, бабой, бабусей, бабушкой* и пр.:

Старушэк *мамкой* звали. УСТЬ.

Большая часть ТР в случае переносов ведет себя так же, как и в своем основном значении, — в номинации ТР могут сопровождаться именем, например, когда речь идет о пожилой женщине (*бабуся, бабушка*), пожилом мужчине (*дедко, дедушко*), мужчине, старшем по возрасту (*дядя, дядька*) и пр.

Номинация (ТР + имя) (о неродственниках): *Бабуся-то Марфа*, ПИН. *З бабушкой Кузихой* поговорить надо, — давнишний-то она человек. ПРИМ. У *детка-то у Павла* ницего не написали? НЯНД. Много записали у *детка Анто́на*? ЛЕШ. Я *детка Володи*. КАРГ. Это *дедушко Микиря* ф пристарелом доме, йево поят-кормяд дак. УСТЬ. Идёд *дятька Филип*. ЛЕШ. Вот онё у *деди-то Андрюшы* и запросили гармонию. Андрюшка, я *дяди Григорья* видела Витю. ПИН.

Обращение-2 (ТР без имени) (о неродственниках): Ничего, *мамаша*, ишэ страшней бывайет. ПИН. *Бабушка*, возьми, по дешовой оддам. КАРГ. Лежыт мужык в ухабе. Сечяс тибя, *детко*, розйедут! ВЕЛЬ. *Дедо*, не хлопайсе, не дерись! ЛЕШ. *Дедушко*, ты ли живёш один? ПИН. «*Дятька*, ты крайний?» — «Я, *тётка*», — стоял за повидлой. КАРГ. Ты, *дядя*, не скружал ли (не сошел с ума), бочки делаеш ф Крешшэньё?! ШЕНК. На Березьнике магазина, *внучка*, нет. ПИН.

Они могут сопровождаться именем собственным и в вокативной функции:

Обращение-1 (ТР + имя):

К пожилой женщине: Тебя, *баба Фаня*, не б́дет — фсе́ унесу́т, фсе́ дома оползаю́т. ХОЛМ.

К пожилому мужчине, старику: *Де́до Ми́ша*, ййм снима́це на́до. НЯНД.

К старшему по возрасту мужчине: *Дя́дя Ва́ля*, Олёшку поре́зали! ШЕНК.

К женщине: Буть каг до́ма, Ве́рушка, *бра́т*. ОНЕЖ.

Мы проанализировали сочетания ТР с именем собственным в функции номинатива и вокатива. Похожий анализ может быть проведен с терминами свойства, заместительного и духовного родства, но это уже задачи иной, следующей работы.

¹ URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. К сожалению, автор не указан.

² Значительные по объему синонимические ряды образованы в основном за счет словообразовательной деривации: *ма́ма, ма́мо, мама́нька, маманя́, мамаша́, мамаше́нька, мамашка́, маменка́, маменё́нька, мамка́, мамонё́нька, мамонё́нко, мамочка́, мамошка́, мамуля́, мамуни́ха, маму́ха, маму́хина, маму́чина, маму́ша, маму́шка, маму́шко, мамы́нька, мата́, мате́нка (матинка́), мате́нко, мате́нька, мате́рёнка, мате́рёшко, матери́шка, матери́шко, мате́рка, мате́рь, мате́ря, ма́ти, ма́тина, ма́тка, ма́тко, ма́тоне́нька, ма́точка, ма́тушка́, ма́тушко, ма́ть, ма́тя; корми́льница́, роди́мая, роди́тельница, роди́ная*. Подчеркивание обозначает, что лексема зафиксирована не только в номинативной, но и в вокативной функции.

³ (Ф) — указание на фольклорный характер примера.

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. М., 1980–2010. Вып. 1–13 (изд. продолжается). URL: <http://www.philol.msu.ru/~dialectology/dictionary/>.

Доброва 2005 — *Доброва Г.Р.* Онтогенез персонального дейкиса: личные местоимения и термины родства: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005.

Зеленин 1930 — *Зеленин Д.К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сб. МАЭ. Л., 1930. Т. IX.

КАОС — Картоотека Архангельского областного словаря. МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, каф. русского языка, каб. русской диалектологии.

Список сокращений районов Архангельской области

В-Т. — Верхнетоемский
ВЕЛ. — Вельский
ВИЛ. — Вилегодский
ВИН. — Виноградовский
КАРГ. — Каргопольский
КОН. — Коношский
КОТЛ. — Котласский
КРАСН. — Красноборский
ЛЕН. — Ленский
ЛЕШ. — Лешуконский

МЕЗ. — Мезенский
НЯНД. — Няндомский
ОНЕЖ. — Онежский
ПИН. — Пинежский
ПЛЕС. — Плесецкий
ПРИМ. — Приморский
УСТЬ. — Устьянский
ХОЛМ. — Холмогорский
ШЕНК. — Шенкурский

М.В. Ахметова

ГОРОДА КАК РОДСТВЕННИКИ (об одном типе метафорического употребления терминов родства в русском языке)*

Метафорическое употребление ТР свойственно самым различным культурам и свидетельствует об антропоцентричности языковой картины мира (см.: [Качинская 2004]). В русской языковой традиции наряду с употреблением ТР в качестве атрибутивов наподобие *земля-матушка* или *Покров-батюшка* распространено также метафорическое установление «родственных связей» различных объектов между собой и между ними и человеком. Выбор ТР обуславливается семантически. Например, термины *мать* (*матушка*) и *отец* (*батюшка*) употребляются прежде всего для объектов, обладающих «порождающей», «главенствующей» или «покровительственной» семантикой, ср., например, в духовном стихе о Голубиной книге: *Который город городам отец? Кая церковь всем церквям матери?*; пословицы: *Мать наша, гречневая каша: не перцу чета, не прорвет живота* или *Кому война, а кому мать родна* (по-видимому, той же «порождающей» и «главенствующей» семантикой наделен реже встречающийся термин *дедушка* в пословице *Аржаной хлебушко — пшеничному дедушка*)¹. Термины *брат* и *сестра* используются обычно для обозначения объектов, статусно равнозначных или обнаруживающих между собой сходство либо близость по тем или иным признакам (например: *Калачик — сестрица, а ржануха — родной братец* [Даль 1978–1982 (1): 22, ст. «Аржанец»]², *Он [собор Василия Блаженного] стоял, как брат Кремля* (В. Котов, «Храм над Москвой-рекой», 1966), «*сестра*» *селетки* (из кроссворда, отгадка: сайра — «Weekly International Russian Newspaper»; 30.07.2007³) и т.д.). При этом, если такого рода объекты обладают разным статусом или между ними существует некоторая преемственность, к ТР может добавляться определение *младший* или *старший*, например: *Младший брат этого автомобиля — ХС70 — является лишь немного поднятым универсалом* («АвтоМир»; 21.01.2006); *...Именно фантастика — старшая сестра космонавтики, не наоборот* («Гудок»;

* Статья написана при поддержке Центра гуманитарных исследований РАНХ и ГС и Фонда Михаила Прохорова (Карамзинские стипендии).

05.10.2007) и т.д. Русскому фольклору известны и псевдосемьи (например, в солдатской песне: *Наши деды — славные победы... наши матки — белые палатки... наши жены — ружья заряжены... наши сестры — штыки, сабли острые... наши детки — пули наши метки*; в советской частушке: *Партия — мне мать родная, / Комсомол — отец родной, / Не нужна родня такая, / Буду лучше сиротой* и т.д.).

Применяются ТР и к географическим объектам (широко распространены формулы *Русь/Россия-матушка, Урал-батюшка, Волга-матушка, Сибирь-матушка* и т.д.). В сборнике пословиц В.И. Даля обнаруживаются следующие паремии: *Новгород — отец, Киев — мать, Москва — сердце, Петербург — голова; Матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая, Москва — кому мать, кому мачеха, Москва — всем городам мать, Елец — всем вора́м отец* [Даль 1957: 329–331, 341]. Очевидно, что перечисленные клише и паремии иллюстрируют ситуацию, когда город объявляется «родственником» для человека. Такая языковая стратегия популярна и в наши дни (прежде всего в фольклоре, литературе и публицистике), но есть и другая стратегия, устанавливающая родственные отношения между городами, т.е. когда один город позиционируется как сын, брат, муж и т.д. другого. Отчасти это соотносится с определением одного города через другой (ср.: *Москва — Третий Рим, Елец-городок — Москвы уголок, Могилёв-Подольский — вторая Одесса* и т.д.).

В данной статье преимущественно на материале XX — начала XXI в. (средства массовой информации, художественная литература, экскурсоводческие тексты, блоги и форумы) рассмотрены метафорическое употребление ТР по отношению к городам и его культурные функции.

Отец, мать

«Детско-родительские отношения» устанавливаются в языке как между городом и человеком (людьми), так и между городом и городом (городами).

Какой-либо человек именуется отцом или матерью города, если это его основатель или лицо, представляющее городскую власть, что в целом соотносится с клише, соответственно, *отец-основатель* и *отцы города*. Такого рода именованья встречаются в публицистике (например, в смысле ‘основатель’

отцом Москвы может называться Юрий Долгорукий⁴, а отцом Петербурга — Петр I⁵; в смысле ‘градоначальник’ отец Москвы — Юрий Лужков⁶, отец Петербурга — Владимир Яковлев⁷, примечательно также пародийное прозвище Валентины Матвиенко — «едрена мать Петербурга»⁸, впрочем, не очень понятно, действительно ли оно бытует или является журналистским окказионализмом). Чаше же «отцы» какого-либо города как представители власти выступают во множественном числе и безымянно⁹, что вторично по отношению к формуле *отцы города*.

Что касается употребления ТР, соотносимых с семантическими полями «мать» и «отец», в связи с собственно городами, можно выделить две основные стратегии.

Первая стратегия обусловлена семантикой старшинства и высокого статуса, свойственной названиям родителей, и сводится к объявлению того или иного города отцом или матерью других городов (или отдельного города). Прежде всего это касается формулы *мат(ер)ь городов* (изначально о Киеве), восходящей к «Повести временных лет». Эта формула является калькой с греческого *μητροπολις* и для русской культуры не уникальна: например, аналогичные формулы со Средних веков существуют в отношении Праги (чеш. *Praha matka měst* / лат. *Praga mater urbium*), Мекки («мать всех городов» — Коран, сура 6, аят 92); ср. также пол. *Kraków pan, Poznań (Lwów) ojciec, Warszawa matka każdemu* [Березович 2007: 106] и т.д. Благодаря своей известности формула *мать городов русских* метафорически может заменять название украинской столицы, не требуя пояснений¹⁰.

С конца XVIII в. в художественных и публицистических текстах *матерью городов (русских)* начинает именоваться Москва [Неклюдов 2005]. Эта риторическая формула широко используется по сей день, например, газета «Вечерняя Москва» (01.09.2004) предлагает москвичам во время празднования дня города *испытать чувство гордости за город, который является столицей столиц, матерью городов русских, сердцем и оплотом всего нашего славного Отечества*. Чтобы оспорить у Москвы это звание, иной город должен быть основан раньше нее (например, в публицистике так может называться Старая Ладога¹¹). В шутку формула может применяться к любому городу, и чем он моложе и меньше, тем больше ирония (так, в блогах и форумах матерью городов могут называться Саранск, Сатка,

Воронеж, Томск, Пермь, Уфа и др.) — очевидно, это сродни ироничному именованию любого города «городом-героем».

Вторична по отношению к *матери городов русских* формула *отец городов русских*. Так в современном узусе может именоваться Киев (что, очевидно, обусловлено его грамматическим родом)¹² или Новгород¹³ (ср. упомянутую выше поговорку, зафиксированную В.И. Далем).

Чаще города объявляются матерями (отцами) городов какого-либо региона. Например, Чердынь называется матерью городов пермских, уральских или прикамских¹⁴, Арамилъ — матерью городов уральских или свердловских¹⁵, Кола — матерью городов кольских¹⁶, Азов — отцом городов донских [Цыпкина 2007], Полоцк — отцом городов белорусских¹⁷ и т.д. У сибирских городов оказывается несколько прародителей. *Матерью городов сибирских* устойчиво по крайней мере с середины XX в. именуют Тюмень¹⁸, отцом — Тобольск¹⁹ или Енисейск (последний также — «отец городов Красноярского края») ²⁰. Это действительно самые старые города Сибири (Тюмень основана в 1586 г., Тобольск — в 1590 г., Енисейск — в 1619 г.); очевидно, что Енисейск может являться «отцом» городов Восточной Сибири, а Тюмень и Тобольск — Западной, причем Тюмень — по старшинству, а Тобольск — по своему бывшему высокому статусу. Очевидны и региональные предпочтения в выборе «родителей»: Тюмень и Тобольск называют «матерью» и «отцом» прежде всего в Тюменской области, Енисейск — в Красноярском крае; кроме того, в Омске матерью городов сибирских считается Тара²¹. Оказационально матерями «городов Сибири» могут называться также Омск²² и Иркутск²³. В блоге мне также попало ироничное определение Снежинска как матери городов уральских.

Другая стратегия связана с «родством» города не с другими городами, а (имплицитно) либо со всем (русским) народом вообще, либо со своими жителями, либо с определенной социальной группой. Так, именование Москвы *матушкой* отмечено в фольклоре и литературе начиная с конца XVIII в. [Неклюдов 2005]. Петербург традиционно называется *батюшкой* (ср. паремию *Батюшка-Питер бока повытер*) и *отцом* [Топоров 1995: 331, сн. 23]. *Батюшкой* и *матушкой*, по продуктивной фольклорной модели, могли называться и другие города, как в литературе: *Пойдут чумаки либо старчики какие мимо хутора* —

только слово сказать: в один мент за Ростовым-батюшкой очутишься (И.А. Бунин, «Суходол», 1911), так и в фольклоре: ...Первая поклажа моя — град велик Казань, а вторая поклажа — матушка Астрахань, а третья поклажа — немощна Сибирь... [Майков 1994: 105, № 263]. Продолжается эта традиция и в наши дни, приведу некоторые примеры: *Очёр-батюшка: Повествование о земле Притыкинской* (название книги А.В. Ширинкина. Пермь, 2003); *Ростов-батюшка* (название экскурсионной программы, проводимой в Ярославской обл. компанией «Интелтур»); *В ясный морозный февральский день 1943 г. я смотрел на бредущих немцев. <...> Вот и Батайск, через Дон сам Ростов-батюшка* («Амурская правда», 2005); *Эх, дородна, матушка-Самара! / Здесь в чести купеческий уют...* (Кан Д. Льяная выюга // Литературная газета. 05.03.2003); *Говорю зятю: «Отправляйте меня обратно в Казань-матушку»* («Челнинские известия» (Набережные Челны); 30.01.2009), *О милая матушка — Вологда, / Родная моя старина, / Ты место извечного волока, / Истоков родных сторона* (стихотворение выпускника одной из вологодских школ 1967 г.)²⁴; [Названия спортивных команд:] *Волга из батюшки-Симбирска, Родина из матушки-Вятки, да Ракета из матушки-Казани*²⁵; *Плыть по Волхову до Ильмень-озера, до батюшки-Новгорода?* (Попов В. Прелести лета. Запись водной феерии // Звезда. 2004. № 1); *Конечно, привлекает внимание любителей российской истории и самобытности и сама матушка-Рязань* («Аргументы и факты — Рязань»; 21.03.2007); *О, сколько личностей известных дала миру матушка-Пермь!* («Вечерняя Пермь»; 25.11.2004); *Спи, моя добрая матушка-Тверь* (М. Круг, «Милый мой город», 1996); *А за матушку Тюмень можно только порадоваться — она выходит в число цивилизованных городов...* («Тюменский курьер»; 04.09.2003); *...Вез он на рынок в родную матушку-Одессу 560 кг рыбы* («Николаевские новости»; 20.12.2000); *Нет-нет да и обругаем Кострому-матушку за обветшалость и медлительность, за отсутствие делового напора и великосветского шарма* («Костромские ведомости»; 20.11.2007).

В блогах и форумах также упоминаются «батюшки» Воронеж, Тамбов, Екатеринбург, Нижний (Новгород), Иркутск; «матушки» Калуга, Коломна, Сызрань, Уфа и Астрахань.

Городов-«матушек» существенно больше, чем «батюшек» (что особенно интересно, учитывая, что городов с женским

грамматическим родом на карте России намного меньше, чем с мужским). Вероятно, это обусловлено культурным архетипом, наделяющим город женской природой (см. [Неклюдов 2005]). В то же время очевидно, что термины *батюшка* и *матушка* по причине их некоторой архаичности применяются прежде всего к городам, ассоциирующимся со старой Россией или с семантическим полем «русское народное» — поэтому странно бы звучали, например, **батюшка-Пятигорск*, **батюшка-Кызыл*, **батюшка-Салехард* или **матушка-Назрань* (обнаружилась, однако, *матушка-Воркута*, что, вероятно, связано с ее особым статусом как одного из центров ГУЛАГа²⁶: «матушка» здесь — горькая ирония).

Номинация *отец*, кроме исторического «Петербург-отец», устойчиво применяется к Ельцу в старой паремии «Елец — всем вора́м отец». В современной публицистике поговорка является благодатным полем для пародий, так, в заголовках местных и российских газет Елец становится «отцом» «туристическим зонам» («Туристический бизнес»; 15.04.2007), «всем наркома́нам», «всем бегунам [от армии]», «всем амнистированным», «алкоголикам», «талантов» («Липецкая газета»; 06.11.1999, 27.04.2000, 20.07.2000, 20.09.2002, 11.06.2003), «всем шприца́м» («Комсомольская правда — Воронеж»; 01.12.2000), «всем купца́м» («Версты» (Москва); 07.06.1999), «силача́м» («Российская газета»; 07.09.1996) и даже «всем города́м» («Российская газета»; 20.07.2001).

По-видимому, по отношению к «Ельцу — всем вора́м отцу» вторична поговорка «Самара — всем вора́м мать», ср.: *В 1902 году в Самаре неимоверно увеличилось количество всевозможных краж — от карманных до квартирных со взломом. Полиция не успевала отлавливать любителей чужой собственности. Пораженные таким наплывом жулья, самарцы произвели на свет поговорку, которая быстро прижилась в городе: «Самара — всем вора́м мать!»* («Самарская газета»; 21.01.2009) — впрочем, других аналогичных текстов обнаружить не удалось.

Атрибутивы *папа* и *мама* изначально присваиваются соответственно Ростову-на-Дону и Одессе, которые выступают в роли своеобразной пары. «Родителями» они являются изначально для преступного мира, происходят из воровского языка и находят отражение в блатной песне²⁷. По мнению А.А. Сидорова, поскольку к концу XIX в. Ростов и Одесса стали центра-

ми уголовного мира России, преступники и бродяги в ответ на вопрос о родственниках отвечали: *Ростов — папа, Одесса — мама* [Сидоров 2005: 94] (скорее всего толкование относится к области фольклора, хотя такая паремия действительно существует). Реже Одесса именуется *матерью* (например, в песне «Эх Одесса, мать Одесса» из альбома Аркадия Северного «Фартовый яд», 1974), а Ростов — другими фамильярными «отцовскими» терминами: *папаня (Одесса-мама, Ростов-папаня / Нам завещали с тобою, кент: / Хороший мент — холодный мент* [Рубинштейн 2008: 220]); *батька (Одесса — мама, Ростов (Харьков) — батька* (рус., укр) [Березович 2007: 106]). Иногда то, что эти города являются «родителями» для людей, проговаривается напрямую, ср., например, паремию *Ростов — мой папа, Одесса — мама* или пример из современной песни: *Я часто вижу тебя с этапа, / Ростов — мой город, Ростов — мой папа...* (К. Ундров, «Ростов мой папа», 1995).

Уже в литературе середины XX в. клише *Одесса-мама* могло употребляться без уголовных коннотаций (например: *Харьков <...> по своим размерам, по великолепию и огромности домов, по аристократическому шику жизни и по блеску парижских костюмов, по обилию безумных развлечений <...> стоял куда ниже не только столиц, но и таких губернских городов, как Киев и Одесса-мама* (А.И. Куприн, «Ральф», 1934)). В современной публицистике это клише, как и *Ростов-папа*, также может употребляться вне связи с блатной средой.

Переосмысление этих формул приводит к тому, что рядом с «Одессой-мамой» на месте Ростова появляются другие «папы». Здесь можно выделить несколько аспектов. Первый обусловлен уголовными коннотациями: *Говоря о криминальной обстановке, отмечу, что город Тирасполь является промежуточным по пути следования криминальных элементов из Одессы-мамы в Кишинев-папу* («Честное слово» (Новосибирск); 01.10.1998); *Одесса — мама, а папа — Кривой Рог* («Первая Крымская» (Симферополь); 14.09.2007; заголовок статьи о торговле наркотиками в Кривом Роге); *Одессе-маме от Львова-папы* («Крымское время» (Симферополь); 15.04.1998; заголовок статьи о торговле наркотиками); *Одесса-мама, Петрозаводск-папа* («Репортер» (Карелия); 14.03.2003; заголовок статьи о воровстве в Петрозаводске).

Второй аспект — эмигрантский (в том числе еврейско-эмигрантский). Исторически устойчиво «папой» назывался

Харбин — один из центров эмиграции из России в 1920-е гг.: Магазины принадлежали евреям и грекам. Извозчики кричали: «Гривенник в Палестину!» — из-за того, что там много евреев жило... У нас говорили: «Харбин — папа, Одесса — мама...» (Д.И. Рубина, «Наш китайский бизнес», 1999); Мне казалось, что харбинские евреи очень любят свой Харбин, примерно наподобие того, как прежде одесские евреи любили свою Одессу. Недаром же сложилась здесь еврейская поговорка: «Одесса — мама, Харбин — папа!» (о 1920-х гг.) [Серебренников 2003: 526]; в 1936 г. в Берлине был записан на пластинку популярный в Харбине веселый фокстрот с названием «Харбин-папа» [Мелихов 2003: 74]. Иногда в «папы» по тому же эмигрантскому признаку записывали Нью-Йорк, впрочем, примеры здесь не совсем чистые: Горланит по этой Америке самой / стоязыкий народ-оголтец. / Уж если Одесса — Одесса-мама, / то Нью-Йорк — Одесса-отец (В. Маяковский, «Американские русские», 1925); «Одесса-мама любит папу-Брайтон» — поет эмигрантка из Одессы в документальном фильме французского режиссера Михяля Боганима «Одесса... Одесса!» (2005) [Визани 2008: 398].

Третий аспект — территориальный: «папами» становятся другие украинские (реже южнорусские) города, особенно часто — Донецк²⁸ и Херсон²⁹, а также Киев (последнее, вероятно, связано с осмыслением его роли прародителя («матери») городов)³⁰, Николаев³¹, Львов³², Екатеринодар (ныне — Краснодар)³³ и т.д.

Наконец, еще один аспект — контакты между городами, например: Одесса — мама, Волгоград — папа? («Волгоградская правда»; 09.06.2000; заголовок статьи о связях одесского филиала Академии управления при президенте Украины с Волгоградской академией госслужбы); Одесса-мама гостила у Северска-папы («Диалог» (Северск); 27.11.2009; заголовок статьи о спектакле из одесской жизни в северском театре); Если Одесса мама, то Минск — папа («Автобизнес — Weekly» (Минск); 21.09.2000; заголовок статьи об автопробеге Одесса—Минск) и т.д.

Реже города-«мамы» появляются рядом с Ростовом на месте Одессы — по понятным причинам, лишь в двух аспектах — криминальном: Ростов — папа, Прага — мама («Бизнес & Балтия» (Рига); 18.07.1996; заголовок статьи о суде над ростовскими уголовниками в Праге) и т.д.) и контактном (Ростов-папа

сблизится с Москвой-мамой («Вечерняя Москва»; 02.07.1997; заголовок статьи о поезде Ростов-на-Дону—Москва); *Своеобразным «рукопожатием» Ростова-папы и Самары-мамы стал День поля в Большеглушицком районе* («Волжская коммуна» (Самара); 03.10.2000; статья о сельскохозяйственных связях между городами).

Наконец, «мамой» и «папой» окказионально могут называться Москва и Петербург, например, *Москва-мама, Питер-папа* — заголовок интервью с писателем Даниилом Корецким, который, в частности, заявляет, что Одесса и Ростов больше не являются столицами преступного мира («МК в Питере»; 14.05.2008).

То, что «отцовские» и «материнские» города существуют не только сами по себе, но и образуют пары (Петербург и Москва, Одесса и Ростов), обуславливает представление о матримониальных или любовных отношениях между ними.

Идея о брачных отношениях Москвы и Петербурга поддерживается устойчивыми представлениями об их соответственно женской и мужской природе, о том, что эти города олицетворяют соответственно женское и мужское начала: «Пословица “Питер женится, Москву замуж берет” появляется сразу после официального бракосочетания Петра и Екатерины (1712 г.), ее более поздний вариант (по Далю) — “Питер женится, Москва замуж идет”; что же касается пословицы “В Ленинграде женихи, а в Москве невесты”, то она бытовала в Петербурге/Ленинграде до самого недавнего времени» [Неклюдов 2005]³⁴. Уже как хрестоматийная в этом контексте воспринимается выразительная цитата из «Петербургских записок 1836 г.» Н.В. Гоголя: «Москва женского рода, Петербург — мужеского. В Москве всё невесты, в Петербурге всё женихи»³⁵.

Эта идея не чужда и современной культуре. Например, в современной песне о браке петербуржца с москвичкой названия городов выступают как метафоры их жителей: *Мосты, между нами мосты. / На Яузе и на Неве. / За Питером замужем ты, / А я женат на Москве* (А. Морозов, «Мосты», не позднее 2008 г.).

Более явственно напрашивается идея супружеских или любовных отношений между Одессой и Ростовом. Согласно версии, высказанной Даниилом Корецким со ссылкой на «одного из старейших сотрудников уголовного розыска», *когда Ростов и Одесса конкурировали за первенство в преступном мире, ростовские босяки ввели в оборот это выражение. Они име-*

ли в виду, что Ростов делает с Одессой то, что папа делает с мамой («МК в Питере»; 14.05.2008). Иногда брачные отношения между этими городами описываются как очевидные, например, А.А. Сидоров называет Одессу «ветреной супругой» «Ростова-папы» [Жиганец 2001]. Впрочем, также может акцентироваться внимание на том, что Одесса и Ростов не состоят в браке: *Еврейский Ростов, воспитан Розенбаумом и казачий Ростов, придуманный им же, блатной Ростов-папа, никак не желающий связать себя узами брака с Одессой-мамой, Ростов — главный научный центр Северного Кавказа, житница страны и промышленный центр — все это один и тот же город* («Коммерсантъ-Власть»; 20.06.2000). В 2000 г. в рамках проведения фестиваля «Юморина» в Одессе была даже запланирована церемония бракосочетания двух городов, причем не целиком юмористическая — в ходе нее предполагалось подписание представителями одесской и ростовской администрациями договора об экономическом и культурном сотрудничестве («Вечерняя Казань»; 20.10.1999); проект так и не был осуществлен.

Впрочем, сомнительная репутация Одессы позволяет предполагать, что кроме «законного» мужа у нее есть и любовник: *Все знают, что Одесса — мама, Ростов — папа. Ну, как вы знаете, у Одессы-мамы незаконным мужем всегда считался красавец Ташкент, потому что город хлебный* (Г.И. Свиридов, «Победа достается нелегко», 1969).

Мачеха, отчим

Применительно к городам использование номинации *мачеха*, обладающей негативной семантикой, вторично и пародийно по отношению к номинациям *мать*, *мама* и *матушка*. Так, в пословице *Москва — кому мать, кому мачеха* Москва одновременно предстает в двух ипостасях — положительной и отрицательной. Такого рода именование может быть и инверсией формулы *Москва (иной город)-матушка*, например: *Ой ты, мачеха-Москва, / Всех обид рассадница!* (из стихотворения Б.А. Чичибабина 1946 г., стоившего автору 5 лет тюрьмы [Даниэль 2000, письмо № 60 (1969, 29 марта — 14 апреля), примеч.]; ср. многократно цитируемое высказывание реставратора С.В. Ямщикова: *Москва — мачеха, а провинция — мать* (например: «Завтра»; 16.03.2004); *Мать — деревня, а Москва — мачеха* (Л. Киреева, «Двуликой Родине», 2005). В феврале 2009 г.

в Севастополе прошла акция протеста против «деструктивной деятельности отдельных российских политиков в Крыму»; одним из лозунгов акции был «Москва — мачеха, Лужков — вор» («Народна правда» (Украина); 23.02.2009)³⁶.

Кроме Москвы в качестве «мачехи» могут выступать и другие «злые» города; возможно, аллюзией на пословицу о Москве являются строки Александра Галича: *Ой, Караганда, ты Караганда, / Ты мать и мачеха, для кого когда* («Песня про генеральскую дочь», 1960-е гг.). В то же время к паре *Одесса-мама* и *Ростов-папа* добавляется вписывающаяся в блатной контекст *Воркута-мачеха* (ср. из письма Аркадию Северному от жителя Воркуты, которому был посвящен концерт Северного в 1974 г.: *...Мне и моим друзьям кажется, что Вы плохо оправдываете свою гордую фамилию — Северный, тем, что мало поете песен о Севере дальнем. Все как-то Вас больше тянет на юг, в Одессу-маму, к Ростову-папе поближе. Да о Воркуте-мачехе Вам и вспомнить-то не хочется*³⁷).

Кроме того, противопоставлением «своего (родного)» и «чужого» в контексте чужбины обуславливается именование в одном из стихотворений В.Ф. Ходасевича 1923 г. «мачехой российских городов» Берлина — города, ставшего пристанищем для многих русских эмигрантов.

В свою очередь по отношению к городу-«мачехе» вторичен город-«отчим», однако такого рода формулы окказиональны. Например, священник Александр Шумский, комментируя цитированную выше фразу С.В. Ямщикова, которая была приведена в предисловии к книге последнего В.Г. Распутиным, возмущается: *...По распутинско-ямщиковской логике получается, что если Москва — мачеха, то Петербург, поскольку он принадлежит к мужскому роду, должен называться отчимом* [Шумский 2003]. Ростовский самодеятельный поэт Виктор Житарчук, как бы совмещая два дискурса, пишет: *...Да вот Ростов, как ни крути, / Давным-давно уже не папа. / Слывется мачехой Москва / И отчимом холодный Питер...* (2003)³⁸.

Сын, дочь

Устойчивое именование жителей города его детьми (а также в единственном числе — сыном или дочерью) подробно рассматриваться не будет по причине его очевидной обусловленности представлением об отношениях родной земли и ее жителей как

отношений родителя и детей (здесь явлениями одного семантического ряда будут известные с XIX в. клише *сын Отечества* (*Отчизны*) и с XX в. — *сын Родины* и название книги мэра Москвы Ю.М. Лужкова «Мы дети твои, Москва», 1996). Далее я обращусь к случаям, когда как сын (дочь) того или иного города описывается другой город.

Как было сказано выше, несмотря на устойчивую связь между *Одессой-мамой* и *Ростовом-папой*, они (как и *Москва-матушка* с *Петербургом-батюшкой*) являются «родителями» отнюдь не для городов. Однако, в отличие от пары «батюшка–матушка», составляющие слова которой в современном узусе необязательно имеют эксплицированную семантику родительства³⁹, термины *папа* и *мама* сами по себе семантически недостаточны, поскольку подразумевается, что это *чей-то* папа (*чья-то* мама). Вполне закономерно, что у *Одессы-мамы* с *Ростовом-папой* появляются «дети» среди городов. Чаще всего такого рода высказывания оформляются в виде паремии по модели: *Одесса — мама, Ростов — папа, а... — сын (сынок, сыночек) / дочка (доча) / ребенок* и т.д. Обычно города-«дети» территориально близки к одному или другому «родителю», т.е. относятся к Украине или югу России (Харьков, Львов, Горловка, Николаев, Кривой Рог, Мариуполь, Таганрог, Армавир, Шахты, Сочи и др.⁴⁰) и в подавляющем большинстве случаев наделяются криминальными коннотациями (Самара, Мелекес (ныне — Димитровград), Орел, Томск, Нальчик, Чимкент, Кишинев⁴¹).

Хотя у пары «Москва–Петербург» детей не обнаруживается, дети могут быть у одной Москвы — очевидно, как у «матери городов русских» или «матушки». Еще в XVIII в. уходит именование «сыном Москвы» Петербурга: «“Тебе и сам Петрополь сын” (В.П. Петров), Петербург — “Достойный сын Москвы, / Царицы над градами” (Е.И. Костров)» [Неклюдов 2005]. В элитарной культуре эта идея находит отражение по сей день, например, *Петербург — сын Москвы* является заголовком статьи директора Эрмитажа М.Б. Пиотровского в каталоге выставки «Основателю Петербурга» в Государственном Эрмитаже (2003). Впрочем, широко это представление неизвестно, свидетельством чему реакция журналистов на фразу Пиотровского: «Петербург — это сын Москвы», произнесенную на пресс-конференции в медиацентре газеты «Известия»: статья имеет ироничный в своей нарочитой нелепости заголовок: *Михаил Пиотровский посетил мать Петербурга* («Коммерсантъ», 30.04.2003).

Могут называться детьми Москвы и другие русские города. Например, вельский поэт А. Карнавин в стихотворении «О, Вельск!» отмечает: *Чем тесней с этим городом степень родства, / Тем он сердцу милей и дороже. / Кстати, мать городов наших русских — Москва — / Лет на десять «сыночка» моложе* («Вельск-инфо»; 23.06.2004). Еще один город — Зеленоград — в очерке зеленоградской публицистки Инны Василенко «Любимый сын» назван «младшим сыном» Москвы — очевидно, как молодой город-спутник. Интересно, что Москва наделяется и другими «родственниками», правда, они не называются:

Младший сын Москвы, Зеленоград, рожден за пределами МКАДа. Племянники и племянницы седой столицы, двоюродные тетки и сводные братья окружили его толпой и галдят наперебой: «Какая ты Москва?! Ты заброшен в глушь области! Одумайся, гордец! Подчинись, ты — наш!» Но Зеленоград гарцевал новыми тротуарами, чистыми газонами, свежей разметкой дорог и показывал паспорт с московской пропиской. Хмыкала область и отступала за проезд в Андреевку. Зеленоград поднимал телефонную трубку и напрямую набирал номер Москвы:

— Здравствуй, мама!

— Здравствуй, сын! Как развиваешься?

— Нанотрубки, мама! Новый район отстроил! ТВЗ приютил!

— Молодец, сын! Вот тебе карманных денег на новую развязку Ленинградского шоссе.

— Спасибо, ма! У меня есть! <...>

Все в этом городе уютно и ладно. Покойно и тихо. Так было всегда. И так должно быть. Зеленоград — любимый сын столицы («ИнВерсия-Миэт» (Зеленоград); 14.09.2007).

Наделяются детьми и другие города-«матушки». Обычно детско-родительским отношениям уподобляются отношения областных городов и статусно более высоких областных центров: *Сын седой Твери, младший брат Москвы, / Древнерусский красавец Ржев...* (Наталья Орлова, «Город Ржев») ⁴²; *Впрочем, «дочка» — Сызрань, которой белее двух тысяч лет, куда старше «матушки»-Самары («Самарская неделя»; 02.11.2007).* Примечательно, что в последней цитате (как и в приведенном выше стихотворении про Вельск) отмечается противоречие, следующее из разности дискурсов: город-«сын» может быть старше

города-«матери», если последний именуется так по своему статусу, а не по старшинству.

Наконец, коль скоро Киев является «родителем» городов русских, в украинском националистическом дискурсе заявление о том, что Москва является его дочерью, призвано принизить российскую столицу. Например, на конкурс по созданию гимна Киева подавались *странные тексты* вроде «Москва — дочь младшая, Москва — дочь Киева» («Корреспондент» (Киев); 09.12.2008), а участник украинского форума пишет:

*Киев — папа вечный земель и народов русских, украинских и белорусских. <...> Киев — папа, Киевская Русь-Украина — мама, а Россия с Московией — дочурки-переростки. <...> Сквозь пространства и года Киев-папа навсегда. Сами, без заморышей заокеанских, с Божьей помощью, разберемся с доцями-переростками Московией и Россией и с прочими отпрысками неблагодарными Руси Святой Киевской*⁴³.

Брат, сестра

Судя по всему, довольно редкий литературный (поэтический) прием — объявление какого-либо города братом (сестрой) лирического героя, например, у О.Э. Мандельштама: *И ты, Москва, сестра моя, легка, / Когда встречаешь в самолете брата...* («Стансы», 1935), *Твой брат, Петрополь, умирает* («На страшной высоте...», 1918). Возможно, этот индивидуальный поэтический мотив объясняется следующим: Мандельштам — петербуржец/ленинградец, и его лирический герой метафорически репрезентирует родной город (см. далее о представлении Москвы как сестры Ленинграда–Петербурга); кроме того, с Москвой поэта связывали буквально братские отношения (в столице жил его брат). В других похожих случаях выбор родственной терминологии обусловлен скорее формальными причинами — соответственно рифмой (*Ленинград мой, милый брат мой, родина моя* — Н.П. Шубин, «Ленинградская песенка» («Ленинградцы»), 1943) и аллитерацией (*Ох, Самара, сестра моя...* — Б.Б. Гребенщиков, «Кострома mon amour», 1994).

Чаще «братско-сестринские» связи устанавливаются собственно между городами. Употребление родственных номинаций обусловлено различными коннотациями слов *брат* и *сестра*. Здесь я не буду рассматривать существующий с 1940-х гг. культурно-политический феномен породненных городов, или

городов-побратимов (интересно, что по-английски это *sister cities*), потому что он выходит за рамки только русской культуры и из-за его сугубой официозности, и малой отрефлексированности в культуре.

Иногда именование какого-либо города братом (сестрой) другого или утверждение, что города А и В — братья (сестры), создает образ «равноправного братства». В частности, это было свойственно советскому дискурсу (ср. представление о союзных республиках как о «сестрах»). Например, песня 1950 г. на слова А.С. Айвазяна начинается и заканчивается словами: *За труд, за победы, за счастье! Стокан зазвенел о стакан. / Свой тост поднимают три брата: Тбилиси, Баку, Ереван* — очевидно, братство обусловлено не только административно (столицы союзных республик), но и территориально (Закавказье). В «Песне о Душанбе» (не позднее 1966 г., слова Е.А. Долматовского) столица еще одной союзной республики сопоставляется с Москвой (*Весь открыт солнечной судьбе / Брат Москвы — юный Душанбе*; определение юный ненавязчиво напоминает, что брат все-таки младший). В советской поэзии новые города также могут объявляться братьями старых: *Вот наш край: вершины золотые, / На рассвете здесь гудки поют, / Братья старых городов уральских — / Молодые города встают* [Поэзия Башкирии 1955: 182].

Подобные идеи могут наследоваться и постсоветским дискурсом, но не только находят буквальное отражение (*Ах, Украина, ты сестра, / А Киев — брат Москвы навечно*⁴⁴), но и пародируются (*Становится ли теперь и Минск таким же «братом» Москве, как Киев и Тбилиси, выяснял Леонид Канфер.* — «Политика» [телепередача] // ТК «Рен-ТВ, Неделя», 20.06.2009).

С другой стороны, отношения «равноправного братства» могут устанавливаться между городами, обнаруживающими между собой некоторую общность; например из газетного материала, написанного жителем Владивостока: *Судьба одетого в ту же тельняшку брата-порта Севастополя да минует мой город...* («Рабочая трибуна»; 27.06.1997). В дискурсе о Великой Отечественной войне устойчива идея о братстве городов-героев Ленинграда и Сталинграда, восходящая к строкам Ольги Берггольц: *... Не зря солдатской клятвой обменялись / Два брата: Сталинград и Ленинград* («Сталинграду», 1942). Примечательно, что хотя оба города позднее были переименованы, «братьями» они остаются

под своими прежними именами, знаменующими общность их военной судьбы, ср.: *Не счесть страданий наших и утрат. / Но встали насмерть, как стоят солдаты, / Два брата — Ленинград и Сталинград. / И армии врага пошли к закату* (Н.К. Старшинов, «Заокеанским поджигателям», 1950-е гг.); *Далеко на юге разворачивается грандиозное сражение, и Ленинград взволнованно прислушивается к этим раскатам орудий на Дону, потому что Нева — сестра синего Дона, а Ленинград — брат Ростова и Сталинграда* (Д.И. Ортенберг, «Год 1942», 1988); *Да! В Историю шара Земли / Вопреки географиям тусклым / Исполним духа вошли, / Несгибаемым мужеством русским / Не Царицын и не Волгоград, / И не Санкт-Петербург с Петроградом, / А до гроба мои друг и брат, / До конца: Сталинград с Ленинградом!* (А.А. Харчиков, «Городам-героям!», 1998). В последней цитате (где, кстати, указанная идея отчетливо проговаривается) Сталинград и Ленинград хотя и называются братьями по отношению не друг к другу, а к лирическому герою, однако представляется оправданным рассматривать ее именно в этом контексте по причине явной аллюзии.

Обычно в модели «А — брат/сестра В (gen.)» на место В ставится город, признаваемый более высоким по статусу; таким образом, А повышает свой статус за счет утверждения, что он является братом (сестрой) В. В таком случае формула редко обратима; утверждения, что В — брат (сестра) А, встречаются реже, и обычно к родственной номинации добавляется определение *старший (старшая)* или *младший (младшая)*. Логичным образом на месте «высоких» братьев (сестер) чаще появляются Москва и Петербург, реже — Киев и областные центры.

«Братско-сестринские связи» обычно устанавливаются по следующим критериям: общность происхождения (связь с исторической эпохой или историческим лицом — своего рода «отцом» города); общность территории; статус.

Так, в качестве братьев и сестер Москвы чаще всего выступают т.н. древние города, в этом случае определение *старший/младший* коррелирует с датами, принятыми за года основания городов. Формула (*младший/старший*) брат Москвы эксплуатируется в публицистике и краеведческом дискурсе, может входить в названия различных мероприятий и учреждений. Обратная формула Москва — (*старшая/младшая*) сестра или именование Москвы сестрой употребляется реже⁴⁵.

Наиболее устойчиво клише (*младший*) брат Москвы по отношению к Дмитрову, как и Москва, основанному князем Юрием Долгоруким: *Дмитров считается по праву младшим братом Москвы, он основан в 1154 г.* («Вечерняя Москва»; 26.01.1996). Формулу *младший брат Москвы* дословно повторяет название дмитровского детского волейбольного клуба; активно она используется и поэтами: *Где широк простор былинный, / Где немолчный шум листвы, / Ты вознесся над долиной, / Дмитров — младший брат Москвы* («Наше слово» (Воскресенск); 05.02.2004); *Давно люблю я этот город! / Прекрасен младший брат Москвы!»* (М.В. Голицын, «Давно люблю я этот город...» [о г. Дмитрове, в котором поэт жил с 1931 г.]).

По общности происхождения братьями (сестрами) Москвы могут признаваться и другие города, основанные Юрием Долгоруким или связанные с ним: Кострома⁴⁶, Городец⁴⁷, Касимов⁴⁸, Юрьев-Польский⁴⁹, Мозырь⁵⁰, а также вообще города, возникшие приблизительно в одно время с Москвой. Среди «старших братьев» столицы называются Владимир⁵¹, Смоленск⁵², Ростов⁵³, Углич⁵⁴, Зарайск⁵⁵, Козельск⁵⁶, Тула⁵⁷, Елец⁵⁸, Суздаль⁵⁹, Волоколамск⁶⁰, Вельск⁶¹, Великий Устюг⁶², Пронск⁶³, Остёр⁶⁴ среди младших — Астрахань⁶⁵, Дорогобуж⁶⁶, Новомосковск⁶⁷, Переславль-Залесский⁶⁸, Касимов⁶⁹, Коломна⁷⁰. Вообще предположения о том, что какой-либо населенный пункт основан ранее Москвы, достаточно, чтобы охарактеризовать его как «старшего брата (сестру) Москвы»⁷¹.

Когда в качестве брата Москвы выступает «город-спутник» Зеленоград⁷², задействуется другая идея: небольшой город, сравнительно недавно построенный и включенный в сферу влияния столицы.

Иногда у Москвы появляются младшие «братья» и «сестры» среди областных или республиканских центров, что можно считать наследием советской риторики. Показательно, что Москва может называться не только сестрой⁷³, но и братом⁷⁴, что напоминает о советской идеологии «старшего брата». В остальных случаях подобного рода положение младшего брата (сестры) по отношению к Москве указывает на зависимость или меньшую статусность⁷⁵.

Амбивалентна формула *Нижний — брат Москвы ближний*, распространившаяся в региональной официозной риторике, судя по всему, после празднования дня города в Нижнем Нов-

городе в 1997 г., когда было проведено одноименное театрализованное представление (см. «Биржа плюс карьера» (Нижний Новгород); 10.09.1997)⁷⁶. В настоящее время формула широко употребляема, а ее происхождение даже возводится к словарю Даля («Город и горожане» (Нижний Новгород); 09.08.2005), что фактически неверно. В переработанном виде она была включена в один из проектов гимна Нижнего Новгорода (слова Ираиды Тихоновой): *Ты младший брат Москвы золотоголовой, / На веки для нее ты самый ближний* («Нижегородский рабочий»; 28.10.2008). С одной стороны, формула указывает на особую близость Нижнего Новгорода к Москве, с другой — на его подчиненное положение.

Москва может находиться в «братско-сестринских отношениях» также с Петербургом и Киевом. Что касается Петербурга, эти отношения являются переосмыслением идеи «Петербург — сын Москвы», только Москва, имеющая преимущества в отношении как возраста, так и статуса, превращается из матери в старшую или в любом случае более сильную и преуспевающую сестру⁷⁷. Интересно, что в XIX в., когда Петербург был столицей, ситуация была обратной: Москва осмыслялась, скорее всего, как статусно младшая сестра Петербурга, ср. у В.С. Филимонова: «*Лишь Петрополя сестра*» («Москва. Три песни», 1845).

Отношения же Москвы с Киевом, очевидно, являются продолжением начатого еще в XIX в. спора по поводу того, кто же является «прародителем» городов русских. Москва может называться и старшей, и младшей сестрой Киева: если считать критерием старшинства возраст, то Киев — вне всякого сомнения, старший брат, а если вспомнить о советском дискурсе и прошлом Москвы как столицы СССР, то старшей сестрой будет она. О старшинстве Киева говорят обычно жители Украины⁷⁸, но неслучайным представляется свидетельство депутата Киевсовета Александра Бригинца о вариантах гимна Киева: *...Были две разные версии, где говорилось, что Киев — младший брат Москвы, и наоборот* («Корреспондент» (Киев); 09.12.2008).

Наконец, «братско-сестринская» терминология употребляется в случаях, когда Москва является не названием города, а метафорой российского (советского) правительства: *Но только «старшей сестрой» Москва стала не для стран СНГ, а для их режимов* («Московский комсомолец»; 10.12.2004); *Новой*

«сестре» [Молдавской ССР] *Москва передала шесть приднестровских районов, оторванных от Украины* («Российские вести»; 06.09.2006).

Единичны случаи, когда кроме (старших/младших) братьев Москвы возникают иные; обычно в пародийном контексте: *Димитров* [т.е. Дмитрий] — *незаконнорожденный брат Москвы* (ЖЖ, ник [wlad-mir], 26.11.2008); *Старый город Ярославль* — *«двоюродный брат» Москвы, ее принципиальный сосед и приметный географический ориентир*⁷⁹.

Вообще же иной раз формула «брат Москвы», возможно, благодаря своей растиражированности воспринимается как затертое клише, например, при рассмотрении версии городского гимна в городском собрании г. Обнинска *даже и сами заложенные в стихах идеи о том, что Обнинск, мол, город привольный, брат Москвы и сын России, были встречены лишь вежливыми улыбками*⁸⁰.

Среди «братьев» и «сестер» Петербурга, с одной стороны, выделяются города, основанные общим с Петербургом «отцом» — Петром I, как в нынешней Ленинградской области, так и во всей России: Петрозаводск, Омск, Азов, Липецк, Нижний Тагил, Таганрог⁸¹, Оренбург⁸², Кронштадт⁸³, Петергоф⁸⁴, Новая Ладога⁸⁵, Петровск⁸⁶, Бирюч⁸⁷, Шлиссельбург⁸⁸ и др. Соответственно Петербург может называться старшим братом этих городов⁸⁹. Наиболее маркированы отношения с Петрозаводском, который называют *младшим братом Петербурга, потому что он был основан по велению Петра Первого в том же 1703 г., только несколькими месяцами позже* («Карелия» (Петрозаводск); 26.06.2003). В 2001 г. в Петербурге прошла выставка «Петрозаводск — младший брат Петербурга» («Вечерний Петербург»; 04.05.2001); 300-летию обоих городов посвящена хоровая поэма В. Сергеевко на стихи Е. Николаева «Братья» («Петрозаводский университет»; 20.06.2003). Впрочем, иногда «братство» этих двух городов описывается как равноправное, например, в стихотворении петрозаводского поэта Ивана Костина: *Стоишь над Онегом ты бурным / И грудью встречаешь ветра, / Ровесник и брат Петербурга, / Основанный волей Петра* («Карелия»; 08.05.2003).

В родстве с Петербургом оказываются и города исторического Северо-Запада России — Тарту⁹⁰, Архангельск⁹¹, Северодвинск⁹², Псков⁹³, Зеленогорск⁹⁴, а также деревня Бурга⁹⁵ и

историческая местность Лахта⁹⁶. В историческом контексте Петербург называется «старшим» или «младшим братом» в зависимости от возраста (года основания), но он может называться «старшим братом» и по статусу, как региональный лидер, что иногда выражается через клише *большой брат*⁹⁷.

Упоминания о «братско-сестринских отношениях» Петербурга с городами, не связанными с личностью Петра I или с северо-западным регионом, обуславливаются признаком схожести. Старая поговорка *Усолье-град — Петербургу брат*, популярная в современных пермских изданиях, объясняется сходством строгановского архитектурного ансамбля с петербургским⁹⁸; по аналогичной причине «младшим братом» Ленинграда (Петербурга) называют Ангарск⁹⁹. По общности исторической судьбы младшим братом Ленинграда во время Великой Отечественной войны называли Волхов¹⁰⁰; по функции (город-порт) — Владивосток¹⁰¹ и Севастополь¹⁰². Остальные такого рода упоминания скорее окказиональны¹⁰³.

Братьями Киева, по аналогии с Москвой, признаются украинские «древние города» — например, Чернигов¹⁰⁴ или Владимир-Волынский¹⁰⁵.

Что касается других «братско-сестринских» связей, они обычно организуются в рамках области, реже — региона. Так, у областного центра Саратова появляется младший брат Энгельс¹⁰⁶, у Самары — младшая сестра Сызрань¹⁰⁷ у Челябинска — младший брат Копейск¹⁰⁸, у Одессы — Ильичевск¹⁰⁹; Севастополь становится старшим братом для Балаклавы¹¹⁰; Волгоград — для своего «спутника» Волжского¹¹¹, Сызрань — старшей сестрой для городов Самарской области¹¹², Ростов-на-Дону становится «большим братом» для городов Ростовской области¹¹³. По старшинству Ростов Великий считается старшим братом Ярославля¹¹⁴, Миасс — старшим братом Челябинска¹¹⁵, Нижний Тагил — ровесником или старшим братом Екатеринбурга, а оба они — старшими братьями Алапаевска¹¹⁶, Култук — старшим братом Иркутска¹¹⁷, Иркутск — старшим братом Улан-Удэ¹¹⁸ и т.д. Областные центры Урала — Екатеринбург и Челябинск — также являются братьями: соответственно второй — младший и южный брат первого¹¹⁹. Равноправными «братьями» могут являться нецентральные города одного региона (например, Узбекистана, исключая Ташкент¹²⁰). По критерию сходства и общности исторической судьбы братьями объявляются Севастополь и Новороссийск¹²¹.

Довольно редким критерием для установления «братско-сестринских» связей служит созвучие названий населенных пунктов (Сарапул и Сарапулка, Златоуст и Златоустовск)¹²².

К родственному термину может добавляться географическое определение (как правило, *северный* или *южный* или указывающий на регион, например *уральский*, *сибирский* и т.д.). В целом такая модель более свойственна описанию однородных объектов, происходящих из разных географических областей, а также для целых стран (особенно в метафорическом обозначении политических режимов). В применении к «городской» родственной терминологии географические определения употребляются редко и по отношению к парам городов, как устойчиво именуемым братьями (сестрами), так и окказионально. К примеру, у Москвы обнаруживается северный брат Петербург¹²³ (признак столичности, устойчивая пара); у Петербурга — северный брат Петрозаводск¹²⁴ (признак основания одним лицом, устойчивая пара), южная сестра Одесса¹²⁵ (обусловлено существованием в отношении этих городов схожих клише: Петербург — Северная Пальмира, Одесса — Южная Пальмира), а также (с оговоркой) уральский брат Ижевск¹²⁶ (признак внешнего вида) и южный брат Днепропетровск¹²⁷ (признак «третья столица»); у Кемерово — «южный брат» Новокузнецк (он должен был бы быть «младшим» по статусу, но «старшим» по дате)¹²⁸, у Иркутска — восточный брат Благовещенск (признак исторической преемственности)¹²⁹; у Сургута — северный брат Тобольск¹³⁰ (признаки географической близости и возраста); у Ростова-на-Дону — южный брат Краснодар¹³¹ (признаки географической близости и статусной однородности); у Таллинна — южный брат Тарту¹³² (признак географической близости), у Риги — южная сестра Вильнюс¹³³ (признаки географической близости и статусной однородности); у Волгограда — сибирский брат Новосибирск¹³⁴ (контактный признаку); у Челябинска — старший уральский брат Екатеринбург¹³⁵ (устойчивая пара; признаки географической близости и возраста).

Наконец, города-«братья» возникают в метризованных паремиях, связанных с Одессой и Ростовом: *Одесса — мама, Ростов — папа, а Таганрог — братишка младший. Эта присказка уголовников была очень популярна среди таганрогской «ремеслухи»* (В.И. Анпилов, «Наша борьба», 2002); *Одесса — мама, Киев — папа, Мариуполь — брат родной* (Б. Ромодин, «За лини-

ей фронта», 1970) (в качестве братьев также могут называться Саратов и Сталинград).

Другие термины родства. «Семьи» городов

Использование других ТР является репликой на существующие формулы и устойчивые словосочетания.

Так, формула *мать/отец городов...* обыгрывается за счет подставления на место «матери/отца» других родственных терминов. Наиболее серьезно используется номинация *дедушка*: Рыльск — «дедушка городов курских»¹³⁶, Пинск — «дедушка полесских городов»¹³⁷, Верхотурье — «дедушка городов уральских»¹³⁸. Часто формула пародируется: Киев может окказионально называться дядей или дедушкой городов русских¹³⁹, Тюмень из матери городов сибирских становится внучатой племянницей городов русских (ЖЖ, ник [noctu-vigilus], зап. жителя Тюмени, 2009) и т.д.

В творчестве новокуйбышевской поэтессы Дианы Кан Самара может выступать не только как «матушка-Самара», но и как «золушка» — по отношению к Москве и Петербургу: *А все же хороша ты, мать-Москва, / Таких, как я, приبلудных-беспортошных, / Смясь, прицельно бьющая с носка. / Хорош и ты, батяня добрый Питер! / От всей Руси земной поклон тебе. / Хоть все бока поободрал-повытер — / Так это ж ты совсем не по злобе. / Привет тебе, золушка-Самара! / Лицом ты также не ударишь в грязь. / Горящая неоновым пожаром, / никак и ты в столицы подалась?* («Труд»; 16.07.2007).

В качестве «третьего» в паре «Одесса-мама» и «Ростов-папа» (редко на место последнего встает «Киев-папа»), кроме «сына» и «дочери», в паремических формулах могут также появляться дядя (Харьков, Тамбов), *дедушка* (Таганрог, Сухум, Орск, Баку; Магадан — в паре с *бабушкой* Воркутой) или *друг семьи* (Киев, Ереван, Кишинев, Таганрог, Бердичев, Владивосток). Выбор городов часто мотивируется криминальной семантикой: *Не может же быть, чтобы известная поговорка в воровской среде: Ростов — папа, Одесса — мама, Тамбов — дядя, — не имела под собой солидной основы* (В. Селиверстов, «Гибель триумвирата», 2004); *Из уст криминальных авторитетов ему часто доводилось слышать: «Одесса — мама, Ростов — папа, а Орск — их двоюродный дедушка!* (А.В. Василенко, «Ожидания Пилигрима. Тоцк»); *...В 22 года я стал главным режиссером города, о ко-*

тором говорят «Ростов — папа, Одесса — мама, а Таганрог — друг семьи», города Чехова и Раневской...¹⁴⁰ и т.д. Иногда количество городов-родственников умножается, и создаются целые «семьи», например: *Ереван был таким, каким был... Продолжением воровской несовковой цепочки Одесса-мама, Ростов-папа, Новороссийск-дядя, Сочи-тетя, Тбилиси-теща, Ереван-зять и прочие города-родственники*¹⁴¹; *Ой ты гои!!! Русь-матушка! Ростов-батюшка! Чебоксары-падчерица! Курск-СВЁКР*¹⁴²; В романе Бориса Спорова «Иван Пророк XX века» (2007) персонаж мурлычет себе под нос песенку (вопрос о ее аутентичности остается за скобками): *Ах, Лондон-папа, Одесса-мама и теща дерзкая — Москва...*

Показательна передача в эфире радио «Finam FM» с участием историка и публициста А.М. Буровского, автора исследования «Отец городов русских», посвященного Новгороду; начало истории Руси описывается как история семьи (передачу ведет публицист В.Р. Мединский):

МЕДИНСКИЙ: *Такое название, это просто, так сказать, Вы укололи украинское самолюбие, я бы сказал. У нас же только одна есть мать, у городов русских нет отца.*

БУРОВСКИЙ: *Ну смотрите, получается же очень просто, бабушка городов русских — Ладога, Адельгъюборг (неразборчиво) скандинавский. Дружина варяга, варягов Рюрика — это же (неразборчиво) такого кочевого дедушки, такого бродячего сперматозоида. От них рождается такой буйный по средневековым традициям сыночек — Новгород. Вошел в надлежащие годы, обнаружил на берегах Днепра такую пышную южную красотку. <...> Ну и стал ее валтузить, как хочет. Киев, да. <...>*

МЕДИНСКИЙ: *И внучок у них Москва. <...>*

БУРОВСКИЙ: *Но дальше еще интереснее получается, только Новгород перестанет обращать внимание на маму городов русских, появляются поляки, и опять тоже валтузить начинают. Такая очень своеобразная, понимаете, семейка городов русских («Господин Великий Новгород — отец городов русских») [выпуск передачи «Мифы о России на радио «Финам-FM» от 28.10.2008 [URL: <http://finam.fm/archive-view/352>]].*

Выводы

Употребление ТР по отношению к населенным пунктам обусловливается прежде всего критериями грамматического рода,

возраста, статуса города, его реноме. В случае с установлением «родственных связей» между городами главную роль играют временной, статусный и территориальный признаки. Иногда в результате наложения друг на друга двух разных признаков возникает некоторая двусмысленность (например, один город для другого может быть как старшим, так и младшим «братом», город-«сын» по возрасту может быть старше города-«матери» и т.д.). Один и тот же город может попадать в разные дискурсивные «генеалогические сетки» (например, Таганрог может быть «младшим братом» Петербурга, «младшим братом» Ростова-на-Дону, а также «сыном» Одессы и Ростова; Петербург и Москва могут приходиться друг другу как «мужем» и женой, так и «братом» и «сестрой», а также «сыном» и «матерью»). По признаку статуса может наблюдаться в известном смысле функциональная синонимия терминов «(младший) брат» и «сын»; «(младшая) сестра» и «дочь»; «мать», «отец», «(старший) брат» и «дедушка» (например, Сызрань может быть и «дочерью», и «младшей сестрой» Самары, а Зеленоград — и «сыном», и «младшим братом» Москвы).

¹ Ср. также пословицы латинского происхождения: *Лень — мать всех пороков* и *Повторенье — мать ученья*, евангельскую сентенцию о дьяволе как об «отце лжи», высказывание Ж. Прудона: *Свобода — мать порядка, а не его дочь*, позднее переосмысленное как *Анархия — мать порядка*, и т.д.

² См. также другие пословицы и поговорки в ст. «Брат», «Сестра» [Даль 1978–1982 (1): 124, (4): 179].

³ Здесь и далее примеры из газет цитируются по данным электронной базы СМИ «Интегрум».

⁴ Как утверждали церковные историки XVIII в., представился Невский в знаменитом Федоровском мужском монастыре, который основал Юрий Долгорукий — «отец» Москвы («Проспект» (Нижний Новгород), 11.09.2001).

⁵ От отца Петербурга Петра I не унаследовали «творцы»-дельцы вкус, чувство красоты, уважение к чужому таланту, ответственность перед историей и любовь к городу, в котором живут («Новый Петербург»; 11.08.2005).

⁶ Нынешний отец Москвы Юрий Лужков был попрележнее («Известия. Ру»; 31.08.2003).

⁷ Отдадим должное нынешнему отцу Петербурга — Владимиру Яковлеву («Известия Петербург»; 30.12.2000).

⁸ Ведь хотя отдельные злопыхатели и награждают Валентину Матвиенко нехорошими кличками типа Валька-Стакан и Едрёна мать Петербурга, большинство все же считают, что в глубине души она женщина добрая («Стрингер»; 23.07.2003).

⁹ Например: *Отцы Самары в очередной раз проявили своеобразную «заботу» о горожанах* («Будни» (Самара); 17.11.2004); *Бывших руководителей Ленинграда уравнивают с нынешними «отцами» Петербурга* («Балтийское информационное агентство» (Санкт-Петербург); 17.02.2002); *Едва утихли невиданные доселе залпы новогодне-рождественских фейерверков, как отцы Киева не преминули напомнить горожанам о грядущем повышении цен на проезд в общественном транспорте* («Киевские ведомости»; 25.01.2005) и т.д.

¹⁰ Например: *Мать городов русских захлебнется в нечистотах* («Комсомольская правда»; 23.04.2009; заголовок статьи о заявлении киевских властей о переходе на почасовую подачу воды).

¹¹ *Гравюры, фотографии реконструируют облик древней Ладоги, матери городов русских* («Аргументы и факты»; 11.06.2003).

¹² *Киев, как известно, отец городов русских, один из древнейших центров славянства* (Искусство кино. 1982. Вып. 1. С. 96).

¹³ *Если Киев — мать городов русских, то Новгород — отец городов русских* («Российская Федерация сегодня»; 23.10.2006); *Итак: в 2009 году юбилей не только у новгородцев, но и у всех жителей нашей страны, ведь свое 1150-летие будет праздновать не просто древний город, а «отец городов русских»* («Новгородские ведомости»; 28.08.2007).

¹⁴ *В древней Чердыни, называемой матерью городов пермских, открыт второй в России — после Санкт-Петербургского — музей истории религий* («Парламентская газета»; 31.08.2000); *Чердынь — мать городов уральских* («Краснокамская звезда» (Краснокамск); 23.08.2003); *Форпост русской экспансии на Урале — Чердынь — многими пермяками воспринимается вроде местных Афин, «матери городов Прикамских»* («Новый компаньон» (Пермь); 29.07.2003).

¹⁵ *В 1702 году арамильские рудознатцы братья Бабины на реке Решетка нашли железную руду, а на реке Чусовой их земляки — медную. Вскоре на территории Арамильской слободы начали строить заводы <...>. Вокруг них выросли поселки, превратившиеся постепенно в города. Потому и называют Арамиль порой «матерью городов уральских»* («На смену» (Екатеринбург), 05.07.2005); *Арамиль — мать городов свердловских* («АИФ-Урал» (Екатеринбург); 10.02.2005).

¹⁶ *Крестным ходом под звон колоколов начался праздник в древней Коле. <...> 440-летие отметила в воскресенье мать городов Кольских* («Мурманский вестник»; 20.09.2005).

¹⁷ *Свое летоисчисление Полоцк, отец городов белорусских, ведет с 862 г.* («Российская Федерация сегодня»; 15.10.2009).

¹⁸ *Тобольск, конечно, столица, бывшая... Но Тюмень — мать городов сибирских — основана на год раньше Тобольска* (В. Орлов, «Бубновый валет», 2000); *Тюмень основана в 1586 г. вскоре после похода Ермака: это первый русский город в Сибири, поэтому Тюмень называют «матерью городов сибирских»* [Лидман-Орлова 1963: 210].

¹⁹ *Тюмень — «мать городов сибирских», а Тобольск — «отец городов сибирских»* («Тюменские известия»; 25.03.2004); ср. название фильма «Отец городов сибирских» о Тобольске (реж. Ю. Малашин, не позднее 1971 г.).

²⁰ Енисейск — отец городов Красноярского края («Красноярский рабочий»; 13.11.2001); Енисейский район на 10 лет старше Красноярского края, а его центр Енисейск — отец городов сибирских («Миллион» (Красноярск); 15.08.2004).

²¹ Выставка-конкурс «Художник и время» прошла в Тарской картинной галерее. Она посвящена 415-й годовщине со дня основания Тары — матери городов сибирских (Сайт омского отделения КИПФ. URL: [http://www.omsk-kprf.ru], 08.12.2009).

²² Бачинский и Стиллавин: «Омск — мать городов Сибири» («Московский комсомолец в Омске»; 21.04.2004).

²³ Иркутск в нашем понятии сложился как столица Сибири, как столица интеллектуальная, а в свое время — это мать городов Сибири («Восточно-Сибирская правда» (Иркутск); 17.08.1999).

²⁴ Сайт «Выпускники школы № 24». [URL: http://kovyrino.ucoz.ru].

²⁵ Форум «Спорт в Вятке». [URL: http://www.sport-kirov.ru], зап. 2006 г.

²⁶ Ср. также ироничное клише *Воркута — столица мира*.

²⁷ Самое раннее упоминание Одессы-мамы, которое мне удалось обнаружить, относится к 1913 г. — как название песни в песеннике: *Шурин А.* «Одесса-мама! Одесса, город знаменитый. Солнце всходит и заходит. Новая песня». Одесса, 1913 [Книжная летопись 1913: 28].

²⁸ *Донецк — мой папа* — песня Вени Д'ркина (псевдоним А.М. Литвинова), 1988; *Есть поговорка: Одесса — мама, Донецк — папа* (блог «Живой журнал» — далее ЖЖ, ник [piligrimgim], 15.04.2007).

²⁹ Например, *Я еще слышал: Одесса — мама, Херсон — папа* (ЖЖ, ник [tallfat], 04.09.2009).

³⁰ Например: Журнал «Оккупанты» совместно с компанией «Vip+Лимузин» организовали VIP-тур «Туда-сюда Party» по маршруту «Киев-папа — Одесса-мама»! Гостями VIP-тура стали звезды украинского шоу-биза и авторитетные персоны СМИ (сайт интернет-телеканала «Країна-TV» [www.kraina.tv]; 14.05.2009).

³¹ *Одесса — мама, Николаев — папа. Расстояние между папой и мамой такое, что можно нашей Невой измерить* [Капица 1983: 1].

³² *Львів — тато, Одеса — мама* (Р. Самбук, «Скифська чаша», 1981).

³³ Он хлопал по-приятельски Рубина по плечу: — Ты это должен понимать. Сам-то, видать, из Одессы прискакал на вольную Кубань. Тут есть кого взять за жабры. Одесса — мама, Екатеринодар — папа! (Г.Г. Степанов, «Закат в крови», 1989).

³⁴ Со ссылкой на: [Синдаловский 2000: 209–210].

³⁵ Цитируется в: [Неклюдов 2005; Топоров 1995].

³⁶ Фотографии лозунга доступны по адресу: [URL: http://narodna.pravda.com.ua/photos/49a29f9e74330/].

³⁷ Каталог записей Аркадия Северного [blat.dp.ua].

³⁸ «Стихи.ру: Национальный сервер современной поэзии» [файл удален].

³⁹ Ср. именование в обиходной речи православного священника *батюшкой*, а попадьи — *матушкой*; междометия *батюшки* и *матушки* и вообще популярность этих терминов в качестве атрибутивов (*земля-матушка* и т.д.).

⁴⁰ Например: *Знаете блатную поговорку? Одесса — мама, Ростов — папа, а Армавир — маленький сыночек* (С.С. Гагарин, «Мясной Бор», 1988); *Как говорится — Ростов-папа, Одесса-мама, А Сочи? А Сочи — их блатная дочка!* (форум «Vladis-art.Ru». [URL: www.vladis-art.ru/forum/], 2007); *В советские времена криминальная иерархия городов определялась следующим образом: Одесса — мама, Ростов — папа, а Львову отводилась роль одного из сынков* («Vlasti.Net» (Львов); 31.01.2007).

⁴¹ Например: *Контрольный узел из Афгана, Самара-дочка, / Ростов-папа, Одесса-мама, точка* (песня самарской хип-хоп группы «Капа и Картель», «Там на небе богам», 2008); *...В это время* (в конце 1960-х гг. — М.А.) *Мелекесс, где я жил, был городом, в котором половина жителей сидит, а вторая ждет отсидки. С гордостью говорили: Одесса — мама, Ростов — папа, а Мелекесс — их сын родной* (Русаков Г. Ни от чего нельзя отказываться // Дружба народов. 15.08.2008); *По определению Андрея Зайцева, технического директора фирмы «Томкард», наш Томск — сын Одессы-мамы и Ростова-папы, сосланный в Сибирь за вольнодумство и игру в карты* («Томская неделя»; 25.11.1994).

⁴² Личный сайт Наталии Орловой. [URL: www.nataliaorlova.ru/].

⁴³ Форум «Новинар» (Украина). [URL: novynar.com.ua/], 2008.

⁴⁴ Николай Бельский. «Оболонь» // Биржа творческих людей. [URL: <http://www.activist.ru/writer/ nikolaibelskii/>].

⁴⁵ Например: *Так старшая сестра Москва в очередной раз надула Ярославль* («Северный край» (Ярославль); 23.01.1999); *Основанный Юрием Долгоруким в день рождения его сына Дмитрия в 1154 г. Дмитров навсегда связал свою судьбу со «старшей сестрой» — Москвой* («Ежедневные новости. Подмосковье»; 09.09.2004).

⁴⁶ *Основанная в 1152 г. Юрием Долгоруким Кострома по праву считалась младшей сестрой Москвы* («Родина»; 05.08.2009); *По словам главы государства, «младшая сестра Москвы — Кострома — всегда занимала особое место в российской истории становления нашей государственности и культуры»* (ТАСС; 20.05.1998).

⁴⁷ *Младший брат Москвы. Так называют Городец многие летописцы. И недаром, ведь и у него, и у столицы нашей Родины один отец-основатель — великий князь Юрий Долгорукий* («Большая Волга» (Нижний Новгород), 20.09.2002); *«Городец — младший брат Москвы» — это выражение уже давно вошло у нас в привычку* (сайт «Город-музей. Городец Нижегородской области». URL: [<http://gorod-musei.ru/publ0004.html>]).

⁴⁸ *Касимов — брат Москвы (по отцу)* («Вечерняя Москва»; 02.02.2000).

⁴⁹ В.В. Путин: *Город Юрьев-Польский? Д.В. Кудряшов: Он младший брат Москвы — на пять лет моложе. Основал Юрий Долгорукий* (Стенограмма беседы В.В. Путина с посетителями Общественной приемной. URL: [<http://premier.gov.ru/visits/ru/134/3793.html>]).

⁵⁰ Ну вот, например, догадайтесь, почему Мозырь называют братом Москвы? <...> Ее создатели князь Юрий Долгорукий и черниговец Святослав Ольгович стали еще и «отцами» нашего белорусского городка. В 1155 г. лето-

писец начертал на своих скрижалях, что Юрий даровал Святославу Ольговичу землю под названием Мозырь! Вот и выходит, что Мозырь и Москва — брат и сестра» («Республика» (Минск); 22.03.2008).

⁵¹ Ваш регион — жемчужина коренной изначальной России, а его столица — легендарный Владимир — старший брат Москвы («Владимирские ведомости»; 14.09.2004; обращение М.Е. Швыдкого к губернатору Владимирской обл.); На трех холмах / Среди державы, / Своей историей богат, / Стоит Владимир златоглавый, / Москвы-столицы старший брат (эпиграф к: Старший брат Москвы: [реферат]. URL: [http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_263]).

⁵² Вчера вечером Попов был в третьем батальоне Заднепровского района. <...>. Он призывал рабочих оглянуться в исторические дали, где на берегу седого Днепра, на семи холмах, уже гордо возвышался древний город русской славы Смоленск — старший по возрасту брат Москвы, ровесник Киева и Новгорода (И.Ф. Стаднюк, «Война», 1987); Смоленск! / Ты брат Москвы, / А брату / Сестру положено беречь (В.И. Фирсов, «Ода Смоленску», 1988).

⁵³ Началом маршрута служит Ростов Великий — один из древнейших и живописнейших русских городов, старший брат Москвы (сайт «Походы». [URL: <http://baydarka1.narod.ru/voronov/VOIOksPob.htm>]).

⁵⁴ Приютил новое детище старинный город Углич, старший брат Москвы (ему уже 1060 лет исполнилось!) («Вечерняя Москва»; 26.08.1998).

⁵⁵ Старший брат Москвы («Гудок»; 17.09.2004; заголовок, о Зарайске).

⁵⁶ Поздравление [с днем города] Юрия Михайловича [Лужкова] он [посланец мэра Москвы] предварил словами простыми и искренними: «Младшая сестра Москва шлет старшему брату Козельску поклон и признательность» («Тверская 13» (Москва); 19.11.1998).

⁵⁷ До нее-то от Москвы рукой подать — электрички да автобусы, плюс ко всему — город-герой да «старшая сестра» Москвы... («Тюльские известия»; 21.02.2003).

⁵⁸ Старший брат Москвы Елец и областной Липецк не то чтобы подотстали от французов... («Культура» (Москва); 18.12.1997).

⁵⁹ Старший брат Москвы, земля первых русских князей, где берет свои истоки российская государственность, свято сохраняющий и приумножающий своими деяниями и стараниями традиции живущих здесь поколений, Суздаль не потерял свое очарование и неповторимость облика, свою особую роль в общественной жизни России («Призыв» (Владимир); 19.08.1999).

⁶⁰ Старший брат Москвы (заголовок статьи «В Волоколамск без волокиты», подписано: «экскурсовод Елена Журавская» // Она онлайн. [URL: <http://www.opaonline.ru/item.php?id=315>]).

⁶¹ Старший брат Москвы («Аргументы и факты — Архангельск»; 30.07.2008; заголовок, о Вельске).

⁶² Юрий Михайлович [Лужков], кстати, называл Великий Устюг «старшим братом» Москвы... («Коммерсантъ» (Санкт-Петербург); 27.04.2001).

⁶³ Древний город Пронск — старший брат Москвы — праздновал в прошлую субботу свое 875-летие («Рязанские ведомости»; 13.09.2006).

⁶⁴ Все было в истории Остра, который порой шутя называют старшим братом Москвы («Сегодня» (Украина); 13.10.1998).

⁶⁵ Астрахань, как царский город и младшая сестра Москвы, которая издревле почиталась как Дом Пресвятой Богородицы, также отдавалась по особому промыслу Божию под благословение Пречистой (сайт «Астраханские подвижники благочестия»). [URL: <http://www.astrakhan-ortodox.astranet.ru>]].

⁶⁶ Младший брат Москвы, расположенный на старой Смоленской дороге, он [Дорогобуж] знал множество войн, лишений («Парламентская газета»; 25.08.2000).

⁶⁷ Новомосковцам есть чем гордиться, отчего быть уверенными в себе: их город возник стремительно как младший брат Москвы и практически на пустом месте («Тульские известия»; 14.09.2005).

⁶⁸ Младший брат Москвы Переславль-Залесский (туристический сайт «GoldenRing.Ru»). [URL: <http://www.goldenringtour.ru>], название экскурсионной программы).

⁶⁹ Обзорная пешеходная экскурсия «Касимов — младший брат Москвы». Вы увидите уникальные торговые ряды, культовые и гражданские постройки 18–19 вв., памятники татарской архитектуры — мечеть с минаретом. Продолжительность — 2 часа (экскурсионная программа на теплоходе «А. Свешников» в навигацию 2009 г.); ср.: Впервые он [Касимов] упоминается в летописи под 1152 г. — всего на пять лет позже своей «старшей сестры» Москвы («Труд-7»; 04.09.2008).

⁷⁰ Коломна — родная сестра Москвы, только младшая («Гудок»; 28.08.2004).

⁷¹ ...Белорусские райцентры почти сплошь ровесники или старшие братья Москвы (Гер Эргали. Белорусское зеркало. Записки нелегала // Знамя. 15.01.2007); Звенигород — ровесник, а может быть, и старший брат Москвы («Наука и религия»; 21.04.2008); ...Нет и веских оснований для того, чтобы записывать Тюмень в старшие сестры Москвы («МК Югра» (Сургут); 17.10.2007); Казань — старшая сестра Москвы? («Правда»; 23.06.1999; заголовки статьи о теории раннего основания Казани).

⁷² И, как прозвучало в песне, слова и музыку к которой написала Алла Муругова, руководитель популярного в округе детского ансамбля скрипачей «Кузнечики», «Зеленоград — младший брат Москвы» («Вечерняя Москва»; 09.09.2002); На месте старых деревень / Савёлок, Матушкино, Ржавок / Построен город, брат Москвы — / Зелёный, славный, как подарок (Анатолий Лучников, «Зеленоград», не позднее 2009 г.).

⁷³ Воронеж <...> больше ориентируется на старшую сестру — Москву («Воронежский курьер»; 20.09.2003); ...Следовать принципу «сам себя не похвалишь — никто не похвалит» с такой удручающей буквальностью новгородцы могли научиться только у старшей (по званию) сестры — Москвы («Коммерсантъ-daily»; 29.01.1998).

⁷⁴ Тогда перешел дорогу Минску его старший брат — Москва («Обозреватель» (Киев); 17.06.2003).

⁷⁵ [Глава администрации Якутска Илья Михальчук:] Я не считаю Якутск младшим братом Москвы («Якутия»; 13.02.1999); Нижний в своей столич-

ности — в первую очередь все-таки «младший брат» Москвы (Митин Иван. Третья столица // Русский журнал. 09.12.2008); «Ереван — это младший брат Москвы (что сейчас по большей части верно)», пишет эстонская «Postimees» («Armenia Today», 07.05.2009).

⁷⁶ То, что «Нижний — брат Москвы ближний», как нам стало известно во время дней города, это, конечно, для Ю. Лужкова просто замечательно («Биржа» (Нижний Новгород); 19.09.1997). Показательно, что это клише и воспринимается как официозное: А у нас в Н. Новгороде — Родине народного ополчения — собор и копию московского памятника, который должен был уже тогда стоять не в Москве, а в Нижнем, открыли. На месте, откуда ополчение пошло Москву освобождать, и открыли. Алексей Второй, мэр и др. участвовали в этом. Мэр даже кричалками историко-политическими заговорил: «Нижний — брат Москвы ближний», «От Кремля и до Кремля всюду Русская земля» («Волшебный форум». URL: [www.forum.mista.ru], 2005).

⁷⁷ Ах, Москва ты Москва — золота голова! / <...> Но тебе все равно, что твой брат Ленинград / Быть давно перестал тем, что был у России (Б.А. Чичибабин, «Московская ода», 1987); Если по чисто внешним признакам (не считая, конечно, великолепной архитектуры) сравнить сегодня две столицы, Питер выглядит куда грязнее, неряшливее, беднее своей старшей сестры Москвы («Новые известия» (Москва); 07.03.2001); Какая сладость черпается из ощущения униженности по сравнению с богатой (неправедно, разумеется) сестрою Москвой! («Петербургский Час пик»; 19.07.2000).

⁷⁸ Киев нам патриарх, а не младшая сестра Москва (форум «Главное» (Украина), 2009); Нече за старую дитячою звичкою — мати міст руських прагне бути схожою на свою молодицу сестру — Москву, яку самі ж росіяни вважали державою в державі (ICTV: Передача «Факти»; 27.11.2008).

⁷⁹ «Ярославское шоссе». [URL: <http://www.moscow-vernissage.com/redactor/l.php?i=96>]. Ср., впрочем: Дорогие читатели! Приглашаем вас познакомиться с древним городом на Волге — Ярославем. Старший брат Москвы, он от времен Ярослава Мудрого до наших дней прошел вместе с Родиной весь ее трудный и славный путь Ярославль [Козлов 1971: Аннотация].

⁸⁰ «Обнинск: Справочно-новостной портал Обнинска». URL: [<http://obninsk.name/press43.htm>]; 13.06.2005 (со ссылкой на газ. «Обнинск»; 11.06.2005).

⁸¹ В планах музея еще несколько выставок — знакомств с творчеством детей из городов, которые можно назвать братьями Петербурга, — Омска, Петрозаводска, Азова и др. («Вечерний Петербург»; 21.11.2000); И дальнейшие события программы будут проходить уже под эгидой этой ассоциации, которая должна связать всю сотню «братьев, и сестер» Петербурга — городов, основанных Петром I, среди которых Екатеринбург, Липецк, Нижний Тагил, Омск, Петрозаводск, Семипалатинск, Таганрог («Санкт-Петербургский курьер»; 15.01.2009); 1696 — направление войск на юг (Азовские походы) для строительства флота на юге: Таганрог — «старший брат Петербурга» (Северная война. Причины основания СПб. // [Конспект записей ученицы 10 класса из Петербурга, экскурсоводческое УПК; URL: <http://spb-history.narod.ru/kons/spb.htm>]).

⁸² *Оренбург — ближайший, младший брат Петербурга. И всегда будет близок к Питеру благодаря своим давним историческим связям, начиная со времен Петра Великого* (Фотографии Оренбурга // сайт «Города России и Европы». [URL: www.trip-guide.ru], 2007).

⁸³ *300-летие начал отмечать «младший брат» Петербурга — город Кронштадт* («Известия Петербург»; 15.05.2004).

⁸⁴ *...Через два года младший брат Петербурга — Петергоф — тоже будет отмечать свое трехсотлетие* («Октябрьская магистраль» (Санкт-Петербург); 19.07.2003).

⁸⁵ *Сегодня младший брат Петербурга — город Новая Ладога — празднует 300-летие* («Санкт-Петербургские ведомости»; 28.08.2004).

⁸⁶ *Предлагаю Вашему вниманию рассылку о городе Петровске Саратовской области, старшем, но маленьком брате Санкт-Петербурга, основанном в 1698 г. по указу Петра I* (Инф. канал Subscribe.Ru. Вып. 1. Рассылка 29.04.2005).

⁸⁷ *Петр Россию свою обустроивал, / Запирая границы на ключ. / И поднялся на южной окраине / Младший брат Петербурга — Бирюч!* (сайт «Наша школа». [URL: <http://web-begin.narod.ru>]).

⁸⁸ *...В числе таких городов по праву оказался и Шлиссельбург — старший брат Петербурга, в 1902 г. отметивший двухсотый день рождения* («Ладога»; 03.04.2009).

⁸⁹ *В отличие от старшего брата Петербурга Сестрорецк, заново основанный Петром в 1714-м, долгое время городом не считался, несмотря на мужской род своего названия, подобающий именно городам* («Квартальный надзиратель» (Санкт-Петербург); 15.07.2008); *Наш ближайший сосед и старший брат Санкт-Петербург–Ленинград является столицей Военно-морского флота России, матерью-родоначальницей всех флотов — Балтийского, Черноморского, Тихоокеанского, Северного и Каспийской флотилии* («Всевожские вести»; 25.07.2008).

⁹⁰ *Ганзейский, молодежно-студенческий, развеселый — но с развитой «умственной мускулатурой», Тарту своим центральным очертанием поразительно похож на младшего брата, Петербург* («The Chief (Шеф)» (Санкт-Петербург); 05.10.2009).

⁹¹ *Старший брат Петербурга, Архангельск был даже не окном, а воротами в Европу* («Правда Севера» (Архангельск); 27.05.2004).

⁹² *Иногда наш город называют младшим братом Петербурга* («Вечерний Северодвинск»; 05.12.2002).

⁹³ *Псков не только наш сосед — это старший брат Петербурга* («Невское время» (Санкт-Петербург); 09.07.2003).

⁹⁴ *Старший брат Петербурга (в следующем году Зеленогорск отметит 460-летие) некогда именовали по-фински мягким «Териоки»* («Петербургский дневник»; 15.10.2007).

⁹⁵ *Бурга — родная сестра Петербурга* («Новгородские ведомости»; 22.10.1999).

⁹⁶ *Лахта — старшая сестра Петербурга* («Смена» (Санкт-Петербург); 17.07.2000).

⁹⁷ *Вот пример из жизни нашего большого брата — Петербурга* («Новая новгородская газета»; 29.04.2009; *Празднование этого события проходит по-далше от «большого брата» Петербурга, в Волхове* («Росбалт — Петербург. Аналитика»; 01.08.2008).

⁹⁸ «На облик Нового Усолья большое влияние оказала строившаяся в период реформ Петра I столица. <...> Григорий Дмитриевич [Строганов], принимавший большое участие в строительстве столицы отправкой большого числа мастеровых из Пермских вотчин, заслужил разрешение Петра I строить свою «Камскую столицу» в Прикамье. Даже старинные рисунки и гравюры того времени, изображавшие Усолье, сделаны под сильным влиянием видов Петербурга. <...> Вследствие этого и возникает в нач. XVIII в. поговорка «Усолье-град — Петербургу брат»» [Абрамов 2005: 228].

⁹⁹ Вопрос из викторины «Знаешь ли ты Ангарск»: *Почему Ангарск называют «младшим братом Ленинграда»? (Потому что здания проектировались архитекторами из Ленинграда. У нас очень много общего в архитектуре)* (Понятовская Е.В. Методические рекомендации к проведению цикла классных часов «Моя малая Родина». [URL: <http://festival.1september.ru/articles/103509>]). Ср.: [Вы откуда?] *Ангарск! Младший брат Питера* (блог «Mail.Ru». [URL: <http://otvet.mail.ru/question/22391305/>]).

¹⁰⁰ *В годы войны город называли младшим братом Ленинграда. И это было правдой. Со стороны Волхова шли на прорыв блокады советские батальоны и полки. Здесь была одержана одна из первых побед в Великой Отечественной войне. Отсюда пришел первый поезд с продовольствием в выстоявший Ленинград, отсюда шла электроэнергия для промышленности города на Неве* (Ю. Сяков, «Волхов в огне», 1997).

¹⁰¹ *Великий Петр упорно прорубал «окно в Европу» отнюдь не по всей Балтике, а в устье Невы. На Тихом океане было из чего выбирать. По примеру Петра до 1914-го сюда вкладывались все новые средства. Российские императоры были уверены: порт и крепость Владивосток того стоили! <...> Он повторил печальную судьбу старшего брата Ленинграда* («Владивосток»; 19.01.2007); *На противоположном конце нашей великой Родины, на берегу Тихого океана вольготно раскинулся «младший брат» Петербурга — город Владивосток* (Черенович А.С. Из былого // блог «Mail.ru», ник [flot-zavoiko]).

¹⁰² *...Мой родной город — Севастополь — можно назвать братом Петербурга. Два морских города с великой и героической историей* (ЖЖ, ник [haj-voltejdzh], 12.01.2009).

¹⁰³ *Волгоград — мистический брат Петербурга. <...> Оба созданы волевым путем на малопригодных территориях. У обоих четко обозначенная функция: один — социально-административный центр (Санкт-Петербург), другой — промышленно-экономический (Сталинград). Оба в последней крупной битве сил (II мировая война) были принесены в жертву: в Ленинграде — население (блокада), в Волгограде — сам город (Сталинградская битва)* («Комсомольская правда — Волгоград»; 02.08.2005); *А Львов предстал передо мной как младший и нерадивый брат Петербурга. Нерадивый, т.к. нереставрированный и не совсем ухоженный* (ЖЖ, ник [sageteabelle], 08.01.2008);

Кстати, гостя с берегов Невы, сама в прошлом посол, проявила незаурядный дипломатический дар, назвав «красавицу Казань старшей сестрой Петербурга» («Эхо планеты»; 02.09.2005).

¹⁰⁴ *Появился я на свет 1 сентября 1932 г. в древнем граде Чернигове, младшим брате Киева, в семье лесничего и учительницы («Карелия»; 05.09.2002).*

¹⁰⁵ *Владимир, брат Киева [заголовок]. Сегодня Владимир-Волынский отметит день ангела Владимира Великого, своего основателя, и перевернет 1017-ю страницу летописи города («Голос Украины» (Киев); 29.07.2004).*

¹⁰⁶ *...Саратов в этом отношении проигрывает не только, например, соседней Самаре, а даже своему младшему брату — Энгельсу... («Богатей» (Саратов); 14.08.2008).*

¹⁰⁷ *...Сызрань — младшая сестра Самары, но не достигнувшая таких высот: центра губернии, тихий провинциальный городок с удивительно гармоничной и человеческой деревянной архитектурой («Строй Инфо» (Самары); 26.03.2000).*

¹⁰⁸ *«Младший брат» Челябинска [Копейск] уверенно набирает свою инвестиционную привлекательность («DomChel.Ru» (Челябинск); 08.08.2008).*

¹⁰⁹ *«Младший брат» Одессы, небольшой и уютный Ильичевск, признан одним из лучших городов Украины... («Время Ч» (Одесса); 07.07.2006)*

¹¹⁰ *Уникальная, бедная Балаклава... По «политической необходимости» времен «холодной войны» она потеряла статус самостоятельного города. Начавшееся строительство сверхсекретного завода по ремонту субмарин заставило власти позаботиться о том, чтобы само имя «Балаклава» исчезло с карт и памяти людей. Город аристократических дач превратился в сверхзакрытый район закрытого города Севастополя. <...> И сегодня, лишенная своей городской власти, городского архитектора и городского головы, Балаклава вынуждена только подчиняться приказам старшего брата — Севастополя, не годящегося ей по возрасту даже в правнуки («Народна правда» (Украина); 24.07.2009).*

¹¹¹ *...Лучшие художники «старшего брата», как здесь называют Волгоград, регулярно устраивают свои вернисажи в Волжском («Волгоградская правда»; 22.11.2000).*

¹¹² *Самара — старшая, до боли родная, уютная, продвинутая модница-сестричка Сызрани, Тольятти («Самарский информационный портал». [URL: <http://www.samara.ru/quotes>]).*

¹¹³ *И самое главное: кто выиграет от того, что будут поглощены своим «большим братом» и станут Ростовом такие не последние в российской истории города, как Азов, Таганрог и Новочеркасск? («Наше время» (Ростов-Дону); 26.12.2007).*

¹¹⁴ *В период распада Древнерусского государства (XII в.) Ярославль — небольшой сторожевой пункт на беспокойной окраине обособившегося Ростово-Суздальского княжества, волжский форпост своего старшего брата — Ростова Великого («Россия» (Москва); 27.04.1999), ср.: ...С исторической точки зрения Ярославль — всего лишь «младший брат» Ростова Великого (Интервью с кандидатом в депутаты Обл. думы Ярославской обл.*

по ростовскому избират. округу № 18 Е.О. Мухтаровым // Сайт «Глас народа: Спецвыпуск». [URL: <http://relinfo.pochta.ru/>].

¹¹⁵ Районный центр [Миасс] можно считать старшим братом Челябинска («Уральский курьер» (Челябинск); 25.12.2001).

¹¹⁶ Нижний Тагил передал эстафету празднования Дня города-2007 своему брату-погодку — Екатеринбург («Уральский рабочий» (Екатеринбург); 14.08.2007); Если разобраться, Нижний Тагил — старший брат Екатеринбурга. Потому как основан он на год раньше, в 1722 г. (Регион Урал: Города Урала. [URL: <http://www.interural.ru/tagil.html>]); Население Алапаевска — порядка 45 тысяч человек, и наряду со «старшими братьями», Екатеринбургом и Нижним Тагилом, смотрится несколько провинциально («УралПолит.Ру»; 14.07.2009).

¹¹⁷ Култук — старший брат Иркутска, Култуку более 350 лет. Весной 1647 г. казаки под командой Ивана Похабова поставили Култукский острог — за 14 лет до основания Иркутского острога (1661 г.) (Маленькая экскурсия от Култука до Слюдянки. [URL: http://www.baikalphoto.ru/library/tourizm/fold_01/article_07.htm]).

¹¹⁸ Если верить этим дифирамбам, мы оказались круче многих сибирских городов и даже нашего старшего брата-Иркутска («Бурятия» (Улан-Удэ); 08.10.2004).

¹¹⁹ ...В южном младшем брате Екатеринбурга — Челябинске — прямо посреди города <...> упираешься носом в зеленую вывеску «Ирландский паб Fox&Goose» («Коммерсантъ» (Екатеринбург); 22.08.2008); Кроме Челябинска, этой чести удостоился и наш брат Екатеринбург («ИАА Полит74» (Челябинск); 20.09.2007); Интересно, что старшим братом и вечным соперником Челябинска, Екатеринбургом, довольны 73 % опрошенных («ИАА Полит74»; 10.04.2008).

¹²⁰ В семье великих центральноазиатских городов Карши имеет, быть может, самую незавидную судьбу. Другие города, «братья и сестры»: Бухара, Самарканд, Хива, Шахрисабз, Термез... пережили немало сложнейших периодов в своей истории, но таких потрясений, как Карши, не испытывал никакой из них («Народное слово» (Узбекистан); 21.10.2006).

¹²¹ Новороссийск был братом Севастополя, и сейчас неотличимы были их лица: та же неистовость схватки, тот же накал ярости, та же вздыбленная земля, растерзанная, стонущая от фугасов и смертного ливня железа, который обрушили на нее и свои, и чужие (М.В. Авдеев, «У самого Черного моря», 1970).

¹²² В Свердловской области есть «младший брат» нашего города — поселок Сарапулка... («Красное Прикамье» (Сарапул), 23.07.2009); В 4540 км к востоку от Златоуста, в Селемджинском районе Амурской области, находится младший брат нашего города — поселок городского типа Златоустовск. Свое имя он получил от уроженца Златоуста, сына П.П. Аносова, горного инженера Николая Павловича Аносова, который много лет занимался отысканием месторождений золота на Дальнем Востоке («Златоуст на карте мира». [URL: <http://landsat.narod.ru/Zlatoust/htm/World.htm>]).

¹²³ «Вечерняя Москва» в дни юбилея северного брата поместила любопытный рассказ о том, как сто лет назад, в 1903 г., Санкт-Петербург праздновал свое 200-летие («Журналист»; 21.07.2003).

¹²⁴ В отличие от Питера, юбилей его северного брата прошел тихо, «подомашнему» [о Петрозаводске; заголовок: Младший брат Питера дрожал, но праздновал] («Известия Петербург»; 01.07.2003).

¹²⁵ Ароматное подношение Северной столице от южной сестры (апельсины составляли тогда в Петербурге большую редкость) было принято императором Павлом с особенной благосклонностью [об Одессе] («Киевский телеграфЪ»; 18.11.2005).

¹²⁶ Всякий, кто читал краеведческую литературу, касающуюся истории Ижевска, знает, что создатель первого генерального плана застройки города С.Е. Дудин задумывал, что когда-нибудь в не очень далеком будущем невзрачный заводской поселок станет уральским братом северной Венеции («Колесо Иж-Обозрения» (Ижевск); 25.02.2005).

¹²⁷ Указом Екатерины II городу отводилась роль третьей столицы Российской империи. Екатеринослав (Днепропетровск) планировался как «южный брат» Петербурга. Здесь планировалось построить самый большой в России храм, как в колоссальный памятник екатерининскому царствованию («Жемчужины Днепропетровска», цит. по: [URL: <http://deafmir.com/forum/lofiversion/index.php?t344-0.html>]).

¹²⁸ ...На фоне соседних сибирских городов и южного брата Новокузнецка Кемерово выглядит вполне прилично: в строительстве мы почти в передовиках («Московский Комсомолец в Кузбассе»; 18.08.2004).

¹²⁹ ...Этот город можно назвать восточным братом Иркутска. Создан он был по инициативе Николая Муравьева-Амурского и Святителя Иннокентия, а назван в честь Благовещенского собора, расположенного в столице Приангарья. В честь Иркутска получила имя и самая большая улица Благовещенска («Областная газета» (Иркутск); 24.07.2009; заголовок: Младший брат Благовещенск).

¹³⁰ Тобольск, которому от основания 417 лет, исстари проторил дорогу к своему северному брату — граду Сургуту, почти ровеснику («МК-Югра» (Ханты-Мансийский АО); 17.11.2004).

¹³¹ АвтоКраснодар. Как дела на рынке у южного брата? («Реальный бизнес» (Ростов-на-Дону); 28.02.2006).

¹³² Какой эстонский город посмеет оспаривать у Таллина его столичные права? На первый взгляд конкурентов нет. Но почему-то все не унимается южный брат — Тарту («Молодежь Эстонии» (Таллин); 28.02.1998).

¹³³ Еще четыре года назад Вильнюс и Рига обслуживали примерно одинаковое количество авиапассажиров, но теперь латвийская столица уже значительно опережает по этому показателю свою южную «сестру»: в 2006-м рижане обошли конкурентов на миллион пассажиров, а в прошлом году — уже в два раза («Бизнес и Балтия» (Рига); 08.06.2008). В примере налицо несовпадение грамматического рода термина *сестра* и названия города Вильнюса, что обусловлено употреблением родового слова *столица*.

¹³⁴ Из речи председателя Волгоградской городской думы Ирины Каревой на юбилей Новосибирска: *Наша дружба с сибирским братом неслучайна. Ее истоки — в истории Великой Отечественной войны, в священной памяти о 200 тысячах воинов-сибиряков, которые отдали жизнь на сталинградской земле. Недавно в Советском районе Волгограда был установлен символ памяти о сибиряках-гвардейцах — часовня-усыпальница имени Георгия Победоносца!* («Комсомольская правда в Новосибирске»; 01.07.2008).

¹³⁵ Следуя опыту «старшего уральского брата» — Екатеринбурга, где уже шесть подобных оптовых потребительских рынков, первый челябинский рынок будет также ориентироваться на связь с бюджетными организациями — больницами, детскими садами («Челябинский рабочий»; 14.08.1997).

¹³⁶ ...Если вспоминают Рылск, то обязательно добавляют, что он — «дедушка» городов курских («Курская правда»; 19.04.2008).

¹³⁷ См. статью Л. Ярошевича «Дедушка полесских городов» (о Пинске) (сайт «Архитектура и строительство». [URL: <http://www.ais.by/article-1390-s2>]).

¹³⁸ К 400-летию «дедушки городов уральских» написал «Верхотурскую повесть», а родному городу и горнякам посвятил поэму «Шахта» («Наше слово» (Североуральск), 28.11.2008).

¹³⁹ Киев, дедушка городов русских (форум «KM.RU». [URL: student.km.ru], зап. жителя Киева, 2006).

¹⁴⁰ «Александр Ковалев — официальный сайт». [URL: <http://www.alexkovalev.ru/aboutme>].

¹⁴¹ Форум «Open Armenia Forum». [URL: forum.openarmenia.com], 2006.

¹⁴² Форум «Стихи.Ру». [URL: www.stihi.ru], 2007.

Абрамов 2005 — Абрамов К. Происхождение поговорки «Усольеград — Петербургу брат» // Княжеский род Голицыных в Усолье. Литературное краеведение: Коноваловские чтения. Пермь, 2005. Вып. 5, 6.

Березович 2007 — Из словаря «Славянские древности» (Березович Е.Л. Топонимика народная) // Славяноведение. 2007. № 6. Прокл (Васильев), игумен. Мой путь к Тебе, Господь мой и Бог мой: [Мемуары]. Ч. 1. URL: [<http://portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1844>]

Визани 2008 — Визани Ф. «Одесса-мама любит папу-Брайтон...» Заметки об одесских анекдотах за океаном // Кирпичики: Фольклористика и культурная антропология сегодня: сб. ст. в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности. М., 2008.

Качинская 2004 — Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира. По материалам архангельских говоров // II Междунар. конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: сб. тез. М., 2004.

Даль 1957 — Пословицы русского народа: сб. В. Даля. М., 1957.

Даль 1978–1982 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978–1982.

Даниэль 2000 — Даниэль Ю. «Я все сбиваюсь на литературу...»: Письма из заключения. Стихи. М., 2000.

Дарага 1995–1999 — *Дарага С.* Кривбасс бандитский. 1995–1999. [URL: <http://www.daraga.narod.ru/kriv.html>].

Жиганец 2001 — [*Сидоров А.А.*]. Классические блатные песни с комментариями и примечаниями Фимы Жиганца [2001]. Цит. по: URL: <http://www.a-pesni.golosa.info/dvor/rostov/a-pivnaja.htm>.

Лидман-Орлова 1963 — *Лидман-Орлова Г.К.* Виды работ по развитию речи. М., 1963.

Капица 1983 — *Капица П.* Наши годы (о студентах 30-х годов) // Капица П. Наши годы: повести и рассказы разных лет. Л., 1983.

Книжная летопись 1913 — Книжная летопись. СПб.: Главное управление по делам печати, 1913. Т. 18.

Козлов 1971 — Ярославль / авт.-сост. П.И. Козлов. Ярославль, 1971.

Майков 1994 — Великорусские заклинания: сб. Л.Н. Майкова / подгот. А.К. Байбурин. СПб., 1994.

Мелихов 2003 — *Мелихов Г.В.* Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003.

Неклюдов 2005 — *Неклюдов С.Ю.* Тело Москвы: К вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе // Тело в русской культуре / сост. Г.Ф. Кабакова, Ф. Конт. М., 2005.

Поэзия Башкирии 1955 — Поэзия Башкирии. Уфа, 1955.

Рубинштейн 2008 — *Рубинштейн И.* Мы жили в семьдесят девятом. М., 2008.

Серебренников 2003 — *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: Великий отход: [Мемуары] / сост. и предисл. В.А. Майера. М., 2003.

Сидоров 2005 — *Сидоров А.А.* Жиганы, уркаганы, блатари. М., 2005.

Синдаловский 2000 — *Синдаловский Н.А.* Мифология Петербурга: Очерки. СПб., 2000.

Топоров 1995 — *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.

Цыпкина 2007 — *Цыпкина С.* Отец городов Донских // Вестник (Строительство. Архитектура. Инфраструктура). Ростов н/Д, 2007. № 3.

Шумский 2003 — *Шумский А., свяц.* Тупик провинциализма: публицистические заметки. URL: <http://www.proza.ru/2003/10/12-127>.

**ТЮРКСКИЕ ТЕРМИНЫ РОДСТВА
В ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ
ПАМЯТНИКАХ (до 1480 г.)**

Номенклатура родства является одной из наиболее интимных групп лексики любого языка. Ее (точнее, названия наиболее близких родственников) включают в списки основного словаря в глоттохронологических исследованиях, она в одной из наименьших степеней подвергается влиянию со стороны других языков. Тем значимее наличие иноязычных ТР в определенном языке, поскольку указывает на существование тесных (часто непосредственных) семейно-брачных контактов между различными народами — носителями соответствующих языков. Присутствие заимствованной ТР является, на наш взгляд, индикатором участия в этногенезе определенного иноэтнического компонента [Шабашов 1995; 1998; 2002; 2006]. Причем если имеются заимствованные ТР, то это свидетельствует о присутствии в составе этноса иноэтнического субстрата, а если заимствованы термины свойства, то они указывают на брачные контакты между этносами [Шабашов 1995; 2002].

Как известно, тюркские народы (гунны, тюрко-болгары, авары, хазары, печенег, торки, черные клобуки, половцы, золотоордынцы) на протяжении многих столетий были непосредственными соседями восточных славян и состояли с ними в разнообразных контактах, что отразилось и в восточнославянских языках. Изучению тюркских заимствований в древнетюркском языке посвящена многочисленная и содержательная литература [Корш 1903; Мелиоранский 1905; Zajączkowski 1949; Дмитриев 1958; Аракин 1973; 1974; Менгес 1979; Баскаков 1985; и мн. др.], но проблема до сих пор остается недостаточно изученной, хотя и регулярно становится предметом оживленных дискуссий. В частности, вызывает большой интерес вопрос о существовании тюркских заимствований в древнерусском языке. А если таковые имеются — то в какой степени и для описания каких конкретных отношений родства. Вместе с тем, за небольшим исключением, для территории Восточной Европы мы не имеем письменных источников собственно тюркского происхождения. Поэтому изучение тюркских за-

имствований в письменных памятниках славян, византийцев, венгров, арабов и др. — важнейший, а иногда и единственный способ, с помощью которого можно реконструировать язык и соответствующие стороны культуры средневековых кочевников южнорусских степей.

Для решения поставленной задачи — выявления тюркских ТР, имеющих в древнерусском языке, — нами были проанализированы основные памятники этого языка до 1480 г. Эта дата открывает новый этап в восточнославянско-тюркских отношениях. Освобождение от золотоордынского владычества открывает эпоху обратной экспансии славян на восток и юг, и изменившиеся отношения между этими суперэтнотами требуют отдельного изучения.

В результате проведенного исследования выявлено, что тюркские ТР представлены в древнерусском языке в следующих типах заимствований:

- 1) личные имена (ЛИ) тюрок, восходящие к ТР;
- 2) составные части многокомпонентных тюркских ЛИ;
- 3) титулы, также употребляющиеся с ЛИ, но основное значение которых — ТР;
- 4) социальные понятия, восходящие к ТР;
- 5) в значении этнонимов;
- 6) непосредственные заимствования.

1. К первой группе относим антропонимы *Балай*, *Болуй*, *Мамай* и *Улан*.

Балай — ЛИ золотоордынского военачальника (богатыря), которого вместе с Манманом Батый отрядил против Данила Галицкого: «*Ўряди есть на тѣ два богатырѣ возискати тебе Манъмана и Бала*», — устами половецкого воина на службе у князя сообщает Ипатьевская летопись (ИЛ) под 1243 [6751] г. Имя восходит к общ.-тюрк. ТР *bala* — ‘дитя, ребенок, внук’ [Севортян 1978: 47–49], *-j* — звательный аффикс. Интересно в этой связи, что в ряде тюркских языков основная форма ТР совпадает со звательной, особенно это характерно для башкирского языка: *äsäj* < *äsä* — ‘мать’, *ataj* < *ata* — ‘отец’, *inäj* < *inä* — ‘старшая женщина’ [Миржанов 1973: 99–109]. Именно в такой форме (*балай*) ТР со значением ‘сын’ зафиксирован в кар.-балк. [Севортян 1978: 48]. К этому же ТР восходит распространенная осетинская фамилия *Балаев* (из кар.-балк.?).

Болуй — ЛИ одного из золотоордынцев, посланных Бурундаем с Васильком Галицким в Холм: и посла с Василькомъ три Татаринѣ именемъ Коуичиѣ Ашика Болуѣ и к томоу толмача розоумѣюща Роу-

скими *пазь* (ИЛ: 1261 [6769] г.). Вероятно, из общ.-тюрк. и общ.-монг. *bölö* (с фонетическими вариантами). Учитывая этимологию (от глагольной основы *böl-* — ‘отделять, разделять’), первичным значением следует считать ‘ребенок сестры матери (обоих полов), сын и дочь сестры матери’, другими словами, ‘дети двух сестер между собой’, т.е. относительно близкие родственники (матрилатеральные ортокузены), разделенные по двум неродственным родам. Между прочим, согласно тюркскому брачному праву, они могли жениться друг на друге. Впрочем, в разных тюркских и особенно монгольских языках (а рассматриваемое слово, возможно, именно монгольское, учитывая вероятную монгольскую принадлежность «человека» монгольского полководца Бурундая) этот ТР приобрел весьма разнообразные значения [Шабашов 2005: 75–77; Бурыкин 2001: 163–164]. Конечное *-й* в данном случае может быть как отражением тюрк. звательного аффикса, так и возникнуть на др.-рус. почве.

Мамай — ЛИ известного золотоордынского темника, узурпатора ханской власти: убиень бысть царь Кидырь от своего сына Темирь-Хожина а на 4 день сѣде на царствѣ и на 7 день царства его темникъ его Мамаи замыте всѣмъ царствомъ его (Софийская первая летопись старшего извода, 1361 [6869] г.). Имя неясного происхождения (в том числе и потому, что не ясно происхождение самого Мамаи), связь его с тюрк. *tata* ~ *tamaj* — ‘старший родственник, бабушка’ [Сравнительно-историческая 2001: 655–656] небесспорна, распространение же такого имени у тюркских, монгольских, кавказских и славянских народов может быть обязано известности этого ордынского правителя.

Улан — ЛИ отрока князя Давида Игоревича, охранявшего ослепленного князя Василька Ростиславовича: і пристаиши. 30. муж стрѣщи. а. 2. втрока кнѣжа. Оулана. и Колчю (ИЛ: 1097 [6605] г.). Из тюрк.-кыпч. (кар.-балк., кум., татар., башк., ног., каракалп., каз., кирг.) *ulan* — ‘ребенок, дитя; мальчик, парень; сын; молодой воин; царевич; слуга’ [Сравнительно-историческая 2001: 314]. Впоследствии распространилось в др.-рус. как заимствованный титул (см. ниже).

2. Ряд Половецких ЛИ, вошедших в древнерусские летописи, в качестве второго составного компонента содержит лексему *ара* ~ *ора* ~ *оба* — ‘отец’, ‘дядя’ (?), ‘дед (по отцу)’, ‘старший брат’, ‘мать’, ‘старшая родственница (отца)’, ‘старшая сестра’, ‘тетя’ (?) [Севортян 1974: 54–58; Сравнительно-историческая 2001: 655]: *Аена* < *aj* — ‘месяц’, *aja* — ‘господин’ или *aji* — ‘медведь’ [Баскаков 1985: 80] + *ара* ~ *ора*, *Алтунопа* (*Алтунун*, *Олтунопа* — здесь и далее в скобках приводятся варианты написания имени, встречающиеся в летописях) < *altun* — ‘золото’ + *ора*, *Арсланона* (*Яросланона*) < *arslan* — ‘лев’ + *ара* ~

ора, *Асун* (*Асуна*, *Асунъ*) < *ajaz* [Баскаков 1985: 80] или *as* — ‘асы, название народа’ (в евразийских степях в Средневековье были известны два народа с таким названием: один — ираноязычный — предки современных осетин, другой — тюркский, центральноазиатского происхождения, связь между ними не прослеживается)’ + *ора*, *Бякоба* (*Бякуб*) < *bek* — ‘бек, князь’ + *оба*, *Китанона* < *kitan* — ‘китаи, кидани, название центральноазиатского монголоязычного народа, часть которого впоследствии переселилась на запад и тюркизировалась, отсюда рус. китайцы’ + *ора*, *Уруба* < ен., др.-уйг., крх.-уйг. *ury*, **uri* — ‘сын, мальчик, юноша’, ‘мужское потомство’ (с метафоризацией пожелания, чтобы родился сын), вероятно, связано с общ.-тюрк. *uriq* — ‘род’ [Сравнительно-историческая 2001: 315] + *оба*, *Ченегрена* < *Čängär* ~ *Čingir* — ‘собственное мужское имя’ (без этимологии!) ~ *čoŋqyr* — ‘сокол’ [Баскаков 1985: 91] + *ара* ~ *ора*. Н.А. Баскаков одновременно предполагает, что эта лексема может восходить и к соответствующему ТР, и к тюрк. лексеме *оба* ~ *ова* ~ *ова* ~ *ора* — ‘род, племя’ [Баскаков 1985]. Последняя лексема также встречается в древнерусских летописях в качестве второго компонента в заимствованных названиях тюркских родов, фигурирующих в форме патронимических названий. Однако нам в результате проведенного специального анализа по фонетическим, контекстуальным и некоторым другим признакам, полагаем, удалось разграничить случаи, в которых речь идет о ТР, от случаев, в которых фигурирует родовое название [Шабашов 2010; 2011].

В имени *Уруба*, как видим, и в первой, и во второй составной части ЛИ содержится ТР.

Широкое распространение ТР *ана* у половцев является важным открытием. Действительно, во многих тюркских языках имеются генетически родственные между собой слова *ана* и *аба* (*ара* ~ *аба*) (с фонетическими вариантами), первоначально, вероятно, обозначавшие старшего бокового кровного родственника и мужского, и женского пола. Позднее эти ТР дифференцировались, и в большинстве языков *ара* стало обозначать старшую женскую родственницу, а *аба* — старшего мужского родственника. Правда, имеются и исключения, в некоторых языках лексема с глухой согласной обозначает мужского родственника: кар.-балк., тур. диал. *anna*, татар. диал. *әnnә* — ‘дед;

отец'. Таким образом, становится ясно, что у половцев южно-русских степей в XI–XIII вв. старший мужской родственник обозначался ТР *ара* ~ *ора*, который впоследствии у большинства их потомков заменился на звонкую параллель или другие термины (такие как *ауа*). Уже в «Кодексе Куманикус» (л. 97) идентичный (или близкий) по значению класс родства (старший мужской родственник) обозначен лексемой *abaga*.

Наконец, еще один ТР из этого класса родства представлен в ЛИ *Балтауглий* (*Балтаулий*) — начальника турецкого флота при осаде Константинополя: столу же морскому, Балтаулюю и Загану, обѣ стѣны отъ моря, яко да окружать весь градъ... (Никонская летопись (НЛ), 1453 [6961] г.) < тюрк. *balta* — ‘топор’ [Этимологический 2003: 107–109] + *oγul* ~ *u:l* ~ *ul* — ‘сын’ [Севортян 1974: 411; Сравнительно-историческая 2001: 313–314], что является фонетическим вариантом *ulan* (см. выше — *Улан*). Конечное -у образует изафет. *Balta-oγuly* > *Balta-uly* ~ *Balta-uγly* — ‘сын Топора’ > *Балтауглий* ~ *Балтаулий*.

3. Титулы, употребляющиеся с ЛИ, но основное значение которых — ТР. К данной группе относим титулы, также употребляющиеся с ЛИ, но основное (первичное) значение которых — ТР: *Ази-Баба* (*Озибаба*), *Хази-Баба* и *Малыбердеи* (*Малымбердхи*)-*уланъ*. *Баба* — из тюрк. *baba* — ‘отец; дед’ [Сравнительно-историческая 2001: 294–295, 305], но в данном случае речь, по-видимому, идет о вторичном значении — ‘старец, почтенный старик, уважаемый человек’ [Севортян 1978: 11]. О лексеме *улан* было сказано выше. Отметим, что в данном контексте: Того же лѣта, бывшу князю великому въ отчинѣ своей на Коломнѣ, и прииде къ нему вѣсть, что идутъ Татарове из поля, Малыбердеи (Малымбердѣи) *уланъ* и иные съ нимъ князи съ многими Татары (Симоновская летопись, 1450 [6958] г.) речь идет не о ТР, а о титуле — ‘княжеский сын’ [Аракин 1973: 35–36].

4. Социальные понятия, восходящие к ТР. К этой категории относим одну лексему — *ватаманъ* (*ватамманъ*, *вотаманъ*) — ‘атаман’. Этимология этой лексемы, впервые упомянутой в Новгородской грамоте за 1294 г.: Ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватамманъ Ондреи Критцкыи [Срезневский 1893: 231], является предметом дискуссий. И.И. Срезневский объясняет его из *атаман* [Срезневский 1893: 231–232], для которого, впрочем,

не имеется ранних свидетельств. Согласно старому мнению, эти слова, как и польск. *hetman*, восходят к нем. *Hauptmann*, раньше *heubtmann*. Однако это толкование, сопряженное с фонетическими трудностями, было отвергнуто [Фасмер, 1: 278]. По другой версии, слово восходит к тюрк. *odaman* — ‘старейшина пастухов или казачьего лагеря’, тур., крым.-татар. *oda* — ‘солдатская артель’, ‘отряд’, при этом ссылаются на протетическое *в-* в *ватага* [Фасмер, 1: 278] (ср. возражения В. Ягича [Фасмер, 1: 278]). При этом первичное значение *oda* — ‘комната’, ‘помещение’; отряд → группа солдат, проживающих в одном помещении. Протетическое *в-* наблюдается в некоторых тюрк. языках и диалектах, особенно это явление характерно для чувашского языка, например общ.-тюрк. *arman* = чув. *varman* — ‘лес’. Это заставляет предположить, что др.-рус. *ватаман*, *ватага* проникло из тюрк. диалектов Поволжья — предшественников чувашского языка. Гипотеза Н. Горяева, согласно которой *атаман* — из тюрк. *ata* — ‘отец’ и *toman* — ‘тьма; 10 000 войска’ [Горяев 1896: 438], встретила возражения [Преображенский 1910: 9; Дмитриев 1958: 17].

По нашему мнению, слово *атаман* могло быть образовано по той же модели, что и этноним *түркмен* ~ *туркмен* ~ *туркман* ~ *торкмен* — от основы — тюрк. ТР *ata* — ‘отец’ + перс. афф. уподобления *-mān/-men* (< перс. *manend* — ‘подобный’): *түркмен* — ‘подобный тюрку’; *атаман* — ‘подобный отцу’. Ср. с рус. *атаман разбойников* (группа преступников организуется по принципу псевдородства — ср.: рус. жаргонное *семе́йка* — группа заключенных, ведущих в местах лишения свободы совместное «хозяйство», члены этой группы защищают и всячески поддерживают друг друга, рус. жаргонное *жиган* — ‘ученик преступника’ из тюрк. *жиган* — ‘племянник’ и т. п.), рус. простор. *батя*, *батяня* — ‘командир, начальник солдат в армии’ от *батя* — ‘отец’. Правда, понятие лица, приравниваемого к отцу, в известных нам современных тюркских языках выражается другим аффиксом — *-лык*: *аталык* — ‘отчим’. Также возможно использование и увеличительного аффикса *-man* > *ataman* — ‘большой отец, наибольший’ [Дмитриев 1962: 523], но имеется тюрк. *büyük ata* и под. — ‘дед’, букв. ‘большой отец’, или этого же аффикса в значении имени деятеля [Севортян 1966: 198]. Это слово известно во многих тюркских языках, но, возможно,

что в них (или в некоторых из них?) оно — обратное русское заимствование [Севортьян 1974: 202].

5. ТР скрываются в этнонимах тюркских народов *печенһзи* и, возможно, *торки* (*торкы*, *търци*, *тороки*). Печенґзи, греч. *пачинак* [*Πατζινάκος*, *Πατζινάκης*, *Πατζινάκης*], араб. *بجناق* *baġanāq*. Наиболее признанная этимология этнонима *печенег* возводит его к тюрк. ТР *baġanaq* (ğ — шумная, звонкая, переднеязычная аффриката) — ‘свояк, муж сестры жены’ [Севортьян 1978: 24–25; Бурыкин 2001: 170], ‘мужья двух сестер между собой’, сохранившегося в этой форме и в ряде современных языков — турецком, гагаузском, болгарском. При этом неверно считается (основываясь на неточном переводе слова — ‘шурин, свояк’), что в имени *печенег* отразился тот факт, что они были когда-то привилегированной частью кочевого объединения огузов, среди аристократических родов печенегов якобы выбирались невесты для правивших династий огузов [Pritsak 1952: 52, 79; Щербак 1959: 369]. Ясно то, что *печенег* — не самоназвание народа, а имя, которое дано им их соседями (огузами? хазарами? булгарами?), состоявшими с ними в родственных связях через жен. Для появления этого этнонима был необходим и третий народ, у которого «брали» жен и печенеги, и те, кто дал им это наименование. Не аргументирована точка зрения, согласно которой этот этноним восходит к древнетюркскому личному имени *Веґе* [Плетнева 1990: 9, 21].

Не вызывает сомнения, что древнерусский этноним *торки* восходит к названию знаменитого центральноазиатского народа — *türk*. Этимология этнонима *türk* не является общепризнанной. Наиболее, на наш взгляд, аргументированная гипотеза возводит к монг. *torgiid* — ‘родственники по матери или родственники жены’, ед. ч. *toerguen*, что, вероятно, связано с предписанными или распространенными брачными связями предков тюрков (в узком смысле) и монголов (ср. *печенеги*). Другие гипотезы: слово *түрк* может также иметь приблизительное значение ‘достигший высшей точки подъема или развития, поднявшийся до своего зенита’; *түрк* < ‘шлем’; *түрк* < ‘творение, человек’; *түрк* < ‘мощь, сила’. Также связывается с *түр/мөр* — ‘передний угол, почетное место’, возможно связанное с *түр/мөр*, чув. *турă*, *түре* и др. — ‘бог’, ‘тотем’, в его вещественном отображении → ‘место идола’, ‘передний угол’ [Владимирцов 1934:

48] (обзор гипотез см.: [Кононов 1949: 40–47; Фасмер, 4: 83–84; Баскаков 1985: 59–60]. От этнонима *торк* образовалась масса производных топонимов, антропонимов и, возможно, этнонимов, попавших в др.-рус.: *Торчев*, *Торческ* (*Торочьский*, *Торьчьский град*, *Торьской*), *Торьцький* (*Торцеск*), *Торчинь*, *Туркинь*, *торкмене* [Баскаков 1985: 60], *турпеи* [Баскаков 1985: 60–61].

6. Наконец, еще четыре слова являются непосредственными заимствованиями терминов родства: *катун(ь)*, *кума*, *хоть* (*хоть?*), *чага*.

Катун(ь) — ‘жена’, впервые упоминается в «Задонщине», которая ориентировочно датируется концом XV в. Мамай, терпящий поражение в Куликовской битве от русских, восклицает: Уже нам, брате, в земли своей не бывати и дѣтей своих не видати, а катунь своих не трепати [Задонщина 1982: 12]. Слово известно из древнетюркских языков и зафиксировано в орхонских и енисейских памятниках (надпись в честь Тоньюкука (VIII в.), на камнях из бассейна р. Талас (V–VI вв.), две енисейские надписи с рек Уюк-Туран и Улуг-Кем) [Аракин 1973: 30]. Форма, в которой это слово вошло в древнерусский, показывает, что оно могло быть заимствовано практически из любого тюркского языка того времени, поскольку оно везде в звуковом отношении было идентичным, но, скорее всего, — из кыпчакского, поскольку именно носители этого языка в то время соседствовали с русскими [Аракин 1973: 31].

Кума — ‘кума’. Впервые упоминается в 1054 г. («Церковный устав великого князя Ярослава»): Иже коумъ с коумою блодъ створить, епп-оу гривна злата, а прочее во шпитемъ; в другом памятнике XII в. (Апокрифы. Хождение Богородицы по мукам) это слово фигурирует в следующем контексте: ти вѣрують въ дѣмоны и отвергошася бога и святаго крещения, и еже блудъ створиша по святомъ крещении, и съ кумы... своими и съ матерьми своими и со щерьми своими [Срезневский 1893: 1361–1362]. Обычная этимология, которая объясняет слово из сокращенной формы от **k̑motra* из лат. *Commater*, неудовлетворительна, в том числе из-за вокализма у : ъ. В связи с этим возникла гипотеза о контаминации с тюрк. *قۇما قۇما* *kūma* (*qūtā*, *qmā*) — ‘наложница’, ‘младшая жена’, ‘жены одного человека по отношению друг к другу’, ‘девушка, невольница, служанка’ (в значении ‘со-жена’ встречается уже у арабского автора XIV в. Абу-Хайяна) [Мелиоранский 1905: 121–122], однако и эта гипотеза подвергнута критике из-за семантической сложности и маловероятности происхождения *кум* из *кума* [Фасмер, 2: 414]. В этой связи заслуживает внимания факт наличия половых табуаций в отношениях между кумой и кумом у украинцев (как и у древних славян, что видно из приведенных выше отрывков), половые связи между которыми церковными установлениями категорически запрещены, выраженные, в частности, в поговорке: «Яка

ж то кума, що під кумом не була» — «Какая же это кума, которая под кумом не была (не вступала в половые отношения с кумом)».

Хоть (хотя?) упоминается в «Слове о полку Игореве» — ‘жена, супруга, любимая’: Рекъ Боянь и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова когана хоти. Если с формальной точки зрения нет серьезных сомнений в отношении производства этого слова от слав. корня **xot-* / **xьt-* — ‘желать, хотеть’, то все же не ясно, как и когда возникло это особое вторичное значение ‘жена, супруга, любимая’. К. Менгес предполагает такое семантическое развитие как результат контаминации славянского этимона с тюркским или монгольским *qatun* ~ *xatun* — ‘женщина, жена, дама’ (см. выше), употребляемого у многих алтаеязычных народов для выражения уважения, а у некоторых древних алтаеязычных народов этим словом обозначали только первую жену кагана, т.е. императрицу [Менгес 1979: 167–168].

Чага — ‘девушка-пленница, девушка-рабыня’ (ИЛ, 1170 [6678] г.): и толико вѣща полона множество. ꙗкоже всимъ. Рускимъ воемъ наполнитисѧ до изовѣбильѧ. и колодникъ и чагами и дѣтми ихъ и челѧдью и в «Слове о полку Игореве»: Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кошей по резанѣ. Из тюрк. *çaya* (ст.-осм., чаг, тур. диал.) ‘дитя’, ‘детеныш животного, особенно цыпленок’, уйг. *bala-çaya* тж, кирг. тж. [Мелиоранский 1902: 295–296; Менгес 1979: 170; Фасмер, 4: 309–310; Баскаков 1985: 157].

Подводя итоги, можно сказать, что разнообразные взаимоотношения тюркских кочевников южнорусских степей с древнерусскими княжествами до 1480 г. привели к разнообразным же путям проникновения и формам бытования тюркских ТР в древнерусском языке. Вместе с тем группа непосредственных заимствований невелика, даже с учетом этимологически спорных слов. Интересно, что все они — названия женщин половозрелого возраста. Конечно, необходимо делать коррекцию на то, что книжный древнерусский язык значительно отличался от народного, разговорного его варианта, в котором могло быть значительно больше тюркизмов, тем не менее, можно сделать вывод о незначительном влиянии тюркской номенклатуры родства на восточнославянских соседей. На наш взгляд, это объясняется принципиальными различиями социально-родственной организации тюркских кочевников, прочно сохранявших родовые институты и специфические формы брачно-семейных отношений, и оседлых земледельцев. Биологические контакты между характеризуемыми общностями концентрировались вокруг женщин-невольниц, которых в немалом количестве, как видим по ТР, захватывали не только тюрки у славян, но и наоборот.

Аракин 1973 — *Аракин В.Д.* Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII–XIV вв. // СТ. 1973. № 3. С. 28–37.

Аракин 1974 — *Аракин В.Д.* Тюркские лексические элементы в памятниках монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 112–148.

Баскаков 1985 — *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

Бурыкин 2001 — *Бурыкин А.А.* Проблемы семантической реконструкции терминов родства в алтайских языках и перспективы реконструкции общеалтайской системы терминов родства // АР-7.

Владимирцов 1934 — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л., 1934.

Горяев 1896 — *Горяев Н.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Тифлис, 1896.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н.К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. М., 1958. Вып. 3.

Дмитриев 1962 — *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962.

Задонщина 1982 — *Задонщина* // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

Кононов 1949 — *Кононов А.Н.* Опыт анализа термина *türk* // СЭ. 1949. № 1.

Корш 1903 — *Корш Ф.Е.* Турецкие элементы в «Слове о полку Игореве» // ИОРЯС АН. СПб., 1903. Т. 8. Кн. 4.

Мелиоранский 1902 — *Мелиоранский П.М.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС АН. СПб., 1902. Т. 7. Кн. 2.

Мелиоранский 1905 — *Мелиоранский П.М.* Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени // ИОРЯС АН. СПб., 1905. Т. 10. Кн. 4.

Менгес 1979 — *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

Миржанов 1973 — *Миржанов С.Ф.* Терминология родства в диалектах башкирского языка // СТ. 1973. № 4.

Плетнева 1990 — *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990.

Преображенский 1910 — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910. Т. 1.

Севортян 1966 — *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966.

Севортян 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

Севортян 1978 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.

Сравнительно-историческая 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.

Срезневский 1893 — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1.

Фасмер 1986–1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.

Шабашов 1995 — *Шабашов А.В.* Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины) // *ЭО.* 1995. № 3. С. 84–92.

Шабашов 1998 — *Шабашов А.В.* Система родства албанцев. 2. Система родства албанцев Украины // *Записки исторического факультета.* Одесса, 1998. Вып. 7.

Шабашов 2002 — *Шабашов А.В.* Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002.

Шабашов 2005 — *Шабашов А.В.* Мир родства древних тюрков // *Науковий вісник Миколаївського державного університету.* Вип. 11. Історичні науки. Збірник наукових праць. Миколаїв, 2005.

Шабашов 2006 — *Шабашов А.В.* Система терминов родства и проблема происхождения крымскотатарского народа // *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы III Судакской междунар. науч. конф. (18–21 сентября 2006 г.).* Киев; Судак, 2006. Т. 2.

Шабашов 2010 — *Шабашов А.В.* Личные имена и родовые названия половцев в древнерусских письменных памятниках. К проблеме разграничения // *Сугдейский сборник.* Керчь; Судак, 2010. Вып. 4.

Шабашов 2011 — *Шабашов А.В.* Половці і Давня Русь: 1. Особисті імена і родові назви половців на сторінках давньоруських літописів // *Записки історичного факультету.* 2011. Вип. 21.

Щербак 1959 — *Щербак А.М.* Знаки на керамике и кирпичих из Саркела — Белой Вежи. (К вопросу о языке и письменности печенегов) // *Материалы и исследования по археологии СССР.* М.; Л., 1959. № 75.

Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М., 2003.

Pritsak 1952 — *Pritsak O.P.* Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Voelker // *Ural-Altaische Jahrbücher.* XXIV. 1–2. Wiesbaden, 1952.

Zajączkowski 1949 — *Zajączkowski A.* Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949.

Т. С. Аникина

ТЕРМИНЫ РОДСТВА КАК ЭЛЕМЕНТЫ АТРИБУТИВНО-ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (на материале суахили, руанда, йенданг и русского языков)

В любом языке ТР образуют достаточно замкнутую группу понятий, которая занимает особое положение не только в силу своего значения, но и по причине особого функционирования в рамках некоторых конструкций. Так, в суахили (как и в большинстве других языков группы банту) ТР образуют отдельный именной класс и имеют собственную систему согласования, коррелирующую, в свою очередь, с девятым именным классом (*baba y-a Musa* (1aCL-отец 1aCL.POSS-POSS Муса) — ‘отец Мусы’). В другом языке банту — руанда (киньяруанда) отличительной особенностью ТР является не только наличие отдельного класса в системе согласования, но и отсутствие начального аугмента практически у всех слов данной группы. Исключением из этого правила являются только следующие термины: *u-bu-vi-vi* — ‘правнук’ и *u-bu-nyano* — ‘праправнук’, которые относятся к XIV именованному классу и начинаются с гласной фонемы. При этом многие ТР в руанда имеют супплетивные основы, которые употребляются с разными посессорами (*mama* — ‘моя мать’, *nyina* — ‘его, их мать’). Это означает, что при выборе той или иной основы необходимо в первую очередь учитывать характеристики посессора, который имплицитно выражается в той же словоформе, что и обладаемое. Например, в руанда существуют три разных термина для обозначения отца: *data* — ‘отец говорящего (говорящих)’, *se* — ‘чей-то отец’ и *so* — ‘отец адресата (адресатов)’. У подавляющего большинства ТР, как уже отмечалось выше, отсутствует аугмент, что в целом нехарактерно для лексики руанда. Однако подобная маркированность ТР встречается во многих языках мира. Даже если в языке отсутствует такое четкое обособление ТР, как в суахили или руанда, данные лексемы все равно будут проявлять особые свойства в рамках некоторых конструкций. К таким конструкциям можно отнести, например, атрибутивно-посессивные, которые, несмотря на внешние различия, фиксируемые в разных языках, имеют общую внутреннюю структуру.

Атрибутивно-посессивные конструкции можно рассматривать как в широком, так и в узком плане. Если давать этому поня-

тию самое общее определение, то в таком случае к атрибутивно-посессивным конструкциям должны относиться два и более имени, связанные между собой отношениями принадлежности. Однако при такой трактовке атрибутивной посессивности, к ней можно отнести и такие сочетания, как, например, *экономические проблемы*, и такие, как *проблемы экономики*. Однако разница между двумя этими синтагмами довольно существенна. Под *экономическими проблемами* обычно подразумеваются такие, которые теоретически могут принадлежать экономике любой страны, а само определение как бы отсылает к классу объектов, а не к конкретному референту. Ср.: «...война вызывает *экономические проблемы*, снижает доходы населения и повышает безработицу» и «На встрече с президентом были затронуты и *проблемы экономики*»¹. Таким образом, синтагма типа *экономические проблемы* является примером нереферентного употребления посессора. В случае с *проблемами экономики*, напротив, и посессор, и обладаемое имеют более определенный характер. То есть референтное прочтение посессора в данном случае будет более предпочтительным. Однако необходимо отметить, что ни в первом, ни во втором случае деление на референтного и нереферентного посессора не является однозначным и заданным изначально. Выбор той или иной формы, а также ее интерпретация во многом определяются контекстом. Однако в случае с нереферентным посессором в русском языке отдается предпочтение согласованному определению, а с референтным — несогласованному. Более того, несогласованное определение, в отличие от согласованного, легко распространяется, и, таким образом, его значение может существенно уточняться. Ср.: *автомобильные фары* и *фары (этого, купленного моим братом, красивого и дорогого...) автомобиля*.

Для языка суахили деление посессоров на референтные и нереферентные имена носит более ярко выраженный и последовательный характер. Так, фразы типа *ki-tabu ch-a m-toto* (7CL-книга 7CL.POSS-POSS 1CL-ребенок) — ‘книга ребенка’ и *ki-tabu ch-a ki-toto* (7CL-книга 7CL.POSS-POSS ATR-ребенок) — ‘детская книга, книга для детей’ внешне отличаются только наличием аффикса *ki-* у посессора, но при переводе проявляются все те же отличия референтного и нереферентного посессора, что и в аналогичных примерах из русского языка. Для нереферентного посессора наличие аффикса *ki* является важным условием, поскольку его появление делает референтное прочтение данной конструкции невозможным.

Таким образом, представляется важным разграничивать два типа атрибутивно-посессивных конструкций: конструкции, основной задачей которых является выражение отношений принадлежности, т.е. обычные посессивные конструкции для референтных посессоров, и конструкции, которые употребляются для нереферентных посессоров (атрибутивно-посессивные конструкции в узком смысле). Для второго типа конструкций характерно еще и то, что нереферентные посессоры по своей функции очень близки к прилагательным и практически замещают их. Это явление ярко проявляется на материале языка суахили, который, как и многие другие языки группы банту, имеет довольно ограниченный набор прилагательных (согласно [Dixon 1982] не более 80), поэтому их функцию берут на себя нереферентные посессоры в составе атрибутивно-посессивных конструкций. Исходя из этой особенности рассматриваемых конструкций, их можно называть адъективно-посессивными. В целом, они более маркированы, чем обычные посессивные, и морфологически выражаются присоединением показателя *ki-* к нереферентному посессору. Такая маркированность адъективно-посессивных конструкций, по всей видимости, говорит об их инновационной природе.

Итак, по типу посессоров атрибутивно-посессивные конструкции делятся на обычные посессивные (*политика государства*, *kitabu cha mtoto* — ‘книга ребенка’) и адъективно-посессивные (*государственная политика*, *kitabu cha kitoto* — ‘детская книга’). В первом случае посессор является референтным именем, но может при этом как иметь референт и денотат (т.е. обозначать целый класс объектов), так и употребляться только в своем референтном значении (без денотата), что характерно для ТР (см. приложение, табл. 1 и 2). Сама семантика и «эгоцентрическая» природа многих ТР говорят об их преимущественно референтном употреблении². Однако эта особенность создает и некоторые трудности, т.к., в отличие от обычных посессивных конструкций, конструкции с ТР могут сильно отличаться не только в плане содержания, но и в плане выражения.

Если рассматривать те атрибутивно-посессивные конструкции, в которых ТР выступают в качестве обладаемого, то можно заметить интересную закономерность. В соответствии с иерархией одушевленности, которая впервые была предложена в работе [Silverstein 1976], ТР являются элементами иерархии. Если представить идею М. Сильверстейна в несколько упрощенном

виде, то верхние позиции в иерархии одушевленности занимают личные местоимения, затем идут имена собственные, ТР, обозначения человека, животных и, наконец, неодушевленные имена. Рассмотрим в качестве примеров следующие сочетания: *моя мать*, *Петина мать* / *мать Пети*, *мать учителя*. В первом случае, когда посессором является личное местоимение, возможен только один вариант атрибутивно-посессивной конструкции с согласованным определением. На первый взгляд это сближает такие высказывания, как *моя мать* или *экономические проблемы* в плане выражения, что, как было показано выше, говорит о нереферентном употреблении посессора. Но на самом деле здесь складывается совершенно иная ситуация, т.к. определение (атрибуция) одного объекта делается не через другой нереферентный объект, как в случае с *экономическими проблемами*, а через слово с максимально определенной семантикой и четким референтом. Личное местоимение, как и ТР или имена собственные, не имеет денотата, т.е. класса однородных объектов, которые могут выражаться данной лексемой. Оно всегда определено априори, исходя из контекста ситуации. При этом по мере понижения ранга имени в иерархии одушевленности изменяется способ морфологического выражения атрибутивно-посессивных конструкций. Если для личных местоимений в русском языке возможен только один вариант (*моя мать*), то для имен собственных возможны оба варианта (*Петина мать*, *мать Пети*), где выбор той или иной синтагмы, по всей видимости, диктуется отношениями темы и ремы в рамках всего высказывания³. Возвращаясь к примерам с одушевленными и неодушевленными посессорами, которые занимают более низкие позиции в рамках иерархии одушевленности, необходимо отметить наличие единственного способа выражения атрибутивной посессивности. Для такого рода высказываний возможны только несогласованные определения в качестве элементов посессивной конструкции (ср.: *мать учителя*, но **учительева*, *учительская мать*). В суахили аналогичным образом можно разграничить фразы типа *tam-angu* (1aCL-мать-1SG.POSS) — ‘моя мать’, *tama w-a Hamisi* (1aCL-мать 1CL.POSS-POSS Хамиси) — ‘мать Хамиси’ и *tama w-a mw-alimu* (1aCL-мать 1CL.POSS-POSS 1CL-учитель) — ‘мать учителя’ (см. приложение, табл. 3). В первом примере происходит стяжение в единую словоформу самого ТР и посессора, выраженного притяжательным

местоимением. Такой способ маркирования ТР, выступающих в качестве обладаемого при личных местоимениях, весьма характерен для суахили. Несмотря на возможность употребления полной формы *tama y-angu* (1aCL-мать 1aCL.POSS-1SG.POSS) — ‘моя мать’, *tam-angu* (1aCL-мать-1SG.POSS) с аналогичным значением встречается в этом языке значительно чаще. Таким образом, для данного класса лексем⁴ у говорящего есть две возможности: использовать полную или стяженную форму атрибутивно-посессивных конструкций.

Рассмотрев конструкции с ТР в качестве обладаемого, можно перейти к тем, в которых ТР играют роль посессора. Известно, что для выражения притяжательности в русском языке, как и в большинстве других славянских языков, используются два типа конструкций: с притяжательным прилагательным (*отцова шапка*) и родительным приименным (*шапка отца*). Однако, как отмечается в [Иванов 1990: 380]: «...конструкции с притяжательными прилагательными оказались в общем нежизнеспособными... и были вытеснены конструкциями с родительным приименным». Более того, формы с притяжательными прилагательными воспринимались как архаичные еще в середине XIX в., они сравнительно редко встречаются в литературных памятниках той эпохи [Иванов 1990].

Для атрибутивно-посессивных конструкций значимым является то, что, несмотря на «архаизацию» притяжательных прилагательных, эти формы сохранились и активно используются с ТР. Например, можно сказать *бабушкин дом* или *дядина машина*, но нельзя **учителей дом*, **директорова машина* и т.д.⁵ Однако существуют и такие ТР, для которых использование притяжательных прилагательных либо вообще нехарактерно, либо их применение ограничено контекстом. Как правило, это относится к тем ТР, которые занимают более низкую позицию во внутренней иерархии. Так, еще в работе [Matambirofa 2000] отмечалось, что практически любой уровень в иерархии Сильверстейна можно разбить еще на несколько подуровней, основываясь на значении соответствующих лексем. Классифицируя таким образом ТР, можно предположить, что старшие родственники будут занимать более высокие позиции во внутренней иерархии ТР. Возможно, именно это и является причиной, по которой посессоры типа *мама*, *бабушка*, *дядя* или *тётя* имеют большую свободу в выборе посессивной конструкции и могут

выступать в качестве как согласованного (*бабушкин дом*), так и несогласованного (*дом бабушки*) определения. Фразы же типа *сынов дом* или *сестрин подарок* встречаются достаточно редко даже в Национальном корпусе русского языка. Причем все примеры согласованных определений с участием такого рода посессоров (сын, дочь, сестра и т.д.), которые были обнаружены в корпусе русского языка, встречаются только с неодушевленным или более низким по рангу в иерархии одушевленности обладаемым (ср.: *братова машина*, но **братова мать*).

Случаи, когда ТР оказываются одновременно и в роли посессора, и в роли обладаемого, встречаются достаточно редко в таких языках, как русский, суахили или руанда. Любой ТР в этих языках по-своему «эгоцентричен», т.к. он указывает на степень родства по отношению к определенному человеку. При этом основной функцией атрибутивно-посессивных конструкций является определение одного имени через другое благодаря установлению отношения принадлежности. Однако в случае с ТР иногда наблюдается маркирование «двойной принадлежности имени». Например, такое сочетание, как *сын (моего) брата*, сначала эксплицитно выражает родственные отношения между отцом и сыном, а затем отношения между отцом и (в данном случае) говорящим. Даже если притяжательное местоимение не выражается в синтагме, из контекста всегда становится ясно, по отношению к кому данный человек является братом. Таким образом, отношение родства маркируется два раза, что в целом представляет собой избыточную информацию. Как правило, такую ситуацию можно устранить путем введения нового ТР. Так, вместо *сына брата или сестры* в русском языке гораздо чаще употребляется лексема *племянник*. Похожим образом складывается ситуация и с другими ТР. Только в редких случаях возможно полное дублирование ситуации родства, например, в таких фразах, как «*он сын своего отца*», но их употребление ограничено контекстом и сопровождается распространяющими элементами (например, *своего*). Однако для такого африканского языка, как йенданг, напротив, нормой будут описательные ТР с активным использованием посессивных конструкций (*digla vevéri yena* — ‘двоюродный брат = сын брата матери’).

В языке йенданг (группа адамауа семьи нигер-конго) в целом отсутствует формальное выражение адъективно-посессивных конструкций (они различаются только в плане содержания). Зато обычные посессивные конструкции демонстрируют боль-

шое разнообразие форм с участием ТР. Например, как и в суахили, существуют два различных типа конструкций для ТР в функции обладаемых и притяжательных местоимений в роли посессоров. Здесь также широко применяется стяженная форма, где происходит присоединение аффиксальной морфемы со значением посессора к полной форме обладаемого: *yùrà-m-me* (отец-1SG.POSS) — ‘мой отец’ наряду с *m-an yùrà-n* (SG-1SG.POSS отец) — ‘мой отец’. Однако данная возможность реализуется только для притяжательных местоимений в единственном числе (во множественном всегда используется полная форма: *b-o yùrà-n* (PL-1PL.POSS отец) — ‘наш отец’). Если же ТР является посессором, то он также предусматривает использование маркированной конструкции для тех случаев, когда в качестве обладаемого выступает другой ТР или имя собственное. Маркированность такой конструкции заключается в элизии посессивного форманта *le*, который обычно занимает позицию между обладаемым и его посессором (ср.: *va Ali* (сын Али) — ‘сын Али’ и *takarta le Ali* (книга POSS Али) — ‘книга Али’).

Подводя итог, можно отметить следующее. Во-первых, ТР могут выступать в атрибутивно-посессивных конструкциях в роли как посессора, так и обладаемого. В суахили важно различать для ТР — посессора референтную (*ki-tabu ch-a mama* (7CL-книга 7CL.POSS-POSS 1aCL-мать) — ‘книга матери’) и нереферентную (*u-pendo w-a ki-mama* (11CL-любовь 11CL.POSS-POSS ATR-мать) — ‘материнская любовь’) формы соответствующих конструкций. Аналогично в зависимости от семантики посессора изменяются и атрибутивно-посессивные конструкции в русском языке. Нереферентный посессор выражается согласованным (*сыновний долг*), а референтный — соответственно, несогласованным (*дом сына*) определением. Причем чем выше позиция ТР в рамках иерархии одушевленности, тем больше вариантов реализации он имеет (*бабушкина корзина*, *корзина бабушки* и т.д.) Младшие родственники, как правило, не могут выступать в составе согласованного определения (**внукова игрушка*). В языке йенданг посессор, выраженный тем или иным ТР, требует наличия показателя *le* для всех случаев с неличным обладаемым. В остальных ситуациях *le* факкультативен, хотя наблюдается четкая тенденция к его элизии в рамках составных ТР (*va yùrà-n* — ‘дядя, младший брат отца’).

Если же ТР выступает в качестве обладаемого (см. приложение, табл. 3 и 4), то в суахили, как и в йенданг, он может

иметь две формы: полную и стяженную, но вторая из них возможна только в том случае, когда посессором является притяжательное местоимение (суах. *bab-angu* (1aCL-отец-1CL.POSS) и *baba y-angu* (1aCL-отец 1aCL.POSS-1SG.POSS) — ‘мой отец’, йенд. *yena-mme* (1aCL-мать-1SG.POSS2) и *m-an yena* (SG-1SG.POSS 1aCL-мать) — ‘моя мать’). Полная форма остается наиболее нейтральной и используется для всех остальных типов посессоров (*tama y-a mw-alimu* (1aCL-мать 1aCL.POSS-POSS 1CL-учитель) — ‘мать учителя’). В русском языке посессор-местоимение делает возможным употребление только одной формы атрибутивно-посессивных конструкций с ТР в роли обладаемого (ср: *мой отец*, **отец меня*). Зато имена собственные могут реализовываться по-разному в зависимости от контекста и определенных характеристик самого высказывания (здесь, в частности, играют роль отношения темы/ремы). Так, по-русски одинаково верно будет звучать как *Петина мама*, так и *мама Пети*. Однако аналогия с другими личными именами не срабатывает. Так, можно сказать *сестра доктора*, но не **докторова сестра*. Получается, что схема «посессор + обладаемое» характерна в русском языке для тех посессоров, которые занимают наиболее высокие позиции в иерархии одушевленности, а схема «обладаемое + посессор» наименее маркирована и употребляется для тех посессоров, которые в этой иерархии оказываются ниже своих обладаемых (ср.: *брат учителя* и **учителей брат*).

Таким образом, ТР как в русском, так и в суахили, руанда или йенданг, отражают эгоцентрическую картину мира, которая лежит в основе любого языка. Их функционирование в рамках атрибутивно-посессивных конструкций определяется такими факторами, как референтное и нереферентное употребление посессора, а также его позиция и позиция обладаемого в рамках иерархии одушевленности. Если в составе адъективно-посессивных конструкций ТР проявляют те же свойства, что и лексемы с другим значением, то материал обычных посессивных конструкций однозначно указывает на их особое положение в рамках лексики соответствующего языка.

¹ Здесь и далее примеры на русском языке приводятся из Национального корпуса русского языка.

² Но оно не является единственно возможным. Ср., например: *материнская любовь*, *сыновняя почитательность* и т. д.

³ Соответственно, если ранее речь шла о Пете, то с наибольшей вероятностью будет выбрана форма *Петина мать*.

⁴ Стыженные формы, впрочем, возможны не для всех ТР. Подробный список см. в [Ashton 1944].

⁵ Как правило, ТР имеют две различные формы для адъективно-посессивных и обычных посессивных конструкций. В качестве примера можно привести следующие пары: *материн фарфор* / *материнский инстинкт*, *братьев дом* / *братский долг*, *дочерин жених* / *дочерний долг* и т.д.

Иванов 1990 — *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990.

Ashton 1944 — *Ashton E.O.* Swahili Grammar (including intonation). L.: Longmans, 1944.

Dixon 1982 — *Dixon R.M.W.* Where have all the adjectives gone? And other essays in semantics and syntax. Berlin — N.Y. — Amsterdam: Mouton, 1982.

Matambirofa 2000 — *Matambirofa F.* Some aspects of the architecture of the possessive noun phrase in Bantu // *Zambezia*. 2000. Vol. 27, № 1. P. 71–92.

Silverstein 1976 — *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Humanities Press, 1976. P. 112–171.

Приложение

Таблица 1

Влияние характеристик посессора на выбор типа
атрибутивно-посессивной конструкции в русском языке

Характеристики посессора		
Референтное употребление		Нереферентное употребление
Аутосемантичесность (денотат + референт)	Реляционность (отсутствие денотата)	
Несогласованное определение	Согласованное либо несогласованное определение	Только согласованное определение
<i>Двери дома, зарплата служащего, тетрадь студента</i>	<i>Мамина книга, Петина тетрадь, дом бабушки</i>	<i>Материнская любовь, соловьиная песня, машинное масло</i>

Таблица 2

**Влияние характеристик посессора на выбор типа
атрибутивно-посессивной конструкции в суахили**

Характеристики посессора		
Референтное употребление		Нереферентное употребление
Аутосемантичесность (денотат + референт)	Реляционность (отсутствие денотата)	
Обычная посессивная конструкция		Атрибутивно-посессивная конструкция: посессор присоединяет показатель <i>ki-</i>
<i>mlango wa nyumba</i> — ‘дверь дома’ <i>mkono wa mwalimu</i> — ‘рука учителя’	<i>kiti cha mama</i> — ‘стул мамы’ <i>mkono wa mama</i> — ‘рука мамы’	<i>upendo wa kimama</i> — ‘материнская любовь’ <i>mkutano wa kirafiki</i> — ‘дружеская встреча’

Таблица 3

**Влияние характеристик обладаемого на выбор типа
атрибутивно-посессивной конструкции в суахили**

Способ выражения посессивности	
Стяженная форма (только с реляционным обладаемым и притяжательным местоимением)	Полная форма
<i>babake</i> — ‘его отец’	<i>baba yake</i> — ‘его отец’, <i>kitabu cha mwalimu</i> — ‘книга учителя’

Таблица 4

**Влияние характеристик обладаемого на выбор типа
атрибутивно-посессивной конструкции в йенданг**

Способ выражения посессивности	
Стяженная форма (только с реляционным обладаемым и притяжательным местоимением)	Полная форма
<i>yena-mme</i> — ‘моя мать’	<i>may yena</i> — ‘моя мать’, <i>takarta le wèŋ dzànsabek</i> — ‘книга учителя’

МАТЕРИАЛЫ

Е.А. Руднева

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В АЛБАНСКОМ ГОВОРЕ УКРАИНСКОГО ПРИАЗОВЬЯ

Введение в проблематику

Среди этнических групп, проживающих на территории современной Украины, представлены албанцы. Они и сегодня имеют в обиходе элементы традиционной бытовой культуры и сохраняют в той или иной мере свой язык, который в силу существенных отличий от современного албанского, а также малочисленности говорящих на нем имеет статус говора. Различают говор албанцев, проживающих в селе Жовтневое Одесской области (самоназвание — Каракурт), и говор албанцев Приазовья. Ареал распространения последнего включает три села, расположенные в Приазовском районе Запорожской области: Георгиевка (старое тюркское название — Тюшки), Девнинское (Таз), Гаммовка (Джандран).

Изучение ТР в говоре албанцев Приазовья представляет интерес в свете истории данной общности. Она неразрывно связана с историей всего албанского этноса, обитавшего на Балканском полуострове в контакте с другими народами. Многочисленные заимствования (в том числе и в ТР) фиксируются и в современном литературном языке: ранние греческие, латинские, славянские и тюркские. В говоре албанцев Приазовья этот пласт заимствований был значительно дополнен в период, когда данная общность существовала в отрыве от основного ареала. Албанцы, болгары и гагаузы Приазовья — потомки выходцев с Балканского полуострова, которые в XVI в. переселились в Болгарию, оттуда — в южную Бессарабию, а затем — на территорию, на которой они проживают сегодня (подробно об истории переселения будет рассказано ниже). Длительные контакты с другими народами оказали влияние на структуру общества албанцев Приазовья, что, соответственно, получило отражение в ТР.

История переселения албанцев Приазовья

Часть населения Албании в Средние века исповедовала ортодоксальное христианство. Во времена Османской империи им пришлось покинуть родные места. Небольшие группы албанцев отправились на территорию Италии (где сформировалась и существует по сей день диаспора арбрешей) и в Болгарию. Это переселение произошло в конце XV — начале XVI в. В течение двух веков албанцы проживали в болгарском селе Девня (Деви), близ города Варна, в тесном соседстве с болгарскими гагаузами. «Основным исходным пунктом этой волны переселения была крайна Девола и соседняя с ней область Корчи, а также пограничные с Македонией районы юго-восточной Албании» [Жугра, Шарапова 1998: 118].

Во второй половине XVIII — начале XIX в. данная общность совершила переход в южную часть Днестровско-Прутского междуречья, называемую Буджаком. В указе Александра I от 26 декабря 1819 г. о переселенцах, пришедших из-за Дуная до 1812 г., помимо численно преобладавших болгар, были также упомянуты греки, арнауты (самоназвание албанцев), турки (вероятно, имелись в виду гагаузы) [Жугра, Шарапова 1998]. Албанские переселенцы-арнауты сначала осели близ озера Ялпуг, в опустевшей татарской деревне Чумай Кагульского уезда. В 1811 г. они основали село Каракурт на левом берегу озера Ялпуг у реки Сарлык [Державин 1948: 156].

После Крымской войны 1853–1856 гг. Россия была вынуждена передать часть своих южных владений, в том числе Буджак, Молдавскому княжеству. Албанцам Каракурта было позволено переселиться на территорию современного Приазовского района. Современные жители албанских сел Георгиевка и Девнинское связывают эти события с именем Георгия Кирчика (Кирчева), который якобы возглавил арнаутов и привел их в приазовские степи на поселение (такие данные были получены в ходе интервью, проведенных с представителями данной общности в ходе экспедиций 2005–2009 гг. под рук. А.А. Новика). В 1862 г. были основаны три албанские колонии: Георгиевка (Тюшки), Девнинское (Таз), Гаммовка (Джандран).

Население этих сел долго оставалось почти полностью моноэтничным (за исключением Гаммовки, где албанцы проживали вместе с гагаузами). «До 1920-х гг. албанцы вообще не признавали и не приветствовали межэтнические браки. Стари-

ки считали, что их сыновья могут жениться только на албанках. И дочерей выдавали тоже исключительно за албанцев. Такое положение существовало довольно долго» [Новик 2003: 753]. Межэтнические браки стали возможны лишь в 20-е гг. XX в. В середине 1930-х гг., когда советские власти стали переселять в опустошенные голодом села Приазовья украинцев и русских, таких браков стало больше. В результате перепись населения 1951 г. показала, что в с. Георгиевка проживало 446 албанцев, в Девнинском — 397, в Гаммовке — 226 [Демко 1972].

Во второй половине XX в. доля этнических албанцев в селах Приазовья продолжала уменьшаться. Так, в с. Георгиевка, которое характеризовалось как «наиболее албанское», в 1970 г. албанцы составляли 65,5 %, а в 1979 г. — 54,7 % [Будина 1989: 81–82]. Таким образом, в 70–80-е гг. в селах с преобладанием албанского населения нарастает процесс размывания этнической однородности [там же: 83]. Когда была провозглашена независимость Украины, появилась тенденция называть себя украинцем, которая, впрочем, была кратковременной. К середине 1990-х гг. у албанцев Приазовья вновь стало возникать устойчивое стремление подчеркнуть свою этническую принадлежность. До 2000 г. это можно было проследить по хранящимся в сельсоветах Георгиевки и Девнинского похозяйственным книгам. В 2000 г. были введены книги нового образца, в которых отсутствует графа «национальность». Они дают точную информацию лишь о количестве жителей: в настоящее время в Георгиевке проживают 472 человека, в Девнинском — 698, в Гаммовке — 496 человек. «Приблизительный подсчет говорит, что албанцев в указанных семьях больше половины» [Новик 2003: 754].

Культурное наследие албанцев Приазовья носит ярко выраженные болгарские черты. Албанские песни, дошедшие до нашего времени, являются переводами с болгарского; традиционный костюм также носит черты болгарской культуры. Влияние на этноспецифичную культуру и обрядовость приазовских албанцев оказывает также современная русско-украинская действительность [Иванова 2000].

В целом, в регионе Приазовья преобладает двуязычие. Наряду с языком своей национальности потомки выходцев с Балкан владеют русским и/или украинским языком. Некоторая часть представителей этнических групп балканского происхождения

знает более двух языков. Что касается албанского и роли, которую он играл и играет в повседневном общении, Ю.В. Иванова отмечает, что во время ее первых экспедиций (1950-е гг.) пожилые женщины еще с трудом изъяснялись по-русски, в семейной и производственной колхозной жизни звучала только албанская речь [Иванова 2000]. В дальнейшем дети стали осваивать русский язык в школах, молодежь — во время службы в армии, постепенно именно он становился главным языком общения. Во время экспедиции 1998 г. уже все, по словам Ивановой, говорили в основном по-русски, даже на традиционной албанской *хороте* [Там же].

В настоящее время представители старшего и отчасти среднего поколения владеют албанским на уровне, достаточном для бытового общения. Молодежь и дети, как правило, знают лишь отдельные слова и, по их словам, могут частично или полностью понимать речь своих старших родственников на албанском говоре. Следует, однако, иметь в виду известный *парадокс вымиравшего языка*: следующее поколение, достигнув определенного возраста, когда это положено по статусу, начинает говорить на титульном языке. Кроме того, с конца 1980-х гг. отмечается рост этнического самосознания албанцев Приазовья: вспоминаются семейные обряды, возрождается интерес к истории края, создаются сельские краеведческие музеи [Иванова 1995].

Как описано выше, развитие «островного» говора с. Георгиевки происходило в условиях влияния болгарского и гагаузского, а впоследствии русского и украинского языков. В основных чертах говор соответствует севернотоскскому¹ диалектному типу [Жугра, Шарапова 1998: 128].

В «зонах этнического контакта» Приазовского края неоднократно проводились этнографические исследования, в частности, связанные с подготовкой «Историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии, Молдавии» [Будина 1989: 79]. Обширная работа сделана московским этнографом Ю.В. Ивановой [Иванова 1995; 2000]. Были проведены и собственно лингвистические исследования албанского говора как всей Украины, так и Приазовского района [Демко 1972; Voronina, Domosilekaja, Sharapova 1996; Жугра, Шарапова 1998].

Начиная с 2005 г. в албанские села Приазовья организуются регулярные экспедиции студентов филологического факультета СПбГУ под руководством А.А. Новика, в рамках которых

проводятся исследования как социолингвистической ситуации в селе, так и отдельных аспектов грамматики [Бичурина 2006; Романова 2007; Морозова 2012].

Методы исследования

Материал для исследования собран в ходе экспедиции в с. Георгиевка в 2006 г. Основной метод сбора данных — интервью с носителями говора по вопросам Малого диалектологического атласа балканских языков (МДАБЯ²). В МДАБЯ картографируются общие названия, ТР и термины свойства, а также принятые внутри традиционной балканской семьи обращения родственников друг к другу (семейный этикет).

В диалектологическом атласе представлены два говора албанского языка: 1) албанский среднегегский говор (Muhiut, Албания, крайна Дибра, р-н Пешкопия); 2) албанский севернотоскский говор (Leshnjë, Албания, крайна Скрапар, р-н Чоровода).

Сбор лексического материала для настоящего исследования проводился в несколько этапов: перевод (с русского языка на албанский говор) единиц анкеты МДАБЯ; дополнительные вопросы, способствующие пониманию смысла термина и вспоминанию его; перевод предложений с данными лексическими единицами; перевод с албанского на русский некоторых единиц; сбор реальных употреблений (рассказ на тему «Семья», случайные употребления единиц); наблюдение албанских семей. Для создания более свободной обстановки и стирания границы «свой — чужой» при интервью использовались единицы говора.

ТР с. Георгиевка анализируются в сравнении с данными литературного албанского, болгарского, гагаузского языков и диалектов балканского ареала по МДАБЯ.

Терминология родства в современном албанском языке

ТР албанского языка рассмотрена в статье А.В. Жугры [Жугра 1998]. Материал для нее получен «методом сплошной выборки из существующих словарей албанского»³. Автор отмечает следующие особенности албанской ТР: «наличие целого ряда терминов, обозначающих более крупные, чем семья, объединения родственников»; «активное бытование терминов, имеющих собирательное значение»; «широкое распространение полисе-

мии и синонимии»; «своеобразие морфологического оформления притяжательных конструкций, образуемых с исконными и латинскими по происхождению ТР»; «сохранение различия в обозначении патрилинейного и матрилинейного родства», «своеобразие вокативной СТР» [Жугра 1998: 167].

В статье описываются следующие термины, обозначающие более крупные, чем семья, объединения родственников: *fis*, -i⁴ ('род, родо-племенной коллектив, группа людей, ведущих свое происхождение от одного общего предка по мужской линии'); *gjini*, -a (употребляется прежде всего для обозначения 'кровных родственников незамужней женщины'); *vllazni*, -a (составляющая *fis*, -i; также первое словарное значение 'совокупность братьев, все братья'); *bark*, -u ('группа наиболее близкородственных семей' в пределах *vllazni*, -a); *ship* (в гегском говоре) / *shtepi*, -a (в тоскском говоре) ('большая патриархальная семья'; первое словарное значение 'дом').

Для албанской СР релевантны понятия кровного родства (по отцу и по матери) и родства приобретенного (в результате *побратимства* и через *кумовство*). Для обозначения родства по отцовской линии используется существительное *gjak*, -u 'кровь', этим же словом обозначается кровное родство вообще. Родство по матери обозначается термином *gjini*.

Для обозначения понятия *побратимство* используются термины *vellam*, -i и *motërme*, -a; другая форма приобретенного родства — *кумовство* — обозначается термином *kumbarija* [Там же: 173]. У албанцев были не редки браки двух сестер с двумя братьями, мужья сестер (даже если они и не братья) называются *bazhanak* [Там же: 172].

По признаку происхождения в статье выделяются следующие группы албанских ТР [Жугра 1998: 168–178]:

ИЕ: *atë* 'отец', *emë* 'мать', *bir* 'сын', *bijë* 'дочь', *burg* 'мужчина, муж', *grua* 'женщина, жена', *motër* 'сестра', *vëlla* 'брат', *gijsh* 'дед', *gijshë* 'бабка', *dhëndër* 'жених, зять', *nuse* 'невеста, невестка', *vjehër* 'свекр', 'свекровь', *mbesë* 'племянница, внучка'.

Латинские: *fëmijë* 'дитя, ребенок', *prind* 'родитель', *emtë* 'тетя', *ungj* 'дядя', *krushk* 'свойственник', *kumtër* 'шафер; тот, кто дает ребенку имя; тот, кто совершает обряд первого подстригания волос у ребенка', *kushëri* 'двоюродный брат' (во мн. ч. также 'кровные родственники'), *kunat* 'зять, шурин, деверь, свояк', *njerk* 'отчим', *thjeshtër* 'пасынок', *ndrikull* 'та, кто дает ребенку имя; мать по отношению к крестному ее ребенка'.

Славянские: xhaxha ‘дядя’, teto ‘тетя’, probatin ‘побратим’.
Турецкие: baba ‘отец’, axhe, mixhe ‘дядя по отцу’, daja ‘дядя по матери’, hallë ‘тетя по отцу’, teze ‘тетя по матери’, beqar ‘холостой’.

Терминология родства говора албанцев Приазовья (с. Георгиевка)

Ниже представлена сводная таблица по ТР и общим названиям. В первой графе сначала приводится вариант, принятый за основной, затем — дублетные формы и фонетические варианты. По возможности, представлены неопределенная и определенная формы слова, зафиксированные при сборе и анализе языкового материала.

Запись слов на говоре производится так, как это принято в албанской диалектологии, т.е. в албанской графике с использованием дополнительных символов для обозначения звуков, не имеющих аналога в литературном языке. На письме используется вариант латинского алфавита, в который для обозначения некоторых специфических звуков включены дополнительные буквы и буквосочетания:

- ç* — произносится как русское /ч/;
- gj* — среднеязычный звук, напоминающий /г’/. В речи на говоре может заменяться на /д’/ или /г’/;
- q* — среднеязычный звук, похожий на /к’/. В речи на говоре может заменяться на /к’/ или /т’/;
- sh* — произносится как русское /ш/;
- th* — межзубной звук, напоминающий английское /θ/, в речи нередко заменяется на /с/ или /ф/;
- x* — звучит приблизительно как русское /дз/;
- xh* — произносится как русское /дж/;
- y* — звук, произносимый как французское *y*. В говоре на его месте нередко произносится /у/ после мягкого согласного;
- zh* — произносится как русское /ж/.

Кроме того, в записи лексики говора использованы следующие обозначения, отсутствующие в традиционной албанской графике:

- ĩ* — русский /ы/, в албанской графике — *ë* под ударением (*ë* в безударном положении произносится как гласный среднего подъема, *ива*);
- y* — украинский /з/, рассматривается как аллофон /g/ или /h/;
- w* — губно-губной звук, рассматривается как аллофон /v/.

Мягкость согласных обозначается апострофом, кроме противопоставления твердого /ll/ и полумягкого /l/, которое имеется и в литературном албанском языке.

Общие названия, обозначающие более крупные, чем семья, объединения родственников		
Общее название (в скобках приводятся дублетные формы; фонетические варианты)	Перевод	Соответствия в других языках и диалектах
rīnē,-a (rīnē,-i)	род	ср.: тоск. rēndē ‘семья’ (ср. подобное употребление слова farē ‘семья’)
sēnsēle	род (малоупотр.)	тур. silsile; гагаузск. сенселә ‘род’, ‘родство’, ‘родословная’)

В говоре утрачена большая часть терминов, обозначающих более крупные, чем семья, объединения родственников (как в лит. яз.: *fis,-i; gjini,-a; vllazni,-a; bark,-u; ship*).

В говоре имеется **rīnē,-a** ‘род’ (ср.: тоск. rēndē ‘семья’), свободное сочетание **tantē botē** ‘наши люди’ и малоупотребительное **sēnsēl’e** ‘род’, тюркское заимствование, пришедшее из гагаузского (ср.: тур. silsile; гаг. сенселә ‘род’, ‘родство’, ‘родословная’). «Родство кровное» (отношения между людьми, создаваемые наличием общих предков) переводится на говор следующими конструкциями: **na tē vetiūt ga gjaku** — «мы родственники по крови»; jun’i g’aku (n’i) / d’aku jun’i n’i — дословно «наша кровь одна».

Некоторым общим названиям в говоре соответствуют формы возвратного местоимения и его сочетания с другими местоимениями: **tē vetēūt** (зафиксированы варианты: **tē wai(w)ūt / tē waiūtut; tantē tē wētiūt, tantē tē wai(w)ūt, jun’i i waiūt** ‘родственник’ (тот, кто находится в кровном родстве с кем-либо; досл. «из своих»). Статус единицы **tē vetēūt** спорен. С одной стороны, в говоре имеется возвратное местоимение **vete** (ср. лит i/e vet); с другой стороны, возможность сочетаний типа **tantē tē wētiūt** «наши» + «свои» свидетельствует о том, что единица **tē vētēūt** лексикализована. Подобная картина наблюдается и относительно ряда других единиц, несомненно, имеющих местоименное происхождение: **tē ta t’ur’it botē** (досл. «с их людей») ‘потомок’ (человек по отношению к тому, от кого он ведет свой род) (**ta t’ur’it** — родительный падеж притяжательного местоимения «их»); **tīm’it** (прит. мест. «мои») ‘родители’.

Для термина «семья» в говоре существует единица славянского происхождения, входящая в группу общеупотребительной лексики: **s'im'est'ja** (ср. пункты МДАБЯ: se'meisvo (Гера); sām'eistvo (Гела), s'im'eistvo (Равна). В говоре отсутствует отдельная лексема для обозначения понятия «большая семья»: информанты предлагали описательный перевод *γort a mallë, -a*⁵ s'im'est'ja — «очень большая семья».

В говоре с. Георгиевка имеется единица **shtǐpër** ‘члены семьи, домочадцы’ (от shtep'i, -ja ‘дом’). В литературном языке также аналогично употребляется shtep,-i ‘дом’: «...семейная община реально представляет собой кровнородственную единицу... В Косово нередко были семейные общины, число членов которых достигало 100 человек» [Жугра 1998: 171]. В с. Георгиевка это, скорее, малая семья — люди, проживающие под одной крышей.

Отсутствие большого количества названий для более крупных, чем семья, объединений родственников позволяет заключить, что в данной общности понятие расширенной семьи потеряло свою значимость, а важно лишь понятие малой (нуклеарной) семьи, как у славянских народов. В отличие от литературного языка, в говоре также отсутствуют термины, имеющие собирательное значение: vellazeri ‘братство, все братья вместе’, moteri ‘все сестры вместе’ и др. (за исключением упомянутого выше **shtǐpër**).

Термины кровного родства		
<i>ТР (в скобках приводятся дублетные формы; фонетические варианты)</i>	<i>Значение</i>	<i>Соответствия в других языках и диалектах</i>
Термины для +2 поколения		
babo, -u (baba, по аналогии с русским)	бабка по матери (мать матери), прабабка; <i>используется как обращение к бабушке и теще</i>	ср. болг. баба (и другие славянские языки)

male, -a	бабка по отцу (мать отца)	ср. диал. алб. madhe, -ja
Данная единица известна всем жителям села, в том числе и некоторым маленьким детям, т.е. данное понятие является и сейчас важным для данной общности.		
Термины для родителей эго		
tate, -u	отец; <i>обращение к свекру</i>	ср.: балканские пункты: Завала: tata; Пештани: t'atko; Гера: t'atko; болг. татко (и другие славянские языки)
mamo,-u (mama)	мать; <i>обращение к матери и свекрови</i>	Ср.: Гела, Равна: m'ama; болг. мама (и др. славянские языки)
«Отчим» и «мачеха» переводятся в говоре описательными сочетаниями: i dyjtë tatu / tati 'отчим' (досл. 'второй отец'), а dyjtë / d'ujtë mamo,-u (вторая мама) 'мачеха'.		
Термины для сиблингов родителей		
toto (totë)	тетя по матери или по отцу	ср.: укр. тітка, болг. тетка
çiçe,-i (çiço; çiko,-u)	дядя по отцу (брат отца)	ср.: болг. чичо ('дядя, брат отца')
uço,-u	дядя по матери (брат матери)	ср.: болг. вуйчо, уйко, уйчо
Термины для 0 поколения		
vlla,-u / -i	брат	ср.: лит. vella
bate	<i>обращение к старшему брату, старшему брату мужа, обращение к человеку, старшему по возрасту; старший брат</i>	ср.: болг. бате, бачо 'обращение к старшему брату'; гаг. батю 'старший брат')
motër, -tra	сестра	ср.: лит. motër

kako, -u (kaka)	обращение к старшей сестре, старшей сестре мужа/брата, обращение к женщине, старшей по возрасту; старшая сестра	ср.: болг. <i>кака</i> 'старшая сестра', како 'обращение к старшей сестре, старшей женщине'; Гела <i>b'ula</i> , Равна: обращение <i>k'aka</i>
Термины для –1 поколения		
b'ir, -i	сын	ср.: лит. <i>bir</i>
b'il ë,-a	дочь	ср.: лит. <i>bije</i>
Термины для детей сиблингов		
pl'im'ann'ik, pl'im'annica	племянник, племянница (или описательно, напр. <i>çura batës</i> 'девочка старшего брата')	

Для понятия «ребенок» в говоре используется лексема **d'(j)al, -i** 'мальчик', 'ребенок' (ср.: лит. яз. *djalë*). Слово *famil'e*, соответствующее современному литературному варианту и единицам албанских пунктов МДАБЯ (Muhurr: *fem'aj* // *fmaj* // *fmij*, -a ед.ч., *fem'aj*, -t мн.ч.; Leshnje: *fem'ij/e*, -a ед.ч., *fem'ijte* мн.ч.), «помнит» только один информант. Все дети (собр.), рожденные в одном браке, обозначаются лексемой **dīm, -të** (ср. лит. яз. *djē*, -të 'мальчики').

Для следующих сочетаний в говоре также не сохранилось отдельного понятия, информанты предлагали переводные эквиваленты: первый ребенок (мальчик): *i paḡi d'(j)ali*; первый ребенок (девочка): *a paḡi çura* (*çur|ë,-a*) (ср. соответствующие модели: Leshnje: *c'uni i p'are* 'первый ребенок (мальчик)'; *c'ura e p'are* 'первый ребенок (девочка)'). Эти единицы являются свободными словосочетаниями.

Понятие «двойня» переводилось описательно: **d'y dīm** (это 'два мальчика', 'два ребенка', *d'y çura* ('две девочки')).

Для понятия «внебрачный ребенок» было получено два варианта: *ga i ŋij paḡi* (от чужого мужика) и *p'iç*, (побег, «нагулянный ребенок», метафорический перенос), предложенный одним информантом.

Лексема, являющаяся малоупотребительной, *is'uz* 'сирота' (также варианты: *jit'iz*, *jaṭ'iz*) обнаруживает следующие соответствия в тюркских языках: тур. *öksüz*; гаг. *üçsüz* 'сирота'.

Arel'ik 'приемный сын, приемная дочь' является единицей тюркского происхождения (ср.: Равна: *arat'lik* 'приемный ребенок (сын, дочь)' — тюркизм). Это слово вспомнил только один информант.

Термины для –2 поколения		
русские единицы внук, внучка		
Термины для +3 поколения		
pramalla (также malle plaka 'старая')	Прабабка по отцу	ср. болг.
babo, -u	Прабабка по матери (см. выше)	ср. данные славянских языков

Термины свойства		
<i>Термин</i>	<i>Значение</i>	<i>Соответствия в других языках и диалектах</i>
Наименования супругов		
narī, -u	муж	ср.: лит. <i>njeri</i> 'человек'
gru, -ja	жена	ср.: лит. <i>grua</i> 'жена'
Для «холостяк» получены следующие ответы: trīm ('парень') (ср.: лит. <i>trim</i> 'храбрец', 'парень'); <i>i wetëshm'i narī</i> ('живущий сам'). Не существует в говоре и отдельного слова для обозначения понятия «незамужняя женщина»: <i>nok shtī a martura gru</i> ('не была замужем'), <i>nok shtī a marēt</i> ('не замужем'); <i>plaka çupa</i> ('старая дева'). Некоторые информанты помнят единицы dull 'вдовец' и dulkë, -a 'вдова' — тюркизмы (ср. тур. <i>dul</i> 'вдова', 'вдовец'). Также были получены другие эквиваленты: <i>narī i wetëshm'i gru a vdekur</i> ('живущий сам' + 'умершая жена'); <i>narī i vdekur</i> ('муж умерший'), <i>a ndarë</i> ('разведенная').		
Термины для родителей супруга		
v'ihër, -ri (v'ijër, -ri wiṛ)	свекор, свекровь	ср.: лит. <i>vjehert</i>
Термины для родителей супруги		
dedo	тесть; обращение к тестю	
babo	теща; обращение к теще	
Термины для супругов потомков		
llind ër, -ri	Зять; жених до свадьбы	ср.: лит. <i>dhender</i>
nuse, -a	невестка (жена сына)	ср.: лит. <i>nuse</i>

Единица тюркского происхождения **baxhenakë** обозначает ‘мужья сестер между собой’ (ср.: лит. *bazhanak*, тур. *bacanak*, *baldiz*; гагаузск. *бажанак* ‘свояк’, балдыска ‘своячница’ *Muhurr*: *bazhan'ak*, -et мн.ч., *Leshnje*: *baxhan'ake*, -t мн.ч.). Эта единица является распространенным балканизмом

Термины для супругов сиблингов родителей

tatīn, -i	тетин муж	ср.: болг. чичо (‘дядя, брат отца’), болг. диал. чичка и иџо, -и ‘дядя по матери’
bulo, -a	дядина жена	ср.: Гела <i>b'ula</i> (тюрк. <i>bul'a</i>), болг. буля ‘невестка (жена брата)’, ‘невеста’

Термины для сиблингов супруга/супруги

b'isha	младший брат мужа/жены; <i>обращение к младшему брату мужа/жены, редко используется в функции обращения</i>	
k'iraco	младшая сестра мужа/жены; <i>обращение к младшей сестре мужа; употребляется как термин и как обращение</i>	ср.: гаг. кираца ‘золовка, младшая сестра мужа’

Термины кумовства

nun, -i	крестный отец, мать; также иногда кум, кума	ср.: лит. <i>nun, -ni</i> , <i>kumbar</i> , -a / <i>kumbare, -i</i> , молд. <i>нуна</i> , лат. <i>nonnus</i> , пункты МДАБЯ: Εράτορα: <i>nun'os</i> , Καστέλλι: <i>nun'os</i> , Κρανιά/Turia: <i>nun, nun'</i>)
kumë	кум	
(n) drikllë, -a	кума	ср. <i>Muhurr nr'ekull, -a</i> ‘жена <i>kum'ar</i> , в день свадьбы сопровождающая невесту в новом доме’; лит. <i>ndrikull</i> ‘та, кто дает ребенку имя; мать по отношению к крестному ее ребенка’

Система обращений, заимствованная из болгарского, представляет собой маркированный пласт лексики. В то время как в литературном албанском данная система практически отсутствует, в приазовском говоре она представлена достаточно полно. Болгарские заимствования получают албанское грамматическое оформление, иногда происходит контаминация под более поздним славянским влиянием.

Некоторые слова-обращения (*kako*, *bate*), наряду со словами **male**, *çirë*, -а ‘девушка’, *l’orë*, -а ‘корова’ иногда играют роль этнического маркера. Эти слова известны практически всем жителям села, часто даже детям. На просьбу сказать что-либо по-албански, человек, не владеющий языком, с большой вероятностью упоминает одно из этих слов.

Некоторые слова употребляются как обращения и как соответствующие ТР: **bate** ‘обращение к старшему брату, старшему брату мужа’, ‘обращение к человеку, старшему по возрасту’ и **kako**; *kaça* ‘обращение к старшей сестре, старшей сестре мужа/брата’, ‘обращение к женщине, старшей по возрасту’. ТР **b’isha** ‘младший брат мужа/жены’, ‘обращение к младшему брату мужа/жены’ редко используется в функции обращения. **K’iraco** ‘младшая сестра мужа/жены’ ‘обращение к младшей сестре мужа’ употребляется как термин и как обращение. К свекру и свекрови принято обращаться как к своим родителям: *tate* и *tato*, в то время как к теще и тестю — *dedo* и *babo*.

Частыми являются следующие модели обращения: *kako* + имя (к старшей), *bate* + имя (к старшему) («соседку тоже называю *kaçu Katarinku*, ее сын меня называет *bate Van’a*»); по имени — к детям и младшим родственникам («мама всех по имени, или *b’ile malli*, *b’ile jogli*» т.е. «дочь старшая, дочь младшая»).

Разница между ТР и специальными словами-обращениями иногда осознается информантами: «Старшая сестра — можно *motër*, а можно *kaçu*, и *kaçu* говорят, и *motër*. Вот если обращаюсь, то *kaçu*. А если рассказываю за сестру — *motra*, *motër*». «А сейчас дети уже по имени называют. (...) Как-то уже неинтересно».

Супруги друг к другу обращаются либо по имени, либо по модели *babo* + имя, *dedo* + имя (соответственно у старшего поколения). По сведениям информантов, раньше супруги обращались друг к другу словом «ej». В настоящее время еще употребляется специальное слово **mare** — обращение к женщине

(по мнению одних информантов, только женщины к женщине, по сведениям других — вообще к женщине или к женщине одного возраста). Мало кто помнит аналогичное обращение к мужчине — **we/be**.

Таким образом, единицы СТР противопоставляются по поколению и полу (типичная ИЕ модель [см.: Szemerényi 1977]), также имеется противопоставление патрилатератов и матрилатератов и относительная возрастная оппозиция (например, старшая сестра мужа — младшая сестра мужа). К старшим обычно обращаются специальным словом, к младшим — по имени.

Сравнение лексических единиц говора с данными литературных языков и диалектов позволяет произвести следующую **классификацию по происхождению**.

1) Албанские единицы, соответствующие литературному языку:

а) Относящиеся к древнему ИЕ пласту: **dīm**, **-të** (pl. tantum) ‘дети’ (ср. лит. *djem*, **-të** ‘мальчики’), **b’ir**, **-i** ‘сын’ (ср. лит. *bir*, **-i**), **b’iljë**, **-a** ‘дочь’ (ср. лит. *bijlë*, **-a**), **vlla**, **-u/-i** ‘брат’ (ср. лит. *vëlla*, **-i**), **motër**, **-tra** ‘сестра’ (ср. лит. *motër*) (прим.: обычно и/е корень > ‘мать’), **llëndjër**, **-ri** ‘жених до свадьбы, зять’ (ср. лит. *dhëndjër*, **-ri**), **gru**, **-ja** ‘жена’ (ср. лит. *grua*, **-ja**), **v’ihjër**, **-ri** ‘свекор, свекровь’ (ср. лит. *vjeherr*, **-i**), **nus|e**, **-a** ‘невестка (жена сына)’ (ср. лит. *nus|e*, **-ja**).

б) Латинские: **fam’ij|e**, **-a** ‘ребенок’ (неупотребительное: помнит один информант; обычно *d’jal*, **-i** ‘мальчик, ребенок’) (ср. лит. *fëmij|ë*, **-e**; *Leshnje*: *fem’ij|e*, **-a** ед.ч., *fem’ij|te* мн.ч.), **(n)drīkll|ë**, **-a** ‘кума’ (ср. лит. *ndrikull* ‘та, кто дает ребенку имя; мать по отношению к крестному ее ребенка’).

Единицы, относящиеся к данной группе, соответствуют и единицам албанских говоров МДАБЯ.

2) Славянские единицы (в основном болгарского происхождения): **s’im’est’ja** ‘семья’ (ср. славянские пункты МДАБЯ: Гега: *se’meisvo* ‘семья’, Гела: *səm’eistvo* ‘семья’, Равна: *s’im’eistvo* ‘семья’); **tat|e**, **-u**, *tatī* ‘отец’, ‘обращение к отцу, к свекру’ (ср.: болг. тате, татко; Завала: *tata*; Пештани: *t’atko*; Гега: *t’atko*); **mam|o**, **-u** ‘мать’, ‘обращение к матери, к свекрови’ (ср.: болг. мама; Гела: *m’amΛ*; Равна: *m’amΛ*); **çërboxhi**, **-u** ‘глава семьи’, ‘хозяин’, *çërboxhijk|ë*, **-a** ‘хозяйка’ (заимствование из турецкого через болгарский: ср.: болг. чорбаджия ‘богат, хозяин, господин’ (чорба ‘похлебка, суп’); Равна: *çorbaž’ia*); **ded|o**, **-u** ‘дед, старик’, ‘обращение к деду, тестю’; **bab|o**, **-u**, *baba* ‘бабка по матери’, ‘обращение к бабке, теще’; **mal|e**, **-a** ‘бабка по отцу’, ‘обращение к бабке по отцу’; **çiç|e**, **-i**, **çik|o**, **-u** ‘дядя по отцу’ (ср. болг. чичо ‘дядя, брат отца’, болг. диал. чичка); **toto/totë** ‘тетя’; **tatīn**, **-i**

‘тетин муж’; **uç|o,-u** ‘дядя по матери’ (ср. болг. вуйчо, уйко, уйчо); **bul|ë, -a** ‘дядина жена, жена брата’, ‘обращение к жене дяди, брата, к женщине, старшей по возрасту’ (заимствование через болгарский: ср.: Гела: b’ula; болг. буля ‘невестка (жена брата)’, ‘невеста’); **bat|e, -i** ‘обращение к старшему брату, старшему брату мужа’, ‘старший брат’, ‘старший брат мужа (деверь)’, ‘обращение к человеку, старшему по возрасту’ (ср. болг. бате, бачо ‘обращение к старшему брату’; гагаузск. бату ‘старший брат’); **kak|o,-u**; **кака** ‘обращение к старшей сестре, старшей сестре мужа/брата’, ‘старшая сестра’, ‘старшая сестра мужа/брата’, ‘обращение к женщине, старшей по возрасту’ (ср. болг. **кака** ‘старшая сестра’, **како** ‘обращение к старшей сестре, старшей женщине’; Гела: k’aka, Равна: обращение k’aka); **b’isha** ‘обращение к младшему брату мужа/жены’, ‘младший брат мужа/жены’; **k’iraco** ‘обращение к младшей сестре мужа’, ‘золовка, младшая сестра мужа/свояченица, младшая сестра жены’ (ср. гаг. кираца ‘золовка, младшая сестра мужа’).

3) Тюркские единицы (гагаузского происхождения): **sënsële** ‘род’ (ср. тур. silsile; гаг. сенселә ‘род’, ‘родство’, ‘родословная’); **is’uz** ‘сирота’ (ср. тур. öksüz; гаг. үёсүс ‘сирота’); **arelik** ‘приемный сын, приемная дочь’ (ср. Равна: agat|’ik ‘приемный ребенок (сын, дочь)’ — тюркизм); **baxhenak, -u** ‘мужья сестер между собой’ (ср. тур. bacanak, baldiz; гаг. бажанак ‘свояк’, балдыска ‘свояченица’); **dull** ‘вдовец’, **dulk|ë, -a** ‘вдова’ (ср. тур. dul ‘вдова’, ‘вдовец’).

В приазовском говоре сохранились древние албанские ТР, соответствующие единицам литературного языка и албанских пунктов МДАБЯ, обычно не употребляемые в функции обращения. Эти единицы в основном относятся к ИЕ пласту. Заимствования (латинские, славянские, тюркские), встречающиеся в литературном языке, как правило, не имеют соответствий в системе ТР говора. Достаточно полно представлена только система обращений болгарского происхождения.

Таким образом, на СТР албанского говора украинского Приазовья оказало влияние длительное проживание в тесном контакте с болгарскими и гагаузами. Подобно многочисленным заимствованиям лингвистических единиц, были переняты элементы их культуры и социальной организации. В то же время СТР говора с. Георгиевка отражает систему социальных отношений, распространенную на более раннем этапе исторического развития. Сохранились черты, характерные для Балканского ареала: различие патрилатератов и матрилилатератов; наличие разветвленной системы обращений; представлены некоторые ТР-балканизмы, например, **baxhenakë** ‘мужья сестер между со-

бой'. Сохраняются важная роль в семье бабки по отцу (**male**) и более высокий статус старших сиблингов по отношению к младшим. Однако в настоящее время наблюдается тенденция к ассимиляции с русско-украинским окружением, что привело к утрате важности кровнородственных связей более крупных, чем малая семья, объединений родственников; а к ранним славянским заимствованиям добавились новые (например, 'внук', 'племянник').

¹ Традиционно на лингвистической карте Албании выделяются 2 основных диалектных ареала: северный (гегский) и южный (тосский) [Жугра 1998: 168]. Граница между ними проходит по реке Шкумбин (Shkumbin, -i) в центральной части Албании.

² МДАБЯ представляет собой единообразное описание говоров болгарско-го, сербохорватского, македонского, албанского, греческого языков в следующих пунктах: Otok — Хорватия, Далмация, р-н Синь; Завала — Черногория, р-н Подгорица; Каменица — Сербия, Восточная Сербия, р-н Княжевац; Пештати — Македония, р-н Охрид; Гега — Болгария, Пиринская Македония, р-н Петрич; Гела — Болгария, Средние Родопы, р-н Широка Лыка; Равна — Болгария, Мизия, р-н Провадия; Muhurt — Албания, краина Дибра, р-н Пешкопия; Leshnjë — Албания, краина Скрапар, р-н Чоровода; Εράτιρα — Греция, Западная Македония, р-н Козани; Καστέλλι — Греция, Пелопоннес, р-н Калаврита; Κρανιά/Turia — Греция, Пинд, Западная Македония, р-н Гревена.

³ Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Prishtine, 1981; Fjalor i gjuhës shqipe. Tirane, 1954.

⁴ Существительное в албанском языке имеет неопределенную и определенную форму. Последняя образуется от основы, представленной в неопределенной форме, путем добавления к ней суффиксированного артикля. В словарях албанского языка «словарной» является неопределенная форма именительного падежа единственного числа. Показатель определенной формы указывается через запятую.

⁵ -mall- ~ лит. -math-: в говоре не произошел переход ll>th, как в литературном языке.

Бичурина 2006 — Бичурина Н.М. Перспективы сохранения титского языка в албанской речевой общности Приазовья // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Тверь, 2006.

Болгарско-русский словарь 1947 — Болгарско-русский словарь. М., 1947.

Будина 1989 — Будина О.Р. Этнокультурная ситуация в Приазовье (по материалам болгарских и албанских селений начала 1970-х и 1980-х гг.) // Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде. М., 1989. С. 78–104.

Българско-албански речник. София, 1959.

Гагаузско-русско-молдавский словарь. 11 500 слов. М., 1973.

Демко 1972 — *Демко Л.Я.* Албанский говор с. Каракурт (фонетика, морфология имени и глагола): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.

Державин 1948 — *Державин Н.С.* Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР // СЭ. 1948. № 2.

Жугра 1998 — *Жугра А.В.* Албанские соционимы и система терминов родства // АР-2. С. 167–185.

Жугра, Шарاپова 1998 — *Жугра А.В., Шарাপова Л.В.* Говор албанцев Украины // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. СПб., 1998. С. 117–151.

Иванова 1995 — *Иванова Ю.В.* Проблемы межэтнических взаимоотношений в Северном Приазовье и в Крыму. История и современное состояние (Исследования по прикладной и неотложной этнографии. № 82). М., 1995.

Иванова 2000 — *Иванова Ю.В.* Албанские села в Приазовье. Этнографические наблюдения за пятнадцать лет // Итоги полевых исследований. М., 2000. С. 40–53.

МДАБЯ — Малый диалектологический атлас балканских языков / под ред. А. Н. Соболева. Сер. лексическая. Т. II: Человек. Семья. München, 2006.

Морозова 2012 — *Морозова М.С.* Глагольная система говора албанцев Украины. // Современная албанистика: достижения и перспективы. СПб., 2012. С. 252–274.

Новик 1999 — *Новик А.А.* Экспедиция к албанцам Приазовья и Буджака 1998 г. // Малый диалектологический атлас балканских языков: материалы Третьего рабочего совещания (Санкт-Петербург, 18 декабря 1998 г.). СПб., 1999.

Новик 2003 — *Новик А.А.* Свадебная обрядность у албанцев Приазовья (по материалам экспедиций последних лет) // Университетские петербургские чтения. 300 лет Северной столице: сб. ст. СПб., 2003.

Романова 2007 — *Романова А.С.* Факторы мотивации языкового сдвига в албанском селе Георгиевка на Украине // Социальные варианты языка V: материалы Междунар. науч. конф., 19–20 апреля 2007 г. Н. Новгород, 2007.

Турецко-русский словарь. 48 000 слов. М., 1977.

Fjalor i shqipes së sotme. 35 000 fjalë. Tiranë, 2002.

Fjalor rusisht-shqip. 35 000 fjalë. Tiranë, 2005.

Fjalor i shkurtur shqip-rusisht. 12 000 fjalë. Moske, 1950.

Szemerényi 1977 — *Szemerényi O.* Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages, with special references to Indian, Iranian, Greek and Latin // ACTA IRANICA, troisième série. Textes et Mémoires. 1977. Vol. VII.

Voronina, Domosileckaja, Sharapova 1996 — *Voronina I., Domosileckaja M., Sharapova L.* E folmja e shqiptarëve të Ukrainës. Shkup, 1996.

НАИМЕНОВАНИЯ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА В ГОВОРАХ РУССКОГО СЕВЕРА

Младенцем в русской народной культуре считается ребенок от рождения до освоения ходьбы [СДЗ 2004: 257]. В архангельских говорах, на материале которых написана данная статья, младенцем считают как недавно родившегося ребенка, так и ребенка до начала полового созревания (*который умрёт до 12–13 лет младень. Тут младён называюуд до 9 лет, младенем зовут маленьких*). Но мы не останавливаемся подробно на возрастном делении и описываем в основном наименования новорожденных детей.

Наименования новорожденного очень разнообразны и происходят от разных мотивирующих основ. Народное сознание воспринимает младенца в зависимости от его пола, возраста, антропометрических характеристик; ситуаций, связанных с его рождением и воспитанием.

1. Названия, связанные с корнем **-род-**, указывают на недавнее появление ребенка на свет.

а) Существительные *родилка, роди́шка*.

родилка: Та родилка, ещё той имя не дано.

роди́шка: Роди́шну такú приехали и оставили, роди́лась то́лько — вот и роди́шка называем.

б) Прилагательные от корня **-род-**: *родив́шей, родовой́, роду́щей, родя́щей, родя́стой* — употребляются в основном в атрибутивной функции в сочетаниях с субстантивными компонентами (имя ребенка; родовые наименования типа «ребята», «дети»; половозрастные номинации типа «девка», «девочка», «мальчик», «парень»).

родив́шей: Дефку-то роди́фшу-то ма́ма не дала́. Ребе́нок грудно́й, роди́фшый.

родовой́: Зы́пка — ма́лых реба́т каца́ли, родо́вых. Ребе́нку ма́ленькому родо́вому да́вали, меся́цеф до тре́х родо́вой. Один Ва́ня у нас помер родо́вой. Де́фка-то у меня́ оста́лась родо́ва, война́ наца́лась.

роду́щей: Роду́щего ребе́нка несú на рука́х. А де́фка роду́шча, што́ ей, фторой гот. Так вот раньше́ если роду́щий робе́ночек умрет (некреще́ный), его на кладби́ще не пуска́ли.

родя́щей: А родя́щей ребе́нок меся́сной дак. Пе́рвой па́рень ма́ленькой, родя́шшой умер.

родя́стой: Де́воцка пото́м ф прию́т взята́ ма́ленька, родя́ста.

в) Субстантивированные прилагательные и причастия: *выродившейся, родовой, родимой, родимой, родушной, родущей, родящей, родящей*.

выродившейся: Только выродифшемуся дава́ют килогра́м — разве́ это справедливо́?

родовой: Он уже́ был не родовой.

родимой: Маленькой, то́лько родимой, дня́ три́ ли четы́ре.

родимой: Родимну́ таку́ прие́хали и остави́ли, роди́лась то́лько — во́т и роди́шка называе́м.

родушной: То́лько роди́ла, да́к сразу́ в байну́, роду́шного но́сим в байну́.

родущей: То́лько ро́дяца, хо́ть у зве́ря, роду́щие. Ребе́нка обмо́ёт роду́щего — и фсе́, она́ уже́ считае́ца божатка́.

родящей: И во́т насто́ра́ли дете́й, се́мь родя́щих у́мерло. У родя́щего, са́ма зна́ешь, та́к ы гнё́ца (те́мь). Окси́нья остави́ла в ба́не — не родя́щей, уш побольше́. Ме́жду собо́й быва́ и гова́ривали, што́ у Окси́ньи кабы́ть обме́нен па́рень. Дете́й не оста́вляли родо́вых, родя́щих — обме́нит обде́риха. То́лько они́ родя́шчы, мяко́ньки, мяко́ньки.

родящей: Хре́сник мне́, от купе́ли крещча́ли. Ма́ленькой родя́щей да́к, ба́тюшко купа́т.

2. Наименования, связанные с антропометрией и возрастом ребенка, обычно учитывают период времени, прошедший с момента родов. Здесь маркированными оказываются такие временные промежутки, как месяц, полгода, год и два года.

а) *месячной, годовой, годовик, полугодовой, двухгодовой:*

месячной: Да́к ве́дь меся́чных при́несут, не то́ што́ годовых (в са́дик).

годовой: Оста́лась без о́ца, без ма́тери годовая́. Витька́ годово́й, от титьки́ оторва́ла да пошла́ рабо́тать. Робёно́чка води́ли — робёно́чек годово́й. Вышла́ я взаму́ш, муш хо́дил на фи́нскую войну́, ребёно́к у меня́ годово́й оста́лся.

годовик: Он годови́к, се́ знает. Роду́щий ребёно́к ма́ленькой, а побольше́, да́к годовико́м зове́ще.

полугодовой: Вну́ку взя́ла полу́годо́вую на́ руки, ро́стила до се́ми ле́т, од груди́ ма́ть остави́ла.

двухгодовой: Я оста́ла́сь дву́годо́ва. У меня́ бы́ла де́вушка дву́годо́ва, да померла́. То́т дву́годо́вой оста́лся.

б) Субстантивированные прилагательные с корнем **-мал-**: *ма́ленько, ма́ленькой, ма́лой* — представля́ют призна́ки возраста́ и разме́ра ребенка́ нерасчлене́нно.

ма́ленько: Оста́лась та́м как ма́ленько роди́лась. Ты́, ма́ленько, сиди́.

мáленькой: Нёту ма́ленького у не́й, ра́но ещё? Есь ма́ленькой-от? — Есь. — Кто? — Деушка. Ма́ленькой, полугодовой, им и на́ть, как по-прежнему-то говорят. А у меня ма́ленькой ревит.

мáлой: Раньше фсе́ скаски ма́лым росказывали. Ма́лые в нагрудниках то́же за сто́лом сидят. Они́ в баню пошли, ма́лого понесли. У меня ма́лый на руках-то, грудь е́ст.

Прилагательное *мáлой* функционирует и в качестве атрибута: Ма́лым ребя́там за у́хи са́жу ма́рaли, са́шку, була́фку пристегали, э́ку булавочку ма́леньку (от сглаза).

в) Эти же признаки лежат в основе существительных с корнем **-мал-**: *мáлыш*, *мáлышóк*, *мáлышко*, *мáлышóнок*, *мáлышóнек*, *мáлышошко*.

мáлыш, **мáлышко**, **мáлышошко:** Мáлыш там у́расит (плачет, капризничает), ходит, набу́тусился. Зая́цья яготка, ту уш не е́дят, ра́зе то́лько ма́лышам прине́сём поиграть. Мáлышко там у́тонул, вот и прозвали Мáлышкова яма. Мáлышко у меня на́ть соси́ть. Фсе́ ма́лышошко, ребя́тишко.

мáлышóк: Я ма́лышкóф кормлю́. Ктó-то с ма́лышкóм пошóл к Тама́ре. Ма́лышка ката́ют ф коляске. О́, ма́лышóк! А тут у́жé попо́лс! (комментирует рекламу).

мáлышóнок, **мáлышóнек:** Ско́ль ма́лышóнки ста́ли ре́звы. Це́й-от ма́лышóнек тутá?

г) Наименования от корня **-млад-**: *младе́н*, *младе́нь*, *младе́н*, *младе́нец*, *младе́нчик*, *младе́нушко*, *младе́ничек* — несут в себе идею молодости, начала жизни.

младе́н: Рядом спит, у тебя младе́н. Для младе́на взя́ть во́ду благослови. А как тяжёло младе́н переносит (болезнь).

младе́нь: Раньше́ роди́ш младе́ня. Ко́гда держа́т младе́ня — те божатушки. Унеси́ фсе́ болезни́ и беспоко́йство, принеси́ со́н и угомон младе́ню.

младе́н: Младе́на креща́ет. Ви́ш вот и младе́н о́коло себя́.

младе́нец: До 3-х лет, на́верное, младе́нец. Младе́нец ма́ленькой, а ба́ло сё́, сказывали, што пере́мен.

младе́нчик: Тагжэ́ бы с раба́ Бо́жэй О́леньки младе́нчика́ нече́го бы не держа́лось.

младе́нушко: А ка́ждой младе́нушко́ как тяжёло́ пере́но́ят (болезнь). Цари́це-то небё́сная, мату́шко, младе́нушко́-то доро́гой.

младе́ничек: Ма́ленький младе́ничек роди́лся. Во́да, тя́кучя, младе́нь расту́чий. С собо́ля во́да, со младе́ня худо́ба. Во́дица́ вни́с, младе́ничёк вве́рх.

3. Метонимические обозначения ребенка связаны с предметами, которые понимаются как неотъемлемые от младенца, т.к. используются только в раннем возрасте и выступают в качестве маркеров данного возраста.

а) По связи с тем, во что одевают, пеленают ребенка: *пелени́чной, пелёночной*.

пелени́чной: Был пелени́шной ребёнок последней. Пелени́шный ешо, как его на руках-то таскать туда.

пелёночной: Рожда́лись и умира́ли ма́ленькиэ, пелёночны́э.

б) По месту, где преимущественно находится младенец: *люлечной*. Они взяли воспитать неродну́, взяли люлещу́, штобы не знала, што она́ не их.

в) По предмету, с которым совершается действие: *грудной, грудник, грудница, грудничок, грудёной, грудущей, пупочник* (от названия груди — *пупка*).

грудной: Когда гру́ть ссе́т, даг грудной зва́ли. У меня́ грудной был ребёнок-то.

грудник, грудничок: Грудник ещё был, нельзя́ было ево́ корми́ть грибами. Ещё гру́ть ссе́т, таг грудник. Груднички́ — до году ребя́тишки.

грудница: А де́вка-то грудница́, соса́ла ещё.

грудёной: Он ишо́ ма́ленькой, грудёной.

грудущей: В го́сти уе́дет, ребёног груду́шшый, гру́ть ссе́т.

пупочник: И вот когда ро́бе́нок ешчо́ ссе́т пупку, называю́т его́ пу́поцьник.

Прилагательные реализуются в речи либо в составе атрибутивного сочетания, либо как самостоятельные номинации.

4. Номинации на основе действия, совершаемого ребенком в данный период времени. Как и слова предыдущей группы, данные лексемы связаны с теми действиями, которые характерны для детей в возрасте до одного-двух лет.

а) Существительные, образованные от глаголов *ссать, сосать*: *сосок, сосун, сосулик*.

сосок: Сосок-то какой у меня́. Э́то я его́ люблю́.

сосун: Ребе́нок подро́стет, а фсе́ сосе́т, так он сосу́н называ́етца.

сосулик: Сосу́лик запыхтел. А э́тот што, пыхтует, пыхтует, сосу́лек.

б) Существительное, образованное от глагола *бурить* — ‘мочиться’: *бурилка*.

Иш, бурит, бурилка (ребенок описался).

в) Существительное от глагола *сидеть* — о ребенке, который долго не может научиться ходить: *седун, седунья*.

Седун — сидит долго, не ходит, у ко́го како́ развитие. Седу́н, седу́нья. Седун — пока́ не ходит.

г) Существительное от глагола *ходить* — о ребенке, рано (вовремя) начавшем ходить: *ходун*.

А никто у нас не седунѣ, фсе ходунѣ. Фсе до году заговорѣт да рѣско.

д) Существительное от наречия *ды́бом* ‘вертикально’ — о научившемся стоять ребенке: *дыбуно́к*, *дыбушко* (ср. *дыб-дыб* — призыв идти к начинающему ходить ребенку).

Дыбуно́к — начинающий ходить ребенок. *Дыбушко* — то же, что *дыбуно́к* [АОС 12: 245].

е) Лексема *калаган*, видимо, заимствованная. В вологодских говорах отмечены схожие лексические единицы: *калега-нить* — ‘лежа двигать ногами в разные стороны’, *каляганиться* — ‘о младенце, когда он подымает вверх ручки и ножки’, *каляган* — ‘долговязый, долгоногий человек’, *каляжки* — ‘ноги’ [СОВН 2006: 187]. Исходя из этих данных, можно предположить, что номинация *калаган* связа́на с особыми движениями ног младенца: маленького-то зову́т пузо, а кто калаган.

5. Обозначение на основе состояния, в котором преимущественно находится маленький ребенок: *мокро́й*.

В составе атрибутивного сочетания:

Паре́нь мо́крой, ро́дила не́давно. По́ехала с мо́крым ребе́нком, с ма́лым, ме́сяца два. А ра́ньше — я сижу́ с мо́крым дите́шом, бригади́р приде́т: на́ть коро́ф обряжа́ть. От мо́крых дите́шей хо́дила обряжа́ть. Про́си от́пуск, чи́сла пя́того мо́жно сня́цца, у тя де́фки не ма́леньки, не мо́кры. Ку́да от дете́й ма́лых, от мо́крых. С мо́крыми ро́бятми во́дилась. Мо́крый дите́ш: ма́ленькой, ко́гда ро́дище.

В форме субстантивированного прилагательного:

Ро́дят, да на сено́кос, да бро́сят мо́крого. О́стался от ма́тери, мо́крой, со́фсем ма́ленькой, неде́ли не о́стался. С мо́крыма е́здыт вза́т-фпе́рѣт.

Название *мо́крый* можно связать и с древним славянским представлением о том, что младенец появляется на свет с мягким, податливым, будто бы «недопеченным» телом, что находит свое отражение в обозначениях «сырой», «парной» [МиБ 2005: 408]. Таким образом, *мо́крого* ребенка можно считать незавершенным человеком, находящимся в процессе становления.

6. Номинации по особенностям внешности: *пу́зо*, *пуза́нчик*.

Ма́ленького-то зову́т пу́зо, а кто калага́н. А это он не такой ма́ленький пуза́нчик.

7. Звукоподражательная номинация, связанная с плачем ребенка: *кувя́*.

Ма́ленький ребе́нок — это кува́, он кува́кат. Пла́чет он ма́ленько, и называе́м его кува́. Го́д-от, уш и кува́. Она́ принесе́т (родит) одно́во кува́. Как принесе́т кува́, так и Ма́рья на́до бу́дет, во́дица-то.

8. Номинации по полу ребенка: *курочка, петушок*.

Опёт не курочка (девочка), а петушок (мальчик).

Данные названия связаны с диалектными обозначениями половых органов:

Паренёк, мальчик — шышечка ёсть, петух ёсть. У девочки-то веть тожэ кура. У парня петушок, а у девочки курочка.

Описательные определения по половому признаку: *со щелиной, со щелинкой*:

Опять со щелинкой? (о девочке). Она (беременная) повернулася — говорю — со шшэлиной (т.е. у тебя будет девочка).

9. Обозначения по очередности появления детей в семье.

а) Первого ребенка называют *зачинышем, зачиныьшом, зачатышом, первенцем*. Лексемы *зачиныш, зачинышек* образованы от глагола *зачинать* — ‘начинать’, *зачатышек* — от слова *зачатие*, которое, в свою очередь, также происходит от глагола *зачинать*. Слово *первенец* образовано от *первый*. Таким образом, все наименования первого ребенка в семье обладают ясной внутренней формой с семантикой первенства, начала.

зачиныш: Бывало раньше скажут зачиныш да серёдыш.

зачинышек: Кого Бох дал? Зачинышка. Серёдышка. Заскрёбышка.

зачатышек: Как робёнка зовут — зацятушом, фторово — серёдышом.

первенец: Первенец да послёдыш. У меня родился первенец-сынок. Первенец скажут, первый.

Старшего сына в семье именуют *большаком* от *большой* — ‘главный, первый’: Большак-от дома спал, што бы разбудить. Большак ф кино ушоў. Толик-от, большак, не захотёл уциця.

Старшая дочь — *большуха, большанюшка, большушка*:

большуха, большушка: Большуха-то ф школе. Пядь годоф большухе-то. Нинка большуха да Машка большуха, те двойники (близнецы). Та там дефка большушка.

большанюшка: Там доцька живёт большанюшка.

б) Второго и последующих детей называют *серёдышами, серёдышками, серёдными*.

серёдыш, серёдышек: Серёдышек, серёдыш скажут, бывало раньше. А потом, говорит, серёдышка, а потом, говорит, заскрёбышка боу дал. Ну как, гьрит, кто там родился, серёдышек, серёдышку есть.

серёдней: Я середна сестра.

в) Много наименований связано с последним ребенком в семье.

— Номинации от корня **-последн-**: *послёд, послёдыш, послёдышек, послёдушка, послёдник, послёдка*.

послед: Хуже ребят у ей дефка, послёт-то, шляеца.

последыш, последышек, последушка: Мезонька (ласковое обращение) моя, дочи последыш — мезонька, заскрёбыш это. Она у меня последыш, маленькая самая. А младшего-то мы звали последыш. Последыш, говоря, последний боле выродился. Последышок, оскрёбышок. Цётверо маляньки умерли, а шестеро вырощены, я десята — последышок. У неё последышек сын, с ней живёт. Старша осталась, серединко, последушка осталась, я последушкой была.

последник: Последники у меня фсе сосовушку (соску) сосали. Умирали фсе, дак мы, последники, жыть стали. Последний ребёнок — последник.

последка: Послётка перешла в восьмой.

Данное наименование может по аналогии переноситься и на последнего внука: А этот последыш, последний-то внучек.

— Последний ребенок может обозначаться описательно, с помощью составного наименования *последних родов*: Я-то последних родоф, так што ишшо живу.

Прилагательные *последней, последней* в сочетании с существительными, обозначающими ребенка, не являются номинативными единицами, но описывают последнего ребенка в семье как носителя данного признака:

Фчерася вот внуки в магазине-то были, мужик-от вино-од браў, то Ниўкин сын, малой, последней. Помогала, пока дити были, со фсема выводилась, Зи́на последна была, и з Зиной выводилась. Он последней был, то ли его тешили, он зляшчой был, побоеве.

— Следующая группа наименований образована от глагола *скрести*: *заскрёбыш, заскрёбышек, оскрёбок, оскрёбыш, оскрёбышек, соскрёбыш, подскрёбыш*.

заскрёбыш, заскрёбышек: Заскрёбыш последнего называют, по сусекам поскребли. Вот это млатший вот, заскрёбыш. Последний это заскрёбыж говорят родился. Заскрёбышек-то мой, восьмой. Ну как, последний дак заскрёбыш, фсегда говорят так — заскрёбышки.

оскрёбок: Последний, оскрёпки.

оскрёбыш, оскрёбышек: Она уш оскрёбыш у нас. Последышок, оскрёбышок. Первого ребёнка зовут зацятышком, фторого — середышком, третьего — оскрёбышом, оскрёбышком.

соскрёбыш: Соскрёбыш — последний родина.

поскрёбыш: Поскрёбыш последний ребёнок.

подскрёбыш: Потскрёбыш, это последний ф семье.

В основе этих наименований лежит метафора: ребенок, последний у матери, как бы сделан из остатков некоего «материала», который будто «наскребали», чтобы ребенок «получился», родился на свет (ср. в сказке о колобке: по сусекам скребли).

— Теми же представлениями можно объяснить и наименование *загребной* (от *грести* — ‘собирать’): Первый — первенец, а последний — последыш, загребной.

— Последний ребенок немолодой женщины номинируется лексемой *охвостье*: Четвёртого приворотила (родила) выротка ф сорок лет, охвостье.

г) Дети, рождающиеся один за другим, назывались *погодками*: Меня натакали — приговаривай эк: рожать поготки да клась ф колотки. А фсе поготки.

9. Обозначения по количеству детей в семье: *одинакой* (*одинакий*), *одинаковой*, *одинавка*, *одинаковка*, *одинавушка*, *одинакуша*, *одинакушка*, *одинакушко*, *одинушка*, *одинушечка*. Большое количество детей в крестьянской семье было нормой, поэтому, особо маркировался один ребенок.

одинакой (одинакий): Одинакая ты, фсегда говорили Я одинака была. Ребёнок один одинакий называецца.

одинаковой: Была одинакова у матери, у оца.

одинавка, одинавушка: Она одинафка была, брата-то не было, вот ы пришлось мужыка в дом взять. Одинавушка — у родителей одна.

одинаковка: А Клинова дорогой умерла, одинакофка у матери была. Она одинакофка была, дак у ей много фсего было — ну, одна у родителей.

одинакуша, одинакушка: Одинака, одинакуша — одна ты, убеют (убьют) тебя, не ходи (в пионеры). У меня мама ещо дефкой, не дефкой, ужэ взамуш вышла за одинакушка.

одинакушко: Дакак, одинакушко — доцька тожэ одинакушка. Он одинакушко у матери.

одинушка, однушечка: Ты одна ак и скучно, ак ты однушка. Одна, однушэчка, ну, дак жыви да красуйся у батька да у матери. Дакак однушэчка, дак ы ты одна у папки с мамкой.

10. Номинации по доношенности/недоношенности плода: *доносок*, *недоносок*, *недоноска*.

доносок: Фсё недоноски каки-то были, а теперь фсё доноски. По ноктям смотрит, доносок или недоносок.

недоносок, недоносочек: Один недоносок был. Внۇцька родила недоноска. Недоноски не ревут, я читала. Выкинула (родила) таково знаш там, недоноски, но значение было у нево, паренёг был. Недоноски те-то были двоё дак, рано родилися дак. А я-то недоносог была, семи мисяцоф у матери рожэная. Экой недоносоцек дак. Семи мисяцэй родился дак недоносоцек. Недоносоцек, недоростоцек!

недоноска: Девушка семи мисяцэф родилась, недоноска.

Зафиксировано и определение по этому признаку: *недоношенной*.

Жэна рожаёт фсё кулебяк — таки недоношэны дёти, неразумны.

11. Обозначения, связанные с особенностями рождения ребенка: *выпороток, выпоротой*.

Обе девочки выпоротки, обе вырезаны (кесарево сечение), только щас в больницу лежат, говорит я веть щас оптекля. Парень-то рослый такой, большой, они обеи выпороты, выпоротки, кесаря.

12. Обозначения, связанные с неродным ребенком, принятым в семью, связаны с глаголами *взять, принять, воспринять, воспитать*: *взятыш, приёмыш, воспитательник, воспитальница, восприёмной*.

взятыш: Со взятышэм, ныне взятышэм зовут. [Если ребенка взяли в семью, как его называют?] — Взятыш.

приёмыш: С Низу туда приёмыш ушол. Был взятыш — приёмыш. Один здесь будет жыть, как приёмыш, не приёмыш, а как это — взятыш (приемный сын).

воспитательник, воспитальница: Детей, не было, так он воспитальницу взял. У меня воспитальники были.

восприёмной: Я дочку росытила тожэ восприёмную, дак она увезла место-то.

13. Наименования ребенка, перемененного в бане нечистой силой: *перемен, переменыш, переменёное, перемененой, обмен, обменыш, обменной, обменённой, обмененой*. Эти названия связаны с известным верованием о том, что если оставить младенца одного в бане, то банник или обдериха обменят его, подложив своего ребенка или полено. Обмененный ребенок обычно не умеет ходить, говорить или является хромым, косноязычным.

перемен: Ребёночек ф полотушки в баенки был, и полотушка под лафкой, и ребёнок перемен стал. Перемен дак перемен ы есь, бывает еть переменяли. Перемен дак перемен ы есь, бывало фсе звали, што перемен. Младенец маленькой, а бало сё сказывали, што перемен. Ребёнок перемен — его переменял байник.

С течением времени *переменами* стали называть некрасивых детей, а затем слово превратилось в бранное:

Как перемен родился, некрасивой. Ой, дефка, у ё веть перемен родился, на перемена похож.

переменыш: Охти мне, переменыш! Злой дух переменял ребёнка.

переменёное: В бане, наверно, одного оставляли — переменёно. Ходить-то он не ходил, говорить не говорил.

перемененой: Детей одних в бане нельзя оставлять. Каки-то они больны будут, перемены. Переменены будут.

обмен: В бане маленького ребёнка оставлять, нельзя: его как подменил баенник: обмен называецца. Его так и звали парня, оммен. Был нормальный, стал ненормальный. Ну у вас не знаю как, а у наз бочяриха в бане-то можо обменить, какого обмена потсунуть.

обмёныш: Обдериха-то обмёнит ребёночка, скажут, обмёныш. Обменить можно, обдериха-то обмёнит (ребенка в бане: здорового на слабенького). Обмёныш, скажут. Ребёнка не оставтели в баню, говоря лешачиха обмёнит, обмёныш, а некоторые ремнём-то шпарит. У нас фсе говорили, што Ёлька — обмёныш. Она не ходила — фсе на жопе ползала. Дети рожались фсяки, можэт и даунски дети, неразвиты родились, а никакой не обмёныш.

Слово *обмёныш* также может использоваться в качестве бранного:

«Ух ты, обмёныш!» — ругаюца, ах ты, нехороший человек. Нынц'е заматюгаюца, а раньшэ, не матюк, а скажэт: оммёныш!

обменной: Такой обменный стал экой лешый.

обмённой: У нас был обмённой цёловек. Вот она обмёнена была. Я боялась ее. Обмёнена Сарка-то у тебя дефка. Надо было благословлёт, а не лешакать.

обмёненной: Было одна дефка, оммёнена — фсе сидела кланялась, говорить не могла.

Приведенные прилагательные могут быть представлены в предикативной или атрибутивной функции, но возможен и их переход в номинативные единицы.

14. Метафорические номинации:

а) Как полагают исследователи, «хлеб в определенных ве-
рованиях мог замещать человека» [МиБ 2005: 461]. Яркий при-
мер этого — ритуальное обращение к роженице на празднике
родин, где номинация *хлёбы* выступает в роли названия ново-
рожденного. Уподобление новорожденного хлебу проявляется
на многих этапах родильного обряда (подробнее см.: [ЛАРНГ
2009: 412–417]).

хлёбы: Показывай хлёбы свой! (ритуальное обращение). Покажы
свой хлёбы (ребенка), а она говорит: они у меня ф тумбочке. Дак мы
смеялись!

б) Рождение ребенка всегда было положительным фактом,
увеличивающим количество работников и, следовательно, бла-
госостояние семьи, поэтому новорожденного могут обозначать
с помощью лексемы *прыбыль*:

Как хорошо, у тебя прыбыль? (новый ребенок в семье). Да уш они
ждут прыбыли.

в) **косяня́ голова́:** А плачьте, косяно горло, косяня́
голова — ничё не зделаца, хоть сколько ревите. Исследователи
отмечают, что ребенок в народном сознании представляется как
нечто костяное, твердое [МиБ 2005: 55; Баранов 2001: 21, 22].

г) Метафора *в говне́ голова́* подчеркивает физическую неса-
мостоятельность младенца:

Она ужэ взрósлая, а ты ещё в говне́ голова́ (маленькая).

д) Наименование *козя́вка* представляет ребенка как существо небольшого размера: На́до до́ма козя́фкоф корми́ть.

е) Метафора *кусо́к мясно́й* описывает младенца как нечто не имеющее души, не являющееся человеком и не имеющее никакой ценности:

Куски мясны́ кажный го́т вывора́чивают (о часто рожаящих женщинах).

ж) Метафорическое *куст, ку́стик* представляет ребенка как растение, что созвучно «ребенок-цветок» («дети — цветы жизни»):

Никто́ бы и не взе́л с та́ким ку́сто́м (с таким количеством детей). Перво́ю ию́ня роди́ла па́ренька, а два́дцать ф́торово войну́ обйавили́ — вот и оста́лась с кусо́тиком (с ребенком).

Таким образом, в архангельских говорах имеется более 120 наименований новорожденного ребенка, которые представляют собой лексемы и фраземы с разной семантической мотивированностью. Обозначения ребенка могут заключать в себе признак, указывающий на пол, возраст, антропометрические характеристики новорожденного; очередность его появления в семье; предметы, связанные с детьми определенного возраста и действия, характерные для младенцев; сопутствующие рождению и воспитанию ребенка признаки; мифологические представления, связанные с ребенком. Большой интерес представляют метафорические номинации, которые содержат сведения о древних представлениях, заключенных в слове.

АОС 1980–2010 — Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. М., 1980–2010. Вып. 1–13.

Баранов 2001 — Баранов Д.А. Родинный обряд: время, пространство, движение // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001.

ЛАРНГ 2009 — Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2009. СПб., 2009.

МиБ 2005 — Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005.

СДЗ 2004 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3.

СОВН 2006 — Словарь областного вологодского наречия / по рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.

СИСТЕМА ТЕРМИНОВ РОДСТВА И СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ИНГУШЕЙ

ТР ингушей, в отличие от других народов Кавказа, до сих пор не получила систематического описания. К этой теме обращались лингвисты, рассматривая ТР как часть лексики, и этнологи, поскольку группировка ТР в определенную систему отражает брачные и семейные нормы и в целом родственную организацию того или иного общества, выявляя особенности этнокультурного развития и этнические связи.

В первой трети XX в. к этой теме обратился Н.Ф. Яковлев в своем капитальном труде «Ингуши» [1925а]. Несмотря на то что СР он уделил небольшое внимание, она стала одной из первых работ Н.Ф. Яковлева, посвященных лексике родства [1925б; 1930], позже к этой теме обратились Ю.Д. Дешериев [1963], И.Ю. Алироев [1972], А.С. Куркиев [1986], Э.Г. Оздоева [2007] и др. Этнологические аспекты терминологии родства были в разной степени затронуты в трудах В.Н. Акимова [1888], Ч. Ахриева [1878], Р.Л. Харадзе, А.И. Робакидзе [1968], Н.В. Джавахадзе [1968], В.Дж. Итониашвили [1968], Ф. Кудусовой [1991], Б.И. Арсамакова [2003], Х.С.-Г. Мальсагова [2004], З.М.-Т. Дзараховой [2010] и др. Однако все эти публикации не дают целостной картины, и данная статья имеет своей целью частично восполнить существующий пробел.

На сегодняшний день одним из самых дискуссионных в традиционной социальной организации ингушей является понятие *тайп*. Что же представляет собой *тайп*? Н.Ф. Яковлев, М.А. Мамакаев и др. считают *тайп* родовой организацией. Б.И. Арсамаков полагает, что «исторические корни традиционных ингушских родовых имен — *тайпов* — связаны с топонимией Горной Ингушетии, точнее, с ойконимией, т.е. с названиями аулов, и не отражают кровнородственных связей» [Арсамаков 2003: 14]. Автор отмечает, что в условиях Горной Ингушетии, когда население буквально задыхалось от малоземелья, каждый член общества был строго привязан к тому земельному наделу, которым владел его аул или сельская община. Другими словами, ингуши были привязаны к конкретному месту жительства, и по

истечении определенного времени географические наименования с суффиксом *-хой-*, генерированным, по нашему мнению, от глагола *ха* (осесть) и суффикса принадлежности *-ой* (Баркенхой, Леймой и т.д.), стали восприниматься как тайповые имена, которые постепенно обрастали мифами и легендами и прочно закреплялись в повседневной жизни новых поколений.

Тезис о двух видах родства — общинном и семейном — на современном этапе прочно вошел в научный оборот. Н.А. Бутинов в своем исследовании экзогенного родства привел небольшой обзор трудов зарубежных исследователей, посвященных поднятой проблематике. Те, кто подчеркивал важную роль локального принципа, добавляли: дело не столько в общей резиденции, сколько в том, что члены общины совместно трудятся, помогают друг другу, зависят друг от друга. Именно это и создает общинное родство [Бутинов 1999: 96]. Вышеизложенные принципы характерны и для теории Б.И. Арсамакова и соответствуют современной СТР ингушей.

Род и терминология родства. В традиционном ингушском обществе счет родства определяется по отцовской линии, по которой наследуются родовая принадлежность — *тайп*, а также фамилия — *тайпан цӀи*. Каждый *тайп* выводит себя от определенного предка, имя которого известно всем членам рода до 8–10-го поколения и дальше. Члены одного рода считаются «братьями» — *вежарий* и «сестрами» — *йижарий*. В результате увеличения численности своих членов *тайп* начинает постепенно дробиться, образуя новые ветви — *вяры*. Например, в результате дробления *тайпа* Барханой образовались новые фамилии: Акиевы, Альтимировы, Алхазырговы, Барханоевы, Ганижевы, Гасаевы, Долтмурзиевы, Дзязиковы и т.д. [Арсамаков 2003: 14]. Образовавшаяся ветвь дает начало новой фамилии. Наиболее наглядно это можно проиллюстрировать на примере горного аула Таргим, где проживали представители разных *тайпов*, которые назывались по имени главы семьи с добавлением ТР *ваьр* (дословно «породивший») или *дорога*, ведущие свое начало — *наькъан*. Например: Чопа-наькъан, Горбак-наькъан, Ганыж-наькъан и др. Таким образом, ТР *наькъан* относится ко всем семьям, имеющим единого фамильного предка: Арсамак-наькъан — потомки Арсамака, Чахки-наькъан — потомки Чахки и т.д. [Там же].

Фамилию меняют обычно сами родственники еще при жизни того, «чье имя дает начало фамильному прозвищу; они делают

это для отличия себя от других однофамильцев» [Далгат 1929: 308]. К изменению фамилии в некоторых случаях прибегают и семьи, находящиеся в кровной вражде, дабы ввести кровника в заблуждение [Харадзе, Робакидзе 1968: 192].

Необходимо отметить, что среди ингушей встречаются одинаковые фамилии у представителей разных тайпов. Это происходит потому, что ингуши имеют одинаковые имена, а при делении фамилии новая ветвь происходит непосредственно от эпонима [Итониашвили 1968: 221]. Например, фамилия Албаков встречается у разных тайпов — Дзуматовых, Барахоевых, Хамхоевых, Тумгоевых [Мальсагов 2004: 10, 13, 29]. Вместе с тем это не вызывает путаницы, так как все ингуши знают, к какому роду они относятся, и легко могут идентифицировать свою принадлежность к тому или иному *тайпу*.

Род (*тайн*) и фамилия являлись и являются действенными структурными звеньями ингушского общества. Все, кто находится вне *тайна*, — чужие, они не являются родственниками для тех лиц, которые входят в состав *тайна*. «Между двумя *тайпами* нет ничего общего, связующего, кроме разве общности языка, соседских отношений и племенной связи» [Далгат 1934: 26]. Однако внутри *тайна*, в котором насчитывается 500–600 человек, степень родства у всех различная. Все однофамильцы имеют близких родственников — *кхоачара гаргара нах*, родственников одной крови — *цхъа цийй дола гаргара нах* и дальних родственников — *хийра гаргара нах*. Близкие родственники связаны между собой семейным родством. К числу последних относятся родные и двоюродные дедушки — *дади* и бабушки — *нани*, родители — *да-нана*, дети — *бераш*, дяди — *воти*, тети по отцу — *дяци*, по матери — *няци*, родные братья — *вежарий*, сестры — *йижарий*, двоюродные братья по отцу — *дя веший къунгаш*, внуки от сына — *вилий воI*, от дочери — *йий йоI*. Особо нужно отметить, что в ингушской СР существует термин, обозначающий детей и внуков сестер независимо от пола: соответственно *шучий* и *мохчий*. Этот термин обозначает потомство родных и коллатеральных сестер, один из которых — *шучий* — обозначает первое поколение родных и коллатеральных сестер, т.е. детей, а второй — *мохчий* — следующее их поколение, т.е. внуков родных и коллатеральных сестер [Джавахадзе 1968: 229].

Родственники одной крови — *цхъа цийй дола гаргара нах*, отец — *да*, мать — *нана*, отсюда и термин *да-нана* — родители,

200

где вначале ставится «отец» — «*да*», потому что он глава семьи, затем «мать» — *нана*. После родителей братья — *вежарий* и сестры — *йжарий* — самые близкие родственники, причем брат ближе, нежели сестра. Далее дети — *бер* не только собственные, но и вообще (мн.ч. *бераиш*); ребенок женского пола — *се бер*, *йшиг*, ребенок мужского пола — *борша бер* или *къаьнк*. В ингушской СР единокровные братья и сестры считаются ближе единоутробных. Такие ТР, как отец — *да*, мать — *нана*, брат — *воша*, сестра — *йиша*, сын — *воI*, дочь — *йоI*, дают ингушу возможность выразить следующие понятия: внук — *вилй воI* (дословно ‘сын сына’), внучка — *йилй йоI* (‘дочь дочери’), дед — *дада* (‘отец отца’) и т.д.

В ингушском языке для обозначения понятия «отец» используются термины *да*, *дада*, *воти*, *дади*. Для обозначения родства со стороны отца имеется термин «*даьхой*», который относится к каждому родственнику из отцовского рода. Кроме того, есть слово *даьй* — ‘отцы’, что означает отцовскую родню, предков, т.е. родство по отцовской восходящей линии. Слово *да* в значении ‘отец’ в ингушском языке легко вступает в парные словосочетания: *даи-нанеи* — ‘отец с матерью’ (родители); *даи-вои* — ‘отец с сыном’; *даи-йои* — ‘отец с дочерью’, *даьйи-бераиш* — ‘отцы и дети’. С корневым словом *да* связан целый ряд производных ТР: *даьда* — ‘дедушка’, *устда* — ‘тесть’, *маьрда* — ‘свекор’ [Оздоева 2007: 27].

Для обозначения родства со стороны матери имеется термин *ноанаьхой*, который относится к каждому родственнику по материнской линии. В целом родство по материнской линии еще обозначается как *наьна че* (дословно ‘из одного живота’). Показательно, что у папуасов-бонгу термин «родство» также происходит от слова *мине* (‘живот’) [Бутинов 1999: 82]. Материнский род, как и отцовский, имеет важное значение для ингушей. При выборе невесты всегда спрашивают, кто ее мать, бабушка. Существует даже поговорка: «*Хьана шура йиай*» (‘Чье молоко ела’).

Дядя и по отцу, и по матери может обозначаться одним термином *воти*. Но чаще всего употребляют этот термин с именем собственным. Например: *воти Иса*, *воти Умар*, *воти Алихан*. В тех случаях, когда необходимо указать степень родства по отцу, говорят *даь воша*, по матери — *наьна воша*. Форма обращения к тете по отцу — *даьци*, по матери — *наьци*. Обращение

может быть и с добавлением собственного имени — *наьци* Мадина, Марем и т.д. А когда возникает необходимость, указывают степень родства по матери — *наьна йиши*, по отцу — *даь йиши*. В разговорной речи употребление подобных сочетаний вместо соответствующих ТР обусловлено желанием говорящего подчеркнуть, о каком родственнике идет речь, т.е. о родстве по линии отца или по линии матери.

Дальними родственниками — *хийра гаргара нах* — ингуши считают всех родственников дальше трех поколений, как по отцу, так и по матери.

Чтобы лучше понять существующую СР ингушей, нужно обратиться к их семейному быту XIX–XX вв.

Н.Н. Харузин, посетивший ингушские районы в 1886 г., встречал семьи, в которых насчитывалось до десяти взрослых мужчин, а в ауле Койрах Мецхельского общества, по его данным, совместно проживали 27 родственников. Однако чаще встречалось иное: родственники уже не жили сообща, каждая семья имела собственный двор, и женатый сын проживал отдельно от родителей, но владел общей с отцом землей [Харузин 1888: 86]. Схожие данные о семьях, состоявших из нескольких дворов, объединенных общей системой внутрисемейных отношений, приводил Б. Далгат и в качестве примера упоминал семью Местоевых, в которой насчитывалось 40 человек [Далгат 1929: 38]. Для общественного быта ингушей были характерны большая семья и основанная на ней патронимия, где членами неразделенного родственного объединения являлись родные и коллатеральные братья и их жены, занятые в общей хозяйственной жизни семьи.

Такую семью, в которой под одной кровлей проживали несколько поколений, называли «вместе проживающие братья» — *цхьан баха вежарш* или же «неразделенные братья» — *бувбаьннабоаца вежарий*. Всех членов семьи называли *дезал*, все потомство — *тлехье*. Главой дома являлся отец — *цен да* (дословно ‘хозяин дома’) и хозяйкой — *цен нана*. Чаще всего распад большой семьи в ингушском обществе наступал после смерти родителей. Однако по желанию женатых сыновей раздел мог произойти и при жизни родителей. Для этого собирали почетных старейшин, знающих досконально местные адаты и шариат, способных объективно оценить сложившуюся ситуацию [Далгат 1935: 76]. Ф.И. Леонтович пишет, что на домашнее

имущество отец и сыновья имеют равные права, и последние могут заставить первого, когда им вздумается, делиться с ними, по адагу каждому из них предоставляется одинаковая доля с отцом [Леонтович 1882: 112]. Отобрать надел сына отец не мог. Если же раздела требовал один сын, то все имущество делили на равные доли между всеми взрослыми мужчинами; потребовавшему раздела выделяли его долю, а прочие доли оставались в совместном пользовании остальных членов семьи [Далгат 1929: 328].

Этимология фразеологизма *буввала* — ‘выделиться имущественно из семьи’ — восходит к выражению, которое можно перевести как ‘осиротиться’ (*буо* — ‘сирота’, *вала* — ‘отделиться, открепиться, отсоединиться’). Отделившаяся семья образовывала самостоятельную хозяйственную единицу. Это приводило не только к изменению структуры бывшей большой семьи, но и к трансформации функций ее членов. Прежде всего менялись положение супругов и их детей, взаимоотношения членов семьи и распределение обязанностей между ними. Новый *цен* да приобретал право единоличного решения семейных вопросов. Вместе с тем он брал на себя ответственность за все, что происходит в его семье. Заметно изменялось положение новой хозяйки дома *цен нана*. На ее плечи ложились многие функции и обязанности, прежде выполнявшиеся ее свекровью — *мяр нана* [Кудусова-Долакова 2005: 45–46].

Для понимания некоторых ТР необходимо обратиться к семейно-брачным отношениям ингушей, ведь кровное родство начинается с семьи, мужа и жены, со связи по браку и появления детей.

Ограничения семейно-брачных отношений. В ингушской среде между членами одного рода не допускаются брачные связи. Согласно принципу экзогамии ингуши накладывают вето на женитьбу не только на однофамилице, но и на женщинах из родственных фамилий. Б.К. Далгат отмечал, что брак двух родных братьев на двух родных сестрах не допускается, как и женитьба родного дяди на племяннице, брат не может жениться на девушке из семьи, откуда жена брата; братья жены также не могут взять жен из семьи ее мужа, а из семьи других, более отдаленных родственников могут. «Древний адат запрещает ингушу жениться на всех его родственниках, поэтому, если строго соблюдать это запрещение, ингушу нельзя жениться, во-

первых, на всех своих фамильных сестрах, т.е. на всех женщинах из фамилий отца и матери. Кроме того, нельзя жениться на двоюродных и троюродных сестрах, происходящих от родных бабки или прабабки (по женским линиям в первом поколении), т.е. на “шучи” и “мохчи”, как говорят ингуши, и на фамильных племянниках и их потомках до трех поколений включительно, хотя бы все они носили чужие фамилии» [Яковлев 1925а: 76].

Существовали и брачные запреты между мужчиной и женщиной, имевшей непосредственное отношение к его рождению: повитухой — *бер хыйца кхалсаг* или *бер нанальг*, кормилицей — *накхяхьекар* и женщиной, дававшей имя новорожденному, — *ци тилар*. Кроме того, женщина в случае развода не могла выйти замуж за приятеля жениха — *кульг лярар*, выведившего ее, невесту, во время свадьбы. Родство, возникающее в результате прохождения обряда побратимства — *вошал* и посестримства — *хетта йишал (неш)*, тоже было препятствием для брака — породнившиеся семьи не могли устанавливать матримонильные связи [Харузин 1888: 122].

Как показывают материалы полевых исследований, экзогамия преследовала практические цели: по мнению ингушей, экзогамные браки спланировали представителей различных неродственных фамилий для мирного сосуществования.

Брак. Относительно брачного возраста ингушей нет единого мнения. Если мы обратимся к письменным источникам, то обнаруживаем очень разные сведения.

«Ингуши вступают в брак после 15-летнего возраста; девицы выходят замуж не моложе 14 лет», — писал В.Н. Акимов после поездки в 1886 г. в Ингушетию. Он также отмечал, что ингуши не обращают большого внимания на разницу в возрасте: «Молодой человек женится на гораздо старшей его годами девушке». При этом пояснял, что для ингуша важно, чтобы она была «опытной работницей» [Акимов 1888: 143]. Возраст, указанный В.Н. Акимовым, являлся допустимым по шариату. Б.К. Далгат, посетивший ингушей несколькими годами позже В.Н. Акимова, отмечал, что наиболее распространенный брачный возраст у ингушских девушек — 18–20 лет, «девочки по адату не должны выходить замуж ранее 18 лет; это делается для того, чтобы девушка выучилась самостоятельно вести хозяйство» [Далгат 1935: 45]. Впрочем, следует иметь в виду, что принятие ислама не накладывало вето на адаты, существовавшие в ингушском

обществе. В современном обществе в брак можно вступать с 18 лет, но значительная часть молодежи откладывает решение вопроса о брачном союзе до окончания вуза или обретения специальности. Чаще всего браки заключаются между молодыми людьми, достигшими 23–25 лет.

Основными формами заключения брака — *йиша-воша дар*, *маьрел дар*, *саг йоалаяр* — являлись сватовство — *ехар* и умыкание невесты — *саг йодаяр*. Умыкание девушки с целью вступления в брак в народе не одобряется и калым — *урдув* — в этих случаях может быть гораздо выше, чем за засватанную девушку. Совершивший увод обязан платить за бесчестье, нанесенное семейству, из которого похищена девушка, если на то не было ее согласия. С этим обычаем ингуши борются на протяжении нескольких веков; еще в 1862 г. был принят «приговор» жителей Ингушского округа, который гласил, что «первым непременным условием брака полагается свободная воля и непринужденное согласие не одного лишь мужчины, но и женщины, выходящей в замужество» [Леонтович 1882: 162]. Сравнительно недавно, в июне 2010 г., в Ингушетии прошла конференция, где обсуждался этот злободневный вопрос — умыкание девушек; отмечалось, что по шариату женщина неприкосновенна и этот обычай унаследован из адатов ингушей. Здесь же был принят приговор, запрещающий кражу невест. Тем не менее умыкания все еще случаются.

Вступившие в брачный союз именуются мужем — *маар* и женой — *сесаг*. С периода вступления в брак термин *нус* обозначает невестку. Из него образуется слово *нускал* в значении ‘невеста’, ‘новобрачная’. Кроме того, термин *нус* обозначает жену сына, внука, правнука, жену племянника, а термин *нейц* — жениха, мужа родственницы, зятя.

Женщина после замужества становится членом общины мужа, но по-прежнему остается членом своего тайпа [Мамакаев 1973: 23]. Несмотря на изменение фамилии в паспорте, она по-прежнему будет принадлежать к своему *тайпу* и своей фамилии — *тайпан ци*. Муж несет ответственность за жену перед ее родственниками, и в случае ущемления ее прав в замужестве на ее стороне будет ее тайп. Когда у ингушки спрашивают, к какому *тайпу* она относится, она называет девичью фамилию и добавляет новую — по мужу.

Все родственники и родственницы мужа обозначаются термином *маьрцйей* (дословно: ‘из дома мужа’). Все родственники

жены по отношению к ее супругу будут именоваться *утцей* — ‘из дома жены’.

Для ингушского языка характерны ТР, состоящая из двух основ: *маър-да* — ‘свекор’, *маър-нана* — ‘свекровь’, *уст-да* — ‘тесть’, *уст-нана* — ‘тёща’. Бытует обряд пожизненного избегания зятем тещи. Невестка также должна соблюдать определенный этикет поведения с родственниками мужа. Она может разговаривать с родителями мужа после специального обряда *мотт бастар* (буквально ‘развязывание языка’), но, как и зять, не может упоминать имен родителей мужа. Кроме того, невестке не подобает упоминать имен братьев и сестер мужа, братьев и сестер родителей мужа [Оздоева 2007: 63].

Говоря о СР, нельзя обойти вниманием и старинные обычаи, такие как левират — *нус юхаерзаер* (когда вдова покойного выходит замуж за одного из его братьев или близких родственников) и сорорат — *йиша юхаерзаер* (когда вдовец женится на сестре покойной жены) [Гаджиева 1967: 27]. В ингушском обществе еще в XIX в. существовали подобные брачные союзы. Б.К. Далгат писал об этом так: «Когда жена умрет, то вдовцу можно жениться на сестре умершей жены своей, чтобы за детьми лучше смотрела, ибо другая мачеха плохо бы к ним относилась; ради детей, оставшихся от брата, брат может жениться на жене брата (прежде это бывало чаще, нежели теперь); брат умершего не обязан взять вдову; это считается не очень хорошим делом, допускается это по адату ради детей. При этом ей дается $\frac{1}{2}$ калыма при браке, а не целый калым» [Далгат 1935: 63]. Такой брак заключался в редких случаях и не находил одобрения в народе.

Многоченство. Одной из форм брачных отношений была в прошлом и бытует в настоящем полигиния. Б.К. Далгат сообщал, что многоченство было распространено в ингушском обществе еще до принятия ислама. Чаще всего заводили себе вторых и третьих жен богатые люди, имевшие большое хозяйство, т.к. одна женщина была не в состоянии справиться со всеми лежавшими на ней обязанностями. Вторую жену брали и в тех случаях, если первая была бездетна [Далгат 1929: 57].

По местным адатам и шариату разрешается жениться до четырех раз. Этим правом мусульманина руководствовался Президент Республики Ингушетия Р.С. Аушев, издавший 19 июля 1999 г. указ, позволявший до четырех раз государственную регистрацию брака в Республике Ингушетия гражданам мужского

пола с лицами женского пола, не состоящими в браке [Патиев 2007: 331]. Хотя на государственном уровне вопрос не был решен, основываясь на упомянутом выше указе, в Ингушетии многие мужчины официально обзавелись несколькими женами — *энгар* (дословно ‘соперница, другая жена мужа’). Несогласные жены разводились — *саг йиштар* — с прежними мужьями, не желая жить с мужем, который привел вторую или третью супругу. Спустя пять с половиной лет, 16 февраля 2006 г., законом Республики Ингушетия № 11-РЗ этот указ был отменен [Там же], а все спорные вопросы, связанные с бракоразводными процессами такого характера, решаются только в шариатском суде, т.к. нет правовой базы и все вопросы находятся в ведении шариатского суда [ПМА 2010].

Испокон веков в ингушском обществе было негативное отношение к разводу. Ингушские адаты и шариат в этом совпадают, т.к. главная ценность и той, и другой правовой системы — брак. Развод — не богоугодное дело. В ингушском обществе развод может быть совершен как по желанию мужа, так и по желанию жены, в этом местные адаты и шариат совпадают. Супруга имеет право требовать развода, если на то есть веские причины, такие как жестокость мужа, невыполнение супружеских обязанностей и т.п. В этих случаях мусульманский суд расторгает брак [Кок Коз 2004: 262].

При разводе дети, рожденные в совместном браке, оставались в семье отца, мать не имела никакого права требовать их от мужа по адату. Однако в современной Ингушетии, где все местное население исповедует ислам, закон на стороне женщины, т.к. по шариату ребенок до семи лет должен оставаться с матерью, а после достижения указанного возраста он имеет право выбора, с кем из родителей проживать.

Разведенная женщина обозначается термином *йиша саг* (буквально ‘оставленная’). Овдовевшую женщину называют *йиса саг* — ‘оставшаяся после смерти мужа’.

Рождение детей. Благополучие семьи определяется не только материальными благами, но и наличием в семье детей мужского пола — *къянк*. Семья считалась благополучной, если в ней было много детей, желательно мужского пола: «Мальчик как мужчина и продолжатель рода считался более желательным, нежели девочка» [Далгат 1929: 67]. Рождение девочки — *йишиг* не драматизируется, однако, когда в семье рождается много

девочек, их нарекают такими именами: Цаэш — «Не нужна», Тойита — «Хватит, Достаточно», Сацита — «Остановись, Прекрати».

В ингушской лексике к терминам прерванного и приобретенного родства относятся: *даь сесаг* — ‘мачеха’, *маьр йoi* — ‘падчерица’, *маьр воi* — ‘пасынок’, *бо* — ‘сирота’, *биж* — ‘незаконнорожденный’, *жеро* — ‘вдова’. Кроме того, есть понятия «сводный брат», «сводная сестра», т.е. приходящийся кому-либо братом или сестрой по отчиму или мачехе. Но нет специальных терминов, обозначающих эти понятия, поэтому называют описательно: сводный брат по отцу — *даьна ваь воша*, сводная сестра по отцу — *даьна яь йиша*, сводный брат по матери — *нанас ваь воша*, сводная сестра по матери — *нанас яь йиша*.

В заключение хочется отметить, что данная статья является лишь начальным этапом изучения СТР ингушей. Для продолжения работы требуются дополнительные материалы.

Акимов 1888 — *Акимов В.Н.* Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии. М., 1888.

Алироев 1978 — *Алироев И.Ю.* Нахские языки и культура. Грозный, 1978.

Арсамаков 2003 — *Арсамаков Б.И.* Ингушские фамилии и имена. Очерки истории. Назрань, 2003.

Ахриев 1978 — *Ахриев Ч.* Заметки об ингушах («О характере ингушей», «Присяга у ингушей», «Об ингушских женщинах», «Ингушские каши») // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 276–290.

Бутинов 1999 — *Бутинов Н.А.* Экзогенное родство // АР-4.

Гаджиева 1967 — *Гаджиева С.Ш.* Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967.

Далгат 1929 — *Далгат Б.* Материалы по обычному праву ингушей. Владикавказ, 1929.

Далгат 1934 — *Далгат Б.К.* Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // Изв. Ингушского НИИ. Владикавказ, 1934. Вып. II.

Далгат 1935 — *Далгат Б.* Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // Изв. Ингушского НИИ краеведения. Орджоникидзе; Грозный, 1935.

Далгат 1989 — *Далгат Б.К.* Материалы по обычному праву ингушей // Многоликая Ингушетия / сост. М.С-Г. Албогачиева. СПб., 1998.

Дешериев 1963 — *Дешериев Ю.И.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963.

Джавахадзе 1968 — Джавахадзе Н.В. Термины родства у ингушей // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968.

Дзарахова 2010 — Дзарахова З.М.-Т. Традиционный свадебный обряд и этикет ингушей. Ростов н/Д, 2010.

Итониашвили 1968 — Итониашвили В.Дж. Пережитки семейной общины в Горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968.

Кок Коз 2004 — Кок Коз М. Развод по инициативе жены // Любовь и секс в исламе. М., 2004.

Куркиев 1986 — Куркиев А. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный, 1986.

Кудусова-Долакова 2005 — Кудусова-Долакова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей (конец XIX — начало XX в.). Ростов н/Д, 2005.

Леонтович 1882 — Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. I.

Мальсагов 2004 — Мальсагов Х.С.-Г. Происхождение ингушских фамилий, тейповых общин и роль ингушского языка в языковой семье мира. Ингушетия, 2004.

Мамакаев 1973 — Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.

Оздоева 2007 — Оздоева Э.Г. Лексика родства в ингушском языке. Магас, 2007

Патиев 2007 — Патиев Я. Хроника истории ингушского народа. Махачкала, 2007.

Харадзе, Робакидзе 1968 — Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. С. 127–139.

Харузин 1888 — Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник сведений о Терской области. М., 1888.

Яковлев 1925а — Яковлев Н.Ф. Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей. М., 1925.

Яковлев 1925б — Яковлев Н.Ф. Ингуши. М.; Л., 1925.

Яковлев 1930 — Яковлев Н.Ф. Термины «мать-отец», «сестра-брат», «дочь-сын» в северокавказских яфетических и некоторых других языках // Уч. зап. Ин-та этнографии и национальной культуры Востока. М., 1930. Т. 1–2.

Д.В. Арзютов

«ПЕРИФЕРИЯ» СИСТЕМЫ РОДСТВА АЛТАЙЦЕВ: СУРАС*

1. В настоящей статье я хочу обратить внимание исследователей на проблему, с которой довольно часто сталкивался во время сбора полевых материалов, — на «нарушение» отношений внутри СР. Об этой проблеме уже неоднократно писали зарубежные антропологи (см., например: [Huntsman, Hooper 1976; Weismantel 1995]), прежде всего фокусируясь на новых формах родства, смещающих привычное разделение на родство социальное и биологическое, и открывая вслед за Дэвидом Шнейдером целый круг тем: родство и тело, связь семьи и нации, родство и новые репродуктивные технологии и т.п. [Carsten 2004]. Цель данной работы состоит не в описании всех исключений (хотя бы и на примере одного локального сообщества), что могло бы стать темой целой книги, а скорее в представлении некоторых соображений и первичного анализа, исходя из полевого материала автора, собранного у алтайцев в Республике Алтай.

СР и СТР алтайцев представлены в этнографической литературе довольно полно (см., например: [Дыренкова 1926; Тадина 2005]). В то же время есть целая череда терминов, которые не столько ускользали от внимания исследователей, сколько, с одной стороны, с трудом укладывались в модель описания, а с другой — фиксировались поверхностно, утрачивая контекст. Между тем вереница этих терминов довольно длинная: *сурас*, *картошкó*, *моркоп*, *капустá*, *кабырга*, *кайлык* и *òскýс*. Эти термины при всей разности своих значений могут быть объединены общим признаком своеобразного исключения или даже нарушения счета родства.

Первоначально обозначу, что *сурас* — это либо человек, рожденный вне брака, либо «безотцовщина»¹; *картошко*, *моркоп*, *капуста*, *кабырга*, *кайлык*² — это человек, рожденный от мужчины — представителя другой этнической группы³; и, наконец, *òскýс* — это сирота.

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект № 3.4 «Горы, люди и границы: изобретение и использование традиций в горских сообществах на постсоветском пространстве», рук. д.и.н. Ю.Ю. Карпов).

Во всех этих случаях происходит утрата или ставится под вопрос наследование рода (*сöök*) при его экзогамности и патрилинейности. Каждый из этих терминов представляется шуточным по отношению к человеку, а большинство из них, как правило, заменяет саму номинацию рода (это хорошо видно с терминами *картошко*, *моркон*, *капуста*, когда человек при вопросе о ее/его роде может ответить, используя эти термины), но, несмотря на это, каждый из перечисленных терминов выступает еще не только как эмный, но и как своеобразная стигма или «испорченная идентичность», следуя логике И. Гоффмана [Goffman 1963]. Но стигматизирование, о котором и пойдет речь ниже, не выдает изгойство, хотя такое и возможно, оно может даже быть формой «положительной дискриминации», где «испорченность» может выступать предметом как насмешек, так и сожаления и даже поощрения. Если о первом случае я буду говорить особо, то второй можно прокомментировать фразой, которую алтайцы употребляют довольно часто: *Јер јакшы сас, эр јакшы сурас* — ‘Лучшая земля — болото, а лучший мужчина — сурас’. При этом замечают, что *сурас* — всегда старательный и самостоятельный ребенок, а потом и взрослый. Но вместе с этим *сурас* почти всегда описывается через мать, которая считается залюбленной отцом. Возможно, именно такое представление часто порождает желание семьи матери забрать к себе ребенка.

В этой статье я постараюсь раскрыть значения термина *сурас*, хотя в некоторых отдельных нюансах он будет перекликаться с другими терминами.

2. О *сурас*, как я уже отметил, писали всегда вскользь. Пожалуй, самые ранние этнографические сведения можно встретить у С.П. Швецова: «<...> существует разница в отношении к незаконнорожденным. У алтайцев (калмык) незаконнорожденные приписываются к роду отца, если он известен; если же его не знают, то к роду того, кто их усыновляет, а в 1-й дючине⁴ — к роду зайсана⁵; в семье усыновивших их они пользуются равными правами с родными детьми, и происхождение их не ставится им в упрек. Киргизы [имеются в виду казахи. — Д.А.] относятся к незаконнорожденным с презрением, если они рождены от постороннего; если же девушка родила ребенка от жениха, за которого потом вышла замуж, то такой ребенок пользуется одинаковыми правами с остальными детьми» [Швецов 1898: 14]. Эти сведения можно сравнить со сведениями конца

XX в., собранными у казахов И.В. Стасевич в ее книге о казахской женщине: «Рождение ребенка девицей считалось позором, в то время как рождение ребенка вдовой, вне зависимости от времени, прошедшего после смерти мужа, расценивалось скорее положительно или, по крайней мере, не порицалось» [Стасевич 2011: 99].

Уже на ранних этапах «внебрачные» ветви инкорпорировались в систему родовых отношений: «Внебрачных детей зачисляют в род отца, причем в сомнительных случаях руководствуются показаниями матери ребенка, которая называет *сёёк* отца ребенка. Этот порядок отразился, между прочим, на преданиях о происхождении *сёёков*: так, возникновение рода Оргончи предание объясняет тем, что одна девушка рода Тёёлёс, родив ребенка, отказалась назвать его отца, поэтому родовое начальство вынуждено было изобрести для него новый *сёёк* — Оргончи (записано в 1932 г.)» [Токарев 1936: 17; см. также: Екеев 2005: 100–101 (сурас-кыпчак), 103 и др.].

Однако, согласно сведениям начала XX в., ситуация изменилась. Проблемой «незаконнорожденных» интересовались и ученые известного на Алтае композитора и этнографа А.В. Анохина. Так, одна из его учениц, Евгения Черневская, записала в с. Ак-Тел в 1924 г. следующую информацию: «Проституция среди обрусевших инородок наблюдается чаще, чем у телеутов. Такими женщинами “гулящими” являются и замужние, и вдовы. Свое поведение они скрывают от окружающих, ибо за это их клеймят позором. За последние годы стали учащаться случаи рождения незаконных детей у женщин и отчасти у девушек. Эти случаи очень редки. Девушку, родившую ребенка, родственники выгоняют из дома вместе с ребенком. Она должна кормить сама. Страх за позор и боязнь быть выгнанной из дома заставляют прибегать девушек к искусственным выкидышам» [АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 243. Л. 7 об.–8]. Эти же сведения подтверждает и Л.Э. Каруновская, работавшая в 1920-е — начале 1930-х гг. на Алтае, преимущественно среди телеутов. «Внебрачная беременность среди телеутов считается большим позором. Безмужняя не может разрешаться от бремени в своей семье, поэтому мужчины улуса всеми силами принуждают виновника беременности к женитьбе; в тех случаях, когда отца ребенка не удастся обнаружить, родственники девушки подыскивают ей старого вдовца, уговаривают последнего взять де-

вушку в жены, хотя бы на время ее беременности и родов. В подобных случаях не обходится без подкупов со стороны близких девушки. Тетка Степана забеременела от проезжего русского скупщика скота; родные, узнав об этом и желая покрыть позор семьи, предложили работнику жениться на ней за большое вознаграждение; молодой человек отказывался до тех пор, пока цена вознаграждения не достигла 200 лошадей, сотни коров и овец. Совершенно другое отношение к беременности до брака замечается у алтайцев. Близкие, заметив результат увлечения, собираются вместе, приглашают девушку и вынуждают ее назвать виновника беременности. Получив ответ, приглашают и молодого человека на место совета, справляются у него, когда он намерен внести калым и взять девушку в жены. В редких случаях отрицательного ответа ждут разрешения от бремени и, если родится мальчик, виновник его рождения должен отдать родителям девушки коня и ружье; если на свет появляется девочка, отец ее должен отдать корову с теленком или кобылу с жеребенком. Если молодой человек беден, уплатить назначенного не может, он должен поступить в работники, пастухи, заработать и внести положенное. Ребенок остается у родителей девушки, а последняя может с прежним успехом рассчитывать на скорое замужество» [Каруновская 1927: 21].

Тут, видимо, отмечается не столько проблема «нагуленности», сколько то, что мать была не замужем. В.П. Дьяконова на примере теленгитов Улаганского и Кош-Агачского районов указывает, что «наличие у молодой женщины внебрачного ребенка (*сурас*) не являлось препятствием для вступления в брак. У теленгитов такой ребенок, как правило, получал принадлежность к родовому этнониму [так у автора. — Д.А.] деда и воспитывался в его семье не как внук, а как сын и был приравнен по нормам обычного права к родным братьям и сестрам своей матери. Такая акция была действенной и обязательной при экзогамных нормах брака. И в этом случае ответственность за воспитание ребенка и создание ему необходимого “наследства” (*энчи*) не являлось прерогативой вновь создаваемой семьи матери ребенка» [Дьяконова 1988: 152].

Количество «незаконнорожденных» детей — неустойчивый показатель, т.к. он во многом зависит от разных обстоятельств. За последние более чем полвека информанты отмечают, что пик незаконнорожденных пришелся на послевоенное время, когда

был «дефицит» мужчин, результатом чего стало значительное число алтайцев в возрасте 50–60 лет.

3. Возникшая неоднозначность интерпретации представляется еще более сложной, если мы обратимся к социальным контекстам, помогут понять которые несколько историй, записанных мною в поле.

3.1. Первая история произошла в Усть-Канском районе буквально несколько лет назад. В одном селе района решили пожениться два представителя одного рода. Это событие рассматривалось как предосудительное, т.к. молодые нарушали *алышпас* (досл. ‘не брать’) — обычай, запрещающий брать в жены/мужья представительницу/ля своего рода. Однако в семье отношение к девушке было совершенно иным — она, казалось, хорошо подходит для парня. Возникла ситуация конфликта между обычаем и реальной стратегией семьи. Для разрешения этого противоречия на явную хитрость пошла бабушка по отцу жениха (*јаана/јаан эне*), сказав, что отец жениха рожден от другого мужчины и что она «нагуляла» его, когда поругалась с дедом жениха. Но каждый из присутствующих понимал, что это обман, т.к. отец был очень похож на деда. Но слово пожилого человека (а деда к тому времени уже не было в живых) сыграло важную роль, и все признали «правоту» слова бабушки, но уже вскоре после свадьбы ее «сведения» постепенно улетучились, а история эта оказалась случаем временной смены родовой принадлежности — своеобразным компромиссом между обычаем и семейной стратегией.

3.2. Вторая история также имеет отношение к Усть-Канскому району. Я приведу эту историю по записи в полевом дневнике. Это был разговор с моей знакомой, которая в нашей долгой беседе остановилась на истории своей семьи:

— У наших соседей был ребенок — *сурас*. Он точно родился не от русского и не от алтайца вроде. От кого точно, я не знаю, но был он *сурас*. Так вот, когда он родился, то пришел к ним сосед — дед, он был из рода *очы*, как и мой отец. Так вот, пришел дед и дал ему свой род и сказал, что он дает ему свой род и свою силу.

— А дед ему был родственником?

— В деревне — все родственники (смеется).

— Он был *таай* или *аба*?..

— *Јок-јок* [нет-нет], не был. Может, и был родственником, но не прямым — дальним. А дальше было еще удивительнее. Мои родители относились к нему как к родственнику. Папа называл его *карындаш* и

мне говорил, что он из нашего рода. Я же недоумевала: как так, ведь ему род просто дали...

Эта история выявляет еще два сюжета: необходимость рода и возможность его получения «по соседству», когда соседские связи, где коммуникативные практики играют очень важную роль, не уничтожают *сöдк* в случае «нарушения» правил, а, напротив, поддерживают родовые связи.

3.3. Вторая история плавно подводит нас к еще одной истории, записанной мной в городе Горно-Алтайске. Моя знакомая, которая и рассказала свою историю, вышла замуж за русского мужчину и родила от него сына. В семье, несмотря на использование между матерью и ребенком родного (алтайского) языка, видимо, в силу городской среды вопрос о принадлежности к роду (*сöдкү*) не стоял. Но как только ребенок подрос и стал общаться со своими сверстниками во дворе, то на привычный алтайский вопрос: «*Сени сöбги не?*» [«Ты из какого рода?»] ему нечего было сказать, что создавало череду усмешек, а для парня некоторое расстройство, которым он делился с матерью. Однажды вечером в их дом приехала мать матери (бабушка по материнской линии — *јаана/јаан эне*; в Улаганском районе — *таада*), которая, услышав всю эту историю, «дала» внуку свой род. Тут, правда, нужно иметь в виду, что никакого особого ритуала для такой номинации не было. У этой истории есть продолжение. Эта женщина вскоре развелась со своим мужем и вышла замуж за другого мужчину, также русского, от которого родила второго сына. Как она говорит, второй муж оказался сильнее в своих «жизненных требованиях» и растит сына как русского. Более того, в доме почти не говорят по-алтайски. По ее словам, у второго ребенка проблемы рода просто нет. На вопросы дворовых пацанов он отвечает по-русски и говорит, что он «русский».

Предварительно можно заключить, что изменение коммуникативной среды либо актуализирует проблему родовой принадлежности, либо почти полностью ее снимает.

3.4. Завершить этот ряд историй я хочу еще одной, которая произошла в Онгудайском районе. Она позволяет связать все предыдущие с одной проблемой, поставленной в начале этой небольшой статьи.

Сукас-дети всегда похожи на своего отца. Вот у нас был случай. Моя тетя родила... Все удивлялись. Она такая тихая-тихая, никуда не

выходила, все время дома-дома — и раз и родила. Она никому не говорит, и все вот гадают, чей он ребенок. А потом где-то в классе седьмом, наверное, [имя ребенка] стал увлекаться техникой, чинил мотоциклы, потом тоже стал машины чинить. А во всем [название] колхозе был только один мужчина с золотыми руками. Он всегда чинил, а потом заболел... уже стал больной. А тут на смену [имя ребенка] появился. И только тогда люди догадались: «Вот он в кого!» И потом уже посмотрели — он копия оказывается. Вроде и лицом похож, и самое главное, что руки у него такие же. Талант ему передался. Так что все равно не скроешь. <...> Хочешь не хочешь, а люди вычислят.

4. Предлагая интерпретацию каждой истории, нужно начать с конца, где наиболее четко можно увидеть само место «испорченной идентичности» в локальном пространстве социального взаимодействия. Нарушение привычного правила не нарушает, однако, всей модели взаимодействия. Прежде всего возникающая стигма инаковости определяет постоянную ситуацию переговоров и договоренностей, в которой место «нарушителя» становится не периферийным, а центральным. Он поддерживает различные формы социального взаимодействия — от стратегии брачных связей до совершения ритуалов. На это обстоятельство вскользь обратила внимание Агнежка Халемба в ходе своих полевых исследований у теленгитов Республики Алтай. Я позволю привести довольно пространный фрагмент из ее книги: «<...> несмотря на то что род (clan) в основном патрилинейный, при частном рассмотрении можно увидеть более сложные случаи. <...> Молодой человек по имени Саша (имя изменено) родился, когда его мать еще не была замужем. Она была из рода *тодош*, как и ее отец, в доме которого Саша жил ребенком. Позже его мать вышла замуж за мужчину из рода *сагал*, и Саша вместе с ней переехал в дом ее нового мужа. Сашина мать говорила ему, что его биологический отец из рода *кёбёк*, но [несмотря на это] Саша принимал участие во всех ритуалах как представитель рода *сагал*, как ему велела его мать. Однажды Саша серьезно заболел, и его мать отвела его к знающему человеку (*билер киж*и). Поскольку *билер киж*и должен знать, к какому роду принадлежит человек еще до начала лечения, то мать представила его как *сагал*. Тем не менее после консультации ее духи-помощники сказали *билер киж*и, что Саша на самом деле не *сагал*. Она не заявила, что он из рода *кёбёк* — рода его биологического отца. Вместо этого для неё Саша был представителем рода *тодош*, т.к. в раннем детстве он жил в доме у очага

(очок) его деда по материнской линии. Саша на самом деле был доволен таким заявлением и с той поры считает себя *тодош*.

Этот случай не уникален для теленгитов. Моя пожилая собеседница-теленгитка отмечала, что в прошлом дети, рожденные вне брака, часто рассматривались как *отты балазы* ('ребенок очага'), и их *сёёк* выбирался на основании места рождения и раннего воспитания. Поскольку дети появляются на свет у теленгитов, невзирая на то, родились ли они в браке или нет, такие решения о *сёёке*, к которому должен принадлежать человек, решаются довольно часто. В ходе выборов лидеров родов в селе Кёкёр в 1999 г. этот вопрос горячо обсуждался. Не все одинокие матери хотят объявлять род, к которому принадлежит биологический отец. Несмотря на общее согласие, что общее мнение было, что было бы идеально знать род биологического отца, собрание решило, что мать должна иметь право решать скрывать или нет род отца. В небольшом сельском сообществе это [знание] во многих случаях сходится на конкретном человеке, что может быть нежелательным как для родителей, так и для ближайших родственников. Таким образом, было решено, что такие дети могут считаться членами материнского рода. Важно отметить, что это решение было принято членами группы, которая в научных работах, как правило, считается строго патрилинейной» [Halemba 2006: 24; последний тезис ср.: Степанов 2009].

В этих историях происходят два переплетения: территориальное и генеалогическое. С одной стороны, осознание «биологичности» рода требует соблюдения правил, «доставшихся от предков», с другой — само пространство взаимодействия во многом связано с местом проживания — селом. Именно в связи с последним все чаще в оправдание нарушения *алышнас* можно услышать, что «мы из разных районов». Созданные государством границы и пространства оказываются важными во взаимодействии по поводу родовой принадлежности. В этой связи родство предстает как дискурс и как стратегия. В каждой из историй можно увидеть своеобразные «двойные стандарты», когда общее, чаще всего проговариваемое правило (дискурс) может предполагать многочисленные исключения, не размывающие саму суть родства, а еще более утверждающие его необходимость и оправданность, т.к. невольно отсылают к общему этническому фону и возможности использовать родственные связи (стратегия).

5. Еще одно соображение возникает в связи с приведенным полевым материалом. Среди алтайцев Восточного Алтая (Усть-Канский и Онгудайский районы) расхожим является утверждение о своеобразной «неполноценности» северных алтайцев. Сложившуюся дихотомию северных и южных алтайцев исследователи усматривали в различных физико-антропологических и этногенетических линиях (В.П. Алексеев, Л.П. Потапов), хозяйственной специализации (Л.П. Потапов, А.Н. Садовой), степени русификации и проникновения христианских ценностей (Н.А. Тадина) и пр. Однако к этой череде отличий можно добавить еще одно. Южные группы алтайцев часто подчеркивают, что «северные» обрусели из-за тесных связей с русскими, в том числе и из-за «смешения крови». Эмные примордиальные характеристики выстраивают не только локальные представления о «правильности» и «необходимости» *сöдқа*, но и о нем как своеобразном мерило «этнического здоровья» (см. анализ т.н. соматического национализма: [Oushakine 2010]), что вполне укладывается в привычные эмные представления о родстве как главной идиоме этничности [Eriksen 1993: 108; Banks 1996: 151]. Именно поэтому северные алтайцы, обобщенно называемые *туба*, представляются для «южных» неполноценными, утратившими родство. Иногда говорят: «*Туба тууганы таныбас деген*» ('Говорят, что туба не знает своей родни') [Баскаков 1990: 60]. Здесь стигматизирование будто выходит за пределы локального понимания и уже не столько задает тон конфигурации социальных отношений, сколько выстраивает этническую перспективу. За счет большинства перечисленных причин отнесения к «неполноценности» «испорченная идентичность» северных алтайцев обретает своеобразный порядок внутри локального знания южных алтайцев, позволяющий совершать анализ места «северных»/туба/жиш кижилер в рамках созданной государством Республики Алтай, мыслимой как «этническое поле». Именно этот процесс можно отнести к проблеме, поднятой Э. Геллнером [1997] много лет назад, — как осуществляется переход от родства к этничности. Теория стигмы И. Гоффмана позволяет не только увидеть создаваемые границы социального, но и открыть перспективу конструирования этнического [Эйдхейм 2006].

¹ Отмечу, что этот термин вышел за пределы тюркских языков и попал в том числе и в русский в том же значении (см. например, рассказ В.М. Шукшина «Сураз»).

² Разнообразие терминов этой категории связано с двумя основными векторами. С одной стороны, термины *картошко*, *моркоп*, *капуста* имеют отсылки прежде всего к хозяйственной практике местного населения, по всей видимости, эти термины появились в период коллективизации и активного внедрения русской агрокультуры. К этой же группе примыкает и термин *кабырга* ('ребро'), который связывается не столько с телом человека, сколько с овцой. С другой стороны, термин *кайлык* — это перенесение видового смешения животных на смешение этническое. Та же ситуация сложилась и среди тувинцев, где есть термин *хайнак*, означающий как ребенка, рожденного в этнически смешанном браке [Монгуш 2006: 108], так и гибрид яка и коровы. Примечательно, что государство порой совершает обратный процесс, перенося, например, этнонимы на породы оленей или собак: ненецкая порода оленя или самоедская порода собаки.

³ Однозначно определить эту категорию непросто. Чаще всего имеется в виду, что система родства социальной группы отца «не сходится» с системой родства социальной группы матери. Для алтайцев чаще всего таким «конфликтом» является соотношение между русским отцом и матерью-алтайкой.

⁴ Система административного деления алтайцев в XIX в.

⁵ Старейшина/глава рода.

АМАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 243. *Черневская Е.* Замужняя женщина обрусевших алтайцев. Сообщение. Автограф. 1924 г. 9 л.

Баскаков 1990 — *Баскаков Н.А.* Алтайские народные юморески — *сөгүш-сөс* // Эл-Алтай [литературно-художественный и общественно-политический ежеквартальный журнал писательской организации Горного Алтая]. 1990. № 4. С. 53–65.

Геллнер 1997 — *Геллнер Э.* От родства к этничности // Цивилизации. М., 1997. Вып. 4. С. 95–102.

Дыренкова 1926 — *Дыренкова Н.П.* Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР / Под ред. В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга. Л., 1926. Вып. I. С. 247–259.

Дьяконова 1988 — *Дьяконова В.П.* Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: сб. ст. / Отв. ред. И.С. Кон, Ч.М. Таксами. Л., 1988. С. 152–185.

Екеев 2005 — Алтайцы (материалы по этнической истории) / Алтай улус (этнотык түүкизи аайынча јуунты) / Сост., перевод, предисл., коммент. Н.В. Екеева; науч. ред. Б.Р. Зориктуев. Горно-Алтайск, 2005. 176 с.

Каруновская 1927 — *Каруновская Л.Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. МАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. 6. С. 19–36.

Монгуш 2006 — *Монгуш М.В.* Этническая идентичность тувинцев // Вопросы истории и культуры народов Центральной Азии и сопредельных регионов: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 5–9 сентября 2006 г. / Сост. А.О. Дыртык-оол, У.П. Опей-оол. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2006. С. 94–109.

Стасевич 2011 — *Стасевич И.В.* Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011.

Степановф 2009 — *Степановф Ш.* Метаморфозы родства у тувинцев // ЭО. 2009. № 4. С. 129–145.

Тадина 2005 — *Тадина Н.А.* Три линии родства и авункулат у алтайцев // АР-9. С. 255–265.

Токарев 1936 — *Токарев С.А.* Докапиталистические пережитки в Ойроти. Л.: Социально-экономическое издательство, 1936.

Швецов 1898 — *Швецов С.* Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмыков) и киргиз. Брачные и семейные отношения // Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО. Омск, 1898. Кн. XXV. С. 1–16.

Эйдхейм 2006 — *Эйдхейм Х.* Когда этническая идентичность становится социальным стигматом? // Этнические границы и социальные группы / Под ред. Ф. Барта, пер. с англ. И. Пильщикова. М., 2006. С. 49–71

Banks 1996 — *Banks M.* Ethnicity: Anthropological constructions. L., N.Y.: Routledge, 1996.

Carsten 2004 — *Carsten J.* After kinship. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Eriksen 1993 — *Eriksen T.H.* Ethnicity and nationalism: anthropological perspectives. L., 1993.

Goffman 1963 — *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Prentice-Hall, 1963.

Halemba 2006 — *Halemba A.E.* The Telengits of Southern Siberia: Landscape, Religion and Knowledge in Motion. L., N.Y.: Routledge, 2006.

Huntsman, Hooper 1976 — *Huntsman J., Hooper A.* The 'Desecration' of Tokelau Kinship // The Journal of Polynesian Society. 1976. Vol. 85. № 2: Special Issue: Incest prohibitions in Micronesia and Polynesia. P. 257–274. URL: <http://www.jps.auckland.ac.nz/document/?wid=4142>.

Oushakine 2010 — *Oushakine S.* Somatic Nationalism: Theorizing Post-Soviet Ethnicity in Russia // In Marx's Shadow: Knowledge, Power, and Intellectuals in Eastern Europe and Russia / Ed. by C. Bradatan and S.A. Oushakine. N.Y.: Lexington Books, 2010. P. 155–174.

Weismantel 1995 — *Weismantel M.* Making Kin: Kinship Theory and Zumbagua Adoptions // American Ethnologist. 1995. Vol. 22. № 4. P. 685–704.

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА У ЕРУКАЛА

В статье предлагается анализ номенклатуры родства ерукала — этнической группы, обитающей в Центральной Индии. ТР были собраны автором в процессе полевой работы в деревне Уппугундур (р-н Пракашам, штат Андхра-Прадеш) в 2009 г., а также почерпнуты из работы К.Р. Редди «Динамика родства и брака» [Reddy 2001]. Эта работа индийского исследователя написана на материалах исследований 1989–1993 гг. в трех поселениях ерукала в штате Андхра-Прадеш: Каликири (р-н Чинтур), Коннепали (р-н Курнул) и в г. Нандял. Следует признать и подчеркнуть первенство индийского антрополога — телугу является его родным языком, а Индия — его родиной, поэтому он имел возможность возвращаться в поселения для уточнения данных. Мы используем собранные К.Р. Редди материалы, но анализируем их самостоятельно, часто игнорируя выводы индийского специалиста.

Также мы хотим привлечь внимание к двум вопросам:

1. Можно ли игнорировать приставки, указывающие на возрастные различия сиблингов, и признавать идентичными те термины, которые на самом деле таковыми не являются?
2. Можно ли рассматривать номенклатуру родства в целом, игнорируя различия в поколениях?

Ерукала: общие сведения

Ерукала расселены по всему штату Андхра Прадеш и по границам штатов Карнатака и Тамилнаду, а также в Махараштре, Керале и даже в Раджастане и Гуджарате. Этноним «ерукала» употребляется лишь в Андхра Прадеш. Это название произошло от слова *ерука*, означающего «предсказательница судьбы» (*ерука чепута*), одно из традиционных женских занятий у ерукала. В Тамилнаду ерукала называют *корава*, в северных штатах — *кайкари* [Naidu 1905], в Керале и Карнатаке — *корама*, или *корча* [Balfour 1857: 4–9]. Самоназвание этой этнической общности — *куру*. Так же называется и их прежний язык — *куру*, или *кулавата*. Но в настоящее время он практически не используется, и люди говорят на языках окружающего населения. Так, в Андхра Прадеш, где проводились исследования, основное население говорит на языке телугу, на нем говорят и ерукала.

Согласно переписи 1981 г., численность ерукала составляет 387 898 человек, что составляет почти 11 % от всей численности племенного населения штата (3 176 001). Две трети от общей численности расселены в прибрежном регионе (143 161), все прочие — в глубине штата. Больше половины от общего числа живут в сельской местности и лишь 6,13 % — в городах [Census of India 1981].

Около ста лет назад ерукала были кочевым племенем, что, вероятно, и обусловило столь широкое их расселение по Индии. Они промышляли торговлей солью и специями, плетением корзин и веревок, предсказывали будущее и заклинали змей, могли сделать татуировку, подрабатывали на свадьбах как музыканты или акробаты. Кроме этих традиционных промыслов, ерукала попадались на таких антиобщественных занятиях, как воровство или даже грабеж [Haikerwal 1934]. Британское правительство в акте от 1871 г. объявило племя криминальным, поскольку было не в состоянии отделить реальных преступников от всех прочих.

После обретения Индией независимости акт британского правительства о криминальных племенах был аннулирован, слово «криминальный» заменено на «регистрированный» (Notified), а позднее — на «означенный» (Denotified) и, наконец, на «списочный» (Scheduled). В этой категории «списочных племен» (Scheduled Tribes — ST) ерукала остаются до настоящего времени. По программе улучшения условий жизни племенного населения, ерукала были «посажены на землю» — расселены по окраинам деревень и городков, где они не только вернулись к своим традиционным ремеслам, но и были вынуждены осваивать новые. Это привело к определенным изменениям в их общественной, политической и религиозной жизни, хотя, вероятно, это мало затронуло ТР и правила взаимоотношений между родственниками.

История и методы изучения терминов родства Южной Индии

Изучение ТР у дравидов, к которым относятся и ерукала, начинается с работ Л.Г. Моргана, который первым обратил внимание на сходство СТР североамериканских индейцев с СТР тамилы и телугу: «Имея это открытие идентичности ганованских и тамильских систем, становится важным в дальнейшем тщательно их изучить и определить их структуру и принципы, исключив всякие сомнения или случайность» [Morgan 1871: 395].

Также значительный вклад в изучение СТР народов Южной Индии внесли французские исследователи Л. Дюмон и М.Б. Эмено [Dumont 1934], но наиболее фундаментальной и современной работой, которую мы будем использовать при анализе СР ерукала, является «Родство у дравидов» Т. Тротмана [Trautmann 1995].

Основой, относящейся к анализу различных номенклатур родства и имеющейся в нашем распоряжении, является работа «Социальная структура» Дж.П. Мердока [2003]. В этом труде он использует, помимо предложенных Л.Г. Морганом, еще несколько критериев, различающих СТР: пол, полярность и поколения. Мы оговорим действие этих критериев в выводах к настоящей работе.

Важно отметить, что термин, используемый в отношении того или иного родственника, предполагает соответствующее к нему (родственнику) отношение. Так, если термином «отец» называют и брата отца, и супруга сестры матери (как в случае с ерукала), то и поведение в отношении двух этих мужчин будет таким же, что и в отношении отца.

Терминология родства ерукала

В этой части мы опишем и рассмотрим ТР, используемые ерукала из четырех населенных пунктов: Коннепали, Каликири, Уппугундуру и Нандьял. Эти поселения различаются лишь степенью интеграции ерукала в общиндийский мир.

Сначала опишем все собранные в процессе полевой работы термины, добавим недостающие из источников, главным из которых будет монография К.Р. Редди, а затем попробуем выяснить, какая часть ТР была заимствована, а какая сохранилась из прежнего языка куру. Для наилучшего анализа всего собранного материала мы разделим номенклатуры по поколениям: старше и младше, чем эго. Под эго подразумевается мужчина, поскольку и общество ерукала патрилинейно, и исследования проводились мужчинами. Там, где необходимо, отмечаются различия в терминах. Также нужно отметить, что на всех схемах младший сиблинг расположен ниже старшего.

Поколения +3, +2 и +1

На схеме 1 отмечены старшие родственники эго. В квадратах указаны степени родства (например, ФуВ — младший брат отца) и ТР для каждого родственника, попавшего в схему. Без

круглой скобки указаны термины, полученные автором во время полевой работы, в круглой скобке — вариант К.Р. Редди для этого родственника из тех деревень, где он собирал свой полевой материал, но лишь в случае их несовпадения с вариантами из деревни Уппугундуру.

Первое, что сразу можно констатировать, не переходя к более глубокому анализу, — то, что представленная на *схеме 1* номенклатура классификационная, т.е. один термин употребляется по отношению к целой группе лиц, причем как при обращении к родственнику, так и по отношению к нему.

Поколение +3 и +2. В дальнейшем, исследуя ТР ерукала, мы будем анализировать поколения по отдельности. Отмечая, что применение терминов различается от поколения к поколению, мы рассчитываем обнаружить некую тенденцию, определяющую подход ко всей системе. Мы не претендуем здесь на новаторство, а лишь стремимся к большей четкости в описании.

В номенклатуре родства телугу прадеды и прабабки по любой из сторон называются *мутатта* и *мутава*, не разделяясь по сторонам отца и матери. Эти же термины используют и ерукала по отношению к прабабке и прадеду со стороны матери, для прадеда и прабабки со стороны отца используются термины *атуджеджава* и *атуджеджи*. Место приставки *мут-* занимает приставка *ату-* из языка куру, означающая, вероятно, то же, что в русском означает приставка *пра-*, мы встретим ее и в поколениях правнуков.

СТР в поколении +3 является бифуркативной, поскольку термины для стороны отца отличаются от терминов для стороны матери (FMF *атуджеджава*; MMF *атутатта*), но для определения различий по степени родственной удаленности от эго у нас недостаточно материала (мы не знаем достоверно, совпадает ли термин для брата прадеда с термином для прадеда).

Та же система сохраняется и в поколении +2; исчезает лишь приставка *ату-*. Термины для родителей матери — *тата* и *авва* (или *тата* и *аммамма*), а для родителей отца — *джеджава* и *джеджи*. Они представляются сохранившимися из языка куру и отражают деления сторон отца и матери, т.е. бифуркацию. Для определения критерия коллатеральности в этом поколении материала снова не хватает, и мы не знаем, называют ли брата деда тем же термином, что и деда. Можно лишь признать важным критерий бифуркации в поколениях +2 и +3.

Поколение +1

Специалисты считают номенклатуру в поколении +1, как, впрочем, и всю дравидийскую систему, бифуркативно-сливающей. Мы не вполне согласны с этим определением и попробуем ниже обосновать свои сомнения.

Критерий коллатеральности игнорируется, поскольку $F = FB = WZH$; $M = MZ = FBW$; $FZ = MBW = WM$; $MB = FZH = WF$. Эта система реципрокных терминов характеризует все СТР Южной Индии [Trautmann 1995: 49–54].

Родители кросскузена фиксируются приставкой *мена-*, означающей родственника, по линии которого может быть заключен брак. Так, сестра отца (*атта*) в материалах К.Р. Редди становится *менатта*, а брат матери (*мама*) — *менамама*. Приставка *мена-* указывает на возможное продолжение биологического родства родством по браку. Мы встретим эту приставку и в следующих поколениях.

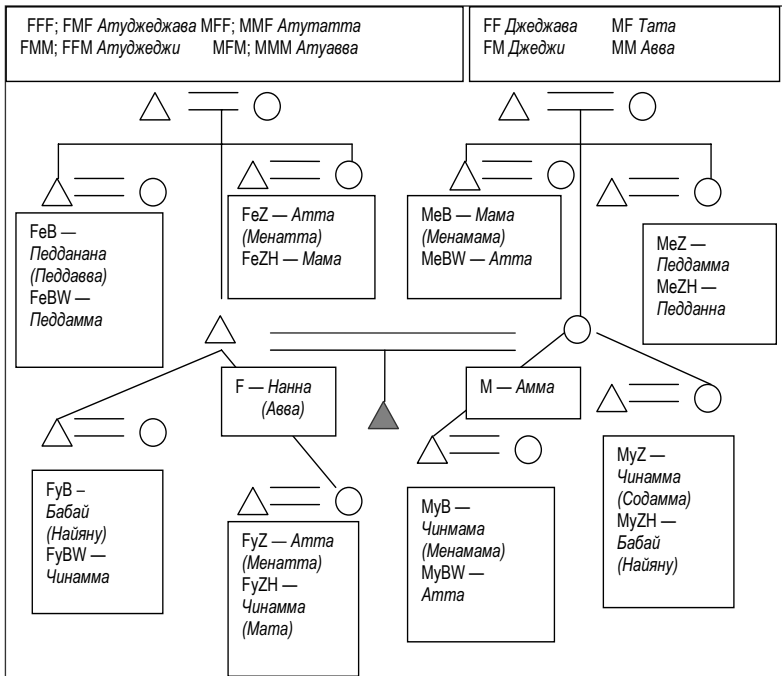
Важным элементом номенклатуры родства в поколении +1 является разделение группы родителей согласно их относительному возрасту. Слово *педда-* ('старший') служит для определения старшего сиблинга; *чина-* ('младший') или *сода-* определяют младшего, и эти слова добавляются как приставки к основному термину, несколько изменяя его.

Так, для отца используется термин *нанна* из языка телугу, или *авва* из языка куру. При этом термин для отца и его старшего брата один и тот же, а добавление *педда-* как приставки означает лишь его старший возраст. По правилам слияния слов в дравидийских языках (правила сандхи), старший брат отца становится *пéдданна* (*педдава*), с ударением на первый слог, и этот же термин используется и по отношению к мужу старшей сестры матери.

Мать — *амма*, так же и ее сестры, но с приставками *педд-* и *чина-*, и те же термины используются и по отношению к женам брата отца соответственно их возрасту. То есть можно сказать, что система сливающая и не указывающая на терминологическое различие степени родства, поскольку корень *нанна* остается в термине *педданана*, а корень *амма* — в терминах *педдамма* и *чинамма* (*содамма*).

Но по отношению к младшему брату отца используется либо воспринятый из телугу термин *бабай*, либо *найяну*, вероятно, из языка куру. Какой бы термин ни использовался, им же называют

Схема 1

мужа младшей сестры матери. Этот термин для него никак не вписывается в «сливающую» схему.

Возникает ситуация, когда номенклатура не укладывается в существующие модели, хотя и является распространенной: и в телугу *анна* (F)–*педдана* (FeB)–*бабай* (FuB), и в тамильском *анпан* (F)–*перияппан* (FeB)–*тинси* (FuB) или *тампи* [Trautmann 1995: 44] термин для отца и его старшего брата указывает на сливающую терминологию, а для отца и младшего брата — на коллатеральную.

Исследователи часто игнорируют приставки, указывающие на относительный возраст, как и термин для младшего брата, в связи с тем что «приставки демонстрируют лишь различия в возрасте, и ничего кроме этого» (см.: [Trautmann 1995: 37; 46–47]). Но если люди склонны прибавлять префиксы, отделяя тем самым один термин от другого, то для них в этом есть смысл и можно сказать, что термины *педдана* и *нанна* все же различаются, как и *педдамма* с *амма*. Если обратить внимание на фо-

нетику слов, а не на их морфологию, то станет ясно, что слово *амма́* (с ударением на последний слог) уже заметно отличается от слова *пéддамма* (с ударением на первый слог), как отличается и интенсивность их произношения. А если взглянуть с позиции включенного наблюдателя, то можно заметить, что люди часто говорят просто «*педда*» в адрес старшего сиблинга любого из родителей; также и в отношении младшей сестры матери, которую в реальной жизни часто называют просто «*чина*».

Мы подошли к различному употреблению термина в качестве апеллятива и как референтивного обозначения. Если человек говорит о своем родственнике с третьим лицом, то он скажет (скорее всего) полный термин — *педданна* или *чиннамма*, но, обращаясь к родственнику или разговаривая с ним, может и сократить термин, подчеркнув лишь возрастную характеристику. Хотя, разумеется, частота подобных сокращений зависит от семьи и правил в ней, от конкретной ситуации или настроения человека. Но важен факт, что сокращается вторая часть термина, и брата отца не всегда называют отцом, также как сестру матери матерью — чаще их называют «старшим» или «младшим». А отдельный термин для младшего брата отца лишь подтверждает важность подобного разделения сиблингов родителей — и традиционный термин *найяну* из языка куру, и употребляемый ныне термин из телугу (*бабай*) совсем не схожи с термином для отца (*нанна* или *авва*).

Видимо, важен именно факт старшинства персоны относительно родного отца, и в этом можно найти здравый смысл. Именно старший брат является наследником имущества и главой семьи. Возможно, что традиционно власть и авторитет старшего мужчины в семье настолько велики, что требуют фиксации термином. Во всяком случае приставки *педда-* и *чинна-* не используются в отношении сестер отца и братьев матери, чей возраст не имеет никакого значения в отношении их главной функции — быть родителем кросскузена (предпочтительного супруга).

Итак, возможно два пути. Если признать, что возможность употребления сокращенного термина как апеллятива к нескольким родственникам не дает достаточно прав для того, что бы однозначно указать на критерий коллатеральности в поколении родителей эго, и, следуя общепризнанным исследованиям, проигнорировать приставки и полевой материал, то можно при-

знать номенклатуру терминов в поколении +1 бифуркативно-сливающей. Но если учитывать их, и в этом, возможно, и будет заключаться новаторство настоящей работы, и не пренебрегать лексическими дополнениями (как и отдельным термином для младшего брата отца), то группировку ТР в поколении +1 нужно признать бифуркативно-коллатеральной.

Поколения 0, -1 и -2

На *схеме 2* приведены термины для поколения эго и младше. Из старшего поколения в схему попали родители жены, все прочие термины распределяются между кузенами, сиблингами и супругами последних, детьми, внуками и правнуками.

На *схеме 2* не используются приставки *педда-* и *чина-*, хотя разделение сиблингов и кузенов относительно их возраста сохраняется, каждый родственник имеет независимый термин. В поколениях младше эго подобное разделение по возрасту исчезает.

Поколение 0. В номенклатуре ТР в телугу $MBD = FZD = BW = W$; эта логика сохраняется и в отношении мужчин: $MBS = FZS = ZH = H$, хотя в некоторых случаях термины находятся в зависимости от пола говорящего. Такая формула верна для всей Южной Индии, отражая правило брака с кросскузеном, ее хорошо видно на *схеме 2*.

Критерий родственной близости (коллатеральность) в основном игнорируется, и можно заметить, что среди сиблингов и кузенов, старших по возрасту, чем эго, существует следующий порядок:

Анну — $FBS = MZS = eB$;

Акка — $FBD = MZD = WBW = eZ$;

Мама — $FZS = MBS = WB = eZH$;

Нанга — $FZD = MBD = WeZ = eBW$.

А среди младших по возрасту:

Темби — $FBS = MZS = yB$.

Тангиси — $FBD = MZD = yZ$;

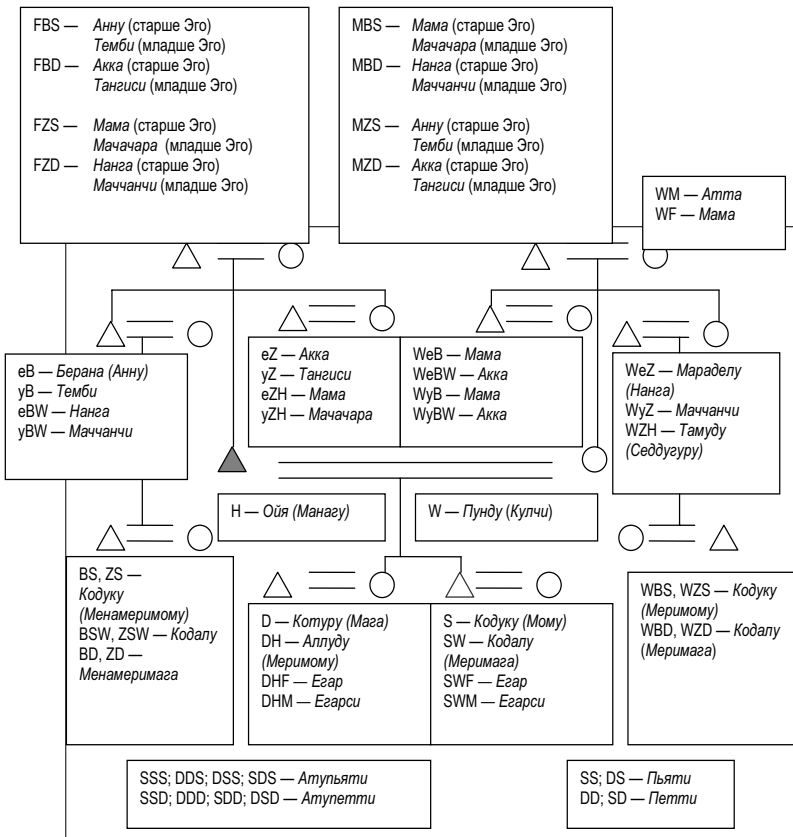
Мачачара — $FZS = MBS = yZH$;

Маччанчи — $FZD = MBD = WyZ = yBW$,

и на этом основании можно говорить об игнорировании критерия коллатеральности ($FBS = B$) — номенклатура ТР в поколении эго сливающая.

Термины для старших несколько более распространены — так, термин для старшей сестры используется и по отношению супруге брата жены (т.е. старший брат жены состоит в браке

Схема 2

со старшей сестрой). Зеркально термин для брата жены является общим с термином для мужа старшей сестры (т.е. старшая сестра замужем за братом жены своего брата). Вообще термин *мама* очень популярен у ерукала — он используется по отношению к четырем категориям родственников в поколении 0 и к трем (MB, FZH, WF) — в поколении +1. Вероятно, он имеет яркий эмоциональный оттенок, выделяя группу старших по возрасту мужчин, отношения с которыми очень близкие — они и родственники, и свойственники одновременно.

Разделение TP по линиям родства и свойства ($eB \neq WeB$; $eZ \neq WeZ$; $yB \neq WyB$; $yZ \neq WyZ$) позволяет заключить, что вся номенклатура родства в поколении эго бифуркативно-сливающаяся.

Поколение –1. Сына называют *кодуку*, а дочь — *котуру*. Эти термины пришли из языка телугу. К.Р. Редди приводит свои термины, заимствованные ерукала из языка каннада (термин *мага* для дочери) или сохранившиеся из языка куру (термин *мому* для сына). Термины эти классификационные и применяются (по материалам К.Р. Редди) ко всем без исключения родственникам в поколении –1 с добавлением лексического компонента или компонентов. Так приставка *мери-* означает ‘второй или другой’ [Reddy 2001: 304] и применяется к любому из сыновей и дочерей сиблингов (родных или по браку). Таким образом, дети сиблингов жены становятся *меримому* и *меримага*. Для того чтобы терминологически различать линии родственников и свойственников, используется приставка *мена-*, которая означает родство через любого сиблинга. Как мы видели в поколении +1, брат матери называется *менамама*, а сестра отца — *менатта*, и по этому же принципу ко «второму» сыну или дочери добавляется лексический знак, указывающий сторону, по которой ребенок стал родственником. Таким образом, сын сиблинга становится *менамеримому*, а дочь — *менамеримага*.

Супруги детей называются либо терминами из телугу (SW — *кодалу*; DH — *аллуду*), либо тем же термином, что и ребенок сиблинга по матери; вероятно, это является не столько следствием кросскузенного брака, сколько функцией супруга ребенка и отношения с ним — он тоже «второй» сын или дочь.

Здесь мы снова подошли к вопросу: можем ли мы игнорировать приставки и лексические знаки? Приставки *мери-* и *мена-* используются ерукала именно для обозначения бифуркации и коллатеральности, именно для различения линии свойственников и родственников и линий близости и удаленности. Вероятно, это аналогично русскому слову «двоюродный» — мы используем его именно для различения удаленности родственника, и отношение и поведение по отношению к родному и двоюродному, например, брату, различные. Если в языке нет отдельных терминов, разделяющих родственников по категориям, но используются приставки или любые иные лексические компоненты, служащие той же цели, то, вероятно, их следует принимать во внимание, тем более что в процессе полевой работы неоднократно приходилось слышать обращение «мена» в адрес ребенка (но не «мери» — вероятно, дети сиблингов супруги живут в других деревнях).

В этом случае номенклатуру в поколении –1 нужно признать бифуркативно-коллатеральной, поскольку термин для родного сына (*мому*) отличается от термина сына брата (*менамеримому*) и от сына брата жены (*меримому*), то же верно и в отношении дочери.

Так же, как *чина-* и *педда-*, приставки *мери-* и *мена-* пришли из языка телугу. Если приставки проигнорировать, то определение должно измениться и можно признать номенклатуру генерационной и действующим лишь критерий пола.

Поколение –3

Сохраняется система поколения –1, но исчезают приставки *мери-* и *мена-*. Термины для внука — *петти*, для внучки — *пьяти* (на телугу *менамаду* и *менамараду* соответственно); для правнуков — *атупетти* и *атупьяти* вне зависимости от линии и степени родства. По утверждению К.Р. Редди, они пришли из тамильского языка и куру соответственно. Номенклатура в поколениях –2 и –3 генерационная и учитывается лишь признак пола.

Рассмотрим и прочие критерии.

Критерий поколений. Термины, использующиеся в различных поколениях, разнятся между собой. В альтернативных поколениях +3 и –3 (прадеды и правнуки) схожи приставкой *ату-*, в поколениях деды и внуки (+2 и –2) никакого сходства в терминах нет. Во всех прочих поколениях термины не схожи; так, термин для брата отца отличается от термина для родного брата, а термин для сына — от термина для внука и т.д.

Можно заметить, что термины в поколении дедов схожи с терминами в поколении прадедов. Так же и термин *мама*, как мы видели, применим и для брата матери (MB), и для мужа сестры отца (FZH), и для отца жены (WF), принадлежащих к поколению +1, и для брата жены (WB), и сына сестры отца (FZS) и сына брата матери (MBS), а также для мужа старшей сестры (eZH), принадлежащих к поколению эго.

На основании этого мы можем сказать, что принцип поколений не учитывается как важнейший и может либо использоваться, либо нет.

Критерий пола. Этот критерий в полной мере используется в терминологии ерукала. Нет ни одного термина ни в одном поколении, который одновременно применялся бы и к мужчине, и к женщине. Единственным исключением стоит полагать

термин для родителей ребенка эго (SWF, DHF — *егар*; SWM, DHM — *егарси*), различающийся лишь окончанием *-си*. Но поскольку никто из крупных ученых, исследователей данного вопроса, не рекомендует нам игнорировать окончания так же, как приставки, то мы можем признать эти термины различными.

Критерий полярности. Этот критерий может игнорироваться или приниматься во внимание в зависимости от конкретных случаев. Так, если старший брат обращается к младшему, то использует термин *темби*, а тот отвечает ему, используя термин для старшего брата (*анну*). Можно найти большое количество подобных примеров.

Выводы

Мы рассмотрели всю СТР ерукала по поколениям и вправе сделать некоторые выводы. Кратко повторим все важнейшие критерии для номенклатуры родства у ерукала.

Критерий бифуркации подчеркивается в поколениях +3, +2, +1, 0, -1 и игнорируется в поколениях -2, -3. Вероятно, это можно объяснить унилинейным счетом родства, теряющим значение в поколении внуков. Игнорируется бифуркация и в терминах для кузенов — так, FBS = MZS и FZD = MBD. Здесь определяющим является правило кросскузенного брака.

Критерий коллатеральности остается спорным моментом. В трудах известных во всем мире специалистов этот критерий не признается существенным, и лексические компоненты, отделяющие, например, отца от его брата, игнорируются как несущественные. Мы предположили, что этот критерий важен для ерукала, в противном случае зачем нужны эти «компоненты»? Вероятно (поскольку приставки восприняты из языка соседей), ранее они действительно игнорировались, но со времен санскритизации Центральной Индии наследование имущества приобретает большее значение. Становится необходимым отличать старшего от младшего.

Критерий относительного возраста является важным в поколениях +1 и 0, но игнорируется в поколениях детей, дедов и внуков. Поведение по отношению к младшему сильно отличается от отношения к старшему, и в этом, вероятно, кроется причина различий в терминах для сиблингов; различие терминов для сиблингов родителей происходит, возможно, по той же причине — дети должны повторять поведение своих родителей.

Отсюда следует и несколько шутовское поведение с младшим братом отца — *бабай* иногда лишь на пару лет старше.

Критерий поколений игнорируется лишь в одном случае — термин *мама* используется и в поколении родителей, и в поколении эго. Возможно, это объяснить тем, что «теща мой лучший друг — она дала мне жену». Линия поведения с мужчинами по линии жены (или матери) характеризуется большой приветливостью, уважением и обязательным гостеприимством.

Все прочие критерии не кажутся существенными, и в заключении мы лишь добавим, что, хотя метод, предложенный здесь, и является спорным, он дает лучшее представление об отношениях внутри этнической группы, демонстрируя не только традицию, но и динамику изменений, неизбежно происходящих в любом обществе.

Мердок 2003 — *Мердок Дж.П.* Социальная структура. М.: О.Г.И., 2003.

Balfour 1857 — *Balfour E.* The Migratory Races of India Madras // Journal of Literature and Science. 1857. Vol. XVII.

Census of India 1981 — Census of India. Series 2. Part IX (IV): Special Tables for Scheduled Tribes. New Delhi, 1981.

Dumont 1934 — *Dumont L.* The Dravidian Kinship Terminology as an Expression of Marriage // Man. 1934. Vol. 53.

Haikerwal 1934 — *Haikerwal Bijoy Sankar.* Economic and Social Aspects of Crime in India. L.: Allen & Unwin Ltd., 1934.

Morgan 1871 — *Morgan L.H.* Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family. Washington, 1871.

Naidu 1905 — *Naidu Papa Rao.* Korawas, Erukakas or Kaikaries. Madras: Madras Gov. Press, 1905.

Reddy 2001 — *Reddy K.R.* Dynamics of Family and Kinship. New Delhi: Commonwealth, 2001.

Trautmann 1995 — *Trautmann T.R.* Dravidian Kinship. New Delhi: Vistaar Publ., 1995.

А.Ю. Сиим

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА У АФРОБРАЗИЛЬЦЕВ*

Члены общин распространенных в Бразилии синкретических культов африканского происхождения типа кандомбле объединены своего рода фиктивными родственными связями, выражаемыми в языке рядом специальных слов-терминов. Феномены и отношения, стоящие за этими простыми на первый взгляд наименованиями, являются системообразующими элементами общественного уклада, жизнеобеспечения и духовной жизни больших масс населения. Они заставляют с собой считаться даже посторонних людей, разделяющих жизненное пространство с последователями афробразильских культов. Косвенно это подтверждается и тем, что при изображении афробразильского общества в беллетристическом формате невозможно корректно описать индивидуальные судьбы персонажей и построить сюжеты, обойдя вниманием их связь с культовыми практиками. Подобные системы отношений актуальны и для ряда других синкретических культов африканского происхождения в странах Северной и Южной Америки.

Кандомбле — одна из важнейших разновидностей афрохристианского синкретизма — ведет происхождение из первой исторической столицы Бразилии — Салвадора, ныне столицы штата Баия, более 80 % населения которого имеют африканские корни. В Бразилии существует несколько типов синкретических религий с африканскими элементами; сам термин «кандомбле» условен и объединяет многие виды ритуальных практик разных по происхождению этнокультурных общностей. В основе кандомбле лежит поклонение африканским божествам — *ориша* (наго (йоруба)), *вудунам* (жеже), *инкиси* (конго-ангола), синкретизированным с католическими святыми. По удачному выражению Ж. Амаду, знаменитого писателя и знатока практик кандомбле, святые представляют собой как бы alter ego африканских божеств («Йансан надела грозовую мантию святой

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (проект № 12-06-00074 «Новый этногенез: опыт комплексного исследования процессов этнокультурной миксации и конструирования этничности в эпоху глобализации», рук. д.и.н. В.А. Попов).

Варвары, своего alter ego, и взошла на борт баркаса...» [Амаду 2010б: 376]). В массовом сознании стереотип кандомбле сводится в основном к кандомбле *кету*, имеющему йорубское происхождение и исторически более позднему.

Тем не менее именно кандомбле воспринимается и даже пропагандируется как основа современной духовно-культурной жизни бразильцев, а Салвадор называют «Черным Ватиканом». Во многом это оправдано тем, что это, действительно, результат сложного векового синтеза европейской, африканской и индейской культур и в определенном смысле духовный символ единения Бразилии. Первые крупные историки и культурологи Бразилии начинали свои исследования именно с феномена креолизованной городской культуры Салвадора — как результата процессов интеграции представителей разных этнорасовых общностей в пространстве административного и религиозного (католического) центра крупнейшей португальской колонии, а впоследствии — центра борьбы за независимость Бразилии.

Последователи кандомбле воспринимают себя как povo de santo ('люди святого') и причисляют себя к определенным региональным течениям, которые различаются прежде всего по именам и функциям божеств пантеона, музыкальному языку ритуальных барабанных ритмов и сакральному языку. Это *кету* (язык йоруба), *жеже* (язык фон), *банту* или *ангола* (языки киконго и кимбунду); существует еще ряд течений, в названии которых не отражено историческое происхождение. Однако эти дефиниции не являются в полной мере названиями этнических, а также этноконфессиональных или этнокультурных объединений. Дело в том, что, как и для каждого выходца из Африки, не всегда можно в точности проследить этническое происхождение. На это ясно указывает в том числе факт, что за самоназвание этнокультурной группы в Бразилии берется понятие, которое в самой Африке будет либо ее экзоэтнонимом, либо названием ее субэтнуса, либо будет относиться к другой этнической общности. Тем более что имеет место несовпадение названий самой группы и языка.

К этому явлению отчасти подходит определение «псевдоэтнос», однако данное «псевдоэтническое» понятие распространяется на принадлежность к культу и сакральный язык. Хотя стоит учитывать, что для последователей и исследователей кандомбле это прежде всего «культ предков», а не религия; подоб-

ное отношение стимулирует поиск этногенетических истоков, характерным свидетельством чего являются активные контакты отдельных групп с соответствующими регионами Африки под лозунгом восстановления исторических корней.

В Салвадоре насчитывается более тысячи домов кандомбле, называемых *каса* ('дом'), *террейро* ('двор', 'площадь'), а также *иле аше* ('дом (присутствия позитивной духовной) энергии'). Внутренняя организация домов имеет иерархическую структуру, выраженную в ТР. Во главе каждого дома стоят т.н. *mae de santo* и *pai de santo* (матери и отцы «святых», т.е. божеств пантеона). Эти названия — португальская калька с языка йоруба: *ийалориша* ('мать божества') и *бабалориша* ('отец божества') называются служители культов божеств-ориша в ареале проживания йоруба. Не исключено влияние католической традиции обращения к духовным лицам («святой отец» и «святая мать» (к монахиням)) и обращения самих священников к окормляемым ими духовным чадам — «дочерям» и «сыновьям». Как показывает документированная история наиболее старых домов, изначально в роли «жрецов», или «распорядителей ритуала», выступали женщины. Это отчасти объясняется особенностями распределения обязанностей в среде рабов в колониальном обществе, где ответственными за передачу культурных и сакральных традиций из поколения в поколение становились женщины, в то время как мужчины были заняты в производственной сфере. В то же время у йоруба в Африке рядом культовых практик заведуют именно женщины старшего поколения, являясь при этом также объектом почитания, как, например, в «тайном» обществе *геледе*. Традиционно положение матери святого выше, чем у отца святого. Однако в современных условиях в некоторых домах кандомбле может быть наоборот. Среднее звено иерархии составляют младшие жрецы — инициированные последователи культа, *filhos de santo* ('сыновья святого') и *filhas de santo* ('дочери святого'). Они воспринимаются так же, как духовные дочери по отношению к матери святого либо как сыновья по отношению к отцу святого. Их посвящению предшествует долгое, порой многолетнее, обучение культовым практикам. Кандидатов в посвященные назначают старшие жрецы, руководствуясь благословением святых. Глава дома переизбирается посмертно из числа дочерей (или сыновей) святого. Формально новый жрец определяется путем традиционного гадания на раковинах каури (восходящего к древним практикам йорубского гадания

ифа), однако важную роль играют и находящиеся вне ритуальной сферы личные предпочтения предыдущего главы дома, и общественное мнение. Точно так же длительность приобщения к числу посвященных, как удалось узнать, часто сокращается в несколько раз благодаря личным связям. Это косвенно подчеркивает социальный престиж статуса сыновей и дочерей святого (не говоря уже о статусах матери или отца святого). Титул отца и матери святого является маркером высокого статуса не только в среде последователей кандомбле, но и за ее пределами. В бытовом сознании «негритянские жрецы» наделяются большим могуществом, чем католические священники. Это хранители традиционного знания, своего рода представители высшего духовенства, лица, отвечающие за регулирование процессов жизнеобеспечения общества, непочтительное отношение к которым имеет негативные последствия.

Некоторые дома кандомбле в Салвадоре и его пригородах могут иметь дополнительное название *irmandade* (соответственно 'братство' или 'сестринство'). Хотя исторически это название связано с католическими миссионерскими организациями, в современном понимании оно характеризует отношения «фиктивного» духовного родства между последователями культа — братьями и сестрами по отношению друг к другу, представителями младшего поколения по отношению к матери или отцу культа.

В обязанности жречества входит подготовка к *festa* (праздничным церемониям) — приготовление еды и ритуальной одежды, обряды, направленные на благополучный исход церемонии, исполнение танцев и песнопений во время публичных праздников, главная цель проведения которых — пришествие божеств в результате хвалебных призывов, подтверждающее благосклонность божеств и предков. Проще говоря: если божества посетили дом — значит, жизнедеятельность сообщества здесь и сейчас им угодна. Явление *ориша* сопровождается впадением в транс некоторых посвященных — это и есть воплощение в человеке божества, сыном или дочерью которого он признается.

На уровне названия духовное родство в доме кандомбле определяется по отношению к божеству. В прямом смысле это, вероятно, преимущественно лингвистическое понятие, буквальный перевод с языка йоруба. Тем более что исторически оно возникло в среде, считавшейся маргинальной. Несомненно, под словом *ориша* подразумевается не вполне то же самое, что под словом «святой», особенно с точки зрения европейской

науки. Да и в синкретическом сознании при соотношении этих двух понятий их «означаемые» тесно соотносятся, но вряд ли совпадают. Отношения же между поколениями посвященных имеют признаки фиктивного родства. Младшие и старшие члены иерархии — родственники как бы через божество или посредством святого. Сын или дочь — это пассивное начало, тот или та, в кого вселяется божество. Мать или отец — активное начало, отчасти способное влиять на явление божества и направлять его движение. Характер отношений также сводим к специфике фиктивного родства. Кандидат на посвящение приобщается к ритуальным практикам в течение долгого времени, в отрыве от кровных родственников, под контролем матери или отца святого, во многом заменяющего обычную семью. Важную роль в обучении играет не только приобретение традиционных знаний, но и ряд психотехник, пищевых и сексуальных табу. Что характерно для многих эзотерических практик, распространённым явлением становятся однополюсные связи между старшими и младшими служителями культа как способ материализации передачи духовного знания. Природу их могут трактовать в русле архаических пластов сознания, находя параллели с ритуальным гомосексуализмом в африканских традиционных культах; этот феномен объясняют и крайней маргинализацией кандомбле в прошлом, а также негативным влиянием современной массовой культуры. В любом случае в настоящее время он воспринимается как социальная проблема, в том числе в связи с патриархальностью жизненного уклада Бразилии в целом.

На поверхностных профанных уровнях кандомбле является довольно открытой системой. В нее могут быть вовлечены участники со стороны. В общинах распространено почетное членство — институт так называемых *оганов*, или непосвященных и не соблюдающих в полной мере правила и предписания системы, но уважаемых за свои личные качества и заслуги. Естественно, их начинают воспринимать в связи с тем или иным святым. Практически любой человек потенциально является сыном или дочерью того или иного ориша, и довольно легко определить, признаки какого божества/святого у него наличествуют и, следовательно, кто из них ему покровительствует, у кого в случае необходимости надо просить заступничества. Большинство населения, не являющегося непосредственными членами общин кандомбле, находится в состоянии такого рода полупричастности к культу. Это является своего рода услови-

ем нормального существования в сообществе, где господствует мировоззрение кандомбле. Посторонних могут называть сыном или дочерью ориша, но это будет профанным словоупотреблением, которое можно расценивать не более чем знак симпатии. В практиках кандомбле покровительство того или иного *ориша* — нечто большее, чем заступничество святых угодников в католичестве: родство со святым воспринимается не метафорически, а буквально и подразумевает духовную и физическую связь с ним. ТР, фигурирующие в практиках кандомбле, отражают, по сути, лишь уровень старшинства принадлежности и причастности божеству. В языковом плане это отношение может выражаться не только через конкретные специальные наименования, но и через принадлежность посредством родительного падежа либо даже в виде второго имени: Андреа де Ошун, Дионизия Ошосси, Карен Жанаина (Жанаина — одно из имен божества океана Йеманжи). Вселение божества в человека, впадающего в состояние транса в процессе церемонии, может описываться и восприниматься через «брачные метафоры», а также как отождествление этого человека с ориша. Таким образом, божества могут вступать и в брачные отношения со своими «сыновьями» и «дочерьми»; и некоторые среди дочерей и сыновей святого являются его фаворитами. Это считается признаком особого благоволения со стороны ориша и достигается с помощью ритуально верного образа жизни и за счет личной харизмы. В качестве примеров здесь будут уместны цитаты из светской литературы, в данном случае из романов классика «мистического реализма» Ж. Амаду [2010а: 256]:

«...Ошосси утром скакал на вепре, ночью — на белой лошади, а на рассвете — верхом на Дионизии, самой красивой из его дочерей, самой любимой»; «Дионизия торопилась вернуться на жертвенную площадку, где под грохот барабанов Ошосси требовал свою любимую лошадь».

Хотя во время ритуальных танцев в террейро впадающий в транс участник действия уже не является ни сыном или дочерью, ни отцом или матерью святого; в восприятии присутствующих перед ними предстает само божество. Поскольку оно способно одновременно вселиться в нескольких сыновей и дочерей («Шесть Йансан танцевали в тот день на рынке...» [Амаду 2010б: 342]), его могут именовать по принципу обратной принадлежности, по именам тех, в кого оно вселилось (Йансан-де-Адалжиза, Ошала-де-Жилдете и т.д.).

Мир людей и мир святых тесно переплетены; как обычное явление воспринимается своего рода двоемужество. Например, когда у дочери святого, кроме законного мужа, имеется божественный сожитель — а именно ее *ориша*, либо когда у женщины есть два мужа среди *ориша*:

«Однако, по четкому мнению Алмерио, понимающему в этих хитросплетениях, вполне возможно, что это был не первый раз, когда в постели новобрачных случалось бывать *ориша*, которые наставляли ветвистые рога как мужьям, так и возлюбленным. Вот, например, случай с Эуженией, торговкой мингау у Семи Ворот, надо сказать, замужней. Бог Шанго не удовлетворялся, посещая ее по пятницам, и запретил ей всякие сношения с мужем. Рогоносец согласился. А вот с Дитиньей был смех и грех. Влюбился в нее Ошала и не вылезал из ее постели, но, как только он уходил, приходил Нанья Буроко и бил ее что есть мочи. Ах, эти невидимые миру побои, кто их получал, знает, как они крепки, заключал Алмерио, которого слушали с уважением и вниманием» [Амаду 2010в: 357].

Ошибка перевода во второй части данной цитаты искажает правильное понимание ситуации. «Нанья Буроко» — Нана (Нана Бурукэ, Анамбуруку) — это на самом деле женское божество. Ее обычно представляют в образе старушки и почитают как мать всех *ориша* и супругу отца всех богов Ошалы. Таким образом, речь идет о проявлениях ревности Наны к «небожественным» возлюбленным мужа. Здесь уместно говорить как об аналогиях с мифологическими универсалиями (например, античными сюжетами о мстительной ревности матери богов и людей Геры), так и о корреляциях с бытующими у многих народов Западной Африки традиционными представлениями о наличии у каждого человека т.н. «духовного» супруга в мире духов, помимо обычного мужа либо жены.

Божества-ориша, почитаемые в кандомбле, объединяются в пантеон, где между ними существуют кровнородственные и брачные связи. Необходимо заметить, что изначально имена африканских ориша — это имена гениев места и названия природных сил, переосмысляемые как названия персонифицированных существ в космогонических легендах. В одной из глав культового романа У. Эко «Маятник Фуко» жрица кандомбле — мать святого — объясняет, что под именами ориша подразумеваются скорее не боги как таковые, а силы и энергии. Тем не менее представления об ориша как о пантеоне — большой семье персонифицированных божеств, причем семье с непростыми взаимоотношениями — достаточно сильно укоренены

в сознании последователей кандомбле. Более того, в гаданиях и магических ритуалах фигурирует испрашивание воли разных ориша, где часть их может дать положительный ответ и санкцию на дальнейшие действия, а часть — нет. Так, сложные отношения и разделение «мнений божеств» может значительно затруднить для жреца выбор решения в возникшей ситуации. В связи с этим возникает вопрос об отражении родства и отношений самих ориша в том виде, как их представляют себе последователи, на родственных связях их сыновей и дочерей. Вряд ли в отсутствии конкретных данных по этому поводу можно утверждать, что люди, совпадающие по принадлежности божеству, образуют определенные группы, в отношении которых работают предпочтения либо запреты на социальные роли и брачные отношения. И все же нельзя отрицать элемент зависимости, пусть вторичной и несистематичной, между родством с *ориша* и местом индивида в социальных и семейных конфигурациях. Причисление человека к сыновьям или дочерям ориша носит индивидуальный характер. Причастность к тому или иному божеству однозначно определяет или, скорее, подразумевает профессиональные и характерологические установки, которые могут реализоваться в жизни человека и, оказавшись реализованными, лишь подтверждают его принадлежность к определенному ориша. Так, люди, ведущие асоциальный образ жизни, ассоциируются с Эшу, ориша-трикстером, божеством перекрестков дорог, случая и непостоянства, синкретизированным с христианским дьяволом. Европейцы и местные жители, склонные к европеизированному образу жизни и имеющие престижные профессии, например врачи, адвокаты, священники, ассоциируются с верховным божеством миропорядка Ошалой, обычно синкретизируемым с Иисусом Христом. В романе Ж. Амаду «Дона Флор и два ее мужа» кума главной героини, последовательница кандомбле, рассказывает об Ошун, божестве одноименной реки в Нигерии, богине рек и пресных вод, а также любви и красоты: «Достаточно сказать, что она была замужем за Ошосси и Шанго...» [Амаду 2010а: 235]. В этом контексте обозначается ассоциация главной героини с Ошун и предсказывается ситуация с ее «двоемужеством», вокруг которого построен весь сюжет книги. Вообще мужья доны Флор не были сыновьями Ошосси и Шанго; их святыми считались соответственно Эшу (синкретизируемый с дьяволом) и Ошала (синкретизируемый с Иисусом Христом), и это является своего рода

сюжетной метафорой, показывающей, как главная героиня оказалась в ситуации «между Богом и дьяволом».

Связь с одним и тем же божеством определенно является дополнительным преимуществом в плане индивидуальной брачной совместимости. Сыном и дочерью богине Йансан приходятся главные герои романа [Амаду 2010в]. Герой — Жануарио — *оган* Йансан, героиня — Тереза Батиста — по ходу повествования осознает в себе наличие признаков сопричастности Йансан и становится ее дочерью. Родство по ориша однозначно предопределяет благополучное и, главное, удобное их божеству развитие отношений персонажей, закончившееся браком: во время гадания *ифа* по поводу перспективы счастливого воссоединения героев жрица *ийалориша* говорит Терезе: «Не беспокойся ни о себе, ни о нем. Янсан могущественна, а Жануарио — ее *оган*» [Амаду 2010в: 436]. При привлечении непосвященных к практикам кандомбле — а таковое нередко происходит как по собственной воле человека, так и по причине личной заинтересованности в нем кого-то из последователей — может иметь место своего рода программирование на покровителя-*ориша*. Оно, возможно, осуществляется именно ради достижения конфигурации отношений по аналогии с миром божеств и поэтому субъективно воспринимается как удобное *ориша*:

«Погоди, а кто же твой святой? Больше всего тебе подходит Ошала, но я бы хотела, чтобы им стал Шанго. — Почему? — Потому что Шанго — муж Йансан. <...> — Ах, Патрисия, Шанго я или нет, священнику жениться нельзя!» [Амаду 2010б: 304–305].

Принадлежность тому или иному божеству может передаваться из поколения в поколение, обладая, таким образом, чертами своего рода социально-генетической предрасположенности:

«Это маленькая история об Адалжизе и Манеле, а также об иных плодах, которые дала любовь испанца Франсиско Ромеро Перес-и-Переса к темнокожей мулатке Андресе де Анунсиасан, красавице Андресе де Йансан... Вот на этом и кончается история про Адалжизу и Манелу, дочь и внучку кастильца Пако Переса-и-Переса и негритянки Андресы, история тетушки и племянницы, дочерей богини Йансан...» [Амаду 2010б: 376].

Амаду 2010а — Амаду Ж. Дона Флор и два ее мужа. М., 2010.

Амаду 2010б — Амаду Ж. Исчезновение святой. М., 2010.

Амаду 2010в — Амаду Ж. Тереза Батиста, уставшая воевать. М., 2010.

Г.В. Дзибель

**АННОТИРОВАННАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПО РОДСТВУ,
СИСТЕМАМ РОДСТВА, СИСТЕМАМ ТЕРМИНОВ РОДСТВА,
СЕМЕЙНО-РОДОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И БРАКУ
(с добавлениями литературы на языках
бывшего Советского Союза и Болгарии), 1835–2012**

Библиография и историография

Дзибель Г.В. Аннотированная библиография научных трудов по родству, системам родства и системам терминов родства на русском языке (с добавлением литературы на языках бывшего Советского Союза, опубликованных в 1845–1995 гг.) // АР-2. С. 214–283.

Зеленин Д.К. Вопросы доклассового общества. М.; Л., 1936. С. 913–960. (С. 952, 959–960 — по поводу работ А.Н. Максимова, П. Лавровского, П. Ерусланова, И.А. Бодуэна де Куртенэ о СР).

Кисляков Н.А. Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов (По материалам Средней Азии и Казахстана) // СЭ. 1967. № 5. С. 92–104.

Учебные пособия

Иванов Е.Ю., Букин А.Г. Брак, семья, родство: учеб. пособие. Чита: Читинский гос. ун-т, 2004.

Калистратова Э.А. Основы науки о родстве: учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 2002. 66 с.

Попов В.А. Антропология: электронный учебник для дистанционного обучения. СПб.: СПбАУиЭ, 2009. 128 с. (раздел «Антропология родства»).

Попов В.А. Системы родства и системы терминов родства (программа спецкурса) // АР-7. С. 266–269.

Энциклопедии и справочники

Крюков М.В. Система родства // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 593–594.

Крюков М.В. Системы родства // БСЭ. 3-е изд. М., 1976. Т. 23. С. 479.

Попов В.А. Родство // Африка: энциклопедия. М.: Энциклопедия, 2010. Т. 2. С. 581–582.

Попов В.А. Родство // Народы и религии мира: энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 897.

Попов В.А. Родство искусственное // Народы и религии мира: энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 897.

Попов В.А. Родство территориальное // Народы и религии мира: энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 897.

Попов В.А. Свойство // Народы и религии мира: энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 898.

Попов В.А. Системы родства // Народы и религии мира: энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 899.

Попов В.А. Системы терминов родства // Народы и религии мира: энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 899.

Системы родства // БСЭ. 2-е изд. М., 1956. Т. 39. С. 179.

Штернберг Л.Я. Теория родового быта // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1901.

Штернберг Л.Я. Эндогамия и экзогамия // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1904.

Персоналии

Бахофен И.Я.

Косвен М.О. И.Я. Бахофен и русская наука // СЭ. 1931. № 3. С. 9–36.

Косвен М.О. И. Я. Бахофен // СЭ. 1933. № 1. С. 98–140.

Косвен М.О. И.Я. Бахофен и русская наука // СЭ. 1946. № 3.

Русанов Н. Жизнь и сочинения Бахофена // Русская мысль. 1889. № 10 (6). С. 180–211.

Фрейденберг О.М. К изучению источников Энгельса. Бахофен / О.М. Фрейденберг; публ., предисл., примеч. Н. В. Брагинской // Русская антропологическая школа. Труды. 2004. Вып. 1. С. 295–301.

Десницкий С.

Белявский М.Т. Семен Десницкий и новые документы о его деятельности // Изв. Ин-та истории. 1969. № 4. С. 61–74. (В т.ч. о взглядах Десницкого на эволюцию семьи в связи с изменениями экономического строя).

Морган Л.Г.

Косвен М.О. Энгельс и Морган // Вопросы истории доклассового общества: сб. ст. к 50-летию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.; Л.: АН СССР, 1936. С. 3–30.

Ольдерогге Д.А.

Попов В.А. Д.А. Ольдерогге и его вклад в этнологию и социальную антропологию // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 409–413.

Попов В.А. Д.А. Ольдерогге как исследователь систем родства и социальной истории первобытности // Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 128–130.

Попов В.А. Дмитрий Алексеевич Ольдерогге: шеф отечественной африканистики // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. М., 2004. С. 450–474. (О вкладе в изучение СР).

Попов В.А.

К 60-летию Владимира Александровича Попова // Восток. 2012. № 1. С. 211–215. (В т.ч. о вкладе В.А. Попова в изучение СР).

Энгельс Ф.

Косвен М.О. Энгельс и Морган // Вопросы истории доклассового общества: сб. ст. к 50-летию книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.; Л.: АН СССР, 1936. С. 3–30.

Штернберг Л.Я.

Винников И.Н. Л.Я. Штернберг как исследователь первичных социальных форм // Памяти Л.Я. Штернберга. Л.: АН СССР, 1930. С. 51–83.

Рецензии

В.З. [Рец.] Wilken G.A. Over de primitieve vormen van het huwelijk en den oorsprong van het gezin // Indische Gids. 1880. № 2. P. 601–664; № 3. P. 1177–1205; 1881. № 2. P. 232–283 // Отечественные записки. 1882. № 7.

Буслаев Ф. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. [Рец.:] Caspari Otto. Die Urgeschichte der Menschheit mit Rucksicht auf die naturliche Entwicklung des fruhesten Geisteslebens. Leipzig, 1873 // Русский вестник. 1872. № 107. С. 689–764. (С. 711–764: о первобытном браке и семье).

Бутинов Н.А. [Рец.] Мердок Дж.П. Этнографический атлас. Питтсбург, 1967 // СЭ. 1967. № 6. С. 127–134 (С. 129–131 — классификационная СТР у Дж. Мердока).

Зибер Н.И. Новый труд о первобытных учреждениях // Отечественные записки. 1882. № 7. (О работе: Wilken G.A. 1880–1881. Over de primitieve vormen van het huwelijk en den oorsprong van het gezin // Indische Gids. 1880. № 2. P. 601–664; № 3. P. 1177–1205; 1881. № 2. P. 232–283).

Зиберт Н.З. Новый труд о первобытных учреждениях // Отечественные записки. 1882. № 7 (июль). С. 151–202. (О G.A. Wilken. Over de primitieve vormen van het huwelijk en het oorsprong van het gezin // De Indische Gids, 1880–1881).

Крюков М.В. [Рец.] Евсюков В.В. Мифология китайского неолита (По материалам росписей на керамике культуры яншао). Новосибирск, 1988 // НАА. 1989. № 6. С. 182–185 (С. 184–185 — первичные СР и дуально-родовая организация).

Семенов Ю.И. [Рец.] Крюков М.В. Система родства китайцев. М., 1972 // СЭ. 1973. № 2. С. 165–169.

Харузин Н. [Рец.] Starke C.N. Die primitive Familie in ihrer Entstehung und Entwicklung // ЭО. 1894. № 3. С. 153–160.

Харузин Н. Новый взгляд на историю происхождения семьи (I. R. Mucke. Horde und Familie in ihrer urgeschichtlichen Entwicklung. Stuttgart, 1895 // ЭО. 1895. № 4. С. 96–107. (С. 102–105 — о понятии родства в первобытном обществе).

Феномен родства в этнографии, социологии, истории, культурологии, юриспруденции, философии

Азаревич Д. Брачные элементы и их значение. Историко-юридическое исследование // Временник Демидовского юридического лицея. 1879. № 18. С. 1–132. (О римском и христианском праве).

Аллен Н.Дж. Начальный этап эволюции терминологии родства дравидийского типа // АР-1. С. 26–42.

Арсеньев В.Р. Этнология и «родство»: в чем проблема? // АР-3. С. 153–165.

Артемова О.Ю. Гармония родства // АР-11. С. 117–145.

Артемова О.Ю. К дискуссии «Исследования феномена родства» // АФ. 2011. № 15. С. 11–14.

Артемова Ю.А. Joking Relations: «Шуточное» или «нешуточное» родство? // АР-11. С. 146–167.

Байбурин А.К. От редколлегии (К дискуссии «Исследования феномена родства») // АФ. 2011. № 15. С. 135–142.

Барнард А. Социальная антропология: исследуя социальную жизнь. М.: ИЭА РАН, 2009.

Бахофен И.Я. Материнское главенство в примитивной семье // Русское богатство. 1883. № 1.

Белков П.Л. О принципах классификаторского родства // VIII конгресс этнографов и антропологов России, Оренбург, 1–5 июля 2009 г.: тез. докл. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009. С. 531.

Белков П.Л. Проблема существования рода // Маклаевские чтения 1993–1994 гг. СПб., 1994. С. 67–72.

Белков П.Л. Система экзогамии // АР-4. С. 64–77.

Белков П.Л. Тетраидная теория как элемент научного познания, или По поводу смысла «алгебры родства» // АР-1. С. 88–91

Богатенков (Б-в) А.П. К вопросу о брачном праве: сб. ст. о различных видах родства. М.: Г. Лисснер и А. Гешель, 1900. (В т.ч. «Том о браке» Григория, патриарха Константинопольского (с. 15–26); «Краткое, но точное учение о браках» из Пидалиона (с. 27–121).

Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. 386 с. (гл. IX «Обычно-правовые аспекты родства»).

Букин А.Г. Культурное пространство и пространства культур (региональный аспект): фвтореф. ... дис. канд. филос. наук. Чита: Читинский госуниверситет, 2006. (В т.ч. о системах терминов родства).

Букин А.Г. Маркирование как способ невербальной фиксации родственных отношений в традиционном сообществе // Трансграничье в изменяющемся мире. Россия–Китай–Монголия: Междунар. науч.-практ. конф. Чита: изд-во ЗабГГПУ, 2006. С. 62–67.

Бурыкин А.А. Интердисциплинарные, частные и специальные проблемы в изучении терминологии родства // АР-7. С. 54–65.

Бурыкин А.А. Какая реальность наблюдается исследователями при описании систем терминов родства? // АР-5. С. 63–76.

Бурыкин А.А. Номенклатура родства и позиции, функции родства (К дискуссии «Исследования феномена родства») // АФ. 2011. № 15. С. 22–33.

Буслаев Ф. Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник. 1873. № 103. С. 293–329. (О Бахофене и материнском праве).

Бутинов Н.А. К вопросу о концепции родства // СЭ. 1990. № 3.

Бутинов Н.А. Общинное и семейное родство в доклассовом обществе // Краткое содерж. докл. годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. Л., 1985. С. 7–9.

Бутинов Н.А. Проблема экзогамии (По австралийским материалам) // Родовое общество. ТИЭ. М., 1951. Т. 14. С. 3–27. (С. 3–27 — классификационные СР как главный источник информации для решения проблемы экзогамии; с. 19–21 — особенности СР австралийцев и ущербность генеалогического метода).

Бутинов Н.А. Родство в эпоху племенного строя (к постановке проблемы) // АР-7. С. 270–283.

Бутинов Н.А. О специфике производственных отношений общинно-родовой формации // СЭ. 1977. № 3. С. 47–58. (С. 50–51, 55–58 — семейное в противоположность клановому родству).

Бутинов Н.А. Типология родства // Проблемы типологии культуры. М., 1979. С. 66–74.

Бутинов Н.А. Экзогенное родство // АР-4. С. 78–103.

Вестермарк Э. История брака / пер. С. Семенова. М.: Ефимов, 1896.

Винников И.Н. Из архива Л.Г. Моргана. М.; Л., 1935. 262 с.

Вольфсон С.Я. Семья и брак в их историческом развитии. М.; Л., 1937.

Гемуев И.Н. Патронимия: стабильная форма или структура перехода? // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы Междунар. симп. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 125–132.

Гиренко Н.М. Брат-сестра (к соотношению типов терминологии и социогенеза) // *Africana*. АЭС. 1982. Вып. 13. С. 34–49.

Гиренко Н.М. К вопросу о соотношении линий семейно-родственных и общинных структур // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000. С. 79–92.

Гиренко Н.М. Дуальная организация и турано-ганованские системы: К вопросу о статике и динамике в социальной структуре // *Africana*. АЭС. 1980. Вып. 2. С. 101–128.

Гиренко Н.М. Классификаторский принцип и периодизация эволюции систем родства. К вопросу о социогенезе в первичной формации // *Africana*. АЭС. 1980. Вып. 2. С. 6–23.

Гиренко Н.М. Некоторые замечания относительно терминов «*unreciprocal*» и «*self-reciprocal*» // АР-4. С. 45–47.

Гиренко Н.М. Синхрония и диахрония (к вопросу об интерпретациях явлений культуры) // Древние системы письма: Этническая семиотика. М., 1986. С. 6–27. (С. 19–25 — анализ социального содержания способов обозначения сиблингов в терминологиях родства различных регионов мира).

Гиренко Н.М. Система терминов родства и система социальных категорий // СЭ. 1974. № 6. С. 41–50.

Григорьев Г.С., Шелепов Г.В. О естественных основах социальных отношений (биологическое и социальное в семейно-родственных отношениях). Учен. зап. Перм. ун-та. 1960. № 200. С. 111–119.

Гроссе Э. Формы семьи и формы хозяйства. М.: Книжное дело, 1898.

Губанов И.Б. Типологическое сходство матрилокальных и патрилокальных традиционных обществ // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008. С. 331–335.

Дзибель Г.В. «Аномальные» системы родства. В поисках структурных аналогов // Африка: Культура и общество (Исторический аспект). М., 1995. С. 55–65.

Дзибель Г.В. К дискуссии по проблемам изучения систем родства // АФ. 2011. № 15. С. 33–51.

Дзибель Г.В. Поколение, возраст и пол в системах терминов родства: Опыт историко-типологического исследования: дис. канд. ист. наук. СПб.: Музей этнографии и антропологии им. Петра Великого «Кунсткамера», 1997.

Дзибель Г.В. К построению типологии взаимной терминологии родства // Африка: Проблемы перехода к гражданскому обществу. М., 1994. Вып. 2. С. 108–109.

Дзибель Г.В. О системном подходе к феномену родства // Кунсткамера. Л., 1995. Вып. 7. С. 128–136.

Дзибель Г.В. О тетрадной теории Н.Дж. Аллена // АР-1. С. 82–87.

Дзибель Г.В. Феномен генерационного скашивания в системах родства // АР-1. С. 138–171.

Дзибель Г.В. Безреципрокные термины, иденетика и основные формы систем родства // АР-4. С. 42–44.

Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. Т. 10: Гендер, семья, родство. М., ИНФРАМ, 2006.

Жиро-Телон А. Происхождение семьи. СПб., 1876.

Зибер Н.И. Сравнительное изучение первобытного права // Юридический вестник. 1884. № 5–6. (О работах Поста).

Иванов А.В. К дискуссии «Исследования феномена родства» // АФ. 2011. № 15. С. 51–56.

Иванов Вяч.Вс. Клод Леви-Стросс и структурная антропология // Природа. 1978. № 1. С. 77–89. (С. 81–82 — СТР типа кроу/омаха в контексте семейно-брачных отношений в связи с работой К. Леви-Стросса «Элементарные структуры родства»).

Иванов Вяч.Вс. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1968. Т. 27. № 3. С. 236–245. (С. 242–243 — отражение категории «старший–младший» в ТР).

Иванов Вяч.Вс. Семантическая категория малости величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира // Проблемы африканского языкознания. М., 1972. С. 50–95. (С.80–84 — отражение категории “старший–младший” в ТР).

Казаченко Б.Н. К дискуссии «Исследования феномена родства» // АФ. 2011. № 15. С. 57–61.

Калиновская К.П., Марков Г.Е. Общественные отношения и социальная организация номадов // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000. С. 179–194.

Кареев Н.И. Экономический материализм в истории // Вестник Европы. 1894. Авг. (Полемика с «Происхождение семьи...» Энгельса).

Каутский К. Возникновение брака и семьи. СПб., 1895. 120 с. (С. 12–20, 41 — первобытные СР, с использованием труда Л.Г. Моргана).

Каутский К. Возникновение брачных союзов // Северный вестник. 1891. № 9. С. 173–215; № 10. С. 68–93.

Каширина О.В. Специфика систем родства у разных народов // Вест. Тверского гос. ун-та. Серия «Филология» (13). С. 182–184.

Кедров П. (Лавров П.Л.) Первобытная форма взаимных человеческих отношений // Дело. 1872. № 2. С. 294–348.

Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Лекции, читанные в Стокгольмском университете / пер. с фр. М. Елшина. 248

СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1896. (Переиздано: М., 1939. Пер. С.П. Моравского, под ред. М.О. Косвена).

Ковалевский М.М. Первобытное право. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1886. (Т. 1: Род; Т. 2: Семья.)

Ковалевский М.М. Происхождение семьи, рода, племени, государства и религии. СПб., 1914.

Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем прошлом и отдаленном. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1905. 160 с. (С. 138–160 — «Классовая система родства у австралийцев и краснокожих»; с. 152–155 — СР у угрофинских и сибирских народов как пережиток системы брачных классов).

Ковалевский М.М. Современные обычаи и древние законы: обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М.: Тип. В. Гатцук, 1886. Т. 1–2. (Т. 1. С. 232–340 — семейное право, система родства, правила наследования.)

Рец.: Daresté R. Современные обычаи и древние законы, par Maxime Kovalevski // Journal des Savants. 1887. March. P. 164–177; May. P. 279–294.

Ковалевский М.М. Социология. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. Т. 1–2. (Т. 2: Генетическая социология, или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности).

Кожановская И.Ж. О тетраидной теории Н.Дж. Аллена. Некоторые предварительные замечания // АР-1. С. 7–25.

Кожевникова Е.В. Становление и развитие проблематики семьи в отечественной социологии: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов: Саратовский гос. университет им. Н.Г. Чернышевского, 2005. 22 с.

Коропчевский Д.А. Родовое начало в древнем обществе // Слово. 1878. № 11–12.

Коропчевский Д.А. Родовые учреждения у классических народов // Слово. 1879. № 5–6. С. 107–139. (Пересказ «Древнего общества» Моргана).

Коротаяев А.В. О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: опыт количественного кросс-культурного анализа (К дискуссии между Н.М. Гиренко и О.Ю. Артемовой) // АР-3. С. 117–147.

Коротаяев А.В., Бондаренко Д.М. Полигиния и демократия: кросс-культурное исследование // АР-7. С. 173–186.

Коротаяев А.В., Казанков А.А., Дрейер Л.М., Дмитриева Н.Е. Апология сравнительного синхронного метода социальной антропологии (на примере изучения эволюции систем терминов родства) // АР-5. С. 189–206.

Коротаяев А.В., Кунашева М.Б., Халтурина Д.А. Мировые религии и семейно-родственная организация: кросс-культурное исследование // ЭО. 2002. № 5. С. 3–16.

Косвен М.О. Авункулат // СЭ. 1946. № 1. С. 3–46.

Косвен М.О. Истории брака и семьи в истории науки до середины XIX в. // СЭ. 1931. № 1–2. С. 64–93.

Косвен М.О. Переход от матриархата к патриархату // Родовое общество. ТИЭ. 1951. Т. 14.

Кроненфельд Д. Переживание родства и теория родства (К дискуссии «Исследования феномена родства») // АФ. 2011. № 15. С. 73–79.

Крюков М.В. Выступление на симпозиуме «Учение Л.Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии» // МКАЭН. М., 1967. Т. 4. С. 489–490.

Крюков М.В. Синхронно-диахронный метод и концепция трансформационной многолинейности систем родства // АР-1. С. 111–137.

Крюков М.В. Социальное и этническое: проблемы соотношения // Расы и народы. 1992. М., 1993. Вып. 22. (Отражение в СТР этносоциальных процессов).

Крюков М.В. Типы систем родства и их историческое соотношение // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Т. 1. С. 352–383.

Кулланда С.В. К дискуссии «Исследования феномена родства» // АФ. 2011. № 15. С. 80–82.

Кулланда С.В. Зачем этнографу история? (По поводу статьи У.Д. Уайлдера) // АР-4. С. 52–60.

Лафарг П. Матриархат: Этнод о происхождении семьи // Лафарг П. Очерки по истории культуры. М., 1926.

Леишков В. Заметка о первобытных нравах женщин по теории Бахофена // Русский вестник. 1873. Янв.

Липперт Ю. История семьи / пер. с нем. Н. Шатерникова. СПб.: Павленков, 1897.

Лихтенберг Ю.М. Происхождение некоторых особенностей классификаторских систем родства (турано-ганованского типа) // ТИЭ. Т. 54. 1960. С. 196–214.

Майков Л. Н. Об изучении систем родственной связи и форм семейного быта // ИРГО. 1874. № 10 (5). С. 179–184.

Макатов И.А. Религиозное влияние в семейно-родственных отношениях и его преодоление // Вопросы научного атеизма. 1983. № 31. С. 241–260.

Максимов А.Н. Групповой брак // ЭО. 1908. № 3.

Максимов А.Н. Системы родства // ЭО. 1909. Кн. 33. № 4. С. 79–83.

Максимов А.Н. Теории родового быта // Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина. М.: Общество естествознания, антропологии и этнографии, 1913. С. 333–351.

Максимов А. Что сделано по истории семьи. М., 1908. 172 с. (По поводу малайской СР.)

Маркова Л.В. Постоянны ли критерии для типологизации систем родства? // Токаревские чтения. М., 1995.

Маслов А.А. Брат–сестра–2 // АР-7. С. 48–53.

Мердок Дж.П. Социальная структура. М.: О.Г.И., 2003.

Миримова А.А. Полигамия в мировых религиях и ее канонизация в исламе: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2006. 24 с.

Мисюгин В.М. Об отношении австралийских брачных классов к турано-ганованской системе терминов родства // Основные проблемы африканистики. М., 1973. С. 73–84.

- Мисюгин В.М.* Родство и этносоциальная история // АР-4. С. 264–283.
- Михайловский Н.* Борьба за индивидуальность (Социологические очерки). II. Семья // Отечественные записки. 1876. Т. 224. № 1 (Янв.). С. 159–208; № 3 (Март). С. 271–314. (Матриархат, патриархат, кувада, положение женщины, брак, Мэн, Бахофен).
- Переиздано: Собрание сочинений Н.К. Михайловского. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885. Т. 1.
- Морган Л.Г.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934. 350 с.
- Москвитина (Сиим) А.Ю.* К дискуссии «Исследования феномена родства» // АФ. 2011. № 15. С. 82–85.
- Мюллер-Лир Ф.* Формы брака, семьи и родства / авториз. пер. с нем. И. Степанова. М.: И.Г. Дауге, 1913.
- Оболенский Л.И.* О происхождении семьи и собственности по теории эволюционистов и экономических материалистов // Тард Г. Происхождение семьи и собственности. СПб., 1897.
- Ольдерогге Д.А.* Малайская система родства // Ольдерогге Д.А. Эпигамия. Избранные труды. М., 1983. С. 131–179.
- Ольдерогге Д.А.* Кольцевая связь родов или трехродовой союз (Gens Triplex) (Из истории развития социального строя первобытной общины) // КСИЭ. 1946. Т. 1. С. 23–25. (С. 24 — социальная обусловленность СР типа кроу в Западной Африке).
- Ольдерогге Д.А.* Основные черты развития систем родства // СЭ. 1960. № 6.
- Ольдерогге Д.А.* Эпигамия // Ольдерогге Д.А. Эпигамия. Избранные труды. М., 1983. С. 11–22.
- Паркин Р.* Трансформация и методология // АР-1. С. 99–110.
- Пешель О.* Народоведение / пер. Е.Ю. Петри. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1890. (С. 220–241: брак, семья, родство, в т.ч. ТР по Моргану).
- Поляков И.В.* Знаковые системы в социальном взаимодействии и познании. Новосибирск, 1983. (С. 48–50, 78, 83: СТР как знаковая система; с. 42–46, 60: элементарные структуры родства (по Леви-Строссу)).
- Поляков И.В.* К интерпретации генезиса знаковой структуры системы родства // Методологические проблемы науки. Новосибирск, 1981. С. 93–99.
- Попов В.А.* К аксиоматике этносоциологических реконструкций первичной формации: пять методологических постулатов // Africana. АЭС. 1991. Т. 15. С. 62–68. (В т.ч. о СР и СТР.)
- Попов В.А.* Антропология родства и гендерные исследования: актуальные проблемы и методологические подходы // Радловский сборник: Научные исследования и научные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008. С. 351–354.
- Попов В.А.* Антропология родства и гендерные исследования: актуальные проблемы и перспективы их решения // XI Междунар. конф. африканистов «Развитие Африки: возможности и препятствия»: тез. М., 2008. С. 173–174.
- Попов В.А.* Антропология родства: современное состояние, проблемы и перспективы изучения // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2003. Вып. 1. С. 139–146.

Попов В.А. К вопросу о структурообразующих принципах рода и родовой организации // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000. С. 17–24.

Попов В.А. Историческая типология систем терминов родства: историография проблемы // Мавродинские чтения–2004: материалы юбилейной конф., посвящ. 70-летию исторического ф-та С.-Петерб. гос. ун-та. СПб., 2004. С. 252–254.

Попов В.А. К исторической типологии систем терминов родства: проблема первичности / вторичности генерационного типа // Радловские чтения–2005: тез. докл. СПб., 2005. С. 47–48.

Попов В.А. К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха // СЭ. 1977. № 2. С. 43–54.

Попов В.А. Kinship studies, или антропология родства: объекты, предметы и методы изучения (К дискуссии «Исследования феномена родства») // АФ. 2011. № 15. С. 85–101.

Попов В.А. К определению понятия «род» // Радловские чтения–2002: материалы годич. науч. сессии. СПб., 2002. С. 81–82.

Попов В.А. Основные направления и проблемы изучения феномена родства в последнюю треть XX века // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб.: Петербург. востоковедение, 2004. С. 207–215.

Попов В.А. Предисловие // AP-1. С. 3–6.

Попов В.А. Предисловие // AP-2. С. 3–4.

Попов В.А. Предисловие // AP-3. С. 3–4.

Попов В.А. Предисловие // AP-4. С. 3–4.

Попов В.А. Предисловие // AP-5. С. 3–4.

Попов В.А. Предисловие // AP-7. С. 3–4.

Попов В.А. Предисловие // AP-9. С. 3–4.

Попов В.А. Предисловие // AP-11. С. 3–4.

Попов В.А. Предисловие // AP-12. С. 3–5.

Попов В.А. О природе цикличности в первичных системах родства // Народы бассейна Тихого океана. (Общество, история, культура). Маклаевские чтения. 1993–1994 гг. СПб., 1994. С. 72–77.

Попов В.А. Родство, гендер и возраст как принципы организации социально-коммуникативных сетей (к проблеме факторов политогенетических процессов в доколониальной Западной Африке) // Радловский сборник: Научные исследования и научные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. С. 176–182.

Попов В.А. Родство как принцип организации неотрадиционных социальных институтов // VI Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. СПб., 2005. С. 132.

Попов В.А. Система терминов родства как источник исторической и этносоциологической информации (методика и основные постулаты) // Всесоюзная школа молодых востоковедов. М., 1980. Т. 2. Ч. 2. С. 173–174.

Попов В.А. Система терминов родства как исторический источник: современное состояние проблемы // XIX Конференция по историографии и этноковедению истории стран Азии и Африки. СПб., 1997. С. 111–113.

Попов В.А. Системы терминов родства как источник социально-исторической информации (современное состояние проблемы) // IV Конгресс этнографов и антропологов России (Нальчик, 20–23 сентября 2001 г.). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 308.

Попов В.А. Спецкурс «Системы родства и системы терминов родства» для студентов-этнографов // IV Конгресс этнографов и антропологов России (Симпозиум 1 «Этнология и образование») (Нальчик, 20–23 сентября 2001 г.). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 54.

Попов В.А. Структурообразующий принцип и форма его проявления (к методологии этносоциологических реконструкций первичной формации) // Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре. М., 1983. С. 15–24. (С. 20–21 — о методологии изучения СР).

Попов В.А. Тетраидность и тетраидная теория: Некоторые заключительные замечания // АР-1. С. 92–98.

Попов В.А. Феноменология родства: итоги и перспективы изучения // Новое в этнографии и антропологии: докл. V Конгресса этнографов и антропологов России. Омск, 2003. CD-Rom.

Попов В.А. Феноменология родства: современное состояние изучения // V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г. М., 2003. С. 166.

Порхомовский В.Я. Системы родства в сравнительно-историческом и типологическом освещении // ЛРДИВ. Ч. 3. С. 102–104.

Ратцель Ф. Семья. Брак. Родство // Африка. 2005. С. 116–122.

Решетов А.М. Некоторые вопросы изучения систем родства // Тез. докл. годич. науч. сессии 1969 г. Л., 1969. С. 28–32.

Решетов А.М. Некоторые наблюдения над системами родства // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 228–235.

Решетов А.М. Об одной древней форме брака // Маклаевские чтения. 1993–1994 гг. СПб., 1994. С. 77–86.

Решетов А.М. Творческая мысль работает всегда: Проблема ранних форм социальной организации в дискуссиях 1930-х годов // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000. С. 8–16.

Русов О. Многоженство. История и практика. М.; СПб., 2005.

Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. С предисловием Э.Э. Эванс-Причарда и Фрэда Эггана. М., 2001.

Семенов Ю.И. Еще раз о материнском роде и брачных классах // СЭ. 1975. № 1. С. 55–71. (С. 67–68 — относительность ТР и абсолютность брачных классов).

Семенов Ю.И. Завершение становления человеческого общества и возникновение первобытной родовой общины // История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 73–129 (С. 102–107 — родство в эпоху первобытно-родовой общины).

Семенов Ю.И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности // СЭ. 1968. № 4. С. 75–86. (С. 84–85 — родство в эпоху первобытно-родовой общины).

Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. (С. 24–31 — классификационные СР).

Смагамбетова Б.Д. Родоплеменной фактор в системе «руководитель–подчиненный» // СоцИс: Социологические исследования. 1998. № 3. С. 20–23.

Соколова З.П. Эндогамный ареал и этническая группа. М.: Институт этнографии АН СССР, 1990.

Старке К.Н. Первобытная семья, ее возникновение и развитие / пер. с фр. Л.Ф. Пантелеева. СПб., 1901.

Стоянов А.Н. Зачатки семейного права у первобытных народов: Этюд по истории законодательств. Харьков, 1884.

Тард Г. Происхождение семьи и собственности. СПб., 1897.

Токарев С.А. К вопросу о методике изучения терминологии родства // Вестн. МГУ. Ист.-филол. серия. 1958. № 4.

Токарев С.А. Изучение семьи в зарубежной социологической и этнографической литературе // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. М., 1987. С. 15–34.

Толстов С.П. Проблемы родового общества // СЭ. 1931. № 3–4. С. 69–103. (С. 93–94, 101 — общие проблемы содержания родства в первобытном обществе).

Тротманн Т.Р. Дравидийская система родства как культурный и как структурный тип // AP-1. С. 43–57.

Успенская Е.Н. Каста как родственная категория // AP-9. С. 61–79.

Фатыхов С.Г. Материнский феномен в культурогенезе: гипотетическое моделирование и осмысление первоначал: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Челябинск: Челябинская гос. академия культуры и искусства, 2011. 41 с.

Фёдоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного состояния мира, и о средствах к восстановлению родства // Философия общего дела: Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Фёдорова. Верный, 1906. Т. 1. С. 5–30.

Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Тбилиси, 1991. Т. 1. С. 193–350. (С. 202–203 — классификационные СР на примере австралийцев и психоаналитическое объяснение «группового брака»).

Харузин Н. Новые материалы для изучения истории развития семьи // ЭО. 1895. № 3. С. 105–113.

Харузин Н. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. СПб., 1903. Вып. 2: Семья и род. 340 с. (С. 31–38 — СР, с. 94–129 — гл. «Возникновение представлений о родстве»).

Членов М.А. Об ареальном подходе к изучению систем родства // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: тез. V конф. на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 1985. С. 180–181.

Членов М.А. К дискуссии «Исследования феномена родства» // АФ. 2011. № 15. С. 117–119.

Членов М.А. Кто кем кому доводится? // НЖ. 1980. №12. С. 97–100.

Шашков С. Очерки первобытной жизни и мысли // Дело. 1877. № 1. С. 141–179; № 2. С. 186–212 («Брак и семья»); № 7. С. 1–35 («Деревенская община»).

Шабашов А.В. К дискуссии «Исследования феномена родства» // АФ. 2011. № 15. С. 119–124.

Шнирельман В.А. Позднепервобытная община земледельцев — скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 236–426. (С. 384–388 — раздел 14 «Терминология родства и взаимоотношение родственников»; с. 358–359, 364–365 — соотношение биологического и социального родства в первобытности).

Энгельс Ф. Вновь открытый пример группового брака // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1969. Т. 22. С. 377–381.

Методика изучения систем родства и систем терминов родства

Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. Метод генеалогических описаний и возможности его использования при сборе данных о порядке репродукции, брачных нормах и номенклатуре родства // Методика и методология антропологических исследований. М., 1992.

Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. Методика генеалогических описаний и использование их для сбора сведений о номенклатуре родства и брачных нормах // Антропологические исследования. М., 1992. Кн. 2. С. 5–43.

Божсков О.Б., Боголюбов И.Н. О неполноте исходной информации в генеалогиях // Социологический журнал. 2005. № 2. С. 68–77.

Божсков О.Б., Игнатова С.Н. Об особенностях полевого генеалогического интервью // Социология. М., 2006. № 23. С. 50–82.

Винников И.Н. Программа для сбора материалов по системам родства и свойства. М., 1936.

Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965. (С. 63 — степени родства, № 1729–1886).

Крюков М.В. К методике сбора полевого материала по системам родства // СЭ. 1972. № 4. С. 42–50.

Программа для собирания сведений об юридических обычаях // Тр. Этногр. отд. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те. М., 1888. Кн. 8. С. 1–91. (С. 8–14 — «5. Союз родственный»).

Токарев С.А. К вопросу о методике изучения терминологии родства // Вестн. МГУ. Ист.-филол. серия. 1958. № 4.

Федорова К.А. Как у вас называют родственников? Вопросник для собирания материалов к словарю народных говоров Пермской области. Пермь, 1966. 15 с.

Шарапова И.М. Методика собирания и изучения терминов родства (по материалам рязанских говоров) // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу: тез. докл. М., 1968. С. 13–15.

Шарапова П.М. О методике собирания и путях изучения терминов родства: на материале рязанских говоров // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.

Родство в фольклоре, поэзии и литературе

Головкина С.Х. Термины родства в поэзии Н. Клюева. В лексикографическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1999. 21 с.

Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сб. МАЭ. Л., 1929. Т. 8. С. 1–151. (С. 97–98 — использование ТР для наименования нечистой силы, болезней и т.п.).

Землякова Е.А., Козубовская Г.П. А.С. Пушкин: Мифология родства // Вестник Барнаульского гос. пед. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2005. Вып. 5. С. 4–12.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Медведь // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 128–130. (С. 129 — осмысление медведя как родственника и обозначение его терминами родства).

Левинтон Г.А. Понятие «кода» в исследовании образа // Фольклор: Проблемы сохранения, изучения и пропаганды. М., 1988. Ч. 1. С. 136–138 (С. 138 — особенности кода ТР).

Маслова М.И. Мотив родства и его философско-эстетическое воплощение в творчестве Марины Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1999.

Маслова М.И. Мотив родства в творчестве Марины Цветаевой. Орел: Вешние воды, 2001.

Миллионщикова Т.М. «Родство» и «неродственность» в «Братьях Карамазовых» // Литературоведческая жизнь. 2002. № 16. С. 141–147.

Наседкина В.Н. «Родство... духовное паче плотского» (О языковой реализации идеи «единства рода человеческого» в повести Н.С. Лескова «Очарованный странник») // Проблемы межкультурной коммуникации. Липецк, 2007. С. 79–98.

Невская Л.Г. Мать в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 197–205.

Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. 567 с. (С. 409 — осмысление объектов окружающего мира в терминах родственных отношений).

Щербаков А. Родство, сиротство, гражданство и одиночество в произведениях А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова. М., 1995. Вып. 2. С. 265–273.

Родство в церковном праве

Аноним. Замечания о совершении брака // Руководство для сельских пастырей. 1860. № 51; 1861. № 5.

Аноним. Записки по церковному законоведению. Киев, 1848. Переиздано в: Киев, 1857. (С. 187–203 — о регулировании браков).

Аноним. Обзор постановлений о браке в Православной церкви // Православный собеседник. 1859. Ч. 1. С. 162–167; Ч. 2. С. 369–413; Ч. 3. С. 3, 119, 217, 325.

Аноним. О родстве и свойстве как препятствиях к заключению брака по действующим законоположениям. М., 1908. 78 с.

Б-в А.П., Соколов С.А. К вопросу о брачном праве: сборник статей о различных видах родства. М.: Г. Лисснер и А. Гешель, 1900.

Григоровский С. О родстве и свойстве. Виды и степени родства, исчисление степеней и значений родства и свойства, как препятствия к браку, по существующим указаниям. СПб., 1898. 26 с.

Григоровский С. О родстве и свойстве. Виды и степени родства и свойства, исчисление степени и о значении родства и свойства, как препятствия к браку по действующим узаконениям. СПб.: Либерман, 1898. Переиздано: СПб.: Труд, 1907.

Григоровский С. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе и судопроизводство по делам брачным. С дополнениями и разъяснениями по циркулярным и сепаратным указам Святейшего Синода и с приложением таблиц графического изображения степеней родства и свойства. СПб., 1896. 222 с. (Отд. 5, 5517, гл. IV. О видах и степенях родства и свойства и о значении их как препятствий к браку. Приложение 1).

Григоровский С. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе, узаконение, усыновление и внебрачные дети: с положениями и разъяснениями по циркулярным и сепаратным указам Святейшего Синода, с отдельной статьей «о родстве и свойстве» и с приложением двух таблиц графического изображения степени родства и свойства. СПб.: Труд, 1904.

Задорин М., свящ. О союзе брачном: Практическое пособие к изучению правил о родстве. Пермь: Н.С. Попов, 1866. 386 с.

Записки по церковному законоведению. Киев: Университетская типография, 1848. (С. 194–200: регуляция брака; с. 194–199: «Особенные правила о родстве», с таблицей, с. 199).

Иоанн, архимандрит Смоленский. Опыт курса церковного законоведения. СПб.: Тип. Фишер, 1851. Т. 2. (С. 432–442, 581 — о регулировании браков).

Сахаров В.П. О запрещении браков в родстве. Опыт исследования из области брачного права Православной церкви. Екатеринослав, 1899. Вып. 1: О родстве и его видах. 167 с.

Сахаров В.П. О родстве и его видах. Екатеринослав, 1899.

Скворцов И., протоиерей. О видах и степенях родства // Руководство для сельских пастырей. Киев, 1861. Т. 1. № 3. С. 75–88; № 7. С. 183–185; № 8. С. 207–212; № 12. С. 290–296; № 13. С. 330–336 + таблица степеней родства.

Счет родства

Артемова О.Ю. Лукавство или самообман? (О «латеральности» счета родства и о некоторых историко-социологических реконструкциях) // АР-3. С. 21–81.

Артемова О.Ю. Отклик второй степени // АР-3. С. 166–187.

Артемова О.Ю. Post Scriptum // АР-3. С. 203–205.

Белков П.Л. Патрилокальность и патрилинейность // АР-3. С. 148–152.

Гиренко Н.М. Госпожа Артемова познала все (Ответы на некоторые вопросы О.Ю. Артемовой по поводу систем родства, систем терминов родства и их соотношения с другими социальными институтами) // АР-3. С. 82–96.

Гиренко Н.М. Латеральность и линейность как дифференцирующие признаки социального организма родства // АР-3. С. 5–20.

Гиренко Н.М. О соотношении билатерального и унилатерального социальных организмов родства // КСДИЭ. 1974. С. 154–156.

Гиренко Н.М. Что в сухом остатке? // АР-3. С. 188–202.

Маслов А.А. Латеральность: определение понятия и области его применения (К дискуссии по статье Н.М. Гиренко) // АР-3. С. 97–116.

Маретина С.А. Проблема матрилинейности в зарубежной этнографии (на примере малых народов Индии) // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979.

Система родства и половозрастная стратификация

Бутинов Н.А. Половозрастная организация // СЭ. 1987. № 1. С. 63–68 (С. 66–67 — СР, брачные классы и система личных имен).

Калиновская К.П. К вопросу о соотношении возрастной и кровнородственной систем (по материалам галла Эфиопии) // IX МКАЭН (Чикаго, сентябрь 1973 г.). Доклады советской делегации. М., 1973. 13 с.

Калиновская К.П. К характеристике социально-возрастного поколения в возрастных системах народов Восточной Африки // *Africana*. АЭС. 1982. Вып. 13. С. 86–105.

Попов В.А. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеазиатского общества (к постановке проблемы) // СЭ. 1981. № 6. С. 89–97. (С. 94, 95, 96 — СР и половозрастная стратификация.)

Попов В.А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (вместо ответа оппонентам) // СЭ. 1982. № 1. С. 68–79. (С. 69–78 — общие вопросы теории СР; СР и половозрастные институты).

Попов В.А. Экологическое время и циклические структуры возрастных и родственных систем // Пространство и время в архаических культурах. М., 1992. С. 29–31.

Решетов А.М. Историческая вариативность половозрастной структуры и системы родства // АР-4. С. 104–121.

Фиктивное родство

Байбурин А.К. Коды обряда и их взаимодействие // Фольклор: Проблемы сохранения, изучения и пропаганды. М., 1988. Ч. 1. С. 139–145. (С. 139 — искусственное родство в контексте ритуальной организации общества).

Дридо А.Д. «Братство по кораблю» // СЭ. 1977. № 2. С. 108–116.

Дридо А.Д. «Братство по кораблю» как вариант псевдородства // АР-1. С. 231–246.

Дридо А.Д. «Братство по кораблю» — новый вариант // АР-2. С. 196–200.

Дридо А.Д. «Братство по кораблю» (Новые материалы) // ЭО. 1993. № 5. С. 70–72.

Дридо А.Д. «Братство по кораблю»: новые варианты // АР-5. С. 259–269.

Зайкова О.Н. Усыновление как социокультурное явление: автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск: Челябинская гос. академия культуры и искусства, 2011.

Попов В.А. «Братства по кораблю»: опыт параметрического описания // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Петрозаводск, 2011. С. 487.

Попов В.А. Общности по клановым именам и «братства по кораблю» как социально коммуникативные сети // VII Конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступ. Саранск, 2007. С. 446.

Попов В.А. Shipmates, или корабельные братья // АР-12. С. 96–100.

Щепанская Т.Б. Термины родства в группировках хиппи // АР-1. С. 247–259.

Эль Гуинди Ф. Родство через кормление: расширение пределов брачного союза в эндогамных системах // АФ. 2011. № 15. С. 125–134.

Феномен родства в лингвистике и психолингвистике

Абаев В.И. Сравнительно-лексикологические заметки // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. 1988. № 15. С. 72–76. (С. 75 — о детских ТР: груз. *zia* ‘дядя’ и итальянск. *zia* ‘тетя’, *zio* ‘дядя’).

Багичева Н.В. Регулярное варьирование семантики существительных, обозначающих отношения родства: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995. 240 с.

Багичева Н.В. Регулярное варьирование семантики существительных, обозначающих отношения родства // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики / под ред. Н.П. Дементьевой. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1997. С. 5–6.

Бирюкова Е.В. Интерпретация как способ определения универсального и национального в содержании концепта «семья-family» // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы Вторых филологических чтений. 29 ноября — 1 декабря 2001 г. Новосибирск.: Изд-во НГПУ, 2002. С. 93–95.

Бирюкова Е.В. Этимологическая интерпретация терминов родства // Проблемы интерпретационной лингвистики: взаимодействие языковой категоризации и творческой активности личности: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск.: Изд-во НГПУ, 2002. С. 39–47.

Бирюкова Е.В. Этимологическая интерпретация терминов свойства // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы Третьих филологических чтений. 28–29 ноября 2002 г. Новосибирск.: Изд-во НГПУ, 2002. Т. 1: Лингвистика. С. 311–317.

Бирюкова Е.В. Синхронная экспликация номинативного значения термина *семья* // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы Четвертых филологических чтений. 23–24 ноября 2003 г. Новосибирск.: Изд-во НГПУ, 2003. Т. 1: Лингвистика. С. 10–14.

Близнюк О.В. Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2006.

Бурыкин А.А. Термины родства как объект лингвистического анализа (круг проблем и аспекты исследования) // АР-2. С. 76–88.

Вейнрейх У. О семантической структуре языка // НЛ. М., 1970. Вып. 5. С. 163–249.

Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (свидетельство прасемитского запаса корней). М., 1965. 184 с. (С. 87–90 — ТР как продукты детского языка).

Газов-Гинзберг А.М. Символизм прасемитской флексии. М., 1974. (С. 31–70 — ТР как частные примеры звукового символизма).

Гак В.Г. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М., 1972. С. 144–157. (С. 155–156 — переосмысление ТР как обозначений неодушевленных субстанций).

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972. С. 367–395. (С. 370, 383 — потенциальные значения ТР).

Даниэль М. Типология ассоциативной множественности: канд. дис. М.: Рос. гос. ун-т, 2000. (О сложных конструкциях с участием ТР).

Джафаров Г.Г. Термины родства в семантической системе и грамматической структуре языка (на материалах азербайджанского и русского языков) // СТ. 1974. № 3. С. 19–31.

Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб., 2003.

Доброва Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса: личные местоимения и термины родства: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 496 с.

Доброва Г.Р. Основные современные лингвистические и психолингвистические подходы к изучению терминов родства // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. Хмельницький: Изд-во Переяслав-Хмельницького гос. ун-та, 2008. Вып. 1.

Доброва Г.Р. Усвоение детьми терминов и отношений родства // Человек. 2003. № 3.

Доброва Г.Р. Усвоение детьми терминов родства «брат»/«сестра» // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2000. С. 196–208.

Доброва Г.Р. Эволюция личных местоимений и терминов родства в онтогенезе // Изв. Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2003. № 3. Общественные и гуманитарные науки. С. 115–125.

Доброва Г.Р. Эгоцентричность прономинальной и «парапрономинальной» лексики (сравнительный анализ онтогенеза личных местоимений и терминов родства) // Тез. междунар. конф. «Детская речь как предмет лингвистического исследования» (31 мая — 2 июня 2004 г.). СПб., 2004. С. 78–82.

Добронравин Н.А. Термины родства, имена родства и компаративистика // АР-2. С. 42–46.

Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // НЛ. 1961. Вып. 2. С. 117–136. (С. 127 — роль ТР для сравнительного изучения лексики (примеры из венгерского, французского и малайского языков)).

Журинская М.А. О выражении значения неотторжимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирования. М., 1979. С. 295–347.

Журинская М.А. Об именах релятивной семантики в системе языка // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1979. Т. 38. Вып. 3. С. 249–260.

Журинская М.А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977. С. 194–25. (В т.ч. о ТР).

Журинская М.А. К исследованию притяжательных отношений // Аспекты лингвистического анализа. М., 1974. С. 246–254. (В т.ч. о ТР).

Завалко Е.А. Способы номинации лиц в спонтанной детской речи // Вестн. Самарского гос. ун-та. Языкознание. 2008. № 5 (2). С. 61–67. (В т.ч. о ТР).

Зеремская Ю.А. Подходы к изучению терминов родства в разных языках // Сравнительно-исторические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. Лаборатории языков народов Сибири. Томск, 2007. Вып. 3. С. 97–104.

Зарецкий А.В. Семантико-функциональный анализ цикла слов с доминантным значением родства: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1983. 19 с.

Ильенко С.Г. Персонализация как важнейшая сторона категории предикативности // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л.: Наука. С. 154–159. (С. 158–159 — об употреблении «мать» у Горького).

Исаченко А.В. О грамматическом значении // ВЯ. 1961. №1. С. 28–43 (С. 32–33 — теория значения применительно к ТР).

Йомдин Л.Л. Симметричные предикаты в русском языке и проблема взаимного залога // Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Ин-та русского языка. М., 1980. Вып. 131. С. 3–38. (С. 34–35 — реализация симметричных предикатов в ТР).

Казанков А.А. Системы терминов родства и теория монофилетического происхождения языков // АР-5. С. 90–97.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. 216 с. (С. 135, 166 — ТР в семантическом плане).

Качинская И.Б. Термины родства в словарях и проект словаря терминов родства // Regionala un sociala dialektologija. Komparativistikas instituta almanahs. 18. sejums. Daugavpils Universitate. Daugavpils, 2009. S. 110–171.

Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977. 318 с. (С. 148–158 — о ТР).

Кулланда С.В. Где кончается лингвистика и где начинается история? // ЛРДИВ: Материалы к дискуссии на Междунар. конф. М., 1989. Ч. 1. С. 68–74. (Пути формирования ТР и других социальных терминов).

Кулланда С.В. Праязыковые этимоны и историко-социологические реконструкции // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 275–294. (Пути формирования ТР и других социальных терминов).

Лаппо М.А. Лексические средства описания идентичности // Вест. Томск. гос. ун-та. Филология. 2011. № 2 (14). С. 21–32. (С. 24–26 — «Семейно-родственная идентичность»).

Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М., 1985. Т. 1. 621 с. (С. 371–375 — ТР как относительные слова).

Лошманова Л.Т. Влияние функции обращения на семантику слова // Вопросы синтаксиса и лексикологии русского языка. Смоленск, 1975. С. 48–55. (Употребление слов типа *старик*, *детка*, *шеф* в молодежной речи в роли обращения).

Лурия А.Р. К патологии травматических операций // Изв. АРН. 1947. Вып. 3. (В т.ч. о посессивных конструкциях с участием ТР и их поведение в случае афазии).

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М.: Изд-во МГУ, 1982. (С. 127–128, 139, 158–160 — о посессивных конструкциях с участием ТР и их поведение в случае афазии).

Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. (С. 171–173, 229, 295 — Грамматика конструкции типа ‘брат отца’ в психологическом аспекте).

Немировский М.Я. Способы обозначения пола в языках мира // Памяти Н.Я. Марра. М.; Л., 1938. С. 196–226. (В т.ч. о ТР).

Николенко О.Ю. Использование терминов родства в качестве общих обращений // Альманах современной науки и образования. № 3. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. 2007. Ч. 2. С. 145–146.

Николенко О.Ю. Лингвистическое изучение феномена родства // Уральский филологический вестник: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2012. № 4. С. 215–220.

Николенко О.Ю. Об определении имен родства как терминов // Омский научный вестник. 2006. № 6. С. 144–146.

Радзиевская Т.В., Зарецкий А.В. Семантический, синтагматический и парадигматический планы цикла слов со значением родства и возраста. Киев, 1982. 173 с.

Сандакова М.В. Значение форм лица у реляционных имен лица // Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект. Тезисы международной конференции. Владимир: Владимирский гос. пед. ун-т, 1995. С. 153–154. (В т.ч. о ТР).

Сандакова М.В. Сочетаемость реляционных имен лиц с качественно-оценочными определениями // Семантика, грамматика, детская речь: межвуз. сб. науч. тр. Киров: Вятский пед. ун-т, 1996. С. 36–44. (В т.ч. о ТР).

Скобликова Е.С. О релятивном характере номинации лиц // Русское слово. 70-летию проф. В.Д. Бондалетова посвящается: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1998. С. 144–148. (В т.ч. о ТР).

Соселия Э.Г. Некоторые обобщения, касающиеся семантической стороны терминов родства // Типология как раздел языкознания. М., 1976. С. 157–158.

Соселия Э.Г. Общие вопросы анализа систем терминов родства // Изв. АН Груз. ССР. Сер. языка и литературы. Тбилиси, 1977. № 1. С. 126–139.

Степанов Ю.С. К универсальной классификации предикатов // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1980. Т. 39. № 4. С. 311–323.

Топоров В.Н. О категории притяжательности // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 118–195. (С. 135–136 — грамматика конструкции типа ‘брат отца’ в психологическом аспекте).

Топоров В.Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности // Славянское и балканское языкознание: проблемы диалектологии. Категория посессивности. М.: Наука, 1986. С. 142–166. (С. 155–156 — о посессивных конструкциях с участием ТР в связи с исследованиями А.Р. Лурии).

Тромбетти А. О теории пассивного характера глагола // Эргативная конструкция предложения. М., 1950. С. 152–165.

Ульманн С. Семантические универсалии // НЛ. М., 1970. Вып. 5. С. 250–299. (С. 288–291 — ТР в свете теории семантических полей).

Уфимцева А.А. Лексическое значение. М., 1986. 240 с. (С. 117 — ТР как часть лексики).

Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1989. С. 108–140. (С. 126–129 — ТР как отрасль лексики).

Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенова. София, 1957. (С. 525–526 — о ТР).

Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // ВЯ. 1996. № 2. С. 68–78. (С. 71 — семантика англ. *mother* ‘мать’ с точки зрения когнитивной семантики Дж. Лакоффа).

Чжилян Сун. Основные проблемы исследования номинации родства // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия «Русский язык нефилологам. Теория и практика». 2004. № 5. С. 60–66.

Чжилян Сун. Общая характеристика семантического поля родства // Вопросы филологических наук. 2004. № 6. С. 55–57.

Чикобава А. Отраслевая лексика и научная актуальность ее изучения // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1975. Т. 2. С. 27–36. (С. 27–28 — ТР и их положение в лексике).

Шарапова И.М. О различии в семантике терминов родства // Уч. зап. Рязанского пед. ин-та. 1959. Т. 25. С. 425–427.

Шерцль В. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Филологические записки. Воронеж, 1883. № 5–6. С. 1–39; 1884. № 1. С. 1–84.

Шифисова Ф. Названия родства. Kaunas: Sviesa, 2000. 63 с.

Щур Г.С. О семасиологическом и ономасиологическом подходе в лингвистике // Вопросы лингвистики. Вып. 4. Томск: Томский гос. ун-т. С. 3–17. (С. 8 — вкратце о семантическом анализе ТР в американской этнолингвистике).

Юдина Н.В. Атрибутивная валентность релятивных существительных: на материале терминов родства. Владимир: Владимирский гос. пед. ун-т, 2000.

Юдина Н.В. О роли дескрипции в современном функционировании терминов родства // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. 1999. Вып. 2. С. 103–110.

Юдина Н.В. О сочетаемости имен существительных терминов родства с атрибутивными распространителями // Вестн. Владимирского гос. пед. ун-та. 1998. Вып. 3. С. 101–107.

Ярцева В.Н. Проблема связи языка и общества в современном зарубежном языкознании // Язык и общество. М.: Наука, 1968. С. 39–54. (С. 41 — об этнолингвистическом изучении терминологии родства).

Термины родства и антропонимы

Бикбулатов Н.В. Антропонимы и термины родства // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. № 3. С. 100–107.

Зеленин Д.К. Обзор рукописных материалов ученого архива Всесоюзного Географического общества о народах СССР // Советская этнография: сб. ст. М.; Л., 1940. Вып. 4. С. 193–205. (С.198 — употребление имен с ТР).

Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сб. МАЭ. Л., 1929. Т. 8. С. 1–151. (С. 139–143 — ТР и антропонимы).

Козлов Ю.А., Низкодубова С.В., Фокин В.А. Родовые фамилии в педагогическом деде: Профессиональные антропонимические особенности // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Гуманитарные науки (История). Томск, 2000. Вып. 4 (20). С. 31–35.

Крюков М.В. Личное имя и термины родства // Ономастика Востока. М., 1980. С. 27–31.

Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 111–336. (С. 258–271 — ТР и антропонимы)

Маслов А.А. Порядковые имена и отношения родства // АР-4. С. 39–41.

Штернберг Л.Я. Эволюция религиозных верований (лекции, читанные в 1925/26 и 1926/27 учебном году) // Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 241–531. (С. 309–310 — инверсия в употреблении терминов родства).

Формальные подходы к изучению феномена родства

Этнология и лингвистика (общие работы)

Арсеньев В.Р. О лингвистическом и социальном измерениях этнокультурной реальности (в связи с изучением системы терминов родства бамбара) // АР-2. С. 7–31.

Бурыкин А.А. Оппозиция взаимности–невзаимности в системах терминов родства: соотношение лингвистического и этносоциологического компонентов // АР-4. С. 33–38.

Гиренко Н.М. Несколько замечаний о теории и методологии иденетической реконструкции систем терминов родства // АР-5. С. 53–57.

Дзибель Г.В. Еще раз об иденетике, сравнительно-историческом языкознании и индоевропейских терминах родства и свойства // АР-7. С. 66–135.

Дзибель Г.В. К теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства // АР-5. С. 5–52.

Дзибель Г.В. Теория и практика в сравнительно-исторических исследованиях (в связи с дискуссией об иденетической реконструкции протосистем терминов родства) // АР-5. С. 98–188.

Дзибель Г.В. Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому // АР-2. С. 89–134.

Дзибель Г.В. Феномен родства. Прологомены к иденетической теории. СПб., 2001. (АР-6).

Добронравин Н.А. Давить или не давить? (О Г.В. Дзибеле, иденетической реконструкции и новых концепциях в лингвистической антропологии) // АР-7. С. 40–47.

Добронравин Н.А. Лингвистическая антропология, этнолингвистика, иденетика? // АР-5. С. 58–62.

Добронравин Н.А. Некоторые размышления из области лингвистической антропологии (комментарий к статье У.Д. Уайлдера) // АР-4. С. 28–32.

Дыбо А.В. О теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства // АР-5. С. 87–89.

Ибришимов Д., Порхомовский В. Системы и термины родства в лингвистике и этнологии // Abstracts of the 10th Section “Linguistics” of the 9th Conference of Africanists “Africa in the Context of North-South Relations”, Москва, 21–23 мая, 2002. М.: Ин-т Африки РАН, 2002. С. 23–24.

Казанков А.А. Еще раз о монофилиетической теории происхождения языка (в связи с дискуссией об иденетической реконструкции протосистем терминов родства) // АР-7. С. 32–39.

Кулланда С.В. Все на борьбу с филологическим формализмом (по поводу статьи Г.В. Дзибеля «К теории и методологии иденетической реконструкции протосистем терминов родства») // АР-5. С. 77–86.

Кулланда С.В. Системы терминов родства и праязыковые реконструкции // АР-2. С. 47–75.

Кулланда С.В. *Supra grammaticam* (иденетика и вопросы языкознания) // АР-7. С. 5–31.

Леви-Стросс К. Лингвистика и антропология // Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 64–75.

Леви-Стросс К. Структурный анализ в лингвистике и антропологии // Леви-Стросс К. Структурная антропология М., 1983. С. 33–52.

Маслов А.А. Мнимые и реальные противоречия этнологического и лингвистического подходов к изучению терминологии родства бамбара (комментарий к статьям В.Р. Арсеньева и В.Ф. Выдрина) // АР-2. С. 32–41.

Пицхелаури М.К. Терминология родства как предмет этнографии и лингвистики // Республиканская конференция молодых ученых-филологов. Батуми, 1982. С. 109.

Попов В.А. Номенклатура родства и система терминов родства: соотношение лингвистического и этнографического // АР-2. С. 135–142.

Компонентный и дистрибутивный анализ

Гинзбург Р.С. Значение слова и методика компонентного анализа // ИЯШ. 1978. № 5. С. 21–26

Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 291–314. (Компонентный анализ ТР).

Джавахадзе Н.В., Мгеладзе Н.В. Компонентный метод изучения системы родства в советской этнографии // Этнографические исследования. Тбилиси, 1988. С. 92–100 (на груз. яз.). (С. 100 — резюме на русском языке).

Дзибель Г.В. О дистрибутивном анализе терминов родства // АР-9. С. 57–60.

Долгих Н.Г. Основные направления в разработке метода компонентного анализа // Иностраный язык. Алма-Ата, 1970. Вып. 5. С. 8–11. (Компонентный анализ ТР).

Долгих Н.Г. О трех направлениях в разработке метода компонентного анализа применительно к лексическому материалу // ФН. 1974. № 2. С. 105–111. (С. 106 — о компонентном анализе ТР).

Калужнин Л.А., Скороходько Э.Ф. Некоторые замечания о лексической семантике (на материале терминологии родства и свойства) // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 183–199.

Крюков М.В. О принципах типологического исследования культуры // СЭ. 1983. № 5. (С. 8–9 — компонентный анализ ТР).

Кузнецов А.М. О применении метода компонентного анализа в лексике // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971. С. 257–268. (Компонентный анализ ТР).

Кузнецов А.М. Сопоставительно-типологический анализ терминов кровного родства в английском, датском, французском и испанском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 20 с.

Кузнецов А.М. Сопоставительно-типологический анализ терминов родства английского, датского, французского и испанского языков // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971. С. 269–277.

Кузнецов А.М. Сопоставительный анализ терминов, обозначающих кровное родство, в английском и датском языках // Конф. молодых науч. работников по вопросам лингвистики и методики преподавания иностранных языков: тез. докл. М., 1968.

Кузнецов А. М. О терминологическом статусе терминов родства // Вопросы грамматического строя германских языков. Омск, 1975. Вып. 1. С. 73–81.

Кузнецов А.М. О типологии семантического поля терминов родства // Уч. зап. Омск. пед. ин-та. 1970. Вып. 60. С. 160–167.

Кузнецов А.М. Типы минимальных смысловых единиц, выделяемых при компонентном анализе лексических значений // Вопросы семантики: тез. докл. М., 1971. (Компонентный анализ ТР).

Ломтев Т.П. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики (термины родства в русском языке) // ФН. 1964. № 2. С. 108–120.

Ломтев Т.П. Принцип отражения и его значение для лингвистической семантики // ФН. 1970. № 1. С. 69–80. (С. 72–73 — компонентный анализ ТР русского языка).

Новичкова В.В. Семантическая регулярность трансформаций контекстуальных значений (на материале именований **родства** в русском и английском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 16 с.

Селиверстова О.Н. Обзор семантических работ по компонентному анализу // ФН. 1967. № 5. С. 125–132.

Степанова М.Д. Вопросы компонентного анализа в лексике // ИЯШ. 1966. № 5. С. 34–40.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. 272 с. (С. 23, 116 — методика компонентного анализа ТР и ее неприменимость для «других видов словесных знаков»).

Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975. 432 с. (С. 16 — компонентный анализ ТР по Ф. ЛауНовосибирскери).

Членов М.А. О целях компонентного анализа систем родства // V Всесоюз. симп. по кибернетике. Тбилиси, 1970.

Шиловский А.Н. Комбинаторная методика Т.П.Ломтева и возможности ее применения: учеб. пособие. Днепропетровск, 1979. 105 с. (С. 3–37 — комбинаторный метод применительно к ТР).

Этнология, алгебра, геометрия и логика

Белков П.Л. Вопросы метаязыка: этнография, антропология, топология (К дискуссии «Исследования феномена родства») // АФ. 2011. № 15. С. 15–22.

Белков П.Л. Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства // АФ. 2010. № 12 Online. С. 1–17.

Белков П.Л. Классификационные системы родства: принцип построения локального пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. «История». 2009. Вып. 3. С. 111–121.

Белков П.Л. Этнография родства и проблема рациональности научного открытия // АФ. 2011. № 14 Online. С. 365–445.

Беркли Э. Символическая логика и разумные машины. М., 1961. 260 с. (С. 30–33, 39–41 — термины родства с точки зрения логики).

Боголюбов И.Н., Божков О.Б. Построение и визуальное отображение родословных структур — путь к социологическому анализу // Социология. М., 1999. № 11. С. 125–141.

Бурыкин А.А. Геометрия родства: наука или абстрактное искусство? (Обсуждение статьи Павла Белкова «Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства») // АФ. 2011. № 14 Online. С. 336–351.

Добронравин Н.А. Родство как оболочка и поиск скрытых смыслов (от политологии до лингвистики и права) (Обсуждение статьи Павла Белкова «Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства») // АФ. 2011. № 14 Online. С. 328–335.

Калята А.В. «Трудности перевода», или Почему из систем родства не получается ни алгебра, ни геометрия (К дискуссии «Исследования феномена родства») // АФ. 2011. № 15. С. 62–73.

Костицын В.Н. Родство и его применение при построении изображений пространственных фигур (В помощь учителю) // Математика в школе. 1998. № 3. С. 63–69.

Попов В.А. Геометрия родства, алгебра родства или абракадабра родства, или как из систем родства и фольклора соорудить кубик Рубика (заметки на полях статьи П.Л. Белкова «Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства») // АФ. 2011. № 14 Online. С. 352–364.

Попов В.А. Социальная идентификация, феномен взаимности и геометрия родства (краткий комментарий к дискуссии по неэгоцентрическим терминам родства) // АР-4. С. 61–63.

Попов В.А. Эгоцентризм, реципрокность и геометрия родства // Сб. МАЭ. Т. XLVIII «285 лет Петровской Кунсткамере». СПб., 2000. С. 239–240.

Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики. М., 1947. 304 с. (С. 82–83, 90 — ТР с точки зрения логики).

Иванов Вяч.Вс. Клод Леви-Стросс и структурная антропология // Природа. 1978. № 1. С. 77–89. (С. 81–82 — математические методы в изучении СТР в связи с работой К. Леви-Стросса «Элементарные структуры родства»).

Кемени Дж., Снелл Дж., Томпсон Дж. Введение в конечную математику. М., 1963. 487 с. (С. 458–468 — родство и правила бракосочетания в первобытных обществах).

Левин Ю.И. Алгебра родства (о терминах, обозначающих родство) // НЖ. 1982. № 8. С. 96–92.

Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 823 с.

Левин Ю.И. Об описании системы терминов родства // СЭ. 1970. № 4. С. 18–30.

Левин Ю.И. О некоторых алгебрах, связанных с отношениями родства // Математическое программирование и расчет строительных конструкций (Сб. тр. Московского инженерно-строительного ин-та. № 121). М., 1974. С. 106–121.

Левин Ю.И. О формальном анализе систем терминов родства // *Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University (Jerusalem)*. 1978. № 2. С. 131–147.

Рид Д.У. Иной взгляд на родство: почему необходима смена парадигмы // АР-11. С. 70–95.

Рид Д.У. Предварительные условия алгебраической формализации систем терминологии родства // АФ. 2011. № 15. С. 101–116.

Уайлдер У.Д. Безреципрокные термины родства: непризнанная область изучения // АР-4. С. 5–27.

Уайт Х. Модели систем родства с предписанным браком // Математические методы в социальных науках. М., 1973.

Народы Австралии и Океании

Бутинов Н.А. Пища, родство, инцест // Сб. МАЭ. 1984. Т. 39. С. 113–119.

Бутинов Н.А. Родство: океанийская модель // АР-1. С. 172–183.

Аборигены Австралии

Артемова О.Ю. В очередной раз о теории «родового быта» и об «австралийской контроверзе» // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000. С. 25–50.

Артемова (Чудинова) О.Ю. Предисловие // Макконел У. Мифы Мункан. М., 1981. С. 3–23. (С. 7–10 — классификационные СР и представления о родстве у викмункан).

Белков П.Л. Миф и категории социального пространства (Понятие рода у аборигенов Австралии) // Ранние формы социальной организации. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 51–59.

Белков П.Л. Миф и тотем в традиционном обществе аборигенов Австралии. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 228 с.

Белков П.Л. Мифологическое родство у аборигенов Австралии // АР-5. С. 207–212.

Белков П.Л. Принцип локальности австралийских систем родства // Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 126–129.

Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981. 448 с. (С. 55–74 — СР).

Кричевский Е.Ю. Системы родства, как источник реконструкции развития социальной организации австралийских племен // Вопросы истории докапиталистических обществ. ТИЭ. М.; Л., 1936. Т. 4. С. 257–328.

Крюков М.В. Дает ли система брачных классов ключ к разгадке «австралийской контроверзы»? // СЭ. 1974. № 3.

Максимов А.Н. Материнское право в Австралии. М.; Л., 1930. 86 с. (С. 57 — регуляция браков как функция австралийских СР).

Максимов А.Н. Системы родства австралийцев // ЭО. 1912. Кн. 42–43. № 1–2. С. 35–100.

Мисюгин В.М. Об отношении австралийских брачных классов к тураногованской системе терминов родства // Основные проблемы африканистики. М., 1973.

Роуз Ф. Аборигены Австралии: Традиционное общество. М., 1989. 320 с. (С. 165–170 — классификационные СР).

Семенов Ю.И. Проблема соотношения материнской отцовской филиации у аборигенов Австралии // СЭ. 1971. № 6.

Токарев С.А. Общественный строй австралийцев // Народы Австралии и Океании. Народы мира. Этнографические очерки. М., 1956. С. 149–208. (С. 158–162 — СТР австралийцев).

Токарев С.А. О системах родства у австралийцев // СЭ. 1929. № 1. С. 23–53.

Харузин Н. Новые материалы для изучения истории развития семьи (Н. Cunow. Die Verwandtschafts-Organisation der Australneger. Stuttgart, 1894) // ЭО. 1895. № 3. С. 105–113.

Членов М.А. Можно ли считать «австралийскую контроверзу» разрешенной // СЭ. 1971. № 4.

Членов М.А. Еще раз об «австралийской контроверзе» и методике ее решения // СЭ. 1974. № 6.

Неавстронезийские народы Меланезии

Бутинов Н.А. Общинное, семейное и клановое родство (по материалам Меланезии) // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб., 2004. С. 69–78.

Бутинов Н.А. Ранняя семья (По материалам народов Меланезии) // Ранние формы социальной организации. СПб., 2007. С. 60–78.

Бутинов Н.А. Родство и сродство в Меланезии // Пути развития Австралии и Океании. М., 1981. С. 163–183.

Бутинова М.С. Н.Н. Миклухо-Маклай о браке и семье у папуасов Новой Гвинеи // Маклаевские чтения (1998–2000): кр. содерж. докл. СПб., 2001. С. 19–22.

Журиная М.А. Именные посессивные конструкции в языках Меланезии // О языках, фольклоре и литературе Океании. М., 1978. С. 16–38. (В т.ч. о ТР).

Крюков М.В. Можно ли заглянуть в глубь истории Бонгу? (Очерк системы родства) // На берегу Маклая. М., 1975. С. 185–203.

Лихтенберг Ю.М. Система родства на о. Рага и вопрос о геронтократии в Меланезии // Сб. МАЭ. 1949. Т. 12.

Лихтенберг Ю.М. Системы родства папуасов Новой Гвинеи // ТИЭ. 1962. Т. 80. С. 190–200.

Токарев С.А. Общественный строй меланезийцев // Народы Австралии и Океании — Народы мира: Этнографические очерки. М., 1956. С. 428–459. (С. 436 — меланезийские СР).

Токарев С.А. Родовой строй в Меланезии // СЭ. 1933. № 3–4. С. 39–74. (С. 60–61 — краткая характеристика СР папуасов банаро, байнинг и кивай; с. 71–72 — общая характеристика меланезийской СР).

Полинезийские народы

Бутинов Н.А. Детство на островах Адмиралтейства // Этнография детства: Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М., 1992. С. 56–84. (С. 68–69 — употребление ТР детьми этносов манус и матанкор (о. Адмиралтейства), концепция родства у бонгу, форе, тангу, мбовамб, бенабена, мелпа).

Бутинов Н.А. Социальная организация полинезийцев. М., 1985. 224 с. (С. 19–26, 209 — родство в представлении полинезийцев).

Кожановская И.Ж. Что мы знаем о формах социальной организации в Полинезии // ЭО. 1993. № 2. 163–174.

Крюков М.В. Полинезийские системы родства как этногенетический источник // Австралия и Океания. История. Экономика. Этнография. М., 1978. С. 119–135.

Федорова И.К. Семантика некоторых терминов родства у маори Новой Зеландии // АР-1. С. 184–197.

Федорова И.К. Маркизская семья — трансформация роли женщины в полинезийском социуме // Маклаевские чтения 2002–2006 гг. СПб., 2006. С. 200–207.

Федорова И.К. Термины родства у рапануйцев // Австралия и Океания. История. Экономика. Этнография. М., 1978. С. 136–157.

Народы и языки Северной Америки

Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки: От родового общества к классовому. М., 1974.

Скрозникова В.А. Тайна индейских имен. М., 1991. 182 с. (С. 81–82 — тектонимия (например, у хопи), описательные ТР для обозначения детей).

Уленбек Х.К. Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки // Эргативная конструкция предложения. М., 1950. С. 186–207.

Уленбек Х.К. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки // Эргативная конструкция предложения. М., 1950. С. 74–96.

Алгонкины

Ващенко А.В. Историко-эпический фольклор североамериканских индейцев. Типология и поэтика. М., 1989. 240 с. (С. 30 — ТР как метафора межэтнических отношений индейцев Востока США).

Пуэбло

Дожье Э.П. Американский Юго-Запад // Североамериканские индейцы. М., 1978. С. 220–252. (С. 232–233 — общая характеристика СР индейцев пуэбло).

Сиу

Браун Дж.Э. Примечания // Черный Лось. Священная трубка. М., 1994. С. 144–246. (С. 159 — родство в понимании сиу).

Тлинкиты

Дзенискевич Г.И. Мотив родства в традиционной ораторике тлинкитов // АР-3. С. 206–216.

Шошоны

Дзибель Г.В. К вопросу о характере социальных объединений северных шошонов в XVIII–XIX вв. // Открытие Америки продолжается. СПб., 1994. Вып. 2. С. 106–114.

Дзибель Г.В. Северные шошоны: циклы этносоциальной истории, системы терминов родства и экологическое родство // АР-9. С. 111–233.

Юты

Оплер М.К. Индейцы юта и пайюта на южной окраине Большого Бассейна // Североамериканские индейцы. М., 1978. С. 253–285. (С. 257, 259–260 — СР ютов).

Народы Мезоамерики

Ансальдо Фигероа Р.Э. Системы свойства индейцев: опыт структурной типологии // АР-9. С. 80–103.

Беляев Д.Д. Царские генеалогии в древней Мезоамерике // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2004. С. 38–51.

Индейцы Антильских островов

Александренков Э.Г. Индейцы Антильских островов до европейского завоевания. М., 1976. 232 с. (С. 160–161 — общая характеристика СР индейцев Малых Антильских о-вов).

Александренков Э.Г. «Таино», «макори», «гуаитиано» — три формы этнической ориентации индейцев Антильских островов // Исторические судьбы американских индейцев: Проблемы индеанистики. М., 1985. С. 107–115. (С. 112–114 — фиктивное родство и текнонимия у индейцев Антильских о-вов).

Ацтеки (науа)

Баглай В.Е. Некоторые традиции семейно-брачных отношений и терминология родства древних ацтеков // АР-2. С. 201–213.

Калюта А.В. Ацтеки: родство, гендер, возраст. Опыт историко-социологического исследования // АР-10.

Калюта А.В. Инвертированное употребление терминов смежных поколений в системе родства древних науа // АР-9. С. 104–110.

Калюта А.В. Система терминов родства древних науа: опыт историко-типологической реконструкции // АР-3. С. 217–230.

Гаитийцы

Кулакова Н.Н. Гаитийцы // СНА. С. 166–175. (С. 167–168 — роль кровного и фиктивного родства в жизни гаитийцев).

Кубинцы

Шейнбаум Л.С. Кубинцы // СНА. С. 135–166. (С. 143–146 — «Особенности межсемейных связей и ритуальное родство»; в т.ч. с. 146 — особенности кубинской СР).

Майя

Бородатова А.А., Кожановская И.Ж. Протосистема родства майя: Попытка реконструкции // АР-1. С. 58–81.

Миштеки

Лисенко Л.П. Семейно-брачные нормы миштекских правителей (Южная Мексика IX–XVI вв.) // Открытие Америки продолжается. СПб., 1993. Вып. 1. СПб. С. 139–152.

Пуэрториканцы

Шалыгина Н.В. Пуэрториканцы в США // СНА. С. 96–118. (С. 115–116 — роль родства, свойства и фиктивного родства в обществе пуэрториканцев).

Шалыгина Н.В. Семья на Пуэрто-Рико // СНА. С. 176–192. (С. 189–192 — «Родственные связи»: соотношение родства, свойства и фиктивного родства (компадраسو)).

Народы Южной Америки

Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков / под ред. Ю.В. Кнорозова, В.А. Кузьмищева. Л., 1974. 748 с. (С. 215 — ТР для обозначения детей и племянников).

Котовская М.Г., Файнберг Л.А. Индейцы Бразилии // СНА. С. 265–279. (С. 270 — ТР тукуно; с. 276–277 — фиктивное родство среди городских индейцев тупи и терена).

Ольдерогге Д.А. О социальном строе отсталых племен Южной Америки // СЭ. 1948. № 1. С. 180–188. (В т.ч. о СР).

Серов С.Я. Народы андских стран // СНА. С. 225–238. (С. 235–236 — фиктивное родство типа компадраسو у индейцев и метисов).

Народы и языки Африки

Вестерман Д. Множественное число и именные классы в некоторых африканских языках // Африканское языкознание. М., 1963. С. 54–93. (С. 60, 64–65 — употребление форм мн. ч. с ТР у эве и тви).

Гиренко Н.М. К вопросу об эволюции систем родства у некоторых народов Экваториальной и Тропической Африки // Africana. АЭС. 1978. Вып. 11. С. 13–53.

Гиренко Н.М. Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. Л., 1991. 303 с. (С. 166–167 — индивидуальное и коллективное в ТР (на примере африканских СТР)).

Желтов А.Ю. Африканистика, гуманитарные науки и научная парадигма Н.М. Гиренко // АФ. 2011. № 14 Online. С. 284–294. (С. 289–292 — «Специфика африканского типа терминологии сиблингов»).

Ольдерогге Д.А. Описательные системы родства народов Западного Судана. М., 1964.

Попов В.А. О вариантах систем терминов родства типа кроу у народов Западной Африки // КСДИЭ. 1974–1976. Л., 1977. С. 49–51.

Попов В.А. Историко-типологическое изучение систем терминов родства в отечественной африканистике // X Конф. африканистов «Безопасность Африки: внутренние и внешние аспекты»: тез. М., 2005. С. 164–165.

Попов В.А. Гендерные, генерационные и генеалогические аспекты становления харизматического лидерства в Тропической Африке // IX Конф. африканистов «Африка в контексте отношений Север–Юг»: тез. М., 2002. С. 162.

Попов В.А. Родство и возраст как принципы организации социально-коммуникативных сетей (к проблеме вторичного политогенеза в Тропической Африке) // VIII Конгресс этнографов и антропологов России. Оренбург, 2009. С. 537.

Попов В.А. Шеф отечественной африканистики // *Ethnologica Africana* (Памяти Д.А. Ольдерогге). М., 2002. С. 51–61. (О вкладе в изучение СР).

Рэдклифф-Браун А.Р. Африканские системы родства и брака // *Личность. Культура. Общество*. 1999. Т. 1. № 1. С. 138–154.

Акань

Попов В.А. Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования. М., 1982. С. 83–121. (С. 83–106 — СТР и СР; 107–121 — СТР как исторический источник.)

Попов В.А. Ашантийцы в этнографии и этнография ашантийцев: фатальная несовместимость? // СЭ. 1989. № 5. С. 64–77. (С. 72–73 — некоторые вопросы теории СР на примере ашантийцев).

Попов В.А. Информационный потенциал бифуркативной системы терминов родства (на аканском материале) // *Язык в Африке: Лингвистические проблемы современной африканистики*. М., 1987.

Попов В.А. Матрилинейность или двойная унилатеральность? (К вопросу о специфике счета родства у ашантийцев в XIX в.) // КСДИЕ. Л., 1980. С. 27–28.

Попов В.А. Опыт историко-типологического анализа систем терминов родства в языках акан // Тез. дискуссии «Типология как раздел языкознания». М., 1976. С. 146–148.

Попов В.А. Опыт компонентного анализа систем терминов родства ашанти и фанти // *Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах*. М., 1979. С. 118–130.

Попов В.А. Системы терминов родства аканов как этносоциологический источник // *Africana*. АЭС. 1982. Вып. 12. С. 50–79.

Попов В.А. Системы терминов родства народов акан. Опыт историко-типологического анализа // СЭ. 1977. № 6.

Попов В.А. Традиционная социальная организация ашанти в предколониальный период: 1806–1874 (к проблеме типологической квалиметрии): автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1977. 20 с. (С. 13–15, 19–20 — ТР и СР.)

Попов В.А. Филиация у ашантийцев предколониального периода. Опыт историко-типологического исследования // *Этнокультурные процессы: Методы исторического и синхронного изучения*. М., 1982. С. 75–80.

Попов В.А. К характеристике ашантийского социального института нто-ро // СНВ. 1980. Вып. 21. (Пережитки патрилатеральности и билатеральности в матрилинейном обществе).

Попов В.А. Этнополитические организмы аканов доколониальной эпохи (проблемы генезиса и стадийно-формационной атрибуции): автореф. дис. ... д-ра наук. М., 1987. 33 с. (С. 21–22 — СТР как источник информации для реконструкции аканской этнической истории).

Попов В.А. Этносоциальная история аканов в XVI–XIX вв. Проблемы генезиса и стадийно-формационного развития этнополитических организмов. М., 1990. 277 с. (С. 146–155 — СР).

Банту

Arnold B. Bedeutung der Brautgabe und zum Übergang von Mutterrecht zu Vaterrecht in Südwest-Tansania // *Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Mu-*

seums für Völkerkunde Dresden. 1990. Т. 44. S. 413–420. (С. 420 — резюме на русском языке).

Гиренко Н.М. Социальное содержание перехода от матрилинейности к патрилинейности у народов Танзании // КСДИЭ. 1977.

Гиренко Н.М. Традиционная социальная организация ньямвези: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975. 21 с. (С. 14–17 — теоретические вопросы изучения СР; с. 19–20 — генерационный скос кроу-омаха у ньямвези и соседних народов в связи с переходом к унилатеральности).

Иванова О.А. Лингвистические особенности терминов родства в языках банту // АР-11. С. 187–203.

Мисюгин В.М. Занзибарская терминология родства // Africana. АЭС. 1980. Вып. 12. С. 24–37.

Ольдерогге Д.А. Брат-сын матери (псевдомариархат) // Africana. АЭС. Вып. 10. 1975. С. 3–8.

Ольдерогге Д.А. Система лобла и различные формы кузенного брака в Южной Африке // Ольдерогге Д.А. Система нкита (взаимоотношения родов у нкунду по данным конца XIX — начала XX вв.) // Ольдерогге Д.А. Эпигамия. Избранные статьи. М., 1983. С. 80–108. (Социальная обусловленность СР).

Ольдерогге Д.А. Система родства баконго в XVII в. Брушотто да Ветралла и его миссия // Эпигамия. М., 1983. С. 42–79. (Перепеч. из: Africana. АЭС. 1959. Т. 3. С. 5–35).

Скаличка В. О типологии языков банту // Африканское языкознание: сб. ст. М., 1963. С. 144–188. (С. 159 — особенности употребления генитива с ТР).

Снегирев И.Л. Об одном выражении «женского» рода в языках зулу и коса // Язык и мышление. М.; Л.: АН СССР, 1935. Т. 3–4. С. 281–284. (О словах «женщина» и «жена»).

Томчина С.И. Бамана: терминология родства ду // Africana. АЭС. 1977. Вып. 9. С. 23–49.

Волофы

Кальщиков Е.Н. Волофы // СЛИНМ. С. 94–96. (С. 96 — употребление вокативных ТР).

Догоны

Дуньон И. Терминология родства догонов Мали // АР-1. С. 274.

Киндье Йалкус. Социальный и лингвистический аспекты терминов родства в языке догон // Африка: культура, этничность, язык: материалы выездной сессии, Ленинград, 3–5 мая 1990 г. М., 1991. С. 161–167.

Плунгян В.А. Именная классификация и «скрытые категории»: язык догон // Африка: Проблемы перехода к гражданскому обществу: тез. докл. и науч. сообщ. М., 1994. Вып. 2. С. 159–160. (ТР как реляционные имена и их оформление служебными морфемами в языке догон).

Йоруба

Туркина Т.Г. Системы терминов родства йоруба: опыт историко-типологической характеристики // АР-7. С. 219–230.

Фульбе

Зубко Г.В. Фульбе // СЛИНМ. С. 321–327 (С. 322 — текнонимия).

Огони

Киебел К.Б., Попов В.А. Современная система терминов родства и некоторые элементы традиционной социальной ориентации огони // *Africana*. АЭС. 1982. Вып. 13. С. 80–85.

Киебел К.Б., Попов В.А. Современная система родства и возрастные классы огони // Крат. содерж. докл. науч. сессии, посвящ. основным итогам работы в десятой пятилетке. Л., 1983. С. 55–56.

Сандаве

Иванова О.А. Термины родства сандаве с лингвистической точки зрения // *АР-11*. С. 248–252.

Мандеязычные народы

Маслов А.А. Системы родства западных манде // *АР-7*. С. 187–218.

Маслов А.А. Системы родства народов манде: Опыт историко-типологического исследования. СПб., 2010. (АР-8).

Бамбара

Арсеньев В.Р. Некоторые особенности традиционной социальной организации бамбара в свете современных материалов // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978. С. 137–147. (С. 141–144 — СР, СТР бамбара во взаимодействии с социальными институтами).

Арсеньев В.Р., Попов В.А. К типологической характеристике современной системы терминов родства бамбара // Полевые исследования Института этнографии. 1978. М., 1980. С. 171–180.

Гиндо Мусса А. Национально-культурная специфика семантики наименований родства в современном русском языке в аспекте его преподавания носителям языка бамана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 20 с.

Гиндо Мусса А. Система родства бамбара, как аспект культуры носителей языка бамана // *НАА*. 1988. № 3. С. 98–101.

Ваи

Кузнецов П.С. О местоимениях в языке ваи // *Africana*. АЭС. 1959. Т. 3. С. 161–168.

Дан

Выдрин В.Ф. Терминология родства и свойства в дан-гуэа (Кот д'Ивуар) // *Ad hominem*. Памяти Николая Гиренко. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 41–66.

Мандинго (манден)

Выдрин В.Ф., Диане М. Система терминов родства гвинейских манинка // *АФ*. 2012. № 9. С. 237–262.

Лабзина В.Н. Мандинго // *СЛИНМ*. С. 201–204. (С. 202 — ТР и личные имена; с. 204 — вокативное употребление ТР).

Манья

Конне С., Попов В.А. Система терминов родства манья (Либерия) // *АР-1*. С. 198–202.

Тура

Идиатов Д.И. Система терминов родства тура // *АР-5*. С. 278–284.

Нило-сахарские народы

Канури и канембу

Бондарев Д.Г. Системы терминов родства канури и канембу // *АР-2*. С. 143–154.

Сара

Мбайкенг М., Попов В.А. Современная система терминов родства сара (Республика Чад) // АР- 3. С. 278–284.

Нубийцы

Завадовский Ю.Н., Смагина Е.Б. Нубийский язык. М., 1986. 93 с. (С. 55–56 — употребление притяжательных местоимений с ТР, список, содержащий несколько ТР).

Афразийские (семито-хамитские) народы и языки

Титов Е.Г. Об особенностях амхарского языка в сравнении с некоторыми другими семитскими языками // АЭС. 1959. Вып. 3. С. 169–183. (С. 174 — амхарские ТР для ближайших родственников в сопоставлении с эфиопскими и арабскими).

Амхара

Юшманов Н.В. Строй амхарского языка. Л., 1936. 39 с. (С. 15–16 — обще-семитский корень ‘брат’ в сравнении с амх. “сын матери”; с. 17 — описательный ТР для внука).

Берберы

Бенуис Э. Терминология родства берберов Марокко и Ливии // АР-1. С. 275–277.

Египтяне

Матье М.Э. Из истории семьи и рода в древнем Египте // ВДИ. 1954. № 3. С. 45–75.

Матье М.Э. Термины родства в древнем Египте // Уч. зап. Ленинград. гос. ун-та. Сер. исторических наук. 1941. Вып. 9. С. 22–37.

Хауса

Булатов О.А. Шуточное родство и его роль во взаимоотношениях жителей Кано и Зарии // Сборник студенческих работ. СПб., 2002. Вып. 4. С. 4–13.

Добронравин Н.А. Термины родства в этногенетических легендах: хаусанское предание о Дауре и его современная критика // АР-4. С. 132–136.

Ольдерогге Д.А. Западный Судан в XV–XIV вв. Очерки по истории и истории культуры. (ТИЭ. Т. 53.). М.;Л., 1960. 268 с. (С. 118–136 — СР хаусанцев.)

Попов В.А. [Рец.] *Africana*. АЭС. Вып. 10. ТИЭ. Л., 1975. Т. 103 // СЭ. 1976. № 24. С. 203–205. (В т.ч. о ТР хаусанцев.)

Народы и языки Евразии

Ковалевский М. М. Клан у аборигенных племен России // СоцИс: Социологические исследования. 2002. № 5. С. 129–138.

Корнилов Г.Е. Евразийские лексические параллели. К уточнению объема и характера болгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей I: учеб. пособие. Чебоксары, 1973. 297 с. (С. 28, 42, 54 и др. — этимологии и сопоставления ТР).

Ностратические языки

Бурыкин А.А. О реконструкции архаических состояний, родстве и классификации языков // АР-12. С. 38–41.

Бурыкин А.А., Попов В.А. О методах сравнительно-исторических исследований (в связи с обсуждением реконструкции ностратических терминов родства и свойства) // АР-11. С. 103–116.

Бурыкин А.А., Попов В.А. О некоторых итогах обсуждения реконструкции ностратической терминологии родства и свойства // АР-9. С. 45–56.

Бурыкин А.А., Попов В.А. К реконструкции ностратической терминологии родства и свойства // Радловские чтения 2006. СПб., 2006. С. 168–171.

Дзибель Г.В. К дискуссии о реконструкциях индоевропейского и ностратического праязыков и реконструкциях прасистем терминов родства: уточняющие детали // АР-12. С. 20–33.

Дыбо В.А. Ностратическая гипотеза (итоги и проблемы) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1978. № 37 (5). С. 400–413. (С. 402 — о ностратическом термине свойства).

Дыбо А.В., Кулланда С.В. Calumniare audacter (по поводу отклика Г.В. Дзибеля) // АР-12. С. 36–37.

Дыбо А.В., Кулланда С.В. In loco cognatis // АР-11. С. 93–102.

Дыбо А.В., Кулланда С.В. Ностратическая терминология родства и свойства // АР-9. С. 5–31.

Захаров А.К. О предполагаемом значении некоторых ностратических слов, обозначающих общественные, в частности родственные отношения // Конф. по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: предварительные материалы. М., 1972. С. 53–54.

Иванов Вяч.Вс. К исследованию отношений между языками // Вопросы языкового родства. 2009. Т. 1. С. 1–12. (С. 7 — анатол. **nika*, хет. *nega* ‘сестра’, *anna-nega* ‘двоюродная сестра’ и пр. и их ностратические параллели).

Иванов Вяч.Вс. Анатолийские личные имена и слова в староассирийских текстах XX–XVIII вв. до н.э. — древнейшие свидетельства об индоевропейских языках // ВЯ. 2008. № 2. (Анатол. **nika*, хет. *nega* ‘сестра’, *anna-nega* ‘двоюродная сестра’ и пр. и их ностратические параллели).

Иванов Вяч.Вс. Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира» // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980. С. 181–207. (С. 191–192 — ТР в свете ностратической теории (анатолийский, негидальский языки)).

Иванов Вяч.Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. 15а, 18а, 19а, 20–24 // Этимология. 1979. М., 1981, С. 130–38. (С. 136–138 — генерационный скос омаха в ностратическом праязыке).

Иванов Вяч.Вс. [Рец.] В.М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (1–3). Указатели // Этимология. 1977. М., 1979. С. 179–184.

Иванов Вяч.Вс. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений. Тр. по знаковым системам. Тарту, 1977. Т. 8. С. 45–64. (С. 58, прим. 41 — генерационный скос омаха в ностратическом языке).

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. М.: Наука, 1971. (С. 21–22 — «Человек, родство»; 295–296, 303–304 — некоторые ТР).

Климов Г.А. Несколько картвельских индоевропеизмов // Этимология. 1979. М., 1981. С. 167–713. (В т.ч. о ТР в связи с ностратической гипотезой).

Урало-Индогерманика: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей: материалы III Балто-славянской конф., 18–22 июня 1990 г. М.: АН СССР, 1990. Ч. 2. (С. 84 — о хеттском *nega* ‘сестра’ в ностратическом свете).

Сино-кавказские языки

Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982. С. 144–237. (С. 146, 151, 163, 199, 200, 202, 207, 213, 223 — енисейские ТР для ближайших родственников и их северокавказские, тибето-бирманские и китайские соответствия).

Восточная Азия, Центральная Азия, Средняя Азия, Сибирь и Поволжье

Алексеева Н.Д. Семейно-брачные отношения в традиционной культуре народов Среднего Поволжья: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тольятти: Южный федеральный университет, 2009.

Ашмарин Н.И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Изв. Азерб. ун-та. Сер. обществ. наук. 1925. Вып. 2–5. Т. 4–5. С. 75–100. (С. 98–99 — звукоподражательные ТР).

Афанасьева Г.М. Цели и методы исследования порядка репродукции аборигенов Северной Сибири // Этносы и этнические процессы. М., 1993. С. 79–91. (С. 88–90 — СР, генеалогический метод).

Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. О брачных системах автохтонных народов Северной Азии // СЭ. 1981. № 4. С. 39–52. (С. 51 — соотношение брачных обычаев и ТР у чукчей, нганасан, энцев, кетов).

Бабушкина Р.В. Общие термины родства тюркских и мордовских народов // Исследования финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР: тез. докл. Всесоюз. науч. совещания финно-угроведов, 27–30 октября 1977 г. Ужгород, 1977.

Бикбулатов Н.В. Скользящий счет поколений в урало-алтайских системах родства (по данным ареальных наблюдений) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос): сб. науч. тр. Л., 1983. С. 240–247.

Бурыкин А.А. Мотив наказания за инцест в фольклоре народов Приамурья: три возможных объяснения // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб., 2004. С. 240–247.

Долгих Б.О. Род, фратерия, племя у народов Северной Сибири. М., 1964. 58 с.

Дульзон А.П. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья // Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та. 1954. Т. 11. С. 59–94. (ТР чулымских и томских тюрков, хакасов и селькупов).

Егоров Н.И. Взаимовлияние диалектных систем терминов родства тюркских языков Поволжья и Урала // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. Чебоксары, 1988. С. 59–67.

Жданко Т.А. Региональное совещание по изучению быта сельской семьи у народов Средней Азии и Казахстана (Ашхабад, март 1983 г.) // СЭ. 1983. № 6. С. 124–128.

Максютова Н.Х. Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков (Материалы) // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 149–153. (С. 152 — сопоставление ТР удмуртов с ТР башкир, а также употребление ласкательных аффиксов с ТР в этих языках).

Мацокин Н. Материнская филиация в Восточной и Центральной Азии. Владивосток, 1910. Вып. 1: Материнская филиация у китайцев, корейцев и японцев. 40 с. (С. 16–18 — классификационная СР китайцев; с. 27–28 — обозначение детей у корейцев и других народов; с. 36 — классификационная СР у японцев).

Прокофьев Г.Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Э. 1928. № 2. С. 96–103. (С. 102 — ТР селькупов и кетов).

Симченко Ю.Б. Терминология родства ненцев, энцев, нганасан и юкагиров // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 270–291.

Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1965. Ч. 1. 160 с.; Чебоксары, 1968. Ч. 2.

Харузин Н.Н. Очерки первобытного права I. Семья и род. М., 1898. 179 с. (С. 116–123 — СР якутов, нивхов, удмуртов).

Членов М.А. Некоторые проблемы типологии систем родства тюркских народов Сибири // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 102–106.

Шабашов А.В. К проблеме типологизации систем терминов родства некоторых этнических общностей Северной Евразии // АР-4. С. 122–129.

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны (Статьи и материалы). Хабаровск, 1933. 740 с. (С. 30–33 — СР нивхов; с. 132–156 — нивхская СР в контексте брачных связей; с. 223–235 — нивхская СР в контексте теории Л.Г. Моргана; с. 235–246 — классификационная СР у народов Северо-Восточной Азии; 410–418 — СР орочей).

Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-восточной Азии. Л., 1933. 187 с.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск.: СО РАН, 1999. (С. 135–161 — «Общественные отношения», в т.ч. о родстве и брачных нормах).

Айны

Спеваковский А.Б. Айнская терминология родства // СЭ. 1986. № 2. С. 45–56.

Спеваковский А.Б. Система терминов родства айнов бассейна реки Сару (предварительное сообщение) // Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре: сб. ст. М., 1983. С. 114–123.

Спеваковский А.Б. Терминология родства как этногенетический источник (на примере системы терминов родства айнов) // Крат. содерж. докл. годичной науч. сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1983 г. Л., 1985. С. 30–31.

Алтайские народы и языки

Бурыкин А.А. Проблемы семантической реконструкции терминов родства в алтайских языках и перспективы реконструкции общеалтайской системы терминов родства // АР-7. С. 136–172.

Дыбо А.В. Мир праалтайцев: *Wörter und Sachen* // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия: докл. и тез. науч. конф., 29 мая — 2 июня 2000 г. М., 2000. С. 38–48. (С. 45–46 — ТР).

Егоров Н.И. Термины кровного родства в алтайских языках // Языкознание: тез. докл. и сообщ. III Всесоюз. тюркологической конф. Ташкент, 1980. С. 213–214.

Номинханов Ц.Д. Термины родства в тюрко-монгольских языках // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата, 1958. Вып. 1. С. 42–47.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1026 с. (С. 832 — употреб. ТР в отношении сакрально отмеченных объектов (медведь, скала) у тюрко-монгольских народов).

Смоляк А.В. О некоторых элементах сходства в культурах коренных жителей Нижнего Амура, тюркоязычных и монголоязычных народов // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 72–79. (С. 76 — негидальские и древнетюркские ТР).

Цаплин Ф.С. Этнонимия в алтаистике // Проблемы алтаистики и монголоведения. Сер. лингвистики. М., 1975. Вып. 2. С. 92–106. (С. 106 — участие ТР в образовании алтайских этнономов (-ул, -гул, -гур, -гыз)).

Цинциус В.И. Алтайские термины родства и проблема их этимологии // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 127–138.

Цинциус В.И. Алтайские термины родства и проблема их этимологии // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. Berlin, 1974. S. 169–174.

Цинциус В.И. К этимологии алтайских терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972. С. 15–70.

Монгольские народы и языки

Бурякин А.А., Омакаева Э.У. Термины родства и свойства монголов и бурят // АР-7. С. 240–247.

Дарбеева А.А. О соотношении назывных и звательных слов в системе терминов родства в монгольских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. Сер. лингвистики (Материалы Всесоюз. конф. Элита, 17–19 мая 1972 г.). М., 1975. Вып. 2. С. 162–175.

Леонтович Ф.И. К истории права русских иногородцев. Древний монголо-калмыцкий или оиратский устав взысканий (Тсаадзин-Бичик). Одесса: Тип. Г. Ульриха. (С. 272–275 — семейное право).

Буряты

Алдарова Н.Б. Буряты // СЛИНМ. С. 85–88. (С. 85–86 — вокативные ТР).

Бадмаев Б.Б. О некоторых специфических особенностях бурятских родословных древ // Традиции и современные процессы в фольклоре и литературе. Улан-Удэ, 2006. С. 9–14.

Басаева К. Семья и семейный быт // Современный быт и этнокультурные процессы в Бурятии. Новосибирск, 1984. С. 61–131.

Басаева К.Д. Семья и брак у бурят, вторая половина XIX — начало XX в. Улан-Удэ, 1991. 193 с.

Басаева К. Семья и брак у бурят, вторая половина XIX — начало XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2002.

Букин А.Г. Терминология родства у бурят // Социальная антропология. Чита, 2003. Вып. 2. С. 172–176.

Букин А.Г. Общие термины систем терминов родства бурят Восточного Забайкалья // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. 2004. С. 88–90.

Будаев Б.Ж. О терминах родства у сартулов Бурятии // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ: Сибирское отделение АН СССР, 1994. С. 75–81.

Бюраева Е. И. Термины родства у эхиритских бурят // Этнокультурная лексика монгольских языков. Улан-Удэ: Сибирское отделение АН СССР, 1994. С. 68–74.

Вяткина К.В. Буряты // Народы Сибири. Этнографические очерки. М., 1956. С. 217–266. (С. 240 — общая характеристика ТР).

Галданова Г.Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. (Материалы и исследования). Новосибирск, 1986. С. 131–159. (С. 132–134 — классификационные СР в контексте свадебного обряда).

Дашибалова И.Н. Бурятский род как мировоззренческий институт традиционного общества // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. Улан-Удэ. 1999. Вып. 2. Ч. 1. С. 13–17.

Малахинова Е.А. Национально-культурная специфика терминов родства в языковом сознании бурят // Вестн. Бурятского гос. ун-та. Филология. 2007. Вып. 7. С. 9–15.

Митанова Е.И. Межпоколенные отношения в бурятской семье: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2009. 26 с.

Митрошкина А.Г. Личные имена западных бурят и их заменители // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981. С. 9–17. (С. 10, 11, 12, 13, 14, 17 — ТР и антропонимы).

Намжилон Ц.Н. Терминология родства в говоре североселенгинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ: Сибирское отделение АН СССР, 1987. С. 60–84.

Петри Б.Э. Брачные нормы у северных бурят. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1924.

Петри Б.Э. Территориальное родство у северных бурят. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1924.

Петри Б.Э. Элементы родовой связи у северных бурят. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1924.

Калмыки

Дарбакова В.П. Калмыки // СЛИНМ. С. 150–151. (С. 151 — вокативное употребление ТР).

Омакаева Э.У., Бурыкин А.А. Система терминов родства и свойства калмыков // АР-4. С. 212–221.

Сыденова Р.П. О соотношении территориальных связей и связей по родству в Бурятской улусной общине (Вторая половина XIX — начало XX в.) // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. Улан-Удэ, 1999. Вып. 2. Ч. 1. С. 11–13.

Трофимова С.М. О калмыцких антропонимах // Исследования по ономастике Бурятии / под ред. И.Д. Бураева, В.И. Рассадина и Л.В. Шулуновой. Улан-Уде: Бурятский филиал СО АН СССР. 1987. С. 113–118.

Шорковиц Д. Структура, принципы и термины системы родства у калмыков (XVII–XIX вв.) // «Джангар» и проблемы эпического творчества / под ред. Н. Овалова. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2004. С. 446–463.

Эрдниев У.Э. Калмыки (конец XIX — начало XX в.). Элиста, 1970. 311 с. (С. 201–202 — ТР).

Монголы

Вяткина К.В. Монголы Монгольской народной республики (Материалы историко-этнографической экспедиции АН СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М.; Л., 1960. Т. 60. С. 159–271. (С. 236–237 — ТР у халха и дэрбэтов).

Дарамзагдын О. Семейная культура современной Монголии. Дисс. канд. культурологии. Улан-Удэ, 2005. 166 с.

Донитова Д.В. О генеалогических преданиях бурят-монголов и корейцев // Гэсэриада и аспекты ее изучения в культуре народа. Улан-Удэ, 2003. С. 84–88.

Жуковская Н.Л. Монголы // СЛИНМ. С. 211–215. (С. 214 — вокативное употребление ТР).

Калужински С. Некоторые вопросы монгольской терминологии родства // *Olon Ulsyn Mongolch Erdemtnii II Ikh Khural. 2nd International Congress of Mongolists, Ulaanbaator 1970. Vol. 1. Ulaanbaator: BNMAU Olon Ulsyn Mongolch Erdemtnii Ikh Khurlын Baingyn Khoroo, 1972–1973.* С. 217–220.

Орловская М.Н. Языки монгольских текстов XIII–XIV вв. М.: ИВАН, 1999. (С. 34: множ. число терминов родства).

Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893. Т. 2. 434 с. (С. 411, 413, 419, 422 — ТР в широнгольском и шира-егурском наречиях монгольского языка).

Рыкин П.О. Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст // *Mongolica* 6. 2003. С. 28–38.

Рыкин П.О. Семантический анализ слова *aqa* в среднемонгольском языке (к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства) // *АР-9.* С. 32–44.

Рыкин П.О. Система терминов родства в среднемонгольском языке // *АР-11.* С. 168–186.

Рыкин П.О. Об этимологии терминов родства с суффиксом *.čA(r~g) ~. nčA(r~g)* в монгольских языках // *АР-12.* С. 195–207.

Санжеев Г.Д. Монгольские термины *удха*, *беле* и *буду* // Монгольский лингвистический сборник. М.: Наука, 1985. С. 99–105. (В т.ч. в контексте ТР).

Тодаева Б.Х. Баоный язык. М., 1964. 158 с. (С. 22 — некоторые ТР, с. 34 — парные ТР).

Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М., 1961. 152 с. (С. 24 — некоторые ТР в связи с особенностями их морфологии; с. 110–144 — ТР в словаре).

Шинкевич С. Матрилинейность в патрилинейном обществе? Случай изменения счета родства у монголов // ЭО. 1994. № 6. С. 68–77.

Шулунова Л.В. Семейная культура традиционного общества // Чингисхан и судьбы народов Евразии–2. Улан-Удэ, 2007. С. 249–252.

Тунгусо-маньчжурские народы и языки

Букин А. Г. Словарь как источник при реконструкции системы терминов родства (по материалам тунгусско-русского словаря Е.И. Титова) // История языка — история народа. Чита: ЧитГУ, 2004. С. 68–76.

Симонов М.Д. Морфологическая структура существительного *хунат* «девушка, дочь» в тунгусо-маньчжурских языках // Морфология имени в сибирских языках. Новосибирск, 1981. С. 117–128.

Цинциус В.И. Вопросы этимологии терминов родства и свойства у тунгусо-маньчжурских народов // Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та. Т. 269. Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л., 1965.

Цинциус В.И. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках // Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. № 69. Сер. филол. наук. 1946. Вып. 10. С. 73–119. (С. 79–80, 82–83, 84 — употребление форм мн.ч. с ТР).

Маньчжуры

Пан Т.А. Система терминов родства маньчжур // АР-5. С. 263–270.

Нанайцы

Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. 1: Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.; Л.: АН СССР, 1959. (С. 123–127 — ТР (референтивные и вокативные)).

Иванов С.В., Левин М.Г., Смоляк А.В. Нанайцы // Народы Сибири. Этнографические очерки. М., 1956. С. 783–816. (С. 802 — общая характеристика нанайской ТР в сравнении с нивхской).

Каргер Н.К. Классификационная система родства у гольдов // СЭ. М.; Л., 1927. Вып. 2. С. 26–34.

Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские, сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922. 370 с. (С. 170 — некоторые вокативные ТР нанайцев, тектонимия).

Лопатин И.А. Наблюдения над бытом гольдов // Изв. Вост. ф-та Дальневосточного ун-та. 1920–1921. Т. 66. Вып. 4. С. 1–46. (С. 25 — вокативные ТР, тектонимия).

Сем Ю.А. Космогонические представления нанайцев «Верхний мир» // Религиоведческие исследования в этнографических музеях. Л., 1990. С. 114–128. (С. 125 — осмысление мифологических персонажей в системе родственных отношений у тунгусо-маньчжурских народов).

Смоляк А.В. Личные имена нанайцев // ЛИПНБ. С. 166–177. (С. 166–167, 172 — ТР как замена личных имен, тектонимия).

Смоляк А.В. Нанайцы // СЛИНМ. С. 219–222. (С. 221 — вокативное употребление ТР, тектонимия).

Негидальцы

История и культура негидальцев. СПб., 2012.

Лебедева В.В. Негидальцы. Материалы к изучению культуры этноса XIX — начала XXI в. Владивосток, 2011.

Сем Т.Ю. Традиционные представления негидальцев о мире и человеке // Религиоведческие исследования в этнографических музеях. Л., 1990. С. 90–113. (С. 96 — осмысление образов медведя и тигра в системе родственных отношений).

Смоляк А.В. Негидальцы // СЛИНМ. С. 227–228. (С. 228 — вокативное употребление ТР, текнонимия).

Цинциус В.И. Негидальский язык: Исследования и материалы. Л., 1982. 311 с. (С. 20 — особенности показателей мн.ч. в ТР, а также звательные формы ТР; 186–308 — словарь).

Орочи

Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Инцест в фольклоре орочей и классификационная система родства // Изв. Сибирского отд. АН СССР. Сер. обществ. наук. 1979. Вып. 1. С. 131–137.

Ларькин В.Г. Орочи: Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней. М.: Наука, 1964. (С. 88–93 — ТР).

Смоляк А.В. Орочи // СЛИНМ. С. 245–246. (С. 245 — вокативное употребление ТР, текнонимия).

Старцев А.Ф. Номенклатура родства // История и культура орочей. Л., 2001. С. 27–29.

Тураев В.А. История и культура орочей. Ист.-этногр. очерки. СПб., 2001. (В т.ч. о СР.)

Удэгейцы

Гирфанова А.Х. Удэгейские термины родства // АР-5. С. 271–277.

Ларькин В.Г. Этнографическое изучение иманских и хунгарийских удэгейцев // Труды Дальневосточного филиала им. В.Л. Комарова СО АН ССР. Сер. ист. Саранск, 1959. Т. 1. С. 193–208. (С. 198–200 — ТР удэгейцев).

Подмаскин В.В. Удэгейские личные имена // Филология народов Дальнего Востока. Ономастика. Владивосток, 1977. С. 102–106. (С. 104–106 — употребление вокативных ТР).

Подмаскин В.В. Удэгейские имена // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988. С. 209–221. (С. 212–213 — ТР и антропонимическая система).

Старцев А.Ф. Общественные и семейные отношения // История и культура удэгейцев. Л.: Наука, 1989. С. 63–67. (С. 65–67 — раздел «Номенклатура родства»).

Ульчи

Иванов С.В., Левин М.Г., Смоляк А.В. Ульчи // Народы Сибири. Этнографические очерки. М., 1956. С. 817–830. (С. 824 — общая характеристика СР).

Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939. (С. 62–73 — СР и формы брака).

Смоляк А.В. «Общественные отношения», «Семейные отношения», «Брак и свадебные обряды» // История и культура ульчей в XVII–XX вв. Историко-этнографические очерки. СПб., 1994. С. 113–133.

Эвенки

Булатова Н.Я. Манегры: История и язык // Культура народов Сибири: материалы Третьих сибирских чтений. СПб.: РАН, 1997. С. 57–65. (С. 63 — ТР в сравнении с прочими эвенкийскими).

Бурыкин А.А., Булатова Н.Я. Система терминов родства эвенков (предварительные материалы к описанию) // АР-3. С. 267–277.

Слинькова К.Г. Полевые исследования эвенков Забайкалья // Полевая этнография. СПб., 2004. С. 32–34. (В т.ч. о ТР).

Туголуков В.А. Эвенки и эвены // СЛИНМ. С. 344–346. (С. 346 — вокативное употребление ТР у эвенков).

Эвены

Бурыкин А.А. Семантическая структура эвенских терминов родства и свойства // АР-2. С. 155–166.

Дуткин Х. И. Материалы и исследования об эвенах рода-племени илкан (1975–1995) // Вопросы эвенской филологии и этнологии. Якутск: Северовед, 1997. С. 63–71. (С. 66–67 — ТР в составе тематического списка слов).

Спеваковский Я.Б. Материалы по системе терминов родства и свойства эвенов Камчатки // Полевые исследования Института этнографии. 1978. М., 1980. С. 128–132.

Тюркоязычные народы

Абрамзон С.М. О некоторых терминах родства в тюркских языках // Turcologica. К 70-летию академика А.Н. Кононова. Л., 1976. С. 204–207.

Абрамзон С.А. Формы семьи у дотюркских племен Южной Сибири, Семигорья и Тянь-Шаня в древности и средневековье // Тюркологический сборник. М., 1972. С. 287–305. (С. 300 — характер древнетюркской СР в связи с исследованием А.Н. Бернштам (1946)).

Азербайев Э.Г. О лексике японского и тюркских языков, связанные с терминами родства // СТ. 1986. № 6. С. 59–68.

Бернштам А.Н. Родовая структура Ту'гю VIII в. // Из истории докапиталистических формаций: сб. ст. к 45-летию научной деятельности Н.Я. Марра. М.; Л.: ОГИЗ, 1933. С. 560–576. (В т.ч. о ТР и их возрастном принципе).

Бернштам А.Н. К семантике термина *oγul* 'сын' // Язык и мышление. 1940. Т. 9. С. 95–100.

Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков (Восточно-тюркский каганат и кыргызы). М.; Л., 1946. 208 с. (С. 88–93 — СР и ТР древних тюрок).

Бикбулатов Н.В. Система родства у тюркоязычных народов и проблема большой семьи // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980. С. 369–372.

Гарипов Т.М. Лексико-статистические отношения тюркских языков Урало-Поволжья. Языковые контакты в Башкирии // Языковые контакты в Башкирии. Уч. зап. Башк. ун-та. Вып. 50. Сер. филол. наук. № 20. Уфа, 1972. С. 248–267. (С. 262 — ТР для ближайших родственников в тат., казах, башк. и чув. языках).

Доспанов У.Д. О некоторой близости терминологии родства у каракалпаков и башкир. Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1970. Т. 4. С. 229–231.

Егоров Н.И. Взаимовлияние диалектных систем терминов родства тюркских языков Поволжья и Урала // Межязыковое взаимодействие в Волго-Камье: межвуз. сб. науч. тр. Чебоксары, 1988.

Исмаилов И.О. О терминах родства *абысын* и *овсин* в тюркских языках // Изв. АН Каз.ССР. Сер. филол. 1978. №2. С. 37–38.

Ismoilov I.A. Turkij tillarda kavm-karindoşhlik terminlari (uzbek, ujur, kozok, kirgiz, korakalpok, turkman tillari materiallari asosida). Toshkent: Fan, 1966.

Исраилова-Харьехузен Ч.Р., Ягафова Е. Сравнительный анализ номенклатуры терминов и системы родства у северных кыргызов и чувашей. Бишкек: Илим, 1999.

Кононов А.Н. К этимологии слова *огул* ‘сын’ // Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б.Я. Владимирова. М., 1958. С. 175–176.

Львова Э.Л. О месте термина ЕЕЖИ в системе тюркской этнонимии // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 251–254. (Об эволюции значения слова от термина родства к этнониму).

Маишрабов А.А. Значение терминов родства и их выражение в кыргызском и узбекском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2000. 7 с.

Маишрабов А.А. Ономаσιологическое исследование названия родства тюркских языков (на материале кыргызского и узбекского языков). Бишкек, 2003.

Менгес К.Г. Тюркское *idi* ‘господин’ некоторые его рефлексy в тюркских языках и параллели в других языковых семьях // *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976. С. 101–110. (С. 101, 102, 104 — тюркские ТР, родственные *idi* ‘господин’).

Мусаев К.М. Термины родства в современных западно-кыпчакских языках // *Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Volkern*. Berlin, 1974. S. 451–457.

Покровская Л.О. Об устойчивости семантической группы слов, обозначающих родственные отношения в тюркских языках // *Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Volker*. Berlin, 1974. С. 465–470.

Рамазанов К.Т. Парные слова, обозначающие родство (на материале огузской группы тюркских языков) // Изв. АН Азерб. ССР, Сер. лит. языка и искусства. 1970. № 3. С. 51–59. (На татарском языке. С. 59 — резюме на русском языке).

Тишин В.В. К вопросу о форме семьи у древних тюрков в связи с ее хозяйственными функциями // ЭО. 2012. № 4. С. 92–107.

Торланбаева К.У. Наследование и основы правления у восточных тюрков // Изв. М-ва образования и науки Респ. Казахстан, Нац. акад. наук Респ. Казахстан. Сер. обществ. наук. Алматы, 2007. № 3. С. 54–62.

Хасанов Б. Обращение как объект изучения социолингвистики // Тюркское языкознание: материалы III Всесоюз. тюркологической конф. Ташкент, 1985. С. 211–214.

Шабашов А.В. Мир родства древних тюрков // Науковий вісник Миколаївського державного університету. Вип. 11. Історичні науки. Збірник наукових праць. Миколаїв, 2005. С. 73–92.

Юлдашев А.А. Звательные слова в тюркских языках // Исследования по сравнительной морфологии тюркских языков. М., 1956. Ч. 2. Морфология. С. 329–334. (В т.ч. о ТР).

Азербайджанцы

Джафаров Г. О системе терминов родства в азербайджанском языке // Изв. АН Азерб. ССР. Сер. литературы, языка и искусства. 1970. № 3. С. 69–74.

Джафаров Г. О терминах седьмой и одиннадцатой ступеней родства по прямой линии в азербайджанском языке // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971. С. 234–239.

Кадирзаде К. Некоторые итоги полевых этнографических исследований по современной сельской семье в Нахичеванской АССР // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане. Баку, 1982. С. 62–65.

Джафаров Г.Г. Термины родства в азербайджанском языке: автореф. дис. ... канд. наук. Баку, 1971. 23 с.

Павленко А.П. Степанов В.В. Родственные браки, традиционная планировка и экология азербайджанского села // Этническая экология: теория и практика М., 1991. С. 204–227.

Алтайцы

Дыренкова Н. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. Вып. 1. С. 247–259.

Екеев Н.В. Алтай и алтайцы (Историко-этнографический очерк) // Проблемы этнокультурных связей монгольских и тюркских народов. Улан-Удэ, 2005. С. 53–88. (В т.ч. о СР).

Кудачина Н.А. Некоторые термины родства и свойства в составе эвфемизмов в алтайском языке // Вопросы изучения алтайского языка: сб. науч. тр. Горно-Алтайск, 1981. С. 99–105.

Кучигашева Н.А. Термины родства в телеутском диалекте алтайского языка // Вопросы изучения алтайского языка: сб. науч. тр. Горно-Алтайск, 1981. С. 87–98.

Потанов Л.П. Алтайцы // Народы Сибири. Этнографические очерки. М., 1956. С. 329–375. (С. 347 — общая характеристика ТР).

Потанов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. 506 с. (С. 164–167 — ТР в контексте браков у кумандинцев, челканцев, тубаларов).

Потанов Л.П. Пережитки родового строя у северных алтайцев (по материалам экспедиции в Ойротию в 1936 г.). Л., 1937. 18 с. (С. 5–7 — ТР и СР алтайцев).

Тадина Н.А. О возрастных степенях и связанных с ними терминах родства и нормах апелляции у алтайцев // АР-7. С. 255–265.

Тадина Н.А. Система терминов родства и этикетные нормы обращения алтайцев // АР-4. С. 222–236.

Тадина Н.А. Терминология и отношения свойства у южных алтайцев // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: История и современность: сб. науч. тр. Кемерово, 1992. С. 75–85.

Тадина Н.А. Три линии родства и авункулат у алтайцев // АР-9. С. 255–265.

Тадыкин В.Н. Об одном из древнейших способов словообразования в алтайском языке // Проблемы алтаистики и монголоведения. Сер. лингвистики. М., 1975. Вып. 2. С. 280–286. (С. 283 — некоторые ТР в связи со способом их образования).

Тюхтенева С. Сёоки — родовые связи алтайцев // Наследие народов Российской Федерации. М., 2004. № 4. С. 168–172

Шатинова И.Н. Алтайцы // СЛИНМ. С. 23–26. (С. 24 — вокативная ТР, текнонимия).

Шатинова Н.И. К истории алтайских имен // Этнография имен. М., 1971. С. 65–70. (С. 65–66 — употребление ТР вместо личных имен).

Швецов С.П. Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмык) и киргиз. Брачные отношения // Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО. 1898. Т. 25. С. 1–16. (С. 3, 6 — СР алтайцев).

Яимова Н.А. О принципах замещения в системе женского лексикона // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1998.

Башкиры

Азнагулов Р.Г. К характеристике терминов родства говора оренбургских башкир // Некоторые вопросы лексики и грамматики тюркских языков. М., 1973. С. 5–13.

Асфандияров А.З. Семья и брак у башкиров в XIII — первой половине XIX в. Уфа, 1989.

Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом, XVIII — I-я пол. XIX в. Уфа: Китап, 1997.

Башкирское народное творчество. Т. 7: Пословицы, поговорки, приметы, загадки // сост. Ф.А. Надршина. Уфа, 1993. 464 с. (С. 81–110 — поговорки, раскрывающие родственные отношения у башкир).

Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. М., 1981. 124 с.

Бикбулатов Н.В. Башкирская терминология родства как этногенетический источник // Науч. сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969. С. 90–95.

Бикбулатов Н.В. Башкирская терминология и система родства как этногенетический источник // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. 4.

Бикбулатов Н.В. Башкиры // Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 199–211. (С. 206 — вокативная ТР и текнонимия).

Бикбулатов Н.В. Историческое развитие башкирской системы родства // Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир. Уфа, 1980. С. 3–23.

Бикбулатов Н.В. Особенности систем родства башкир и татар Среднего Поволжья и Приуралья // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание: тез. Казань, 1974. С. 68–69.

Бикбулатов Н.В. Реконструкция древней модели башкирской системы родства // Всесоюз. сессия, посвящ. итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976–1977 г.: тез. докл. Ереван, 1978. С. 83–84.

Бикбулатов Н.В. Система родства башкир. М., 1964. 12 с.

Бикбулатов Н.В. Терминология и система родства башкир (общая характеристика) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. 2.

Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX–XX веков. М., 1991. 189 с. (С. 141 — характерные черты башкирской СТР; с. 170–171 — правила вокативного употребления ТР в башкирском обществе).

Валеева З.Р. Этноэтикет и система родства башкир // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность: материалы Межрегион. науч.-практ. конф., Уфа, 28 нояб. 2003 г. Уфа, 2003. С. 160–162.

Гильманова С.Г. Отражение этнических процессов в терминологии родства северо-западных башкир // Всесоюз. сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1978–1979 гг.: тез. докл. Уфа, 1980. С. 64–66.

Дмитриев Н.К. О парных словосочетаниях в башкирском языке // Изв. АН СССР. Отдел гуманитар. наук. 1930. № 7. С. 501–522. (В т.ч. о парных ТР).

Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957. Ч. 1: Родоплеменные организации башкир в XVII–XVIII вв. 184 с. (С.39 — некоторые ТР башкир).

Миржанова С.Ф. Диалектные пласты лексики кубаякского говора // Башкирский языковедческий сб. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1975. С. 43–67. (С. 51–52 — сравнительная таблица терминов родства).

Миржанова С.Ф. Терминология родства в диалектах башкирского языка // СТ. 1973. № 4.

Раемгужина З.М. Башкирские термины родства в составе имен собственных // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2009. № 5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С. 96–98.

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. 393 с. (С. 265–267 — ТР у 4 этнографических групп башкир).

Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Л., 1925. Ч. 2: Быт башкир. 330 с. (С. 253 — ТР у 4-х этнографических групп башкир).

Юсупов Х.Г. Термины родства в башкирском языке // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 123–135.

Гагаузы

Квиленкова Е.Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии: сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора. Chişinău: Pontos, 2005. 304 с.

Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. VI: Семейные и общественные отношения // ЭО. 1901. № 2. С. 1–29 (С. 6–8 — ТР).

Покровская Л.А. Гагаузские термины родства // АР-1. С. 260–267.

Шабашов А.В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса: Астропринт, 2002.

Шабашов А.В. Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины) // ЭО. 1995. № 3. С. 84–92.

Шабашов А.В. К проблеме этногенеза гагаузов. Новые подходы // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. (Сб. ст. к 100-летию со дня рождения И.И. Мещеряка). Кишинев, 1999.

Шабашов А.В. До реконструкції типології сім'ї болгар і гагаузів Південної Бессарабії у 10-х — 60-х роках XIX ст. 1: Постановка проблеми. Загальна типологія родини // Записки историчного факультету. Одеський державний ун-т ім. І.І. Мечникова. 2002. Вып. 12. С. 104–120.

Шабашов А.В. До реконструкції типології сім'ї болгар і гагаузів Південної Бессарабії у 10-х — 60-х роках XIX ст. 2: Типологія та еволюція сім'ї у болгар і гагаузів // Записки историчного факультету. Одеський державний ун-т ім. І.І. Мечникова. 2003. Вып. 13. С. 54–67.

Долганы

Попов А.А. Материалы по родовому строю долган // СЭ. 1934. № 6. С. 116–139. (С. 132 — долганская ТР в сопоставлении с якутской).

Попов А.А. Семейная жизнь у долган // СЭ. 1946. № 4. С. 50–74. (С. 73–74 — ТР).

Убрятова Е.И. Язык норильских долган. Новосибирск, 1985. 216 с. (С. 58 — ТР; с. 110 — парные ТР).

Казахи

Бизаков С. Способы подачи номинативов родства в Толковом словаре казахского языка // Изв. АН Каз.ССР. Сер. филологич. 1990. № 3. С. 19–26.

Востров В.В. Казахи Джаныбекского района Западно-Казахстанской области (Историко-этнографический очерк) // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР. Алма-Ата, 1956. Т. 3. С. 5–104. (С. 88–89 — изменение в ТР в связи с практикой адаптации ребенка бабкой и дедом).

Жанузаков Т. Казахи // СЛИНМ. М., 1989. С. 146–149. (С. 148 — вокативное употребление ТР).

Зарубин И.И. Орошорские тексты // Труды Памирской экспедиции 1928 г. М., 1930. Вып. VI: Лингвистика. 108 с. (С. 5, фраза 99, с. 43, словарь, «мом»: случай инверсии термина родства).

Курылев В.П. К вопросу о происхождении одной из форм усыновления у казахов // Кратк. содерж. докл. Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1979. С. 7.

Курылев В.П. О формах семьи у казахских кочевников и полукочевников и у некоторых других тюрко-монгольских народов (кон. XIX — нач. XX в.) // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб., 1995. С. 140–170.

Мулдагалиева А.А. Морфо-семантический анализ терминов **родства** в современном английском языке (с привлечением материала на казахском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 21 с.

Сабитов Н.С. Общественная жизнь и семейный быт казахов-колхозников (По материалам Алма-Атинской и Джамбулской областей) // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР. Алма-Ата, 1956. Т. 3. С. 190–230. (С. 204 — терм. для свойственников).

Сарыбаева М. Ш. Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991.

Каракалпаки

Бегжанов Т. Термины родства в муйнакском говоре каракалпакского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966. Т. 4. С. 189–194.

Бекмуратова А.Т. Терминология родства у каракалпаков // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 27–40.

Жданко Т.А. Каракалпаки // Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. 1. С. 408–527. (С. 494–496 — ТР).

Жданко Т.А. Каракалпаки Хорезмского оазиса // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1952. Т. 1. С. 461–566. (С. 516–517 — ТР).

Морозова А.С. Следы древних форм семьи у каракалпаков // Труды Ташкент. гос. ун-та. Археология Средней Азии. 1960. Вып. 172. № 5. С. 118–123. (С. 119–121 — ТР).

Насыров Д.С., Толстова Л.С. Каракалпаки // СЛИНМ. С. 152–156. (С. 155 — вокативное употребление ТР, текнонимия).

Эсбергенев Х. Современные формы брака и семьи у каракалпаков // Вестн. Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. 1983. № 1. С. 60–65.

Карачаевцы, балкарцы

Боташев М.Д. Искусственное родство у карачаевцев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 2001.

Боташев М.Д. Патронат в системе искусственного родства у карачаевцев // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 2000–2001 гг. СПб., 2002. С. 40–42.

Боташев М.Д. Побратимство у карачаевцев // ЭО. 2002. № 1. С. 108–125.

Боташев М.Д. Установление искусственного родства при обрядах детского цикла у карачаевцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001. С. 137–193.

Жабелова Л.Ж. Парные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке // Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем). М., 1974. С. 497–507. (С. 491, 501 — парные ТР).

Мусакаев А.И. Большая семья у балкарцев в конце XIX — начале XX в. // Итоги полевых работ Института этнографии. 1971. М., 1972. С. 149–157.

Мусакаев А.И. Патронимия у балкарцев в конце XIX — начале XX в. // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. М., 1974. С. 149–157.

Отаров И.М. Очерки карачаево-балкарской терминологии. Нальчик, 1987. 96 с. (С. 74–89 — ТР).

Хаджилаев Х.-М. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970. 159 с. (С. 84–94 — ТР).

Киргизы

Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. 402 с. (С. 214–217 — СТР).

Дыренкова Н. Брак, термины родства и «психические запреты» у кыргызов // Сборник этнографических материалов. Л., 1927. № 2. С. 7–25.

Изразцов Н. Обычное право (абат) киргизов Семиреченской области. Семейные союзы // ЭО. 1897. № 3. С. 67–94.

Исраилова-Харьехузен Ч.Р. Традиционное общество кыргызов в период русской колонизации во второй половине XIX — начале XX в. и система их родства. Бишкек: Илим, 1999.

Исраилова-Харьехузен Ч.Р. Традиционное общество северных киргизов во второй половине XIX века и система их родства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2002.

Осмоналиева Б. Об этимологии некоторых слов киргизского языка, связанных с родством // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1983. С. 91–100 (на киргиз. языке).

Крымчаки

Полинская М.С., Чернин В. Ю. Терминология родства у крымчаков // СТ. 1988. № 3. С. 15–23.

Полинская М.С., Чернин В.Ю. Терминология родства у крымчаков // Rocznik Orientalistyczny. 1992. № 48 (1). С. 135–147.

Реби Д.И., Аишкинази Б.М., Аишкинази И.В. Крымчакский язык // Языки мира: Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. С. 309–319. (С. 317 — ТР).

Кумыки

Абакарова М.М., Гаджихмедов Н.Э. Термины родства в диалектах кумыкского языка // ПОЛДЯ. С. 143–153.

Гаджихмедов Н.Э. Морфологические признаки терминов родства в кумыкском языке // ПОЛДЯ. С. 135–142.

Гаджиева Г.И. К вопросу о тухуме и большой семье у каякентских кумыков // КСИЭ. 1952. Вып. 14. С. 75–83.

Гаджиева Л.А. Термины родства и свойства в кумыкском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала: Дагестанский гос. ун-т, 2009. 161 с.

Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961. 387 с. (С. 254–255 — ТР и отношения в пределах большой семьи; 282–284 — ТР и отношения между членами тухума (патронимии)).

Кадыраджиев К.С. Палеотюркские термины родства и свойства в кумыкском языке // ПОЛДЯ. С. 104–126.

Таймасханова Т.Г. Кумыкские личные имена от терминов родства // ПОЛДЯ. С. 127–134.

Ногайцы

Айбазова Е.С. Термины родства в ногайском языке // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981. С. 56–68.

Арсланов Л.Ш. Язык юртовских татар (по материалам экспедиции 1972 г.) // Материалы по татарской диалектологии. Уч. зап. Казан. гос. пед. ин-та. 1976. Вып. 166. С. 3–71. (С. 47, 48, 49, 54–56 — ТР ногайцев (юртовских татар) Астраханской обл.).

Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев (XIX — начало XX в.). М., 1979. 173 с. (С. 16–18 — ТР и СР).

Каракаев Ю. И. Устаревшая лексика ногайского языка: дис. ... канд. филол. наук. Казань: Казан. гос. пед. ин-т, 1999. (В т.ч. о ТР).

Керейтов Р.Х. Терминология родства у ногайцев // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1982. С. 191–212.

Саидова Р.М. Термины родства и свойства в говоре сел. Нижний Дженчутай // ПОЛДЯ. С. 154–160.

Шихмурзаев Д.М. Термины родства и свойства в ногайском языке // ПОЛДЯ. С. 161–186.

Салары

Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. М.: Наука, 1976. (С. 103–104 — термины родства и притяжательность).

Сарты

Наливкин В., Наливкин М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. 245 с. (С. 161 — ТР).

Татары

Татары Поволжья и Приуралья

Бурнашева С.А. Некоторые вопросы лексики татарского языка // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1962. Вып. 4: Лексика. С. 115–128. (С. 115–120 — ТР).

Ганиев Ф.А. О семантике парных слов в татарском языке // Лексика и стилистика татарского языка. Казань, 1982. С. 22–26. (С. 23, 25 — парные ТР).

Казыханова З.А. Семантическая классификация лексики дастанов Кадыр-Гали Бека // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. Казань, 1990. С. 62–73 (С. 66 — ТР).

Мухамедова Р.Г. Семейно-родственные отношения // Татары Среднего Поволжья и Приуралья. Разд. II, гл. IX. М., 1967. С. 268–292.

Рамазанова Д.Б. Основные черты татарской системы родства и системы родственной терминологии // Научный Татарстан. 2009. № 4. С. 102–114.

Рамазанова Д.Б. Терминология родства и некоторые вопросы этнического формирования татар Приуралья // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1990. С. 8–28.

Рамазанова Д.Б. Понятия «мать» и «отец» в татарских говорах // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1989. Вып. 7. С. 25–36.

Рамазанова Д.Б. Термины родства и брачного союза в памятниках старотатарской письменности // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. Казань, 1990. С. 21–38.

Рамазанова Д.Б. Некоторые особенности системы родства и родственной терминологии татарского народа // Тюркология накануне XXI века (достижения, состояние, перспективы) Уфа. 2004. Т. 1. С. 135–138.

Рамазанова Д.Б. Термины родства и свойства в татарских говорах юго-западной Башкирии // Татарская лексика в семантико-грамматическом аспекте. Казань, 1988. С. 65–74.

Рамазанова Д.Б. Термины родства и свойства в татарском языке. В 2 кн. Казань, 1991. Кн. 1. 86 с.; Кн. 2. С. 87–189.

Рамазанова Д.Б. Термины родства как замкнутая лексико-семантическая группа в условиях языковых контактов // Функциональное развитие татарского языка в условиях перестройки. Казань, 1991. С. 105–117.

Рамазанова Д.Б. Термины родства у татар Пермской области // Лексика и стилистика татарского языка. Казань, 1982. С. 52–58.

Рамазанова О.В. Коммуникативно-прагматические аспекты обращения в разнотекстурных языках: на материале английского и татарского языков. Казань: Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2007. (В т.ч. о ТР как формах обращения.)

Саттаров Г.Ф. Сословные титулы и древнетатарские личные имена // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. С. 52–59. (С. 54–56 — ТР и антропонимы, инвертированные ТР).

Саттаров Г.Ф. Татары // СЛИНМ. С. 299–302. (С. 300 — вокативное употребление ТР).

Кряшены

Шайхулов А.Г. Историческая и этнографическая лексика как отражение лингво- и этнокультурных процессов (на диалектном материале татар-кряшен Башкирии) // ЭИП. С. 156–164. (С. 163 — некоторые ТР).

Мишари

Махмутова Л.Т. Некоторые материалы по лексике мишарского диалекта татарского языка (тюркский пласт) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979. С. 139–168. (С. 140–146 — ТР).

Мухамедова Р.Г. Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. (С. 148–153: терминология родства).

Мухамедова Р.Г. Терминология родства и свойства у татар-мишарей в Мордовской АССР // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1962. С. 242–280.

Крымские татары

Меметов А. Источники формирования лексики крымско-татарского языка. Ташкент: Фан, 1988. (С. 42–51 — ТР).

Меметов А. О терминах родства в крымско-татарском языке // СТ. 1980. № 6. С. 70–75.

Шабашов А.В. Система терминов родства и проблема происхождения крымско-татарского народа // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы III Судакской междунар. науч. конф. (18–21 сентября 2006 г.). Киев; Судак, 2006. Т. 2.

Сибирские татары

Валеев Ф.Т. К вопросу о терминах родства и свойства тарских, тобольских и тюменских татар (по данным полевых этнографических материалов) // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 107–112.

Миненко Н.А. О семье у татар Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 143–155.

Рамазанова Д.Б. Некоторые особенности терминологии родства тобол-иртышского диалекта // Сибирские татары. Тобольск, 1998. С. 140–142

Рамазанова Д.Б. Термины родства в говорах сибирских татар // Сибирские татары: сб. ст. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 165–188.

Тимиров Р.Р. Семантические параллели генонимов и тамговых знаков у сибирских татар // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание. Тюмень, 2006. Ч. 2. С. 161–165.

Томилов Н.А. Семья и семейный быт тюркоязычного населения Томского Приобья в прошлом и настоящем // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983. С. 55–62.

Нагайбаки

Рамазанова Д.Б. Некоторые наблюдения над системой терминов родства и свойства нагайбаков // Нагайбаки: Комплексное исследование группы крещеных татар-казаков. Казань: АН Татарстана, Ин-т языка, лит-ры и истории, 1995. С. 88–93.

Тофалары

Рассадин В.И. Фонетика и лексика торфаларского языка. Улан-Удэ, 1971. 252 с. (С. 73, 84, 92 — ТР (тюркский, тюркомонгольский и другие пласты); с. 151–240 — ТР в этимологическом словаре).

Тувинцы

Биче-оол С.М. Система родства у тувинцев // Гуманитарные исследования в Туве. М., 2001. С. 190–202.

Бурыкин А.А., Летьягина Н.И. Терминология родства тувинцев в сравнении с терминами родства других тюркских народов Южной Сибири // АР-4. С. 179–198.

Вайништейн С.И. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика. М., 1969. С. 125–138. (С. 129–130 — ТР).

Вайништейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961. 218 с. (С.135–136 — ТР, особенно с. 135, прим. 36).

Кан Дэ К. Брак, семья, семейные отношения и быт якутов и тувинцев: (По данным этносоциологического исследования 1997 г.) // Народы Российского Севера и Сибири. М., 1999. С. 168–187.

Кара-Оол Л.С. О некоторых особенностях терминов родства в кара-хольском говоре западного диалекта тувинского языка // Материалы междунар. конф. «Становление и развитие науки в Туве», посвящ. 70-летию тувинской письменности, 11–14 сентября 2000 г. Кызыл, 2000. С. 83–85.

Кара-Оол Л.С. О некоторых особенностях терминов родства из языка ховдских тувинцев // Тез. докл. V междунар. науч. конф. «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов», 20–24 сентября 2001 г., Ховд, Монголия. Томск, 2001. С. 200–201.

Кара-Оол Л.С. О некоторых особенностях функционирования терминов родства у тувинцев-эрзинцев // АР-7. С. 248–254.

Кара-Оол Л.С. Система терминов кровного родства тувинского языка // Ежегодник Ин-та саяно-алтайской тюркологии. Абакан, 2003. Вып. 7. С. 39–42.

Кара-Оол Л.С. Термины родства и свойства в тувинском языке: дис. ... канд. филол. наук. Кызыл: Тувинский гос. ун-т, 2004. 199 с.

Кара-оол Л.С. Термины родства и свойства в тувинском языке. Кызыл: Тувинский гос. ун-т, 2006.

Кара-Оол Л.С. Термины родства в функции половозрастных апеллятивов // Ежегодник Ин-та саяно-алтайской тюркологии. Абакан, 2003. Вып. 9.

Серебренников Б.А. Из истории звуков и форм тюркских языков (о чередовании начальных *в* и *м*) // СТ. 1974. № 6. С. 3–17. (С. 9–12 — ТР тувинцев как показатель эволюции форм собирательности).

Степанов Ш. Метаморфозы родства у тувинцев // ЭО. 2009. № 4. С. 129–145.

Турки

Гаджиева Л.А. Термины родства и свойства в кумыкском и турецком языках: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала: Дагестанский гос. ун-т, 2009. 161 с.

Серебрякова М.Н. О некоторых пережитках материнского рода и ранних форм семейно-брачных отношений у турок Малой Азии // СНВ. М., 1969. Вып. 8. С. 248–258. (С. 256–258 — СР и ТР).

Серебрякова М.Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне (новейшее время). М., 1979.

Туркмены

Аразкулиев С. Термины родства в говорах туркмен Каракалпакии. Ашгабат, 1987. 57 с.

Брюллова-Шаскольская Н.В. Пережитки древних форм брака у туркмен // Изв. Средне-Азиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Ташкент, 1928. Вып. 3. (С. 206–207 — неполный список ТР и типологизация).

Васильева Г.Г. Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник. ТИЭ. 1954. Т. 21. С. 82–215. (С. 201–202 — ТР).

Джумагельдиева Е. О терминах брачного родства в русском и туркменском языках // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Ашхабад: Туркм. ун-т, 1976. С. 67–71.

Джумангельдыева Е. О терминах кровного родства в русском и туркменском языках // Вопросы русского языка. Ашхабад, 1975.

Кулиев А. О некоторых терминах родства в туркменском языке // Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. 1967. № 3. С. 80–82.

Кулиев А. О терминах родства в туркменском языке (термины, обозначающие «мать») // Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. 1966. № 3. С. 61–67.

Кулиев А.Б. Термины родства в туркменском языке: автореф. дис. ... канд. наук. Ашхабад, 1966. 15 с.

Мухаммедова З.Б. К вопросу о личной ономастике у туркмен // Труды Ин-та языка и литературы. Ашхабад, 1957. Вып. 2. С. 34–48 (С. 43 — инверсия в употреблении терминов родства).

Узбеки

Джабаров Б. А. Номинации значений свойства в таджикском и узбекском языках: дис. ... канд. филол. наук. Худжанд: Худжандский гос. ун-т, 2009.

Маллицкий Н.Г. Система наименования у коренного населения г. Ташкента // Изв. Средне-Азиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Ташкент, 1928. Вып. 3. С. 242–250. (С. 249 — ТР как формы обращения среди городского населения).

Никонов В.А. Узбеки // СЛИНМ. С. 312–315. (С. 315 — участие ТР в образовании личных имен).

Потапов Л.П. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков «кунград» // Научная мысль. Самарканд-Ташкент. 1930. № 1. С. 39–46.

Самойлович А. Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины // ЖС. 1915. Вып. 3. С. 161–168.

Сухарева О.А. Узбеки // Народы Средней Азии и Казахстана. Народы мира. Этнографические очерки. М., 1962. Т. 1. С. 166–407. (С. 317 — некоторые ТР).

Эгамназаров Х. Х. Термины родства и их функционально-семантические микросистемы в узбекском и английском языках: дис. ... канд. ист. наук. Душанбе: Тадж. гос. ун-т права, бизнеса и политики, 2010.

Уйгуры

Кайдаров А.Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958. 168 с. (В т.ч. парные ТР).

Ходжаева Р.Д. Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины Казахстана // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР. Алма-Ата, 1956. Т. 3. С. 231–284.

Хакасы

Боргояков М.И. Бельтирский говор сагайского диалекта // Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы. Абакан, 1973. С. 80–104. (С. 97–98 — ТР).

Боргояков М.И. Словарные материалы по хакасским диалектам XVIII в. // Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы. Абакан, 1973. С. 109–158. (С. 114, 124, 132 — некоторые ТР).

Бутанаев В.Я. К истории семьи и семейного права хакасов // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1985. С. 155–164.

Казаченко Б.Н. Генетико-демографический подход в антропологических исследованиях. Половозрастная и семейная структура хакасов // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76. С. 78–91.

Казаченко Б.Н. Генетико-демографический подход в антропологических исследованиях. Фамильно-родовая структура хакасских популяций // Вопросы антропологии. 1987. Вып. 79. С. 36–47.

Казаченко Б.Н. Структура родства и свойства в хакасских популяциях // Вопросы антропологии. 2003. Вып. 91. С. 86–98.

Кызласов А.С. Термины кровного родства *ада, паба, аба* «отец» в диалектах хакасов // Хакасская диалектология. Абакан, 1992.

Кызласов А.С. Термины родства и свойства в хакасском языке: пособие для учителей. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1996. 45 с.

Патачаков К.М. Семейно-родственные отношения у хакасов // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981. С. 82–100.

Патачакова Д.Ф. Качинский диалект // Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы. Абакан, 1973. С. 7–27. (С. 22–23, 26 — некоторые ТР).

Скобелев С.Г. Чжан Т., Шомаев А.А. Роды фууйских кыргызов // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан. 1998. С. 76–78.

Трошкина И.Н. Динамика института семьи: социально-философский аспект (на материале Республики Хакасия): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск: Сибирская аэрокосмическая академия им. М.Ф. Решетнева, 2011. 26 с.

Тугужекова Т.Н. Семантические особенности и сочетаемость слова «олган» в современном хакасском языке // Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980. С. 82–90. (О хакасском слове «ребенок»).

Тугужекова Т.Н. Сочетаемость и семантическая структура существительного «пала» в современном хакасском языке // Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1977. С. 133–142. (О хакасском слове «ребенок»).

Удгыжеков С.А. Опыт реконструкции системы родства кыргызов (VIII–XIII вв.) // Хакасия: история и современность. Новосибирск, 2000. С. 78–86

Шиббаева Ю.А. Пережитки родового строя у хакасов в системе родства и семейно-брачных отношениях: автореф. дис. ... канд. ист. наук. 1947.

Шиббаева Ю.А. Пережитки эпохи матриархата у хакасов // СЭ. 1948. № 1. С. 202–204. (С. 203 — ТР для родственников по материнской линии).

Шиббаева Ю.А. Система родства у хакасов (Вариант классификационной системы родства) // Уч. зап. Тадж. гос. ун-та. 1954. Сер. гуманитар. наук. Т. 2. С. 121–136.

Чуваши

Денисова Н.Р. Семья в обычном праве чувашей // Вопросы материальной духовной культуры чувашского народа. Чебоксары, 1986.

Егоров Н.И. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. I. Мать (родительница) // Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1979. С. 41–68.

Егоров Н.И. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства. II. Отец. (родитель) // Исследования по этимологии чувашского языка. Чебоксары: Науч.-иссл. ин-т истории, языка, литературы и экономики, 1981. С. 3–46.

Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань: Тип. Имп. Университета, 1875. (С. 119–141 — приложение II «Названия родственных отношений»).

Золотницкий Н.И. Названия родственных отношений у чуваш. Казань, 1877.

Сергеев Л.П. К вопросу о лингвистической географии терминов родства и свойства в чувашском языке // Уч. зап. Чуваш. науч.-иссл. ин-та. Филология. Чебоксары, 1967. Вып. 34. С. 44–66.

Сергеев Л.П. Лексика верхового диалекта чувашского языка // Чувашский язык. Чебоксары: Науч.-иссл. ин-т истории, языка, литературы и экономики, 1976. С. 124–133. (С. 126–130 — «Термины родства и свойства»).

Сергеев Л.П. Лингвистическая география терминов родства и свойства в чувашском языке. Чебоксары, 1988.

Сергеев Л.П. Термины родства у чувашей // Чуваши: этнографическое исследование. Чебоксары, 1970. Ч. 2. С. 57–64.

Фокин П.П. Обычное право чувашей в трудах В.К. Магницкого // Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии. Чебоксары: Науч.-иссл. ин-т истории, языка, литературы и экономики, 1981. С. 34–44. (С. 39–41 — формы брака и наследования).

Фокин П.П. Следы матриликальности брака у чувашей // История, археология и этнография Чувашской АССР. Чебоксары: Науч.-иссл. ин-т истории, языка, литературы и экономики, 1975. С. 86–102.

Чулымцы

Дульзон А.П. Выступление на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР по проблеме субстрата // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1956. № 9. С. 99–103. (С. 102 — влияние этнического и языкового субстрата на ТР чулымско-тюрского языка).

Шорцы

Дыренкова Н. Родство и психические запреты у шорцев // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. Вып. 1. С. 260–265.

Межекова Н.Н. Шорский диалект // Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы. Абакан, 1973. С. 49–66. (С. 63 — некоторые ТР).

Якуты

Аноним. Якутский род до и после прихода русских // Памятная книжка якутской области за 1896 г. 1896. С. 1–48.

Бурыкин А.А. Система терминов родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах // АР-5. С. 213–242.

Виташевский Н. Брак и родство у якутов. СПб., 1910. 17 с.

Виташевский Н.А. Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л.: АН СССР, 1929. С. 89–220. (С. 154–165 — «Брак и родство»; 165–180 — «Система родства»; 180–198 — «Семейное право»).

Ефремов В.С. Якутский род // Издательство Восточно-Сибирского отдела географического общества. 1896. № 26 (4–5). С. 206–228. (Рец. на: Аноним 1896).

Кан Дэ К. Брак, семья, семейные отношения и быт якутов и тувинцев: (По данным этносоциологического исследования 1997 г.) // Народы Российской Севера и Сибири. М., 1999. С. 168–187.

Кочнев Д.А. Очерки юридического быта якутов. Казань, 1899. (О семье и роде).

Павлинов Д. Брачное право у якутов // Памятная книжка якутской области за 1871 г. Переиздано: *Павлинов Д.М.* Брачное право у якутов // Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Л.: АН СССР, 1929. С. 47–62.

Протопопов С.С. Отцовство как феномен традиционной культуры якутов: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2008. 24 с.

Серошевский В. Л. Якутская свадьба // ЖС. 1894. Вып. 3–4. С. 365–374. (С. 372–373 — ТР как отражение древних форм брака).

Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. СПб.: Тип. Гл. управл. Уделов, 1896. (С. 562–569 — ТР).

Троцанский В.Ф. Любовь и брак у якутов // ЖС. 1909. № 2–3. С. 17–26.

Убрятова Е.И. Парные слова в якутском языке // Язык и мышление. 1948. Вып. 11. С. 297–328. (В т.ч. о парных ТР).

Федорова Е.П. Термины **родства** и свойства в якутском языке: структурно-семантическое описание: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск: Ин-т гуманитар. исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2012. 23 с.

Корейцы

Аткнин В.Д. Корейская терминология родства // АР-4. С. 197–211.

Донитова Д.В. О генеалогических преданиях бурят-монголов и корейцев // Гэсэриада и аспекты ее изучения в культуре народа. Улан-Удэ, 2003. С. 84–88.

Ли Кван Сун. Семья: социально-философский анализ (на примере корейской семьи): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. 21 с.

Пягай Н.В. Антропоцентризм в языке, сознании и поведении корейцев и русских // Ли Г.Н. [и др.]. Энциклопедия корейцев России. 140 лет в России. М.: РАЕН, 2003. С. 440–456. (В т.ч. о ТР).

Пягай Н.В. Национально-культурная специфика самоидентификации личности (русские и корейцы) // Проблемы обучения общению на иностранном языке: тез. Межвуз. науч.-метод. чтений. М.: ДА МИД РФ, 1998. С. 52–55. (В т.ч. о ТР).

Пягай Н.В. Русский язык в корейской аудитории: национально-направленные пособия для преподавателя // Формы обучения РКИ в современных условиях: материалы Междунар. научно-практ. конф., 10–12 ноября 1998 г. М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 293–294. (В т.ч. о ТР).

Пягай Н.В. Этнокультурная специфика значений и употребления русских терминов родства в восприятии корейцев: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2007.

Самсонов Д.А. О корейской системе родства // Кюнеровские чтения (2001–2004). СПб., 2005. С. 189–193.

Палеоазиатские народы

Ительмены

Володин А.П. О структуре ительменских имен собственных (по материалам фольклора) // Этническая ономастика. М., 1984. С. 70–78. (С. 72–73 — ТР и антропонимическая система).

Коряки

Жукова А.Н. Этимология некоторых личных имен чукчей // Этнография имен. М., 1971. С. 44–53 (С. 47 — употребление ТР в качестве личных имен).

Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация: пер. с англ. / под ред. Ч. М. Таксами. СПб., 1997.

Пивнева Е.А. Экспедиция 1990–1991 гг. к карагинским корякам // Итоги полевых исследований М., 2000 с. 177–188. (Генеалогии и демографические данные).

Стебницкий С.Н. Нымыланы-алюторцы (К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков) // Советская этнография: сб. ст. М.; Л., 1938. Вып. 1. С. 129–144. (С. 138 — ТР в алюторском и чавчувенском диалектах).

Нивхи

Золотарев А.М. Пережитки родового строя у гиляков района Чомэ // Советский Север. 1933. № 2

Иванов С.В., Левин М.Г., Смоляк А.В. Нивхи // Народы Сибири. Этнографические очерки. М., 1956. С. 861–884. (С. 872 — общая характеристика СТР).

Отаина Г.А., Гонтмахер П.Я. Личные имена нивхов // Филология народов Дальнего Востока: Ономастика. Владивосток, 1977. (С. 91 — употребление ТР в обращении).

Кабо В.Р. Община и род у нивхов // Пути развития Австралии и Океании. М.: Наука, 1981. С. 198–219.

Крейнович Е.А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973. 496 с. (С. 260–287 — ТР).

Крейнович Е.А. Пережитки родовой собственности и группового брака у гиликов // Вопросы истории докапиталистического общества. М.; Л., 1936. С. 711–754. (С. 748–753 — сообщение о ТР и брачных нормах, сделанное информантом в 1933 г.).

Крейнович Е.А. О пережитках группового брака у нивхов // СНВ. М., 1973. Вып. 15. С. 224–233.

Таксами Ч.М. Нивхи // СЛИНМ. С. 238–240. (С. 239 — вокативное употребление ТР, текнонимия).

Чукчи

Богораз В.Г. Чукчи. Л., 1939. Т. 1. 191 с. (С. 91–94 — ТР).

Бурыкин А.А. Термины родства и свойства чукчей (к проблеме состава системы терминов родства и свойства) // АР-9. С. 234–245.

Вдовин И.С. Из истории общественного строя чукчей // СЭ. 1948. № 3. С. 56–70. (С. 57–60 — ТР и СР чукчей).

Кеты

Алексеев Е.А. К вопросу о роли фактора родства в социальной жизни кетов // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 172–186.

Алексеев Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967. 262 с. (С. 156–163 — краткая характеристика кетской СР).

Алексеев Е.А. Кеты. Социальная организация и общественный быт // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. С. 687–693. М.: Наука, 2005.

Дульзон А.П. Кетские имена и прозвища // Ономастика Востока. М., 1980. С. 5–8. (С. 6 — текнонимия).

Дульзон А.П. Термины родства и свойства енисейских кетов // СЭ. 1959. № 6. С. 87–96.

Казанцев А.Ю. История и современное состояние терминологии родства и свойства в кетском языке // Междунар. науч. конф. «Язык и культура». М., 2001. С. 206–207.

Казанцев А.Ю. Кетская и селькупская системы терминов родства // Наука и образование (8, 19–23 апр. 2004 г.): Всерос. конф. студ., асп. и молодых ученых (с междунар. участием). Томск, 2004. Т. 2. Ч. 2. Филология. С. 22–27.

Казанцев А.Ю. О некоторых процессах словообразования в группе терминов родства и свойства в кетском языке // V Общерос. межвуз. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». Т. 2: Лингвистика и филология. Томск, 2003. С. 78–81.

Казанцев А.Ю. Номенклатура родства и свойства южнокетского диалекта келлогского говора // Сибирская школа молодого ученого (4, 17–19 декабря 2001 г.): материалы 7 Междунар. конф. Томск, 2001. Т. 2: Лингвистика и филология. С. 58–62.

Казанцев А.Ю. Особенности терминологии родства и свойства в кетском языке // Материалы XXXIX Междунар. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. Новосибирск, 2001. С. 99–100.

Казанцев А.Ю. Отражение древнекетского общества в терминологии родства // Наука и образование (15–19 мая 2006 г.): материалы X Всерос. конф. студ., асп. и молодых ученых. Томск, 2006. Т. 2. Ч. 2. Филология. С. 47–51.

Казанцев А.Ю. Синхронно-сопоставительный анализ терминов родства и свойства в кетском и эвенкийском языках // II Шатиловские чтения: Томский областной краеведческий музей. Томск, 2003.

Казанцев А. Ю. Система терминов родства кетов // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. Томск, 2004. Т. 2. С. 87–91.

Казанцев А. Ю. Система терминов родства кетов среди родственных систем мира // СИТИЯК. С. 43–47.

Казанцев А.Ю. Система терминов родства и свойства в кетском языке: история и современное состояние // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. Томск, 2001. С. 273–274.

Казанцев А.Ю. Система терминологии родства и свойства в русском и кетском языках как индикатор различий в социальной организации общества // III Сибирская школа молодого ученого: материалы V Регион. конф. студ., асп. и молодых ученых. Томск, 2001. Т. 2. С. 43–47.

Казанцев А.Ю. Современное состояние терминологии родства и свойства в кетском языке // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. науч. ст. и тез. I Межвуз. науч.-практ. конф. студ., асп. и молодых ученых. Томск, 2001. С. 60–61.

Казанцев А.Ю. Сравнительный анализ терминов родства и свойства в кетском, югском и коттском языках // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: материалы Междунар. конф. «XXIII Дульзеновские чтения». Томск, 2002. Ч. I. С. 163–169.

Казанцев А.Ю. Термины родства и свойства в енисейских языках (типологический, этимологический и ареальный анализ): дис. ... канд. филол. наук. Томск: Томский гос. ун-т, 2004.

Каргер Н.К. Кетский язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3: Языки и письменность палеоазиатских народов. М.; Л., 1934. С. 223–238. (С. 238 — некоторые ТР в форме двойственного числа).

Корсаков Г.М. Кеты Подкаменной Тунгуски // Советский Север. Л., 1941. № 5. С. 104–118. (С. 109–110 — СР и ТР кетов).

Попов А.А., Долгих Б.О. Кеты // Народы Сибири. Этнографические очерки. М., 1956. С. 687–700. (С. 697 — общая характеристика кетской СТР).

Синотибетские народы

Бирманцы

Гохман В.И. Традиционные формы социализации детей и подростков у шанов Бирмы // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983. С. 172–183.

Стратанович Г.Г. Бирманцы // СЛИНМ. С. 78–81. (С. 79–80 — вокативные ТР).

Стратанович Г.Г. Личное имя у бирманцев // Этническая ономастика. М., 1984. С. 124–127. (С. 125 — ТР для обозначения членов малой семьи и ТР как обозначение обобщающего родства).

Дунгане

Рекхорн Э. Термины родства в дунганском языке // Ясыр Шиваза: Основположник дунганской литературы: юбилейный сб. ст. Бишкек: Илим, 2001. С. 53–60.

Стратанович Г.Г. Дунгане // СЛИНМ. С. 111–114. (С. 112–113 — ТР в составе личных имен у дунган).

Сушанло М.Я. Семья и семейный быт дунган. Фрунзе, 1979.

Шинло Л.Т. Культура и быт советских дунган. Фрунзе, 1965. 91 с. (С. 44, 86–90 — ТР; с. 87 — парные ТР)

Китайцы

Белков П.Л. К интерпретации классификационных систем родства (по китайским материалам // Кюнеровский сборник: материалы восточноазиатских и юго-восточных исследований 2008–2010. СПб.: МАЭ РАН, 2010. Вып. 6. С. 62–78.

Бунаков Ю.В. Термины родства в китайском языке (Этнографическо-лингвистические исследования): тез. дис. ... канд. наук. М., 1935. 13 с.

Доменак Ж.-Л., Хуа Шанмин. Семейные отношения в Китае: пер. с фр. М, 1991. 215 с.

Ерёмкина Т.А. Тенденции развития современной китайской семьи: философско-антропологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита: Читинский гос. ун-т, 2007. 24 с.

Гань Говэй. Терминологии родства в лингвистическом и национально-культурном аспекте (на материале современного китайского и современного русского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 145 с.

Гухман М.М. О происхождении возвратных конструкций // Язык и мышление. 1948. Вып. 11. С. 104–132.

Думан Л.И. Система родства и реальные формы брака в эпоху Инь // Кратк. сообщ. Ин-та народов Азии. М., 1962. Вып. 53. С. 3–24.

Крюков М.В. Древнекитайская система родства и вопрос о приоритете систем турано-ганованского типа. М., 1964. 9 с.

Крюков М.В. Иньская антропонимическая модель и проблема разграничения личного имени и апеллятива // ЛИПНБ С.206–211. (С. 208–209 — ТР как обозначение умерших и их роль в поминальном обряде).

Крюков М.В. К проблеме циклических знаков в Древнем Китае // Древние системы письма. Этническая семиотика. М., 1986. С. 107–113. (Связь ТР с циклическими знаками для счета времени в иньский период (XIV–XI вв. до н.э.), именами усопших предков и поминальным ритуалом).

Крюков М.В. Система родства китайцев. Генезис и типология. М., 1972.

Крюков М.В. Ценное исследование по истории систем родства // СЭ. 1966. № 4. С. 196–198. (Рец. на: Го Мин-Кунь. Исследование семейной организации и языка китайцев (на яп. языке. Токио, 1964. 564 с.).

Манухина О.В. Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости: исторический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007. 23 с.

Попов А.Г. Трансформация традиционной городской семьи в Китае. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2005. 16 с.

Проблемы семьи и брака в КНР // Информационные материалы: Экспресс-информ. Ин-т Дал. Востока АН СССР. М., 1991. Вып. 7. С. 1–69.

Почагина О.В. Модели семейной организации в Китае и на Филиппинах // Информ. бюл. Ин-та Дал. Востока РАН. 1997. № 1. С. 1–121.

Почагина О.В. Семейная организация китайцев // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. М., 1994. Ч. 2. С. 28–34.

Решетов А.М. Изменения в терминологии родства у современных зарубежных китайцев // Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология. М., 1973. С. 85–87.

Семенас А.Л. Некоторые особенности семантики сложения в изолирующих языках (К типологии семантических реляций) // Лингвистическая типология. М., 1985. С. 171–178. (С. 174–176 — парные слова, обозначающие родство в китайском языке).

Семенас А.Л. Система обращения в китайском национальном языке (путунхуа) // Восток. 1994. № 2. С. 129–143. (В т.ч. предисловие и сам текст, ТР занимают центральное место).

Тяпкина Н.И. А. Вольф и Хуан Цзе-шань об институте «маленьких невесток» // Общество и государство в Китае: 13-я науч. конф. М., 2000. С. 108–113

Шен Манмей. Лексическая и семантическая специфика наименований родства в китайском и русском языках // Мир русского слова. 2007. № 3. С. 77–80.

Шэн Маньмэй. Сопоставительный анализ обращений к родственникам в китайском и русском языках // Мир русского слова. 2006. № 3. С. 86–90.

Тангуты

Кептинг К.Б. Тангутские термины родства // Languages and History in East Asia. Festschrift for Tatsuo Nishida on the Occasion of His 60th Birthday, edited by Paul K. Eguchi. Kyoto: Shokado, 1988. С. 137–164.

Кычанов Е.И. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования небесное процветание (1149–1169): пер. с тангутского. М.: Наука, 1988. Т. 1: Анализ. (Статья 41 «Степени родства»).

Чин

Гохман В.И. Социализация детей и подростков у чинов // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1988. С. 113–128. (С. 115, 122 — текнонимия).

Уральские народы и языки

Андреанова Е.М. Общее и отличительное в системе терминов кровного родства в волжских и пермских языках // Проблемы марийской филологии. Йошкар-Ола, 1999.

Андрианова Е.М. Структура подсистемы некровного родства в волжских и пермских языках // Психолого-педагогические проблемы совершенствования системы повышения квалификации: материалы Науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2000.

Андрианова Е.М. Терминология родства в финно-угорских языках волжской и пермской групп: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2000. 186 с.

Курсите Я. Мать Лемминкейна и следы культа матерей в балтийском и финно-угорском фольклоре. *Tautosakos darbai*. 2002. Т. XVII. С. 65–69.

Маркелов М. Системы родства у угро-финских народностей // Э. 1928. № 1. С. 44–78.

Szj E. A korkülönbség kifejeződése a finnugor nyelvek rokonságneveiben. I. [Выражение возраста в терминах родства финно-угорских языков] // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1982. № 84 (3). Р. 381–391. (Резюме на русском языке).

Szj E. A korkülönbség kifejeződése a finnugor nyelvek rokonságneveiben. II. [Выражение возраста в терминах родства финно-угорских языков] // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1983. № 85 (4). Р. 435–447. (Резюме на русском языке, с. 446–447).

Szj E. A korkülönbség kifejeződése a finnugor nyelvek rokonságneveiben. III. [Выражение возраста в терминах родства финно-угорских языков] // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1984. № 86 (1). Р. 37–45. (Резюме на русском языке, с. 44–45).

Сий Э. Термины родства в общем словарном запасе уральских языков // *Nyelvtudományi Közlemények*. 1984. № 87 (2). С. 431–437.

Сподина В.И. Терминология социальных отношений родства у обских угров и самодийцев сквозь призму понятия «род» // Вестник Югорского гос. ун-та. 2009. 1 (12): 32–42.

Уляшов О.И. «Чужом» в представлениях коми // Коми-пермяцкий и финно-угорский мир: тез. докл. и выступл. на Междунар. конф., Сыктывкар, 1995. С. 94–96. (Семантика некоторых финно-угорских слов, выступающих в качестве ТР).

Федянович Т.П. Новое и традиционное в семье народов Среднего Поволжья (марийцы, мордва, удмурты) // Тр. Ин-та яз., лит. и истории Науч. центра УрО АН СССР. Сыктывкар, 1991. Вып. 49. С. 34–42.

Худяков М.Г. Пережитки группового брака и матриархата в Поволжье (у мари и удмуртов). // Вопросы истории доклассового общества. М.; Л., 1936. С. 391–413. (СТР как доказательство существования группового брака и матриархата).

Волжско-финские народы и языки

Андрианова Е.М. Марий да мордва йылмыласе түп родо-тукым термин-влакын икмыняр ойыртемшт да икгайлыкшт // Марийская филология. Йошкар-Ола, 2006. Вып. 7.

Бабушкина Р.В. Способы выражения категории собирательности в системе волжско-финских языков // Актуальные вопросы мордовского языкозна-

ния. Труды Мордов. науч.-иссл. ин-та языка, литературы, истории и экономики. 1988. Вып. 94. С. 21–35. (С. 22–23 — лексика родства мордвы, марийцев, коми-пермяков).

Марийцы

Андреанова Е.М. Марий йылмыште родо-тукым термин-влакын кучыл-талтмышт (марий сылнымутан произведенийласе пример-влак негызеш) // Марийская филология. Йошкар-Ола, 2005. Вып. 6.

Андреанова Е.М. Семантический анализ терминов родства в марийском языке // Туныктышо (Учитель). Йошкар-Ола, 2001. № 1.

Андреанова Е.М. Терминология родства в диалектах марийского языка // Финно-угристика на пороге III тысячелетия (Филологические науки), 2–5 февраля 2000 г.: материалы II Всерос. конф. финно-угроведов. Саранск: Красный Октябрь, 2000. С. 35–37.

Андреанова Е.М. Термины обобщенного родства в марийском языке // Актуальные проблемы межкультурных и межъязыковых контактов: материалы Науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2004.

Андреанова Е.М. Термины родства и свойства в волжском говоре марийского языка // Башкортостан и Марий Эл: Исторический опыт и перспективы сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Бирск; Йошкар-Ола, 2007. Ч. 1.

Васильев В.М. О внутренних законов развития марийского языка // Уч. зап. Марийского науч.-иссл. ин-та языка, литературы и истории. Йошкар-Ола, 1953. Вып. V: Язык, литература, история. С. 71–106. (С. 77 — текнонимия).

Воронцова З.Г. Марийские термины родства // Этническая культура марийцев (Традиции и современность). С. 84–81. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. С. 84–81.

Ерусланов П. Родственный союз по понятиям восточных черемис // ЭО. 1895. № 2. С. 35–49.

Исанбаев Н.И. Татарские термины родства в диалектах марийского языка // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1978.

Китиков А.Е. Семья и брак по материалам марийских пословиц // Вопросы советского финно-угроведения: Археология, литературоведение, этнография, фольклор: тез. докл. и сообщ. на XV Всесоюз. конф. по финно-угроведению, посвящ. 250-летию АН СССР. Петрозаводск: ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР, 1974. С. 104–106. (О ТР).

Кокля П. Притяжательные суффиксы в марийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1963. 47 с. (С. 5–6, 8, 10, 11, 20 — типы посессивных суффиксов, употребляемых с ТР).

Кузнецова М. Марийские зоонимы в рукописном словаре Э.Беке // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä, 1995. Pars. V. С. 92–96. (С. 94–95 — обозначение терминами родства сакрально отмеченных объектов животного мира).

Мендиаров Г. О черемисах Уфимской губернии // ЭО. 1894. № 3. С. 34–53. (В т.ч. о родовом союзе и формах брака).

Пенгитов Н.Т. Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке // Уч. зап. Марийского науч.-иссл. ин-та языка, литературы и истории. 1957. Вып. 10: Язык и литература. С. 77–89. (С. 82, 88 — употребление собирательного суффикса — *мыт* с ТР).

Смирнов И.Н. Черемисы. Казань, 1989. (В т.ч. о ТР).

Мордва

Акашкина Р.И. Термины родства в мокшанской свадебной поэзии // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск. 2003. С. 141–144.

Арсланов Л.Ш. Некоторые лексические особенности говора мордвы-каратаев // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 396–401. (С. 399 — ТР).

Архангельский С. Свадебные обряды мордов в Саратовской губернии // Саратов. губ. ведомости. 1845. Т. 52. Отд. 2. Прибавления. С. 494–497. (С. 495–496 — некоторые ТР, фигурирующие в свадебных причитаниях).

Бабушкина Р.С. К вопросу о грамматической структуре мордовских терминов родства // Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание: тез. докл. и сообщ. на XV конф. по финно-угроведению. Петрозаводск, 1974. С. 44–45.

Бабушкина Р.В. Структурно-семантический анализ терминов родства, общих для финно-угорских языков // Вопросы финно-угроведения. Языкознание: тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. Ч. 1. С. 68.

Бабушкина Р.В. Термины родства как факты генетической связи мордовского народа с другими финно-угорскими // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 344–358.

Бабушкина Р.В. Термины родства на материале мокша-мордовского языка // Тез. докл. и сообщ. к Всесоюз. конф. по вопросам финно-угорского языкознания. Ужгород, 1963. С. 10–11.

Балашов В.А. Семья и семейные обряды // Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981. С. 174–194. (С. 174–175 — некоторые ТР в пределах большой семьи).

Беляева Н.Ф. Традиционные этические нормы семейных отношений у мордвы // Этноистория и этнокультура восточных финно-угров: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Функционирование языков и состояние этнокультуры восточных финно-угорских народов: Проблемы и перспективы развития», Саранск, 4–7 июня 2003 г. Саранск: Красный Октябрь, 2003. Ч. 1. С. 31–35. (В т.ч. о ТР).

Бутузов Ф. Из быта мордвы села Живайкина Жадовского уезда Симбирской губ. // ИОАИЭ. Казань, 1893. Т. 11. Вып. 5. С. 485–488. (С. 487 — некоторые вокативные ТР и их употребление лицами разного возраста).

Бутылов Н. К вопросу о хронологизации и классификации индоиранских заимствований в мордовском языке // Финно-угроведение. 2000. № 1. С. 99–101. (С. 100 — ТР).

Вавилин В.Ф. К этимологии мордовских слов *веле* и *бий* // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975. С. 188–191. (ТР и топонимы).

Гришунина В.П. Приобщение студентов к этнокультуре при изучении диалектной лексики (на материале названий родства в мокшанском языке и его диалектах) // Интеграция образования. 2011. № 2. С. 96–100.

Гришунина В.П. О составляющих сложных мордовских терминов родства // Вестн. Мордовского госуниверситета. 2004. № 3/4. С. 102–104.

Гришунина В.П. Термины родства и свойства в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2002. 189 с.

Давыдов М.М. Больше-Игнатовский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2. С. 118–233. (С. 150, 169 — некоторые парные ТР; с. 166 — употребление суффикса *-ид'и* с ТР).

Деваев С.З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2. С. 261–432. (С. 327–328, 357–358 — некоторые ТР).

Дзибель Г.В. К построению парадигмы мордовского свадебного обряда // Узловые проблемы финно-угроведения: материалы I Всерос. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. С. 119–121 (С. 120–121 — структурные аналоги некоторых типов СТР в структуре мордовского свадебного обряда).

Дзибель Г.В. К построению парадигмы мордовского свадебного обряда II // Коми-пермяки и финно-угорский мир: тез. докл. и выступ. на Междунар. конф. Сыктывкар, 1995. С. 107–108.

Евсеев М.Е. Основы мордовской грамматики. Эрзянь граматика. М., 1931. 241 с. (С. 43 — ТР в звательном падеже).

Иванцев С. Из быта мордвы дер. Дюрки Паранеевской вол. Алатырского у. Симбирской губ. // ИОАИЭ. Казань, 1894. Т. 11. Вып. 6. С. 571–575. (С. 572 — некоторые ТР с отцовской и материнской сторон).

Кавтаськин Л.С. Предисловие // Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1972. Т. 7. Ч. 1. Эрзянские плачи-причитания. С. 5–20. (С. 12 — ТР в текстах причитаний).

Кинков А. К истории семьи и брака у башкир, татар, мордвы, чуваш // Башкирский краеведческий сборник. 1927. № 2. С. 54–61. (С. 57 — ТР у мордвы).

Кочеваткина А.П. Существительное как компонент поля одушевленности // Современные проблемы мордовских языков. Труды Мордов. науч.-иссл. ин-та языка, литературы, истории и экономики. 1991. Вып. 105. С. 46–52. (С. 48–49 — ТР).

Майнов В.Н. Очерк юридического быта мордвы: Ответы на программу русского географического общества. М.: Тип. Министерства внутренних дел, 1885.

Масленников Н. Из опыта мордвы села Кученяево Алатырского уезда Симбирской губернии // ИОАИЭ. 1916. Т. 29. Вып. 4. С. 188–195. (С. 191 — ТР).

Мишанин Ю.А. Этнокультура мордвы в журналистике России XIX — начала XX в. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2001. (С. 63–65 — мордовские ТР в записях И.Н. Смирнова).

Мокишин Н.Ф. Традиционные личные имена и обычаи имянаречения у мордвы // Труды Мордов. науч.-иссл. ин-та языка, литературы, истории и экономики. 1990. Вып. 100. С. 59–79. (С. 65–66 — некоторые особенности терминологии свойства у мордвы).

Мокишина Ю. К вопросу об изучении брака и семьи в традиционной юриспруденции мордвы (по материалам опубликованных источников XIII — первой половины XIX в.) // Финно-угроведение. 2003. № 1. С. 27–35.

Морфология, орфография и грамматическая терминология эрзянского и мокшанского языков. Саранск, 1938. 153 с. (С. 14, 61 — парные ТР).

Мосин М.В. Этимологические заметки // Финно-угристика 5: межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Красный Октябрь, 2003. С. 156–159. (С. 157 — о мордовском ТР *jalaks* ‘младший брат’ (для говорящей женщины)).

Николаев С.Д. К вопросу о возможной связи системы терминов родства (СТР) и антропонимов мокши и эрзи // Обновляющаяся Россия: формирование нового гуманитарного пространства: материалы Меркушинских науч. чтений. Саранск: Красный Октябрь, 1997. С. 85–87.

Николаев С.Д. Мордовская крестьянская семья первой половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. наук. М., 1993. 25 с. (С. 4, 6, 15–18, 24 — общая характеристика СР и СТР мордвы).

Николаев С.Д. Мордовская семья по статистическим данным первой половины XIX века (на примере Ардатовского и Краснослободского уездов) // Финно-угроведение. 1997. № 4. С. 40–56.

Николаев С.Д. Мордовская система родства: Терминология и некоторые особенности // Бытовая культура мордвы. Труды Мордов. науч.-иссл. ин-та языка, литературы, истории и экономики. 1990. Вып. 100. С. 80–95.

Николаев С.Д. Некоторые аспекты внутрисемейных отношений мордвы Оренбуржья // Этнос и его подразделения. М., 1992. Ч. II: Этнические и этнографические группы в Волго-Уральском регионе. С. 98–105. (В т.ч. о ТР).

Николаев С.Д. Система родства // Мордва: Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2004. С. 375–388.

Николаев С.Д. Система родства и родственные отношения в семейно-бытовой жизни мордвы // Узловые проблемы современного финно-угроведения: материалы I Всерос. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. С. 159–161.

Николаев С.Д. Структура мордовской семьи первой половины XIX в. // Проблемы дореволюционной истории крестьянства Мордовии. Труды Мордов. науч.-иссл. ин-та языка, литературы, истории и экономики. Саранск, 1991. Т. 103.

Николаев С.Д. Терминология родства и свойства // Мордва Заволжья. Саранск, 1994. С. 124–132.

Рамазанова Д.Б. Генетические пласты терминов родства мордвы-каратаев // Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки), 2–5 февраля 2000 г.: материалы II Всерос. конф. финно-угроведов. Саранск: Красный Октябрь, 2000. С. 258–262.

Серебрянников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967. 262 с. (С. 31 — звательные формы ТР; с. 61–62 — склонение имен родства; с. 68 — деминутивы с ТР).

Смирнов И.Н. Мордва: Историко-этнографический очерк. Глава III. Семейные и общественные отношения // ИОАИЭ. 1893. Т. 11. Вып. 5. С. 452–477.

Вошло в состав: *Смирнов И.Н.* Мордва: Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1891.

Переиздано: *Смирнов И.Н.* Мордва: Историко-этнографический очерк. Саранск: Красный Октябрь, 2002. С. 135–137: TP.

Смирнов И.П. Мордва, Историко-этнографический очерк. Казань, 1895. 291 с. (С. 140–143 — TP).

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4. Кн. 1: Пословицы, присловья и поговорки / сост. К.Т. Самородов. Саранск, 1967. 375 с. (С. 67–82 — пословицы и поговорки на тему родства)

Феокистов А.П. Мордовские языки и диалекты в историко-этнографической литературе XVII–XVIII вв. // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963. Т. 2. С. 3–36. (В т.ч. TP по материалам словарей Витсена, Страленберга, Миллера).

Пермские народы

Кривошекова-Гантман А.С. О грамматизации самостоятельных слов (на материале пермских языков) // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 114–122. (С. 118–120 — некоторые суффиксы как грамматизованные TP).

Плесовский Ф.В. К вопросу о развитии семьи у коми и удмуртов (по терминам родства) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. VI. С. 105–129.

Szűj E. A permi rokonságnevek rendszéről. I. A kérdőíves anyaggyűjtés és eredményei. [О терминах родства и свойства в пермских языках] // Nyelvtudományi Közlemények. 1979. № 81 (2). P. 247–272.

Szűj E. A permi rokonságnevek rendszéről. A kérdőíves anyaggyűjtés és eredményei. II [О терминах родства и свойства в пермских языках] // Nyelvtudományi Közlemények. 1980. № 82 (1–2). P. 149–172. (Развернутое резюме на русском языке, с. 171–172).

Суй Э. О терминах родства в пермских языках // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum, 1980, Turku, Finland. Vol. 7. Turku: Suomen Kielen Seura, 1981. С. 144–150.

Сидоров А.С. Термины родства у коми // Сидоров А.С. Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992. С. 142–148.

Тепляшина Т.И. Лексические коми-удмуртские соприкосновения // Вопросы финно-угроведения. Языкознание: тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. Ч. 1. С. 122. (О некоторых TP).

Коми

Баталова Р.М. Материалы по коми-пермяцкой лексике (извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв.) // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 69–75. (С. 71 — TP).

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми // ТИЭ. М., 1958. Т. 45. 394 с. (С. 294–298 — СР и TP коми; с. 287–289 — TP и антропонимическая система).

Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяки // СЛИНМ. С. 171–174. (С. 172–173 — участие TP в формировании антропонимов).

Несанелис Д.А. Традиционная этнография народа коми в трудах Питирима Сорокина и Василия Налимова // Узловые проблемы современного финно-
310

угроведения: материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1995. С. 156–158. (С. 158 — об изучении семьи и брака зырян Сорокиным).

Несанелис Д.А., Семенов В.А. Долгий путь Питирима Сорокина // Питирим Сорокин. Этнографические этюды (Сб. этнографических статей П.А. Сорокина). Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1999. С. 4–16. (С. 9–11 — о работе Сорокина «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян»).

Несанелис Д.А., Семенов В.А. Традиционная этнография коми в трудах П.А. Сорокина // Рубеж. 1991. № 1. С. 47–56. (В т.ч. о работе Сорокина «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян»).

Смирнов И.Н. Пермьяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1891. 289 с.

Сорокин П.А. К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян // Изв. Архангельского о-ва изучения Русского Севера. 1911. № 5.

Переиздано: Сорокин Питирим. Этнографические этюды (Сб. этнографических статей П.А. Сорокина). Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. С. 52–67.

Сорокин П. А. Программа по изучению зырянского края. Яренск: Коми Котыр, 1918.

Переиздано: Социологические исследования. 1990. № 2. С. 139–141. (С. 139–140 — «Семейные и общественные отношения», в т.ч. о ТР).

Таннер С. О терминах родства в коми языке // Congressus Sextus Internationalis Fenno-Ugristarum. Сыктывкар, 1985. Т. 2: Abstracts.

Туркин А.И. О происхождении одной группы терминов родства в коми языке // Пермистика–3. Сыктывкар, 1992. С. 149–151.

Фролова Т.И. Именные категории верхне-вымских говоров северного диалекта коми языка // Лингвистический сборник. АН СССР. Коми филиал. Сер. лингвистическая. Сыктывкар, 1952. Вып. 2. С. 43–61. (С. 51 — особенности употребления суффиксов мн.ч. с ТР).

Шамахов С.А. Русские лексические заимствования в коми языке, характеризующие родственные, семейные отношения // Уч. зап. Коми пед. ин-та. Сыктывкар, 1960. Вып. 8. С. 40–51.

Удмурты

Атаманов М.Г. Обряды и поверья удмуртов, связанные с именами // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. Устинов, 1985. С. 91–105. (С. 100–102 — ТР).

Бозаевский П.М. Очерк быта сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. 3. С. 14–64. (С. 40–41, 62 — некоторые ТР).

Бушмакин С.К. Лексико-семантический анализ древнеудмуртских антропонимов // Антропонимика. М., 1970. С. 267–276. (С. 273 — личные имена от ТР).

Владыкин В.Е., Христорождова Л.С. Удмурты // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 75–107. (С. 86 — ТР как свидетельство былой матрилинейности).

Кельманов В. Формы субъективной оценки имен в удмуртском языке // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä, 1995. Pt. 3.

Р. 131–134. (С. 131–133 — употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов с ТР).

Коробейников А.В., Чураков В.С. О «реликтах» тотемизма у удмуртов // Демидовские чтения на Урале. Первый российский научный форум: тез. докл. Екатеринбург, 2–3 марта 2006 г. Екатеринбург, 2006. С. 357–358. (Патрилинейная родовая организация).

Косвен М. Распад родового строя у удмуртов // На удмуртские темы. Уч. зап. НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР, 1931. Т. 2. С. 5–35. (С. 9–11 — ТР для родственников по линии матери).

Лойко Л.М. Финно-угорские и тюркские элементы в традиционно-бытовой культуре бавлинских удмуртов // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 152–157. (С. 153 — архаическая лексика родства у удмуртов Татарии).

Лыткин В.И. К происхождению суффикса множественного числа YOS в удмуртском языке // На удмуртские темы. Уч. зап. НИИ народов Советского Востока. М., 1931. Т. 2. С. 107–111. (С. 107, 110 — употребление служебных морфем с ТР).

Марр Н.Я. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык // Марр Н.Я. Избранные работы. М.; Л., 1935. Т. 5: Этно- и глоттогония Восточной Европы. С. 467–533. (С. 511–513 — ТР удмуртов и коми в сопоставлении с ТР картвельских языков в свете яфетической теории).

Напольских В.В. Материалы Д.Г. Мессершмидта об удмуртах и происхождение удм. *kisno* ‘жена’ // Linguistica Uralica. 2002. Т. 38. № 3. С. 176–181.

Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 1: Вятка, 1888. (С. 41 — о материнском роде у удмуртов).

Сий Э. Термины родства и свойства в удмуртском языке. Будапешт: Академия Киадо, 1998. 216 с.

Рец.: Csucs S. Monografia a votjak rokonsagnevekrol // Nyelvtudományi Közlemények. 1998–1999. № 96 (1–2). P. 270–275.

Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1890. 308 с. (С. 128–136 — ТР).

Сорокин П.М. О материнстве, как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков // Acta Univ. Szegediensis de Attila József nominatae. Sect. ethnogr. et ling. 1999. Т. 40. С. 197–227. Szeged.

Тепляшина Т.И. Загадочные термины родства в удмуртском языке // СФУ. 1968. № 4. С. 263–267.

Тепляшина Т.И. О способах образования топонимов бассейна реки Чепцы // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 211–233.

Тепляшина Т.И. Способы выражения вокативности в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1975. Вып. 3. С. 191–202. (В т.ч. о ТР).

Тепляшина Т.И. Термины родства в современных словарях удмуртского языка // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 101–109.

Тепляшина Т.И. Термины родства у удмуртов, проживающих в Башкирии // СФУ. 1969. Т. 5. № 2. С. 127–131.

Тепляшина Т.И. Тюркские элементы в терминах родства удмуртов Башкирии // Башкирская лексика. Уфа, 1966. С. 103–114.

Тепляшина Т.И. Удмуртские термины родства («сын» и «дочь») // Вопросы финноугорского языкознания. М., 1966. Вып. 3. С. 130–138.

Христолюбова Л.С. Семья и семейный быт // Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С. 186–208. (С. 188–189, 195 — некоторые вокативные ТР и их сохранение в современном быту).

Худяков М.Г. Вотские родовые деления // ИОАИЭ. 1920. Т. 30. Вып. 3; Т. 31. Вып. 1.

Чураков В.С. К критике воршудной теории // Финно-угроведение. 2003. № 2. С. 3–18. (Критика теории матриархата у удмуртов).

Чураков В.С. Происхождение названий удмуртских родов // Linguistica Uralica. 2005. Т. 41. № 1. С. 43–57.

Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века (проблемы социально-политической истории): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2001. (В т.ч. о родовом устройстве, системе родства и патрилинейной антропонимической системе).

Бесермяне

Тепляшина Т.И. Бесермянские термины, выражающие понятия «мать» и «отец» // СФУ. 1966. Т. 2. № 1. С. 51–57.

Тепляшина Т.И. Лично-притяжательные формы бесермянских терминов родства // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 6. С. 195–200.

Тепляшина Т.И. О терминах родства у бесермян // Тез. докл. и сообщ. к Всесоюзной конф. по вопросам финно-угорского языкознания. Ужгород, 1963. С. 40–42.

Тепляшина Т.И. Тюркизмы в бесермянской терминологии родства // Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание. Саранск, 1972. С. 28.

Федотов М.И. Термины родства бесермян // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. Устинов, 1985. С. 116–131.

Прибалтийско-финские народы и языки

Вяйри Э. Терминология родства в прибалтийско-финских языках: автореф. дис. ... канд. наук. Тарту, 1953. 16 с.

Новожилов А.Г., Бурыкин А.А., Мызников С.А., Попов В.А. Терминология родства и свойства прибалтийско-финских народов России // АР-9. С. 266–281.

Вепсы

Зайцева М.И. Термины родства в вепском языке // Fenno-Ugristica. Труды по финно-угроведению 1. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 344. С. 296–306.

Ижора

Киселева И.Г. Круг брачных связей хэванских ижор (К проблеме этнокультурных контактов) // Этносы и этнические процессы. М., 1993. С. 213–235.

Киуру Э. Отражение матрилинейного счета родства в ижорских причитаниях // СЭ. 1975. № 4. С. 103–109. (Метафорические замены ТР).

Карелы

Конкка У.С. О карельской обрядовой лирике // Науч. конф. по истории и литературе Советской Карелии, посвящ. 100-летию со дня рождения В.И. Ленина и 50-летию Карельской АССР: тез. докл. Петрозаводск, 1970. С. 104–106. (С. 105 — о метафорических заменах ТР).

Конкка У.С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. 296 с. (С.22–23, 267–278 — о метафорических заменах ТР).

Конкка У.С. Табу слов и закон иносказания в карельских плачах // Проблемы фольклора. М., 1975. С. 170–178. (О метафорических заменах ТР).

Никольская Р.Ф. Система родства у карел // Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum, Budapestini habitus 9.–15 Septembris 1975, edited by Gyula Ortutay and János Gulya. Pt. 2. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. С. 117–121.

Степанова А.С. Метафорические замены термина «жених» в карельских свадебных причитаниях // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С. 230–235.

Степанова А.С. О некоторых локальных различиях в области поэтического языка карельских причитаний // Вопросы советского финно-угроведения: тез. докл. и сообщ. на XIV Всесоюз. конф. по финно-угроведению, посвященной 50-летию образования СССР. Саранск, 1972. С. 54–55.

Степанова А.С. Основные особенности композиции карельских плачей // Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии: тез. докл. Петрозаводск, 1979. С. 151–153. (О метафорических заменах ТР).

Степанова А.С. Особенности поэтического языка // Карельские ейги. Петрозаводск, 1993. С. 41–55. (О метафорических заменах ТР).

Степанова А.С. Примечания // Карельские причитания / изд. подгот. А.С. Степанова, Т.А. Коски. Петрозаводск, 1976. С. 488–519. (С. 501, а также примечания в тексте — о метафорических заменах ТР).

Степанова А.С. О собирании, современном состоянии и некоторых особенностях поэтического языка карельских причитаний // Карельские причитания / изд. подгот. А.С. Степанова, Т.А. Коски. Петрозаводск, 1976. С. 5–30. (С. 25–38 — о метафорических заменах ТР).

Степанова А.С. Сравнительное изучение причитаний прибалтийско-финских народов // Вопросы финно-угроведения: тез. докл. Сыктывкар, 1979. С. 120. (О метафорических заменах ТР).

Степанова А.С. Функционирование системы метафорических замен в карельских причитаниях: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 23 с.

Саамы

Бурыкин А.А., Попов В.А. [Рец.] Куропятник М.С. Коренные народы в процессе социальных изменений. СПб.: СПбГУ, 2005. 240 с. // ЭО. 2007. № 5. С. 174–178. (Критика представлений автора о СР и ее анализа СТР саамов).

Куропятник М.С. Коренные народы в процессе социальных изменений. СПб.: СПбГУ, 2005. 240 с. (В т.ч. о СР саамов).

Куропятник М.С. Коренные народы в процессе социокультурных изменений: дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2006. 360 с. (Гл. 3 — система роста и билатеральный счет родства у саамов; Глава 5 — брачные структуры саамов).

Куропятник М.С. Некоторые изменения в системе терминов родства саамов // Полевые исследования ГМЭ народов СССР. 1985–1987 гг. Л., 1989. С. 45–46.

Куропятник М.С. Система родства кольских саамов: взаимодействие категорий пола и относительного возраста // Проблемы культурогенеза и куль-

турное наследие. Материалы к конференции. Ч. III. Этнография и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993. С. 89–92.

Куропятник М.С. Социальная организация саамов // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. S. 101–107.

Куропятник М.С. Система терминов родства кольских саамов // AP-1. С. 203–216.

Куропятник М.С. Социальная организация кольских саамов в конце XIX–начале XX в. // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars. VI. Ethnologia@Folkloristica. Jyväskylä. 1996. С. 194–197. (В т.ч. о СТР саамов).

Куропятник М.С. Терские саамы по ревизии 1858 г.: этносоциальная характеристика // Скандинавские чтения: Этногр. и культ.-ист. аспекты СПб., 2002. С. 190–200. (В т.ч. об отношениях по родству и свойству).

Куропятник М.С. К характеристике системы родства у саамов Кольского полуострова // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. Омск, 1989. С. 170–180.

Лукьянченко Т.В. Семья саамов Кольского полуострова // Тр. Ин-та яз., лит. и истории Науч. центра УрО АН СССР. Сыктывкар, 1991. Вып. 49. С. 43–52.

Харузин Н. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М., 1890. 472 с. (С. 254–260 — ТР, родство).

Финны

Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка. М.; Л., 1955. 186 с. (С. 23, 96 — конструкции, оформляющие ТР как парные имена (суффиксы *-kse* и *-t*)).

Самодийские народы и языки

Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы мира. Этнографические очерки. М., 1956. С. 665–686. (С. 678 — общая характеристика СР селькупов и ненцев).

Тереженко Н.М. К сравнительному изучению лексики самодийских языков // СФУ. 1971. № 4. С. 285–297. (С. 292 — ТР).

Камасинцы

Сысоева Н.М. Камасинцы (Некоторые вопросы семейного быта и духовной культуры // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: История и современность: сб. науч. тр. Кемерово, 1992. С. 62–75. (С. 65–67, 73 — ТР камасинцев).

Нганасаны

Афанасьева Г.М. Традиционная система воспроизводства нганасан (проблемы репродукции обособленных популяций): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991. 43 с. (С. 32–33 — сходства и различия ТР нганасан с типом омаха; с. 32–34 — ТР в связи с порядком репродукции).

Афанасьева Г.М. Традиционная система воспроизводства нганасан (Проблемы репродукции обособленных популяций). М., 1990. Ч. 1. 360 с. (С. 220 — сходства и различия ТР нганасан с типом омаха; с. 218–223 — список СТР авамских и таймырских нганасан).

Гольцова Т. В., Осипова Л. П., Жаданов С. И., Виллемс Р. Влияние брачной миграции на генетическую структуру популяции нганасан Таймыра: генеалогический анализ по маркерам митохондриальной ДНК // Генетика. 2005. Т. 41. № 7. С. 954–996.

Грачева Г.Н. Возрастные категории и погребальный обряд у нганасан // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 241–250. (С. 243–235 — изменения ТР в обрядах, связанных с инициацией и реконструкция древней половозрастной структуры нганасан).

Долгих Б.О. Родовая экзогамия у нганасанов // Сибирский этнографический сборник. ТИЭ. 1962. Т. 28. Вып. 4: Очерки по истории, хозяйству и быту народов Севера. С. 197–225. (с. 210 — несколько ТР для родственников по материнской линии).

Лопуленко Н.А. Нганасаны. Социальная организация и общественный быт // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энды. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 594–600.

Попов А.А. Нганасаны // Народы Сибири. Этнографические очерки. М., 1956. С. 648–660. (С. 655 — общая характеристика СР).

Попов А. А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л.: Наука, 1984.

Терещенко Н.М. Личные имена у нганасанов // Этнография имен. М., 1971. С. 40–44. (С. 43–44 — употребление ТР вместо имен).

Файнберг Л.А. Терминология родства нганасан как исторический источник // Сибирский этнографический сборник. ТИЭ. Т. 78. М., 1962. Вып. 4. С. 226–237.

Ненцы

Бурыкин А.А. Материалы к описанию терминологии родства и свойства ненцев // АР-11. С. 234–247.

Головнев А.В. Ненцы. Социальная организация и общественный быт // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энды. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 451–459.

Куприянова З.Н. Терминология родства в устном народном творчестве ненцев // Уч. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та. 1954. Т. 101. С. 159–179.

Старцев Г.А. Самоеды (ненча). Историко-этнографическое исследование. Л., 1930. 170 с. (С. 87–90 — ТР).

Терещенко Н.М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л., 1956. 282 с. (с. 46–47 — особенности употребления ТР во множественном числе в ненецком языке).

Терещенко Н.М. Ненцы // СЛИНМ. С. 234–237. (С. 235 — личные имена от ТР).

Терещенко Н.М. Собственные имена людей у ненцев // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып. 3. С. 62–71. (ТР и антропонимическая система).

Хомич Л.В. Ненцы. М.; Л., 1966. 330 с. (С. 158–162 — ТР и СР).

Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб, 1995. 336 с. (С. 172–74 — ТР и СР).

Селькупы

Беккер Э.Г. Селькупы // СЛИНМ. С. 270–272. (С. 272 — общая характеристика вокативной подсистемы СТР селькупов).

Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности у селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 86–138.

Гемуев И. Н. Селькупы. Социальная организация и общественный быт // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., Наука, 2005. С. 351–356.

Дульзон А.П. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья // Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та. 1954. Т. 11. С. 54–94.

Зеремская Ю.А. Мужские термины родства в селькупском языке: материнская и отцовская линии // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Гуманитарные науки (Филология). Томск, 2007. Вып. 4 (67). С. 97–100.

Зеремская Ю.А. Термин «сестра» в селькупском языке // Наука и образование: материалы XIII Всерос. конф. студ., асп. и молодых ученых (20–24 апр. 2009 г.). Томск, 2009. Т. 2: Филология. Ч. 2: Актуальные проблемы изучения иностранных языков и методики их преподавания. С. 303–306.

Зеремская Ю.А. Термины родства и свойства в селькупском языке: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола: Марийский. гос. ун-т. 146 с.

Казанцев А.Ю. Кетская и селькупская системы терминов родства // Наука и образование (8, 19–23 апр. 2004 г.): Всерос. конф. студ., асп. и молодых ученых (с междунар. участием). Томск, 2004. Т. 2. Ч. 2: Филология. С. 22–27.

Малиновская С. Отражение в традиционном именнике нарынских селькупов социальной организации // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars. 6. Ethnologia@Folkloristica. Jyväskylä, 1996. С. 241–243. (С. 241–242 — ТР и антропонимы).

Пелих Г.И. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края // Сибирский этнографический сборник. ТИЭ. 1962. Т. 28. Вып. 4. С. 176–196. (С. 183–190 — ТР и СР в связи с социальной организацией).

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 422 с. (С. 378 — ТР в тайном шаманском языке).

Прокофьев Г.Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Э. 1928. № 2. С. 96–103.

Шаховцов К.Г. К вопросу о выделении брачных классов в системе родства нарынских селькупов // Вестник Томск. гос. ун-та. № 1 (116). 2012. С. 144–148.

Шаховцов К.Г. Г.И. Пелих о терминологии родства нарынских селькупов: построения на проблемном основании // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. Сборник трудов кафедры археологии и этнологии. Вып. 4. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. С. 266–280.

Энцы

Тихонова М. В. Энцы. Общественный строй, быт, семья // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 517–523.

Угорские народы и языки

Вавра К.И. Семантический анализ терминов родства угорских языков // СФУ. 1966. № 3. С. 217–226.

Вавра К.И. Терминология родства венгерского и мансийского языков: автореф. дис. ... канд. наук. Тарту, 1970. 25 с.

Головнев А.В. Экзогамия в социальной истории народов Северо-Западной Сибири // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск, 1988. Вып. 1.

Лыскова Н. Поссесив как глубинный падеж (на материале обско-угорских языков) // Финно-угроведение. 1998. № 1–2. С. 12–24. (В т.ч. о ТР).

Соколова З.П. Наследственные, или предковые, имена у обских угров и связанные с ними обычаи // СЭ. 1975. № 5. С. 42–52.

Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси) // СЛИНМ. С. 241–244. (С. 242 — личные имена, образованные от ТР вокативное употребление ТР).

Соколова З.П. Страна Югория. М., 1976. 119 с. (С. 110–111 — инвертированные ТР).

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. М., 1959. Т. 51. С. 114–156. (С. 140 — инвертированные ТР).

Манси

Попова С.А. Термины родства манси в свете духовной культуры // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 1. С. 126–129.

Соколова З.П. Манси. Социальная организация // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 259–264.

Ханты

Головнев А.В. «Свое и чужое» в представлениях хантов // Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1991. Вып. 7: Обские угры (ханты и манси). С. 187–224. (С. 206–208 — концепция родства у хантов).

Кошкарева Н.Б. Терминология родства и свойства хантыйского языка // Языки Сибири: грамматические исследования. Новосибирск, 1991. С. 108–124.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: Ханты. Новосибирск, 1992. (В т.ч. разделы по родству и браку).

Лапина М.А. Традиционный хантыйский этикет // Узловые проблемы современного финно-угроведения: материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. С. 140–142. (С. 141 — функционирование ТР в повседневном быту).

Лукина Н.В. Антропонимы восточных хантов // Вопросы финно-угроведения. Языкознание: тез. докл. на XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. Ч. 1. С. 94. (ТР и антропонимы, используемые в непосредственном общении).

Лукина Н.В. Изменения в терминологии родства васюганских хантов // СФУ. 1975. № 4. С. 271–275.

Лукина Н.В. О сборе информации по терминологии родства у васюганско-ваховских хантов // СИТИЯК. С. 106–107.

Лукина Н.В. Терминология родства и свойства васюганско-ваховских хантов // Из истории Сибири. Томск. 1976. Вып. 19. С. 163–189.

Лукина Н.В. Терминология родства хантов р. Аган // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 158–160.

Лукина Н.В., Кулемзин В.М. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 232–240. (С. 237 — ТР в пределах родственной группировки «сир»).

Мартынова Е.П. Материалы по терминам родства и свойства хантов // АР-1. С. 268–273.

Перевалова Е. В. Брачно-родственные отношения северных хантов // Экспериментальная археология. Тобольск: Тобольский гос. пед. ин-т, 1991. Вып. 1. С. 118–128.

Соколова З.П. Новые данные о погребальном обряде северных хантов // Полевые исследования Института этнографии. 1974. М., 1975. С. 165–174.

Соколова З.П. Ханты. Социальная организация и общественный быт // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 133–141.

Стародубова О.В. К вопросу о современных представлениях хантов реки Тром-Аган о территориальном и кровном родстве (по материалам этнографической экспедиции Сургутского краеведческого музея 2003 г.) // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы. Сургут, 2004. С. 172–174.

Фильченко А.Ю. Терминология родства в восточно-хантыйских диалектах: язык и культурный контекст // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования: сб. тр. кафедры археологии и этнологии. Томск, 2008. Вып. 2. С. 224–234.

Юкагиры

Борисковский П.И. О пережитках родовых отношений на северо-востоке Азии (юкагиры и коряки) // СЭ. 1935. № 4–5. С. 85–108. (С. 89–90 — классификационная СР у юкагиров).

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. I: Образцы народной словесности юкагиров. СПб., 1900. 240 с. (С. 238–240 — таблица ТР).

Иохельсон В.И. Одульский юкагирский язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. Языки и письменность палеоазиатских народов. М.; Л., 1934. С. 149–180. (С. 164 — отражение категории пола в ТР и употребление форм мн.ч. с ТР).

Курилов Г.Н. О терминах родства и свойства тундренных юкагиров // СЭ. 1969. № 2. С. 92–96.

Маслова Е.С. Реципрок в юкагирском языке // СФУ. 1989. Т. 25. № 4. С. 120–127. (С. 125–126 — употребление реципрока в ТР для сиблингов в юкагирском языке).

Эскимосы

Бурыкин А.А. Материалы к структурной характеристике системы терминов родства и свойства чаплинских эскимосов // АР-9. С. 246–254.

Емельянова Н.М. О методике лингвогеографических исследований микрозоны азиатских эскимосов // Народы и языки Сибири: Ареальные исследования. М.: Наука, 1978. С. 84–95. (Целиком о ТР. Лексические сравнения ТР разных диалектов).

Емельянова Н.М. О терминах родства, связанных с пережитками родового строя у азиатских эскимосов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1974. С. 155–158.

Лопуленко Н.А. Основные направления изучения североамериканских эскимосов в этнографии США и Канады. (1960–1970-е гг.) // СЭ. 1986. № 2. С. 150–157. (С. 152–153 — «вспомогательные формы родства» (псевдорodство как основная характеристика эскимосского общества)).

Меновицков Г.А. Личные имена азиатских эскимосов // Антропонимика. М., 1970. С. 53–56. (В т.ч. об инвертированных ТР).

Меновицков Г.А. Эскимосы // СЛИНМ. С. 351–352. (Личные имена, образованные от ТР, вокативное употребление ТР).

Членов М.А. К характеристике социальной организации азиатских эскимосов. М., 1973. 23 с. (В т.ч. о СТР).

Японцы

Азербает Э.Г. О лексике японского и тюркских языков, связанные с терминами родства // СТ. 1986. № 6. С. 59–68.

Акишина А.А. Лексическое поле терминов родства в японском и русском языках // Труды Ун-та дружбы народов им. П. Лумумбы. Языкознание. 1969. № 45 (6). С. 64–89.

Дыбовский А.С. Обращение в современном японском языке // Новое в японской филологии. Слово и образ М., 1990. С.70–80. (С. 72–73 — ТР в функции обращения и вокативные ТР; с. 73 — текнонимия).

Крюков М.В. К изучению системы родства японцев // СЭ. 1965. № 3. С. 90–98.

Петрова О.П. Древнеяпонские термины родства // СЭ. 1965. № 3. С. 79–89.

Степанова О.А. Японская семья в контексте трансформации массовой культуры Японии в начале XXI в.: автореф. дис. ... канд. культурологии. М.: МГУ, 2008. 21 с.

Тихоцкая И.С. Семья в Японии: традиции и современность // Япония: ежегодник. 2000–2001. М., 2001. С.170–193.

Народы и языки Южной и Юго-Восточной Азии

Гохман В.И. К вопросу о происхождении безреципрокных терминов в системах терминов родства Юго-Восточной Азии (замечания к статье У. Уайлдера) // АР-4. С. 48–51.

Краснодемская Н.Г. О терминах и категориях родства у народов Южной Азии (традиционные системы и установки в обстоятельствах современной жизни) // АР-3. С. 256–263.

Миссонова Л.И. Семейно-брачные отношения в «племенах» Кералы (Южная Индия) // Этнические факторы в жизни общества. М., 1991. С.93–110.

Почагина О.В. Модели семейной организации в Восточной и Юго-Восточной Азии: проблемы сравнительного анализа // Китай, китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы: тез. докл. IV Междунар. науч. конф., Москва, 6–8 окт. 1993 г. М., 1993. С. 37–41.

Андаманцы

Белков П.Л. «Археология» этнографии Андаманских островов: К различию понятий «история» и «эволюция» // Маклаевские чтения 1992 г.: кратк. содерж. докл. СПб., 1992. С. 37–41. (С. 40 — об андаманской СТР).

Маретина С.А. Андаманцы. (К проблеме доземледельческих обществ). СПб., 1995. 225 с. (С. 164 — текнонимия).

Батаки

Каруновская Л.Э. Следы группового брака у батаков Суматры // Вопросы истории докапиталистического общества. М.; Л., 1936. С. 329–362. (С. 340–345 — ТР как показатель брачных норм).

Никулина Л.В. Особенности антропонимической модели тоба-батаков // Этническая ономастика. М., 1984. С. 127–134. (С. 131–133 — ТР).

Ревуненкова Е.В. Ребенок в представлениях батаков северной Суматры // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1988. С. 39–61. (С. 49 — текнонимия, с. 57 — ТР для сиблингов).

Вьетнамцы

Лескинен А.Н. Вьетнамцы // СЛИНМ. С. 97–100. (С. 99–100 — текнонимия и вокативное употребление ТР).

Ли Тоан Тханг. Система вокативных терминов родства в современном вьетнамском языке // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1977. С. 282–302.

Мулинов А.И. Сельская община у вьетнамцев // Восточно-Азиатский этнографический сборник. ТИЭ. М., 1961. Т. 73. Вып. 2. С. 217–279. (С. 266–268 — общая характеристика вьетнамской СР).

Нго Тхи Тинь. Система родства вьетов: автореф. дис. ... канд. наук. М., 1984. 12 с.

Нгуэн Куок Лок. Системы родства горных индонезийских народов Вьетнама // СЭ. 1974. № 6. С. 98–103.

Нгуен Куок Лок. Эдэ // СЛИНМ. С. 347–348. (С. 347–348 — вокативное употребление ТР).

Соколовская Н.К., Нгуен Ван Тай. Полевые материалы: тематический словарь, диагностические грамматические анкеты, фольклорные материалы // Материалы Советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 г. М., 1987. С. 101–508.

Индонезийцы

Оглоблин А.К. Индонезийцы // СЛИНМ. С. 128–133. (С. 132 — вокативное употребление ТР).

Ифугао

Бартон Р.Ф. Ифугао, малайское племя нагорной части Филиппин // СЭ. 1931. № 1–2. С. 116–149. (С. 148–149 — ТР у ифугао).

Бартон Р.Ф. Прелварительный анализ древнейшего слоя терминов родства у племени ифугао // Советская этнография: сб. ст. М.; Л., 1940. Вып. 3. С. 201–206

Лао

Косиков И.Г. Традиционная система воспитания детей у лао // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1988. С. 83–99. (С. 89 — некоторые термины родства и свойства).

Малайцы

Ревуненкова Е.В. Заметки о малайском этикете // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 202–222. (В т.ч. о СТР малайцев).

Попов В.А. Малайская система родства: вечная проблема kinship studies // Индонезийцы и их соседи. Маклаевский сб. Вып. 1. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 380–385.

Членов М.А. Опыт исследования малайской системы родства // Малайско-индонезийские исследования: сб. ст. памяти академика А.А. Губера. М., 1977. С. 9–24.

Мон-кхмеры

Косиков И.Г. Кхмеры // СЛИНМ. С. 186–190. (С. 188–189 — вокативное употребление ТР).

Крюков М.В. Новые данные по терминологии родства мон-кхмерских народов Южного Вьетнама // Новое в этнографии. Полевые исследования. М., 1989. Вып. 1. С. 141–150.

Крюков М.В. Социальное и этническое: проблемы соотношения // Расы и народы. 1992. Вып. 22. М., 1993. С. 5–25. (В т.ч. о СТР мон-кхмерских народов Вьетнама).

Мунда

Волчок Б.Я. Следы дуальной организации у народов мунда // СЭ. 1959. № 6. С. 113–117. (С. 115–117 — СР санталов, кхария (выборочно)).

Мыонги

Язык мыонг: материалы Советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 г. М.: Наука, 1987. (С. 170–173 — термины родства как часть тематического словаря).

Мяо

Итс Р.Ф. Мяо (Историко-этнографический очерк) // Восточно-Азиатский сборник. ТИЭ. М.; Л., 1960. Т.60 С. 3–118. (С. 90–91 — общая характеристика СР мяо и некоторые термины родства).

Крюков М.В. Терминология родства как показатель этнической ситуации (к изучению системы родства мяо) // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987. С. 147–156.

Пуок

Фан Хау Зат. Материалы по общественной и семейной организации народа пуок // СЭ. 1962. № 5. С. 48–56.

Тайцы

Гохман В.И. Тайская система терминов родства (генетические и типологические аспекты реконструкции) // АР-3. С. 231–255.

Тиморцы

Соболева Е.С. Социализация детей на острове Тимор // Этнография детства: Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М., 1992. С. 120–153. (С. 148–149 — концепция родства на Тиморе, отношения между сиблингами и их отражение в СТР).

Тайцы

Гохман В.И. К реконструкции древнетайской системы терминов родства // СЭ. 1978. № 6. С. 127–131.

Филиппинцы

Почагина О.В. Модели семейной организации в Китае и на Филиппинах // Информ. бюл. Ин-та Дал. Востока РАН. 1997. № 1. С. 1–121.

Цоу

Невский Н.А. Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М., 1981. 292 с. (С. 121–123 — ТР цоу).

Яванцы

Куланда С.В. Древняяванская терминология родства и свойства и ее историко-типологические импликации // АР-7. С. 231–239.

Куланда С.В. [Рец.] Combard D. Le carrefour javais. Essai d'histoire globale. Р., 1990 // Восток. 1995. № 3. С. 178–181. (С. 180 — текнонимия).

Народы и языки Европы и Передней Азии

Март Н.Я. Баскско-кавказские лексические параллели. Тбилиси: Мецниереба, 1987. (С. 75, 111, 115, 118 — о ТР).

Баски

Март Н.Я. Две новые работы С.С. Uhlenbeck'а по баскскому языку // Язык и литература. 1926. Т. 1. С. 261–278. (С. 267–277 — ТР баскские в свете яфетического языкознания).

Метрели К. Компонентный анализ бискайской системы терминов родства // Piarres Lafitte-Ri Omenaldia. Homenaje a Pierre Lafitte. Bilbo: Euskaltzaindia, Real Academia de la Lengua Vasca. 1983. С. 431–443.

Эламцы

Дьяконов И.М. Эламский язык // Языки Азии и Африки. М.: Наука, 1979. Т. 3. С. 37–49. (В т.ч. о классных показателях с ТР).

Этруски

Март Н.Я. Составной характер этрусского *tusurthi* ‘девушка’, ‘дочь’ // Доклады Академии наук. М., 1924. С. 113–115.

Афразийские (семитохамитские) народы (за исключением Африки)

Ибришимов Д., Порхоумовский В. Термины родства в семито-хамитских (афразийских) языках: типологические и когнитивные аспекты // Научная конференция «Ломоносовские чтения», Москва, апрель 2004 г.: тез. докл. М.: МГУ, 2004. С. 9–10.

Арабы

Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963. 594 с. (С. 266–267 — антропонимы с ТР).

Илизаров А.С., Старостин Б.А., Хейри А. О внутренней форме и происхождении арабских имен // ЛИПНБ. С. 290–300. (С. 293–294 — ТР в составе арабских антропонимов (куния и насаб)).

Логинов И.В. О родоплеменной структуре саудовского общества // Ближний Восток и современность. 2003. Вып. 18. С. 407–414.

Наумкин В.В. Системы и термины родства на Сокотре и в Махре // Scripta Yemenica: Исслед. по Юж. Аравии. М., 2004. С. 257–272.

Родионов М.А. Еще раз об ортокузенном браке у арабов // АР-3. С. 264–266.

Сикстулис Я.П., Матвеев В.В., Фролова О.Б., Амирьяни И.А., Родионов М.А. Арабы // СЛИНМ. С. 43–58. (С. 44 — текнонимия, тектонимия, с. 47 — имена от ТР, с. 48–49 — инверсия в употреблении терминов родства).

Чистов Ю.К. Традиционные формы брака и их влияние на формирование антропологии населения Южной Аравии // ЭО. 2004. № 1. С. 32–36.

Ливанцы

Родионов М.А. Традиционная модель социализации детей в современном Ливане // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983. С. 4–22. (С. 8–9 — тектонимия, вокативная ТР и приручение к родственным связям в процессе социализации).

Сокотрийцы

Наумкин В.В., Порхомовский В.Я. Очерки по этнолингвистике Сокотры. М., 1981. 128 с. (С. 79–94 — историко-типологическая характеристика сокотрийской СТР).

Индоевропейские народы и языки

Аландский П.И. В.Е. Герн об арийской семье, ее строе и развитии // Университетские известия. Киев, 1880. (Реферат: *Hearn William. E. The Aryan Household, Its Structure and Development: An Introduction to Comparative Jurisprudence. L.: Longmans, Green, 1879*).

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 447 с. (С. 360–364 — ТР с основой **zwe* в индоевропейских языках).

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. I: Хозяйство, семья, общество. II: Власть, право, религия: пер. с фр. М., 1995. 456 с. (С. 144–186 — кн. 2: Термины родства).

Бодуэн де Куртенэ И.А. Лингвистические заметки и афоризмы VII // ЖМНП. 1903. Ч. 347. Май. С. 19–24. (С. 19–21 — этимология рус. *брат, зять* и других терминов, а также ИЕ *pater*).

Бетлингк О. О языке якутов / пер. с нем. В.И. Рассадина. Новосибирск: Наука, 1989. (С. 21–22, 25: о ИЕ ТР на *-ter*).

Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848. 211 с. (В т.ч. о ТР: Гл. 1 «История понятий семейных в языке», гл. 2 «История языка в период развития общинных отношений из семейных».)

Буслаев Ф.И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник. 1872. № 101 (Окт.). С. 645–727. (С. 656–657 — историческое изменение ИЕ СР; с. 660 — Эдип и родство; с. 662 — родство в ведийской мифологии; с. 702 — о родстве у «дикарей»; с. 704–705 — родство, инцест, Эдип и Илья Муромец; с. 706 — родство и мифология).

Войнаховский К. Значение трудов академика Ф.И. Буслаева в истории науки о русском языке // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М.: Типография Сытина, 1898. С. 61–116. (С. 104–109 — о «Влиянии христианства на славянский язык» Буслаева, в т.ч. о его исследовании слов для обозначения семейного быта).

Гак В. Г., Донадзе Н. З. Названия зятя по материалам лингвистического атласа Европы // ВЯ. 1998. № 14. С. 143.

Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). М.: Издательство иностранной литературы, 1958. (С. 154 — анатолийские ТР в сравнении с ИЕ).

Горнунг В. [Рец.] Thomson G. Studies in Ancient Greek Society. The Prehistoric Aegean, 1949 // ВДИ. 1950. № 4. С. 106–113. (О родовом строе, в т.ч. о ИЕ ТР).

Грот Л.П. Алгебра родства и практика призвания правителя «со стороны» в европейской истории // АР-12. С. 132–194.

Ефимов В.В. Очерки по истории древнеримского родства и наследования. СПб., 1885. 334 с.

Иванов Вяч.Вс. Общественная организация индоевропейских племен по данным языка // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 1. С. 43–52.

Иванов Вяч.Вс. Из этимологических наблюдений над балтийской лексикой. 1., Латыш. *masa* ‘сестра’ и индоевропейские названия сестры // Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1974. Bd. 19. № 2. (Beiträge zur Baltistik). S. 190–195.

Кагаров Е.Г. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. М.: АН СССР, 1937. 131 с.

Кузнецов А.М. Сопоставительно-типологический анализ терминов кровного родства в английском, датском, французском и испанском языках // ФН. 1970. № 6. С. 49–59.

Лопатин В.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ как этимолог // Этимологические исследования по русскому языку. М.: МГУ, 1963. Вып. 4. С. 33–47. (С. 42–43, 47 — о бодуэновских этимологиях ИЕ ТР).

Марр Н.Я. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры // Сб. Гос. академии Музея истории материальной культуры. 1926. № 1. С. 37–70.

Переиздано в: Марр Н.Я. Избранные работы. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. Т. 3. С. 35–60. (С. 41–43 — критика доклада Антуана Мейе «Niveau Social des Mots» с точки зрения значения ранних терминов родства).

Марр Н.Я. К этрусцизму индоевропейского термина «дочь» // Доклады АН. 1925. С. 46.

Марр Н.Я. О яфетической теории // Новый Восток. М., 1924. № 5. С. 303–339. (С. 338 — этимология ИЕ ‘сестра’).

Сараджева Л.А. Армяно-славянские лексико-грамматические параллели. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. (С. 113–116 — о ТР).

Сокольский В. К изучению об организации семьи и родства в первобытных обществах, преимущественно у кельтов и германцев // ЖМНП. 1881. № 205 (Апрель). С. 193–246; № 206 (Июль). С. 59–121.

Шпилевский С. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869. (1. Власть мужа над женой; 2. Отцовская власть; 3. Материнская власть; 4. Родственная опека над малолетними, дряхлыми, больными и безумными; 5. Половая опека).

Шрадер О. Индоевропейцы. СПб., 1913. 212 с. (С. 109–152 — СР как показатель древних форм семьи).

Щерба Л.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке // Русский язык в советской школе. 1929. № 6. (С. 69 — о бодуэновских этимологиях ИЕ ТР).

Переиздано: Академик Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: АН СССР. С. 85–96. (С. 93 — о бодуэновских этимологиях ИЕ ТР).

Албанцы

Гилфердинг А. Об отношении языка славянского к языкам родственным. М.: Университетская типография, 1855. (С. 21, 22, 23, 28 — албанские ТР в сравнении с прочими индоевропейскими).

Жугра А.В. Албанские соционимы и система терминов родства // АР-2. С. 167–185.

Иванова Ю.В. Албанцы // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. С. 182–205. (С. 184 — роль искусственного родства в жизни албанцев).

Шабашов А.В. Система родства албанцев. 1. Система родства албанцев метрополии // Записки историчного факультету. Одеський державний університет им. И.И. Мечникова. 1997. Вып. 5. С. 30–36.

Шабашов А.В. Система родства албанцев. 2. Система родства албанцев Украины // Записки историчного факультету. Одеський державний університет им. И.И. Мечникова. 1998. Вып. 7. С. 20–25.

Армяне

Агоян Г. Термины родства в армянском языке V века (словесное выражение онтологических отношений родства) // Вестн. обществ. наук АН Армянской ССР. 1985. № 7 (511). С. 72–80. (На арм. яз. С. 80 — резюме на рус. яз.).

Асмангулян А.А. История армянских терминов родства (опыт историко-этимологического исследования). Ереван, 1983. 83 с.

Асмангулян А.А. Некоторые вопросы историко-этимологического изучения терминов родства армянского языка // Междунар. симп. по армянскому языкознанию, Ереван, 21–25 сентября 1982 г.: доклады. Ереван: АН Армянской ССР, 1984. С. 15–25.

Бдоян В.А. Кровнородственный «азг» и родственные отношения у армян // СЭ. 1952. № 1. С. 189–192.

Закарян Б.Е. Система родства у армян: автореф. дис. ... канд. наук. Ереван: АН Армении, Ин-т археологии и этнографии, 1990. 32 с. (Вкл. список работ автора на армянском языке.)

Зелинский С.П. Народно-юридические обычаи у армян Закавказского края. I. Родство // Изв. Кавказского отдела ИРГО. 1899. Т. 12. Вып. 3. С. 149–184.

Карапетян Э. Родственная группа «азг» у армян, вторая половина XIX — начало XX в. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1966.

Лисицян С.Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении // Кавказский этнографический сборник. 1955. Вып. 1. С. 182–264. (С. 232–233 — герайтеронимия (называние младших родственников по старшим)).

Мелкоян Э.Л. Армянская семья в условиях диаспоры // СЭ. 1988. № 6. С. 98–104.

Тер-Саркисянц А.Е. Сельская семья у армян Нагорного Карабаха: Основные тенденции развития // Семья: Традиции и современность. М., 1990. С. 139–169.

Тер-Саркисянц А.Е. Современная сельская семья у нахичеванских армян // Полевые исследования Института этнографии. М., 1983. С. 98–105.

Тер-Саркисянц А.Е. Современная семья у армян. По материалам сельских районов Армянской ССР. М., 1972. 207 с. (С. 92–93 — герайтеронимия).

Туманян Э. Г. Структура индоевропейских имен в армянском языке: опыт реконструкции. М., 1978. (Особо с. 278–283 — основы ТР на -r).

Балты

Латыши

Инфантьев Б., Пуцелс С. Взаимоотношения брата молодухи и деверя в латышских, русских и польских народных песнях // *Acta baltico-slavica*. 2005. Т. 29. С. 159–167.

Рекена А.С. Названия родства в некоторых южных говорах верхнелатышского диалекта // *Контакты латышского языка*. Рига: Зинатне, 1977. С. 169–191.

Литовцы

Buivydienė R. Lie. strūjus // *Baltistica*. 1986. Т. 22. № 2. S. 13–20. (О литовском термине со значением ‘старик, дед’ и его параллелях в славянском. С. 19–20 — резюме на рус. яз.).

Жукайте-Буйвидене Р. Термины брачного родства в литовском языке: автореф. дис. ... канд. наук. Вильнюс, 1956. 24 с.

Пруссы

Непокупный А. Прусское табу: *mosuco* E662 ‘ласка’ как диминутив от *moazo* E178 ‘тетя’ // *Baltistica* (Vilnius). 2002. № 37 (1). С. 35–43.

Германцы

Вестергорд Э. Родство против договора. Германский героический эпос глазами исторического антрополога // *Другие средние века: К 75-летию А.Я. Гуревича*. М.; СПб., 2000. С. 67–78.

Грановский Т. О родовом быте у древних германцев (С.М. Соловьеву и К.Д. Кавелину) // *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России*. 1855. № 2 (1). С. 145–170.

Гухман М.М. «Доиндоевропейские» термины родства в германских языках // *Памяти Н.Я. Марра (1864–1934)*. М.; Л., 1938. С. 93–115.

Кацнельсон С.Д. К генезису поминативного предложения. Л., 1936. 112 с. (С. 98–99 — о морфологических особенностях ТР в германских языках).

Ковалевский М. Древнегерманская марка (Ответ Фустель-де-Куланжу) // *Юридический вестник*. 1886. № 5. С. 675–699.

Сокольский В.В. К учению об организации семьи и родства в первобытных обществах преимущественно у кельтов и германцев // *ЖМНП*. 1881. № 4. Апрель. С. 193–246; № 7. Ч. 216. Июль. С. 59–101.

Англичане

Багринцева О. Б. Гендерные оппозиции brother-sister и father-mother в субстандартных лексических единицах // *Вестн. Ун-та РАО*. 2011. № 5. С. 124–128.

Голенко Е.С. Термины родства и семейных отношений как члены одной координативной группы в современном английском языке // *Уч. Зап. Ульяновского пед. ин-та*. 1973. № 27 (4). С. 105–120.

Дмитриева О.А. Функционирование и развитие устойчивых словесных комплексов, имеющих в своем составе компоненты-имена родства, в языке

новоанглийского периода (XVI–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Звягинцева В.В. Термины родства как обращения в русском и английском семейных дискурсах // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск: Курский гос. ун-т, 2011. С. 23–27.

Кваскова Е.В. Традиционная английская семья как феномен культуры: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2003. 161 с.

Мулдагалиева А.А. Морфо-семантический анализ терминов **родства** в современном английском языке (с привлечением материала на казахском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 21 с.

Ромазанова О. В. Коммуникативно-прагматические аспекты обращения в разноструктурных языках: на материале английского и татарского языков. Казань: Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2007. (В т.ч. о ТР как формах обращения.)

Сарыбаева М. Ш. Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991.

Стрелкова О.В. Культура английского брака XVI–XVIII вв.: модификация традиции: автореф. дис. ... канд. культурологии. М.: Московский гос. ун-т культуры и искусств, 2008. 24 с.

Эгамназаров Х.Х. Термины родства и их функционально-семантические микросистемы в узбекском и английском языках: дис. ... канд. ист. наук. Душанбе: Тадж. гос. ун-т права, бизнеса и политики, 2010.

Готы

Марр Н.Я. Готское слово *guta* ‘муж’ (к увязке готов с яфетическими народами Кавказа) // Изв. АН. 1930. № 6. С. 441–465.

Немцы

Бабаева М.Т. Термины брачного **родства** в немецком и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1990. 21 с.

Шервуд Е.А. Некоторые аспекты современной семьи немцев (на примере восточных округов Германии) // Современная семья у народов зарубежной Европы. М., 1993. С. 147–166.

Норвежцы

Агишев С.Ю. Структура родственных отношений в Норвегии во второй половине XIII — первой половине XIV в. // Северная Европа: Проблемы истории. М., 2005. Вып. 5. С. 37–57.

Воробьева Е.В. Семантические компоненты времени в норвежских терминах родства // Лексикология и фразеология (романо-германский цикл): материалы XXXIX Междунар. филол. конф., 15–20 марта 2010 г. / под ред. Н.Г. Мед. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. С. 28–32.

Воробьева Е.В. Время как семантический компонент субстантивной лексики в норвежском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2011.

Греки

Анфертьев А.Н. Греки // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. С. 206–228. (С. 225–226 — вокативные термины свойства).

Hejnic J. Thugatridous. Prispěvek k řešení problému organizace nejstarší řecké společnosti // Listy Filologické. 1955. T. 3/78. № 2. S. 162–170. (С. 169 — резюме на рус. яз.).

Иванова Ю.В. Греки // СЛИНМ. С. 101–106. (С. 104–105 — ТР).

Равдоникас Т.Д. Кормильство на Боспоре // СЭ. 1981. № 1.

Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М., 1958. 660 с.

Кельты

Королев А.А. Древнейшие памятники древнеирландского языка. М., 1984. (С. 110–115 — отдельные ТР).

Индо-иранские народы и языки

Белуджи

Зарубин И. К изучению белуджского языка и фольклора // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. 1930. Т. 5. С. 653–679. (С. 655–656 — о фонологии некоторых ТР).

Иранцы

Бартольд В.В. Правнук // Изв. АН. 1914. № 2. С. 155–156.

Васильева Д.О. Некоторые свадебные обряды и институт брака в Иране // Кунсткамера. СПб., 2003. Вып. 13. С. 14–38.

Киквидзе К.Ц. Термины родства и свойства в персидском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1991. 17 с.

Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. М.: Восточная литература, 2003. (С. 178–184, 310–311, 476–481 — подробные этимологические статьи по ТР ‘брат’, ‘деверь’ и ‘дочь’).

Эдельман Д.И. К истории форм терминов родства на *-tar в иранских языках // Уч. зап. Ленинград. гос. ун-та. Сер. востоковед. наук. 1999. Вып. 37. Востоковедение 21. Филологические исследования.

Эдельман Д.И. К перспективам реконструкции общеиранского состояния // ВЯ. 1982. № 1. С. 37–47. (С. 38 — о названиях деверя в иранских языках и его фонологических особенностях).

Ишкашимцы

Назарова З.О. Система родства ишкашимцев и ее отражение в языке // Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков (Посвящается 75-летию академика Вяч.Вс. Иванова). М.: Новое изд-во, 2005. С. 203–210.

Курды

Авдал А. Патронимия у курдов Армении в XIX в. // СЭ. 1959. № 6. С. 150–152.

Осетины

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949. (С. 19–20 — ТР для ближайших кровных родственников и их ИЕ соответствия; с. 62–63 — ТР для брата и сестры как показатель древних общественных отношений).

Абаев В.И. О родовых отношениях и терминах родства у осетин // Энгельс и языковедение. М., 1972. С. 233–242.

Аветисян Р. Священное природного родства: Аталычество северокавказских народов // Северная Осетия. 2003. 23 авг. С. 8.

Бзаров Р.С. Социальная структура осетинских обществ в XVIII — первой половине XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2000.

Битарова З.А. Лексика родства и родственных отношений в осетинском языке: автореф. дис. ... канд. наук. Тбилиси, 1974. 22 с.

Битарова З.А. О некоторых словах и словосочетаниях, отражающих родственные отношения в осетинском языке // Изв. Юго-Осетинского науч.-исслед. ин-та. Цхинвали, 1976. Вып. 20. С. 157–162.

Битарова З.А. О некоторых терминах родства в осетинском языке, отражающих узко-семейные отношения // Изв. Юго-Осетинского науч.-исслед. ин-та. Тбилиси, 1977. Вып. 21. С. 167–176.

Битарова А.Т. Формы искусственного родства у народов Северного Кавказа: учеб.-метод. пособие. Владикавказ: Изд-во Сев-Осет. гос. ун-та, 2001.

Ванеев З.Н. Из истории родового быта в Юго-Осетии. Тбилиси, 1955. 102 с. (С. 12–13 — описательные ТР у осетин; с. 20–22 — марксистская концепция родства и брака применительно к осетинскому материалу).

Гаглойти З.Д. Очерки по этнографии осетин. I. Тбилиси: Мецниереба, 1974. (С. 18–54 — брак, семья, система родства; 54–95 — родственные объединения).

Джавахадзе Н.В. Об одном термине родства — носта в Осетии // Всесоюз. науч. сессия археол. и этногр. исслед. 1970 г.: тез. докл. Тбилиси, 1971. С. 109–110

Дзадзиев А.Б. Институты искусственного родства у осетин // Всесоюз. сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг., посвящ. 60-летию образования СССР: тез. докл. Нальчик, 1982. С. 114–115.

Дзадзиев А.Б. Формы искусственного родства у осетин // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С. 161–178.

Джавахадзе Н.В. Система родства осетин: автореф. дис. ... канд. наук. Тбилиси, 1983. 26 с.

Джавахадзе Н.В. Система родства осетин: грузино-осетинские этнографические параллели. Тбилиси: Мецниереба, 1989.

Джавахадзе Н.В. Типологическая характеристика осетинской системы родства // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1979. Т. 5. Вып. 2. С. 108–150.

Калоев Б.А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. (С. 69–96 — исследование обычного права осетин, в т.ч. об их родовом быте; с. 166 — осетинские ТР в записи Ковалевского.)

Калоев Б.А. Осетины (Историко-этнографические исследования). М., 1967. (С. 160–209 — «Общественные и семейные отношения»).

Ковалевский М. Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин // Юридический вестн. 1885. № 6–7. С. 319–332.

Ковалевский М.М. Современные обычаи и древние законы: Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М.: Тип. В. Гацук, 1886. (С. 232–304 — «Семейное право осетин»; 305–340 — «Система родства и наследования»).

Козырева Т.З. Осетинская антропонимия древнего и средневекового периода // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976. С. 233–247. (С. 233 — использование ТР в различных социальных контекстах).

Магометов А.А. Родственные объединения в системе самоорганизации осетинского социума (вторая половина XIX в.) // Мир этноса. Процессы самоорганизации социальных и этнических систем. Нальчик, 2005.

Такоева Н.Ф. К вопросу о браке и свадебных обрядах у северных осетин в XIX — начале XX в. // КСИЭ. М., 1959. Вып. 32.

Саки

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (Археология и антропология могильников). М., 1996. 185 с. (В т.ч. о социальной организации и семейно-родовой структуре.)

Скифы и аланы

Афанасьев Г.Е. Патронимия у алан (по материалам могильника Мокрая Балка) // Полевые исследования Института этнографии. 1975. М., 1977. С. 211–218.

Афанасьев Г.Е. Патронимия у алан (К постановке вопроса) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т, 1978. С. 4–20.

Грантовский Э.А. О некоторых материалах по общественному строю скифов («родственники» и «друзья») // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. История и культура. М., 1981. С. 59–79.

Дзибель Г.В. Возможное дополнение к духовной культуре скифов // Курган: Историко-культурные исследования и реконструкции: тез. докл. СПб., 1995. С. 22–23. (В т.ч. о ТР).

Хазанов А.М. Социальная история скифов (Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей). М., 1975. 343 с. (С. 86–88 — СР у скифов).

Таджики

Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927–1928 гг.). Душанбе: Дониш, 1970. (С. 120–125 — родство, ТР, побратимство).

Бабаева М.Т. Термины брачного родства в немецком и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1990. 21 с.

Гафуров А.Г. Способы и виды наречения детей у таджиков // Индийская и иранская филология. М., 1964.

Гафуров А.Г. Таджикская антропонимия // ЛИПНБ. С. 278–283.

Дворянков Н.А. Предварительное сообщение о говорах горных таджиков Кунара (Афганистан) // Индийская и иранская филология. М., 1964. С. 40–43. (С. 41 — некоторые ТР).

Джабаров Б. А. Номинации значений свойства в таджикском и узбекском языках: дис. ... канд. филол. наук. Худжанд: Худжандский гос. ун-т.

Карамшоев Д.К. Памирские имена // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988. С. 247–262. (С. 252, прим.4 — инвертированные ТР).

Кисляков Н.А. Таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. 1. С. 528–684. (С. 621 — употребление инвертированных ТР и имен в честь предков).

Маниязова Р.А. Семантические соотношения наименования родства, должностей и качества при таджикско-русских языковых контактах: автореф. ... дис. канд. наук. Душанбе, 2000.

Моногарова Л. Проявление этнических процессов в семейно-брачных отношениях в городской семье таджиков // *Семья: Традиции и современность.* М., 1990. С. 170–202.

Писарчик А.К. О некоторых терминах родства таджиков // Сб. ст. по истории и филологии народов Средней Азии. Тр. Ин-та ист., археол. и этнографии АН Тадж. ССР. Сталинобад, 1953. Т. 17. С. 177–185.

Рахимов Р.Р. Две заметки по антропониимии Зеравшанской долины. II. Термины родства и личные имена // *Ономастика Средней Азии.* М., 1978. С. 185–191.

Рахимов Р.Р. Об одном социально-возрастном термине у современных таджиков // *Материалы полевых этнографических исследований СПб.*, 1996. Вып. 3. С. 18–35.

Рахимов Р.Р. Термины родства и личные имена у таджиков верхней предгорной части долины р.Зеравшан // *КСДИЭ.* 1972–1973. Л., 1974. С. 138–139.

Резник Д.Г. Материалы к терминологии родства таджиков (Сообщение первое Шугнанские и Рушанские термины родства таджиков Памира) // *Учен. зап. Кулябского гос. пед. ин-та.* 1957. Вып. 3. С. 193–220.

Резник Д.Г. Язгулямские термины родства // *Учен. зап. Кулябского гос. пед. ин-та.* 1957. Вып. 4. С. 287–310.

Резник Д.Г. Язгулямские термины родства (Материалы к терминологии родства таджиков, сообщение II) // *Учен. зап. Кулябского гос. пед. ин-та.* 1957. Вып. 4. С. 287–310.

Сухарева О.А. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды таджиков кишлака Шахристана: сб. науч. кружка при Восточном факультете Среднеазиатского гос. ун-та. Ташкент, 1928. Вып. 1. С. 73–90. (Список ТР).

Троицкая А.Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Заравшана // *СЭ.* 1935. № 6. (С. 125 — инвертированные ТР).

Таты

Грюнберг А.Л. О месте татского среди иранских языков // *ВЯ.* 1961. №1. С. 106–114. (С. 113 — притяжательных. определительных конструкциях с участием ТР в татском языке в сопоставлении с персидским, таджикским и тюркским языками).

Миллер Б.В. Показатель множественности “an” в иранских языках // *Памяти академика Н.Я. Марра.* М.; Л., 1938. С. 190–195. (С. 190 — употребление форм мн.ч. с ТР в татском языке).

Назарова Е.М. Термины родства и свойства в татском языке // *ПОЛДЯ.* С. 209–216.

Халаджи

Мемедов М.А. Личные имена ираноязычных халаджей // *Ономастика Кавказа.* Махачкала, 1976. С. 279–281. (С. 280 — личные имена, образованные от ТР).

Индоарийские народы и языки

Ассамцы

Бабакаев В.Д. Очерки морфологической структуры ассамского языка. М., 1980. 134 с. (С. 49–51 — особенности употребления ТР с лично-притяжательными частицами в ассамском языке в сравнении с другими ново-

индоарийскими языками и языками мунда; с. 17 — употребление суффиксов, выражающих эмоциональные отношения с ТР; с. 21 — парные конструкции (двандва) с ТР).

Афгоны

Оранский И.М. Индоязычная этнографическая группа «афгон» в Средней Азии // СЭ. 1956. № 2. С. 117–124. (С. 123–124 — терминология родства).

Бхилы

Семашко И.М. Бхилы. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука. (С. 115–117 — терминология родства).

Индийцы

Альбедиль М.Ф. Типы протоиндийских надписей // Древние системы письма. Этническая семиотика. М., 1986. С. 36–68. (С. 37 — ТР и антропонимы).

Васильев. Сличение индийских законов Ману о браках с брачными обычаями славян по летописи Нестора // Киевские университетские известия. 1867. № 12.

Джалилова Ш.Н. К проблеме изучения терминов родства и свойства в хинди // Науч. тр. Ташкен. гос. ун-та. Востоковедение (языкознание). 1973. Вып. 433. С. 157–169.

Джалилова Ш.И. Структура терминов родства и свойства в языке хинди // НАА. 1972. № 4. С. 112–120.

Джалилова Ш.И. Термины родства и свойства в языке хинди: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 19 с.

Елизаренкова Т.Я. О морфологии хинди (К постановке проблемы) // ВЯ. 1988. № 1. С. 69–81. (С. 76–77 — список ТР и функционирование в сочетании с ними суффикса — *iya*).

Кальянов В.И. Классификация сложных слов в санскрите // Изв. АН СССР. Отд-е литературы и языка. 1947. Т. 6. Вып. 1. С. 77–84. (С. 78–79 — парные ТР в санскрите).

Миллер В.Ф. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. М.: Тип. Ф.Б. Миллера, 1876. (С. 1–43 — «Ведийская семья»).

Минаев П. Родовой быт в современной Индии. Рец. на: Lyall Alfred. Asiatic Studies, Religious and Social; Tupper C. L. Punjab Customary Law // ЖМНП. 1883. Ч. 226. С. 164–180.

Успенская Е.Н. Паритет статусов *бирадари*: «Братство–равенство» в индийском кастовом обществе // АР-12. С. 101–131.

Пенджабцы

Гохман В.И., Оранская Т.И. Формы воспитания детей и подростков у пенджабцев Индии // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1988. С. 174–189. (С. 182–183 — референтивные и вокативные ТР в контексте поведенческих стереотипов).

Сингалы

Краснодембская Н.Г. Дети и их воспитание в сингальской среде (Шри Ланка) // Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М., 1983. С. 165–185. (С. 171 — тектонимия и вокативные ТР в пределах малой семьи и группы сиблингов).

Семека Е.С. Компонентный анализ системы родства общества с кросскузным браком (на примере сингальской) // V Всесоюз. симп. по кибернетике. Тбилиси, 1970.

Нуристанцы

Кати

Грюнберг А.Л. Язык кати: тексты, грамматический очерк. М.: Восточная литература, 1980. (С. 176–177 — особенности склонения мужских ТР, с. 178 — термины группового множества из ТР; с. 40–41 — кланы; с. 188–192 — особенности склонения имен родства, неотторжимая принадлежность).

Романские народы и языки

Испанцы

Чеснокова О.С. Русские и испанские формы общения — наименования родства: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 255 с.

Чеснокова О.С. Термины родства *padre, madre* в мексиканском национальном варианте испанского языка: семантический, когнитивный и дискурсивный аспекты // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер. «Лингвистика». 2006. № 8. С. 86–97.

Итальянцы

Ануприенко И.А. Семья, система родства и их влияние на повседневную жизнь женщин в итальянских купеческих семьях XIV–XV вв. // Вестн. Ставропольского гос. пед. ун-та. 2005. Вып. 5. С. 159–164.

Молдаване

Курогло С.С., Пономарев А.П. Этнокультурные аспекты развития семьи и брака // Украинско-молдавские этнокультурные взаимосвязи в период социализма. Киев, 1987. С. 284–312.

Мельник В. Ын Легэтурэ ку пэтрундеря елементулуэт славрэсэритян ын граюриле молдовенешть (терминшт пентру ноциуня «буник») // Лимба или литература Молдвенияскэ. 1961. № 4. С. 26–31 (на молдав. яз.).

Римляне

Дождев Д.В. Семейная община и римская фамилия архаической эпохи (VIII–V вв. до н.э.) // Этнические факторы в жизни общества М., 1991. С. 170–182.

Ефимов В.В. Очерки по истории древнеримского родства и наследования. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1885.

Майорова Н.Г. Семья в Риме VII — начала VI в. до н.э. // Античность Европы. Пермь, 1992. С. 3–8.

Молина Э.Ф. К этимологии слова *Iuno* (Лингвистическое доказательство матриархата в доисторической Италии) // Учен. зап. Томского ун-та. 1947. Т. 5. С. 53–59. (С. 56–57 — ИЕ ТР в составе теонимов Юпитер и Юнона).

Фатнева. О латинском *nurus* // Уч. Зап. Томского гос. ун-та. 1969. № 75 (Вопросы лингвистики. Вып. 2.). С. 48–51. (О латинском названии снохи).

Румыны

Sala M. Termeni pentru “unchi” după “Atlasul Lingvistic Român” // Studii Cercetări Lingvistice. 1955. Vol. 6. № 1–2. P. 133–155. (P. 153–154 — резюме на рус. яз.).

Французы

Гусейнова Э.М. Опыт анализа морфо-семантической структуры терминов родства в окситанском и французском языках (полихроническое исследование): автореф. дис. ... канд. наук. М.: Москов. гос. ин-т иностранных языков, 1977. 26 с.

Крючкова Н.В. Концепты возраста (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. 271 с. (С. 155–156 — французский способ образования терминов свойства и искусственного родства из терминов кровного родства).

Славянские народы и языки

Губе И. История древнего наследственного права у славян / пер. с нем. А. Бакунина // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ее единоверных и единоплеменных. М.: Типография Августа Семёна, 1845. Т. 1. С. 57–95.

Луценко А. Об этимологии слова невеста // Восточноукраинский лингвистический сб. Донецк: Донеччина, 1999. Вып. 5. С. 232–243.

Мартынов В.В. [Рец.] Трубачев О.Н. История славянских терминов родства // ВЯ. 1960. № 5. С. 140–144.

Мартынов В.В. Славянские этимологические версии // Русское и славянское языкознание (К 70-летию Р.И. Аванесова). М., 1972. С. 185–192. (С. 190–192 — о слове *невеста*).

Откупщиков Ю.В. О происхождении слова «невеста» // Этимологические исследования по русскому языку. М.: МГУ, 1963. Вып. 4. С. 96–103.

Пасек В. Исторические изыскания Соловьева в сравнении с историческими данными. СПб., 1852. 184 с. (О теории родового быта С.А. Соловьева).

Первольф И. Славянская взаимность с древнейших племен до XVIII века // ЖМНП. 1873. № 170 (Ноябрь). С. 23–35. (С. 26–31 — интерпретация праславянского общества с позиции родовой теории).

Плужаров О. Культурный компонент в семантической структуре слова *кум* в русском и сербском языках // Язык и культура: V междунар. науч. конф. Киев: Коллегиум, 1997. Т. 2: Культурологический компонент языка. С. 123.

Погодин А.Л. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1903. (С. 217–224 — этимология слова *невеста*; 252–255 — ИЕ **nepot* ‘внук, племянник’ в славянском).

Терновская О.А. Бабочка в народной демонологии славян: ‘Душа-предок’ и ‘демон’ // Материалы к VI Междун. конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30 августа — 6 сентября 1989 г. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1989. С. 151–160. (С. 153 — название бабочки и ТР в контексте поминания предков).

Толстая С.М. Семантическая модель родства в славянском народном календаре // Славяноведение. 2002. № 1. С. 23–26.

Восточные славяне

Агапкина Т.А. Тема родства в восточнославянских лечебных заговорах // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2009. С. 212–224

Березович Е.Л. Метафорические комплексы, составленные терминами родства, в славянских языках // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2009. С. 257–278.

Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. М., 1848. 211 с. (С. 131–149 — Гл. 6 «История понятий семейных в языке», гл. 7 «История языка в период развития общинных отношений из семейных»).

Георгиев В. Происхождение алфавита // ВЯ. 1952. № 6. С. 48–83. (С. 52–53 — о слав. **бѣтя* ‘отец’ и греч. *basileus*).

Григорчук Л.М. Еще о терминах родства в говорах славянских языков // Сопровождение по Общеславянскому лингвистическому атласу: тез. докл. М., 1972. С. 69–72.

Исаченко А.В. Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания // Slavica. 1953. S. 1. Roc. 22. P. 43–80. Praha. Переиздано в: *Isachenko A.V. Opera selecta.* München, 1984.

Лавровский П.А. Коренное значение в названиях родства у славян. СПб., 1867. 118 с. Переиздано: М., 2005.

Конопелько Б. Русско-польские лексикосемантические отношения (на материале семантического поля со значением родства и отношений) // Acta universitatis wratislaviensis. Wrocław, 1980. № 452: Slavica wratislaviensis. № 17. 159 с.

Котляревский А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Прага: Типография К.Л. Клауди. (С. 86–185 — «Семейный быт»).

Мартынов В.В. [Рец.] Трубачев О.Н. История славянских терминов родства // ВЯ. 1960. № 57. С. 143–144.

Попов В.А., Бурыкин А.А., Добронравин Н.А. Системы терминов родства восточных славян: современное состояние и проблемы изучения // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012. С.307–314.

Соловьев С.А. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М.: Тип. А. Семена, 1850. С. 1–54 (Особо с. 17–20 — о родовом быте; с. 26–27, 36 — употребление ТР в отношении сакрально отмеченных объектов у восточных славян).

Трубачев О.Н. К вопросу о реконструкции различных систем лексики // Лексикографический сборник. М., 1963. Вып. 6.

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя: автореф. дис. ... канд. наук. М., 1956. 14 с.

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959. 212 с. Переиздано: М.: КомКнига, 2006.

Трубачев О.Н. [Рец.] V. Saur. Etymologie slovanských pribuzenských terminu. Praha, 1975 // Этимология. 1976. М., 1978. С. 166–167.

Трубачев О.Н. [Рец.] O. Szemerényi. Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages Teheran; Liege, 1977 // Этимология. 1979. М., 1981. С. 185–189.

Переиздано: Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 2. С. 639–644.

Трубачев О.Н. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства (ИЕ **gen*¹-, слав. *rodъ*, *pleme*, **obyto*) // ВЯ. 1957. № 2. С. 86–95.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. 271 с. (С. 163–166, 175 — оппозиция «свой — не свой» в общеслав. ТР).

Белорусы

Булаху М.Г. Старабеларуския назвы родносци и сваяцтва. 3 жытця роднага слова // Лексикалагичны зборник. Минск: Навука и техника, 1968. С. 5–17.

Емельянова С.А. Термины родства и свойства в русском и белорусском языках: автореф. дис. ... канд. наук. Гродно, 1991. 24 с.

Козырев И.С. Из истории развития терминологии родства в русском и белорусском языках // Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 3–19.

Яшкин И.Я. Назвы роднасци, сваяцтва, сяброўства и суседзяу на тэрыторыі Слаугарадчыны // Беларуская мова. Минск, 1965. С. 143–151.

Русские

Древние русские

Аксаков К.С. О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (По поводу мнений о родовом быте) // Московский сб. 1852. Т. 1. С. 51–139.

Аксаков К.С. По поводу VI тома Истории России Г. Соловьева // Русская беседа. 1856. № 3. С. 1–53. Переиздано в: Полное собрание сочинений К.С. Аксакова. Т. 1: Сочинения исторические. М.: Тип. П. Бахметева. С. 125–172. (Критика родовой теории).

Аксаков К. С. Замечания на статью Г. Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление» // Русская беседа. 1857. Т. 3. Переиздано в: Полное собрание сочинений К.С. Аксакова. Т. 1: Сочинения исторические. М.: Тип. П. Бахметева. С. 173–213. (Критика родовой теории).

Аноним. [Рец.] Соловьев С.М. Об отношении Новгорода к великим князьям // Финский вестник. 1847. № 16 (5). С. 1–18. (Похвала теории родového быта).

Беляев Д. Русская земля перед прибытием Князя Рюрика в Новгород. Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1850. № 8. С. 1–102. (Славянофильская критика родовой теории).

Бондарчук Н.С. Лексика северодвинских грамот XIV–XV вв.: дис. канд. наук. М., 1954. (С. 345–359 — ТР).

Вей М. К этимологии древнерусского *Stribogú* // ВЯ. 1958. № 7 (3). С. 96–99. (В т.ч. о ТР «жена брата мужа» и «дочь»).

Гарданов К.В. «Дядьки» Древней Руси // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 236–250.

Гарданов В.К. Кормильство в Древней Руси // СЭ. 1959. № 6. С. 43–59.

Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1: Доисторическое время Руси. М.: Синодальная типография, 1908. (С. 570–590 — древнейшее русское социальное устройство с позиции теории родовой быта).

Завитневич И.З. Алексей Степанович Хомяков. Киев: Тип. И.И. Горбунова, 1902. (С. 306–328 — критика Хомяковым родовой теории).

Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Современник. 1847. № 1 (2). С. 1–52. (О родовой теории. С. 5 — ТР в русских деревнях). Переиздано в: *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1987. С. 11–67.

Кавелин К.Д. Ответ «Москвитянину» // Современник. 1847. № 12. Переиздано: Сочинения К.Д. Кавелина. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 380–413; Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. С. 68–84. (В защиту родовой теории. Против Самарина).

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. 312 с. (С. 34–39, 55–58 — русские и славянские ТР).

Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1960. Т. 16. С. 94–104.

Комягина Л.П. Еще раз об ошибках в словоупотреблении в речи школьников Архангельской области // Вопросы теории и методики преподавания русского языка и литературы. 1975. Вып. 3. С. 83–91. (Распространение в Архангельской обл. диалектных слов со значением ‘отец’.)

Корсаков Д. Примечание // Кавелин К. Сочинения. СПб., 1897. Т. 1. С. I–II. (История полемики по поводу теории родовой быта).

Костомаров Н. О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории // Русское слово. 1861. № 2. С. 1–28. (С. 6–12 — о критике Аксаковым теории родовой быта).

Крысько В.Б. Комментарий к «Лекциям» // Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 17–65. (С. 29 — *золвка* от *й*-основы **zoly*, род. пад. *золуве* и оно не имеет отношения ко второму полногласию).

Крысько В.Б. Отъника и материци // Славяноведение. 2002. № 1. С. 42–47.

Лавренченко М.Л. О возможности употребления терминов родства по отношению к родственникам жены в древнерусском обществе // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 7 (15).

Леонтович О. Задружно-общинный характер политического быта древней России // ЖМНП. 1874. № 173. С. 207–224. (Родовая теория).

Леонтович Ф.И. История русского права. Вып. 1: Литература истории русского права. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1902. (Библиография по темам «Общественный быт древних славян вообще и русских в особенности» (с. 8–12); «Славянская и русская задруга» (с. 15–23)).

Лешков В. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М.: Университет, 1858. (Семья, община, государство. Критика родовой теории).

Ляпунов Б.М. Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. Вып. 1: Введение. Ч. 1: Очерки из истории иррациональных гласных в русском языке. СПб.: Типография Императорской АН, 1899. (С. 119–151 — по поводу вокализма в **stryji* ‘брат отца’).

Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности. Ч. 1. Вып. 1 (От древнейших времен до татарщины). СПб.: Тип. Куколь-Яснопольского, 1865. (С. 125–137 — родовой быт, брак как связь родов, смена родовых отношений территориальными, эволюция рода в общину по песням).

Никитский А. Теория родového быта в Древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 5 (8) (Авг.). С. 425–466.

Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1873. С. 1–53. («Введение» — переиздание: Никитский, 1870).

Никольский В. О началах наследования в древнейшем русском праве. Историческое рассуждение. М.: Университет, 1859. (Родовое начало, его разложение и выделение малой семьи).

Никольский В. Обзор главнейших постановлений Петра I в области личного семейного права. (Речь, произнесенная в торжественном собрании Демидовского лицея, ноября 10 дня 1857 г.). Ярославль: Губ. тип., 1857. 118 с.

Омельяничук С.В. Брак и семья в Древней Руси IX–XIII вв.: морально-правственный и правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2009. 22 с.

Печкина М. Густав Эверс // Русская историческая литература в классовом освещении: сб. ст. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. С. 19–49. (О родовой теории).

Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / пер. с нем. Ф. Морошкина. М.: Университет, 1836. (С. 2–12 — предтеча родовой теории).

Савельев-Ростиславич Н. [Рец.] Соловьев С.М. Об истории отношений между русскими князьями рюрикова дома // Финский вестник. 1847. № 19 (5). С. 1–26; № 20 (5). С. 1–24; № 21 (5). С. 1–39.

Свердлов В.М. Семья и община в Древней Руси // История СССР. 1981. № 3.

Сергеевич В.И. Вече и князь: русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1867. (С. 44–50 — о значении слова «род»; с. 265–272 — полемика против теории родového быта Соловьева; с. 122–129, 285–302 — родственные отношения между князьями).

Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 2: Вече и князь. Советники князя. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. (С. 181–199 — родственные отношения среди русских князей в связи с порядком наследования земли).

Соловьев С.А. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М.: Университет, 1847. (Особо с. 1–67 — о родовом периоде в истории русской государственности).

Рецензия К. Кавелина // Сочинения К. Кавелина. М.: Тип. В. Грачева, 1859. Т. 3. С. 454–611.

Соловьев С.А. История России с древних времен. М.: Университет, 1879. Т. 2. (С. 3–11 — родовые отношения среди князей; с. 459–479 — ответ на критику Кавелиным родовой теории).

Соловьев С.М. Начала земли Русской // Сб. государственных знаний / под ред. В.П. Безобразова. СПб., 1877. Т. 4. С. 1–19. (О родовом быте у древних славян).

Соловьев С.А. О родовых княжеских отношениях у западных славян // Комета: Учено-литературный альманах. М.: Александр Семен, 1851. С. 233–255.

Сугиура С. Роль личности в теории «родового быта» у К. Д. Кавелина // Acta Slavica Iaponica. 1994. № 12. С. 150–160.

Сумникова Н.И. Термины родства и свойства в современном русском языке // Русская речь. 1969. №2. С.117–122.

Толстая С.М. Семантическая модель родства в славянском народном календаре // Толстая С.М. Полесский народный календарь. М., 2005. С. 385–390.

Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2009. С. 7–22.

Торопыгина М.В. Институт семьи в современной России: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Московский гос. технич. ун-т им. Н.Э. Баумана, 2011. 19 с.

Трошина Н.Н. Номинации родства и их эквиваленты в функции обращения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 65 с.

Трошина Н.Н. Термины родства и свойства в современном русском языке // Вестн. Владимирского гос. пед. ин-та. 1998. Вып. 3. С. 207–213.

Турчинович О. О поземельной собственности и наследстве в Древней Руси. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1853. (Критика родовой теории Эверса).

Турин А. Общественная жизнь и земские отношения в древней Руси // Библиотека для чтения. 1849–1850. № 98. С. 55–86; № 99. С. 25, 56, 133–158. (О родовом быте).

Успенский Ф.Б. Словарь Н.М. Тупикова и принципы родовой имянаречения в Древней Руси // Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: «Языки славянских культур», 2005. С. 7–22.

Филин Ф.П. О терминах родства и родственных отношениях в древнерусском литературном языке // Язык и мышление. 1948. Т. 9. С. 329–346.

Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1872. (С. I–XX — Введение в теорию родового быта, с привлечением антропологических знаний по Африке и Америке из Waitz, Anthropologie der Naturvolker).

Ходова К.И. Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника (Житие Нифонта в русском списке 1219 г.): дис. канд. наук. М., 1951. (С. 39–42 — ТР).

Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1962. 375 с. (С. 340 — древнерусская ТР).

Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии (древнерусский период). М., 1956. (С. 26–34 — др.-рус. ТР).

Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. 686 с. (Рассматривается древнерусский термин родства *отченник*.)

Шевцов В.И. Родовая теория Г. Эверса // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. 6–24. М.: Наука, 1973. С. 6–24.

Эверс И. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб.: Тип-я Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. (Теория родового быта).

Современные русские

А.И. Лекции по истории русского языка. М.: Университетская типография, 1903. (С. 27 — *золовка* как пример второго полногласия; с. 219–222 — собирательный суффикс *-ья-* в ТР и других реляционных именах).

Автамонов Я. Символика растений в великорусских песнях // ЖМНП. 1902. Ноябрь. С. 46–101; Дек. С. 243–288. (С. 62–63 — метафорические корреляты ТР (отец, мать, дочь и др.) в растительных и животных кодах).

Адрианова-Перетц В. Символика сновидений Фрейда в свете русских загадок // Академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 497–506.

Азаревич Д. Русский брак // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. № 5–6.

Азарх Ю.С. К истории одушевленных собирательных существительных с суффиксом *-j-*(*-из-ъ-*) в русском языке // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (Воронеж, 11–16 сент. 1974 г.): тез. докл. М., 1974. С. 88–91. (Примеры: *братья, князья*).

Азарх Ю.С. К истории словообразовательных типов названий детенышей и детей в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. 1974 / отв. ред. Р.И. Аванесов. М., 1976.

Акишина А.А. Лексическое поле терминов родства в японском и русском языках // Труды Ун-та Дружбы народов им. П. Лумумбы. Языкознание. 1969. № 45 (6). С. 64–89.

Афанасьев А.Н. Дедушка домовый // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Т. 1. Отд. 6. С. 13–29.

Ахметова М. Города-«родители» в фольклоре // АФ. 2011. № 14. С. 252–267.

Беляев М. Следы матриархального быта в русской поэзии // Изв. Северокавказского гос. ин-та. 1928. № 1. С. 102–108.

Березович Е.Л. В кустах ручей целуется с рекою... («семейные» образы в лексике речного ландшафта) // Слова. Концепты. Мифы (Лексикология, этимология, диалектология). М., 2010. С. 47–54.

Близнюк О.В. Особенности русской системы кровного родства и свойства: диахронический аспект // Вестн. Тверского гос. ун-та. 2006. № 2. Сер. «Филология». Вып. 5. С. 171–174.

Близнюк О.В. Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской гос. ун-тет, 2006.

Бобров В.А. Механизмы самоорганизации современной семьи в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Пенза: Пензенский гос. ун-т архитектуры и строительства, 2005. 23 с.

Бекасова А.В. Семья, родство и покровительство в России XVIII века: «домовое подданство» графа П.А. Румянцева: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 305 с.

Брандт Р.Ф. Дополнительные замечания к разбору этимологического словаря Миклошича // Русский филологический вестник. 1890. № 23. С. 289–305. (С. 289 — по поводу ТР *отец, отчим и вотчим*).

Брандт Р.Ф. Золовка // Jagic-Festschrift: Zbornik u Slavu Vatroslava Jagica. Berlin: Weidmann, 1908. S. 348–354.

Бурыкин А.А. Современная русская система терминов родства и свойства: материал, лингвистическая и этнографическая проблематика // АР-12. С. 208–290.

Бурыкин А.А. Терминология родства и свойства как средство характеристики социальных отношений (на материале вологодских имущественных описей конца XVIII в.) // АР-11. С. 204–213.

Бурыкин А.А., Попов В.А. Актуальные проблемы изучения современной русской системы терминов родства // Радловский сборник: Научные исследования и научные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008. С. 354–362.

Бурыкин А.А., Попов В.А. К характеристике русской системы терминов свойства // Радловский сборник: Научные исследования и научные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 128–135.

Василевская Е.А. Терминология местничества и родства // Труды Историко-архивного института. М., 1946. Т. 2. С. 3–19.

Веселовский А.Н. Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности (Хронологические гипотезы) // ЖМНП. 1894. Февр. Т. 7 (291). С. 287–319.

Переиздано в: Веселовский А.Н. Фольклор. Б.м., б.г. С. 287–318.

Веремко В.А. Родство и свойство как препятствия к заключению браков в России во второй половине XIX — начале XX в. // Вестн. Костром. гос. ун-та. Сер. «Ист. науки». 2005. № 4. С. 13–19.

Веремко В.А. Эволюция дворянской семьи в условиях модернизации России: вторая половина XIX — начало XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2007. 50 с.

Вилков А.А. Семья и родственные связи как фактор эволюций крестьянского менталитета в современной России // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 1996. Вып. 6. С. 34–43.

Владимирский-Буданов М.Ф. Черты семейного права Западной России в половине XVI в. // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1890. № 4. С. 42–200.

Гань Говэй. Терминологии родства в лингвистическом и национально-культурном аспекте (на материале современного китайского и современного русского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 145 с.

Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2002. 466 с.

Гофман О.В. Концепт «семья» в традиционной крестьянской культуре // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. Сер. «Филология». Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 43–48.

Грибач С.В. Образ семьи в языковом сознании русских (гендерный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 21 с.

Дежнев А.С. Отношения родства, супружества и свойства в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.

Дежнев А.С., Кальницкий В.В. Отношения родства, супружества и свойства в уголовном судопроизводстве. Омск: Омская академия МВД РФ, 2003.

Дикова И.А. Регулирование отношений, возникающих при применении вспомогательных репродуктивных технологий, в семейном и гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская академия экономики и права, 2011. 24 с.

Джумагельдиева Е. О терминах брачного родства в русском и туркменском языках // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Ашхабад: Туркм. ун-т, 1976. С. 67–71.

Джумангельдыева Е. О терминах кровного родства в русском и туркменском языках // Вопросы русского языка. Ашхабад, 1975.

Добровольская (Бирюкова) Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Томск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2005.

Емельянова С.А. Термины родства и свойства в русском и белорусском языках: автореф. дис. ... канд. наук. Гродно, 1991. 24 с.

Желобовский А.И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. Историко-литературный очерк. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1892. 63 с.

Жукова Н.А. К вопросу о терминах родства (родство по свойству) // Инновации и бизнес: тез. Междунар. науч.-практ. конф. Орел: ОрелГИЭТ, 2007. Ч. II. С. 161–163.

Жукова Н.А. Названия, примыкающие к терминологии родства // Русская речь в современном мире: материалы Третьей междунар. науч.-практ. интернет-конф., 1 октября — 22 ноября 2006 г., ОрелГТУ. Орел: ОрелГТУ, 2007. С. 53–55.

Зайцева И.К. Слова со значением «мать» в русском, болгарском и чешском языках // Материалы по русско-славянскому языкознанию: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 1982. С. 60–69.

Зайцева И.К. Терминология родственных отношений в языке сказок // Язык жанров русского фольклора: межвуз. науч. сб. / отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1977. С. 88–92.

Захарова Л.Д. Существительные на -ов, -ва и их производные // Русский язык в школе. 1990. № 2. С. 73–78. (В т.ч. о русских терминах свойства).

Звягинцева В.В. Термины родства как обращения в русском и английском семейных дискурсах // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск: Курский гос. ун-т, 2011. С. 23–27.

Igaie N. Russian Peasant Kinship in Late Imperial Russia: An Analysis Based on the Wedding Rituals in Griazovets Country // Slavic Studies, Hokkaido University. 2002. Vol. 49. P. 179–212. (На яп. яз. С. 211–212 — резюме на рус. яз.).

Инфантьев Б., Пуцелё С. Взаимоотношения брата молодухи и деверя в латышских, русских и польских народных песнях // Acta baltico-slavica. 2005. Т. 29. С. 159–167.

Кабакова Г.И. О поскребышах, мизинцах и прочих маменькиных сынках // ЖС. 1994. № 4. С. 34–36.

Казанцев А.Ю. Система терминологии родства и свойства в русском и кетском языках как индикатор различий в социальной организации общества //

III Сибирская школа молодого ученого: материалы V Регион. конф. студ., асп. и молодых ученых. Томск, 2001. Т. 2. С. 43–47.

Казаченко Б.Н. Краткий словарь забытых и вышедших из употребления русских терминов родства, свойства и сватовства // АР-4. С. 237–263.

Казаченко Б.Н. Русское родство. Прошлое и настоящее. М.: Флинта, 2010. 648 с.

Кара-Оол Л.С. Термины родства и свойства в современном русском языке // Башки (Учитель). Кызыл, 1994. Вып. 6 (12). С. 43–44.

Кедрина Р.Е. Обряд крещения и похорон кукушки в связи с народным кумовством // ЭО. 1912. № 1–2. С. 101–139.

Кириченко К.А. Эволюция доктринальных подходов к институту родства в отечественном семейном праве // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер. «Право». 2007. Т. 3. Вып. 2. С. 18–27.

Ковалевский М.М. I. Брачные обычаи и нравы русского народа и эволюция брака в их освещении; II. О современной русской семье и главным образом о так называемой большой семье и семейной общине у великоруссов // Всемирный вестник. 1903. № 1 (январь). С. 1–21; № 2 (февраль). С. 1–26.

Козарева И.А. Родство и усыновление как отрицательные условия заключения брака // Современное право. 2008. № 3. С. 90–94.

Козлова Н.В. Семья и отношения родства московского купечества XVIII в. // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. 2002. № 4. С. 14–26.

Козырев И.С. Из истории развития терминологии родства в русском и белорусском языках // Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 3–19.

Копыленко М.М., Тулина Т.А. Семантические производные от русских терминов родства. I. Парные лексемы *дядя/тетя* // ФН. 1992. № 5–6. С. 52–62.

Косвен М.О. Кто такой крестный отец // СЭ. 1963. № 3. С. 95–107.

Крюčkова Н.В. Концепты возраста (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.

Купина Н.А., Скорнякова М.Ф. Коннотативность в семантической группе названия лица // Классы и их взаимодействия. Свердловск, 1979. С. 92–108. (В т.ч. о ТР в русском языке).

Ларин Б.А. Из истории слов // Памяти академика Л.В. Щербы (1880–1944). Л., 1951. С. 191–200. (С. 196–197 — семья в значении ‘жена’ (XVI–XVII вв.).

Листова Т.А. Кум да кума // Родина. 1994. № 11. С. 112–116.

Листова Т.А. Кумовья и кумовство в русской деревне // СЭ. 1991. № 2. С. 37–52.

Листова-Правда Ю.Т. Концепты МАТЬ и ОТЕЦ в русских пословицах и поговорках // Язык и национальное сознание. Воронеж, 1999. Вып. 2. С. 23–24.

Лихачева А. Лексика родства в русской коммуникативной культуре // Kalbu Studijos (Studies About Languages). 2011. № 19. С. 106–112.

Лопатин В.В. Об именном префиксе *пра-* в русском языке // Исследование по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 245–259. (В т.ч. о *пра-* как компоненте ряда ТР русского и других славянских языков.)

Люцидарская А.А. Имя собственное в системе семейных отношений колонистов Сибири (Томский регион. Начало XVIII в.) // Проблемы археоло-

гии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: СО РАН, 1998. Т. 4. С. 444–447.

Ляпунов Б.М. Семья, сябр-шабер // Сб. ст. в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню его рождения Академией наук по почину его учеников / под ред. В.Н. Перец. Л.: АН СССР, 1928. С. 257–263.

Мержоева З.С. Концепты родства в молодежном языковом сознании русских и ингушей: дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2009. 159 с.

Мержоева З.С. Русские и ингушские концепты родства: Описание интерпретационного поля // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. 27 (61). Аспирантские тетради. С. 179–183.

Микитенко Н.Ю. Сопоставительный анализ русских и чешских терминов родства (В диахронии и синхронии): дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2004. 137 с.

Милогорова И.Н. Семья и семейный быт русской пореформенной деревни. М., 1988. 113 с.

Миниярова И. М. Функционально-семантическое поле персональности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1993. 18 с. (С. 12–13 — о ТР).

Михайлова М.В. Семья и быт в представлениях населения Европейской части России в 1920-е годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 179 с.

Мишлей П. Семантические разновидности некоторых терминов родства в русском и украинском языках // Slavica. 1966. № 6. С. 45–54.

Моисеев А.И. Термины родства и свойства как конверсивы (на материале русского языка) // Лексико-семантические группы современного русского языка. Новосибирск, 1980. С. 3–14.

Моисеев А.И. Термины родства в современном русском языке // ФН. 1963. № 3. С. 120–132.

Моисеев А.И. Типы толкований терминов родства в словарях современного русского языка // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. V. С. 121–125.

Новожилов А.Г. Социальные и семейные связи в средневековых сельских поселениях по материалам новгородских писцовых книг рубежа XV–XVI вв. // Историческая этнография: Динамика этнической культуры народов России. СПб., 2004. С. 134–147.

Носкова А.В. Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: Историко-социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 47 с.

Окладникова Е.А., Попов В.А. Вокативные термины родства в функции половозрастных апеллятивов в современном русском обществе // АР-2. С. 186–195.

Окладникова Е.А., Попов В.А. Имена родства в функции половозрастных апеллятивов в современном русском обществе (церемониальный аспект) // АР-4. С. 162–178.

Окладникова Е.А., Попов В.А. Имена родства в функции половозрастных апеллятивов в современном русском обществе (психологический аспект) // АР-5. С. 243–258.

Окладникова Е.А., Попов В.А. О специфике русских полвозрастных апеллятивов // Сб. МАЭ. СПб., 2000. Т. XLVIII «285 лет Петровской Кунсткамере». С. 237.

Окладникова Е.А., Попов В.А. Термины родства в функции полвозрастных апеллятивов у современных русских // IV Конгресс этнографов и антропологов России (Нальчик, 20–23 сентября 2001 г.). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 307.

Панкратова Н.П. Об одном из значений слова *семья* // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточно-славянских языков. (К 80-летию С.Г. Бархударова). М., 1974. С. 272–277. (*семья* в знач. «жена» в XVI–XVII вв.).

Петрищева Е.Ф. Жили-были бабка с дедом // Русская речь. 1977. № 3. С. 105–110.

Пилипов В.М. Теща, деверь, шурин, зять... Эту книгу нужно взять. М., 2000.

Пягай Н.В. Антропоцентризм в языке, сознании и поведении корейцев и русских // Ли Г.Н. [и др.]. Энциклопедия корейцев России. 140 лет в России. М.: РАЕН, 2003. С. 440–456. (В т.ч. о ТР).

Пягай Н.В. Национально-культурная специфика самоидентификации личности (русские и корейцы) // Проблемы обучения общению на иностранном языке: тез. Межвуз. науч.-метод. чтений. М.: Дипломат. академия МИД РФ, 1998. С. 52–55. (В т.ч. о ТР).

Пягай Н.В. Русский язык в корейской аудитории: национально-направленные пособия для преподавателя // Формы обучения РКИ в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 10–12 ноября 1998 г. М.: Диалог-МГУ, 2000. С. 293–294. (В т.ч. о ТР).

Разумова И.А. Рассказы о связи живых и умерших родственников в современном семейном фольклоре // Народная культура Русского Севера. Архангельск, 2000. Вып. 2. С. 47–52.

Рахманова Л.И. Стилистические и лексико-грамматические особенности размерно оценочных существительных в современном русском языке // Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та иностранных языков. 1971. Т. 58. С. 127–141. (В т.ч. о слове *братец* в связи с суффиксом *-ец* как показатель эмоциональности).

Решетов А.М. Об употреблении вокативных терминов родства в повседневном быту русских (по воспоминаниям и наблюдениям) // АР-1. С. 217–230.

Рожков Р.С. Родное и родство в русской языковой картине мира // Вестн. Московского гос. ун-та печати. 2008. Вып. 11. С. 103–105.

Рыбалко И.В. Трансформация отцовства в современной России: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2006. 125 с.

Рыбалко Н.В. Приказная бюрократия Смутного времени: родственные связи, денежные и земельные оклады // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4 «История. Философия». 2001. Вып. 6. С. 43–56.

Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001. 200 с.

Савельева Е.С. Когнитивно-семантический потенциал номинативных знаков родства и дружбы и его реализация в разных типах русского дискурса и языковом сознании носителей русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 227 с.

Савельева Е.С. Пространственные характеристики концептов «родства» и «дружбы» // Омский научный вестник. 2006. № 6. С. 38–41.

Сарыбаева М. Ш. Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991.

Сказко А.С. Трансформация концепта «семья» в культуре России: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2005. 171 с.

Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1877. 259 с.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. 309 с. (С. 184 — уменьшительные формы др.-рус. ТР).

Соболевский А. Мелкие заметки по славянской и русской фонетике // Русский филологический вестник. Варшава, 1910. Вып. 64. С. 102–149. (С. 118–119 — рус. ТР *дед* > уменьш. *дядя*).

Соколова М.А. Очерки по языку деловых памятников XVI в.: дис. д-ра наук. Л., 1951. (С. 389–399 — ТР).

Соловьев С. М. Братчины // Русская беседа. 1856. № 3. С. 108–117.

Успенский Л. Нашему забору двоюродный плетень (Биография слов) // НЖ. 1963. № 3. С. 81–84 + вкладка со схемой. (Популярное изложение истории и функционирования ТР в русском языке.)

Ухмылина Е.В. Название совокупности родственников в русских народных говорах // Совещание по Общеслав. лингв. Атласу (Горький, 23–27 июня 1970 г.): тез. докл. М., 1970. С. 45–51.

Федорова М.В. Браты, братья, братовья // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу: тез. докл. М., 1974. С. 123–126.

Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX в. М.: Флинта, 1998. 264 с. (Гл. 2 «Родство, свойство, обращение»).

Фирсова И. М. Шуринов племянник, какая зятю родня? // Русская речь. 2011. № 6. С. 72–75.

Фролова Т.В. Городская семья в XIX в.: на материалах городов Ярославской губ.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008. 23 с.

Фурсова Е.Ф. Старообрядческая рукопись «О родстве» как источник по семейно-брачным отношениям // Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы этнологии и этнопедагогики», 21–24 апр. 1999 г. Новосибирск, 1999. Вып. 8. С. 60–62.

Харузин М. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права. М., 1885. (О семейном праве).

Царева Л.И. Слова с приставкой *на-* в русских народных говорах // Дialectная лексика 1969. Л.: Наука, 1971. С. 187–209. (В т.ч. о словах типа *падчерица*, с балто-славянскими сравнениями).

Чарушин А.А. Крестьянский род // Изв. Архангельского о-ва изучения Русского Севера. 1916. № 7–8. С. 280–286. (Называние детей по прозвищам родителей, термины родства и свойства, родство в жизни крестьян).

Червински П. Имплицитная оценочная семантика современных речевых словоупотреблений: реликты родовых отношений в коллективном сознании русскоязычных // *Jezyk rosyjski w konfrontacji z jezzykami Europy w aspekcie lingwokulturoznawczym*. Katowice: Wydawn. Uniwersytetu Slaskiego, 2004. S. 15–21.

Чеснокова О.С. Русские и испанские формы общения — наименования родства: дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 255 с.

Чжилян Сун. Фразеологизмы с компонентами номинации родства в русском языке (С позиции носителя китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Чистов К.В. Севернорусские причитания как источник для изучения крестьянской семьи XIX в. // *Фольклор и этнография*. Л., 1977. С. 131–143. (С. 141 — о метафорических заменах ТР).

Чудинов А.П. Семная структура лексического значения (на материале русских терминов родства) // *Слово в системных отношениях на разных уровнях языка*. Свердловск, 1991. С. 29–36.

Шанин Т. Русское крестьянское право и наследование имущества // *Отечественные записки*. 2003. № 2. С. 337–347. (В т.ч. о степенях родства).

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. 620 с. (С. 261–262 — употребление вокативных ТР в русском языке, в т.ч. по отношению к неродственникам).

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук М., 1969. 545 с. (В т.ч. о ТР).

Щепанская Т.Б. Дискурсы российской власти: термины родства // *АР-4*. С. 137–161.

Щепанская Т.Б. Матрицы семьи и команды как культурные коды и повседневные практики российской власти в десятилетие кризиса (1990–2000-е годы) // *АР-11*. С. 214–233.

Юдина Н.Ю. Система терминов родства как часть русской ментальности (прошлое и настоящее) // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. М.: Изд-во Московского ун-та, 2001. С. 80–81.

Шмелев Д.Н. О некоторых тенденциях развития современной русской лексики // *Развитие лексики современного русского языка*. М., 1965. С. 5–16. (С. 9 — о ТР).

Щербак А.С. Термины родства и фамилии (на материале говоров Тамбовской области) // *АР-12*. С. 305–315.

Региональные группы русских

Александрова Т. Употребление некоторых тюркских терминов родства в роли слов-обращений на страницах русской периодической печати // *Уч. зап. Азерб. пед. ин-та*. Сер. 12. Язык и литература. 1964. № 1. С. 23–26.

Анисимова Л.Ю. Эволюция функций русской крестьянской семьи в Приенисейском регионе в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 2004. 21 с.

Артюхов А. В., Павлов Б. С., Стожаров А.В. Семья северян: традиционность и новации (По материалам социологического исследования семей в гордах и поселениях Российского Севера). Екатеринбург, 1999.

Бахмутова Е.К. Об атласе народных русских говоров Волго-Камья. Материалы по диалектологии // Материалы по диалектологии. Казань, 1995. С. 14–27. (С. 27 — заимствование русскими Волго-Камья у татар форм ласкательности, употребляемых с ТР).

Виноградова Л.Н. Близкие родственники как объект вредоносных действий ведьмы // Категория родства в языке и культуре. М.: Индрик, 2009. С. 191–201.

Возисова Л.В., Ганеева И.В. Территориальное распространение диалектной лексики, связанной с терминами родства // X Всерос. диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров–94». М., 1994.

Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул, 2002.

Ефименко П. Семья архангельского крестьянина по обычному праву // Судебный журнал. 1873. № 7–8.

Гришанова В.Н. Диалектизмы в орловских говорах, однокоренные со словом *мать* // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования–2010. СПб., 2010. С. 173–178.

Добноравин Н.А. Терминология родства у старообрядцев Параны (Бразилия) // АР-12. С. 300–304.

Довнар-Запольский М.В. Очерки обычного семейного права крестьян Минской губернии // ЭО. 1897. № 1–2. Переиздано: *Довнар-Запольский М.В.* Исследования и статьи. Киев, 1909.

Дружинина С.А. Лексика родства в старообрядческих говорах Прикамья // Русский язык в школе. 2008. Вып. 10. С. 61–64.

Жукова Н.А. Термины родства в орловских говорах // Русская речь в современном мире: материалы Третьей междунар. науч.-практ. интернет-конф., 1 октября — 22 ноября 2006 г., ОрелГТУ. Орел: ОрелГТУ, 2007. С. 53.

Капфулина Л.В., Старовойтова О.А. Группа слов терминов родства с корнем *брат* в русских говорах Карелии и сопредельных областей // Русские говоры Коми. М., 1990. С. 41–50.

Качинская И.Б. Дедки-прадедки: обозначения предков в архангельских говорах // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.: тез. Екатеринбург, 2009. С. 117–118.

Качинская И.Б. Дедки-прадедки: отношение к предкам в архангельских говорах // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции: сб. ст. Академическая серия. М., 2010. Вып. 29. С. 151–162.

Качинская И.Б. Дочки-матери: нерегулярное склонение в архангельских говорах // Вопросы русского языкознания: сб. Вып. XIII: Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. (К 50-летию научной деятельности С.К. Пожарицкой) / сост. С.В. Князев, А.В. Пгенцова; отв. ред. М.Л. Ремнева, С.В. Князев. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 222–231.

Качинская И.Б. Заместительное родство. Приемные дети (по материалам архангельских говоров) // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: тез. докл. Междунар. конф., 19–21 октября 2009 г. М., 2009. С. 104–106.

Качинская И.Б. Кузенное родство в архангельских говорах: Междунар. науч. симп. «Славянские языки и культуры в современном мире», МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. ф-т, 24–26 марта 2009 г.: труды и материалы (тезисы). М., 2009. С. 192–193.

Качинская И.Б. Малому не наиграться, старому не належаться, середка годов не наробиться: половозрастная стратификация и термины родства в архангельских говорах // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей русского языка. МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. ф-т, 20–23 марта 2007 г.: труды и материалы (тезисы). М., 2007. С. 101–102.

Качинская И.Б. Матушка да батюшко // Русская речь. 2008. № 2. С. 102–108.

Качинская И.Б. Мать и матушка // Вопросы русского языкознания. Вып. X. Архангельские говоры: Словообразование. Лексика. Семантика. (К 50-летию научной деятельности О.Г. Гецово́й). М., 2003. С. 129–155.

Качинская И.Б. Свет ты мой миленький дружок: номинация и обращение (по материалам архангельских говоров) // Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII) / отв. ред. Л.Л. Касаткин. М., 2004. С. 334–346.

Качинская И.Б. Термины родства и животный мир // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей русского языка. МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. ф-т, 20–23 марта 2010 г.: труды и материалы (тезисы) / сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. М., 2010. С. 94–95.

Качинская И.Б. Термины родства и предметный мир (Термины родства и языковая картина мира. По материалам архангельских говоров) // Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX) / отв. ред. Л.Л. Касаткин. М.: Наука, 2008. С. 265–283.

Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров) // 4th International Congress of Dialectologists and Geolinguists, Riga, July 28 — August 2 2003 г. (4-й Междунар. конгресс диалектологов и геолингвистов): тез. докл. Рига, 2003. С. 93–95.

Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров) // Материалы IV Междунар. конгресса диалектологов и геолингвистов. Рига, 2006. С. 279–289.

Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2011.

Коконова А.Б. Сколотари и беззаконники: внебрачные дети в севернорусской народной культуре в свете семантических оппозиций // АР-12. С. 291–299.

Ларичев А.А. Крестьянская семья в истории освоения и развития Среднего Поволжья: XVIII — первая треть XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004. 258 с.

Майнов В. Брак и положение женщины у молокан // Знание. 1874. № 3.

Мюркхейн В. Децки дети... // СФУ. 1968. № 4. С. 239–242. (Изменение в ТР русского населения Эстонии под влиянием эстонской описательной ТР).

Николенко О.Ю. Лексико-семантическая группа наименований родства: функционирование, эволюция, словообразовательные потенции (на материа-

ле речи жителей г. Омска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск: Омский гос. ун-т, 2006.

Нильский И.Ф. Семейная жизнь в русском расколе. СПб., 1869.

Потапова И.А. Термины родства и свойства в русском языке второй половины XVIII в. (По данным Кургана. обл. арх.) // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1992. Вып. 4. С. 128–131.

Разумова И.А. Основные направления этнографического и этносоциологического изучения русской семьи (конец XIX — XX в.) // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 116–121.

Родионова-Нащокина А.М. О слове *посестра* в брянских говорах // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу: тез. докл. М., 1968. С. 8–9.

Семенова М.Ф. О терминологии родства говора Вышек // Тр. Прибалтийской диалектологической конф. 1968 г. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1970. С. 148–154. (Русский старожильческий диалект).

Тимошина Л.А. Родственные купеческие объединения на Русском Севере в XVII в. // Генеалогия на Русском Севере: история и современность. Архангельск, 2003. С. 45–52.

Титовская В.В. Термины родства в воронежских и волгоградских говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1972. С. 25–30.

Фаронов В.Н. Рабочая семья Сибири в конце XIX — начале XX в.: по материалам Томской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2010. 22 с.

Федорова К.А. Термины родства в русских говорах на территории бывшей Чердынской земли // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания: тр. 4-й зональной конф. каф. рус. яз. вузов Урала. Пермь, 1964. Вып. 1. С. 85–92.

Шарапова И.М. Процессы изменения терминологии родства в рязанских диалектах // Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. М., 1974. Лингвистический сборник. Вып. 2. Ч. 2. С. 159–163

Шарапова И.М. Процессы изменения терминологии родства в рязанских диалектах // Материалы VIII конф. преподавателей русского языка пед. институтов Московской зоны. Лингвистический сборник. М., 1974. Вып. 2. Ч. 2. С. 159–163.

Шарапова И.М. Терминология родства в рязанских говорах: автореф. дис. канд. наук. М., 1977. 15 с.

Шарапова И.М. Термины кровного родства в рязанских диалектах // Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. М., 1967. Т. 197.

Шарапова И.М. Термины родства в рязанских диалектах в сравнительно-историческом освещении // Уч. зап. Рязанского пед. ин-та. 1958. Т. 21. С. 153–188.

Украинцы

Бурячок А.А. Названия родства и свойства в украинском языке: автореф. дис. ... канд. наук. Киев, 1954. 18 с.

Бурячок А.А. Назви спорідненості і свояцтва в українській мові. Киев, 1961. 150 с.

Бурячок А.А. Назви спорідненості і свояцтва в українській мові. Поняття «рідна мати» // Лексикографічний бюлетень. 1955. Вип. 5.

Бурячок А.А. Назви спорідненості по бокових лініях у середньонадніпрянських говорах // Середньонадніпрянські говори. Київ, 1960. С. 170–183.

Бурячок А.А. Синоніми на позначення поняття «батько» в українській мові // Наукові записки Київського держ. пед. ін-ту. 1956. Т. 20. С. 74–82.

Волощук Р.Г. Синоніми в позначення поняття «Батько» і «Мати» в українських народних жартівливих і танцювальних песнях Наддніпрянщини // Українська народна лексика. Дніпропетровск, 1973. С. 86–91.

Дзедзелевский Й.О. Лексика українських говорів Закарпатської обл. (Назви спорідненості, свояцтва та сімейно-родинного побуту) // Наукові записки Ужгородського держ. ун-ту. 1957. Т. 26. Вип. 2. С. 3–36.

Курозло С.С., Пономарев А.П. Этнокультурные аспекты развития семьи и брака // Украинско-молдавские этнокультурные взаимосвязи в период социализма. Киев, 1987. С. 284–312.

Мишлей П. Семантические разновидности некоторых терминов родства в русском и украинском языках // Slavica. 1966. № 6. С. 45–54.

Охримович В.Ю. Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи // ЭО. 1891. № 4; 1892. № 4.

Охримович В.Ю. Про останки первичного комунізму у бойків-верховинців // Записки Наукова товариства ім. Шевченка. 1899. № 31–32.

Парасушко В.С. До питання про значення слів *дядя* і *бать* // Наукові записки Київського держ. пед. ін-ту. 1956. Т. 20. С. 83–99.

Прокопенко В.А. Назви спорідненості та свояцтва в буковинських говірках // Питання історії і діалектології східнослов'янських мов. Чернівці, 1958. С. 139–151.

Западные славяне

Соловьев С.М. О родовых княжеских отношениях у западных славян // Комета: Учено-литературный альманах. М.: Семен, 1851. С. 231–255.

Лужичане

Ермакова М.И. Категория посессивности в серболужицком языке. Некоторые особенности ее выражения // Славянское и балканское языкознание: проблемы диалектологии. Категория посессивности. М.: Наука, 1986. С. 220–229. (С. 225–226 — о двух типах посессивных конструкций с участием ТР).

Поляки

Ганцкая О.А. Польская семья. Опыт этнографического изучения. М., 1986. 176 с.

Гюльмянц К.М. Терминология родства в польских говорах прибалтийско-белорусской зоны // Studia nad Polszczyzna Kresowa. Wrocław, 1983. № 2. С. 73–84.

Инфантьев Б., Пуцэле С. Взаимоотношения брата молодухи и деверя в латышских, русских и польских народных песнях // Acta baltico-slavica. 2005. Т. 29. С. 159–167.

Спасович В.Д. Об отношениях супругов по имуществу по древнему польскому праву. Рассуждение, представленное юридическому факультету Императорского С.-Петербургского университета. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1857. 77 с.

Шимчак М. Термины родства и семейного свойства в истории и диалектах польского языка // Славянская лексикография и лексикология. М., 1966. С. 269–290.

Словаки

Дзендзелевская Н.И. Слова детского лексикона словацких говоров на территории СССР // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (Ужгород, 25–28 сентября 1973 г.): тез. докл. М.: Комиссия общеславянского лингвистического атласа, 1973. С. 215–217. (В т.ч. о детских ТР).

Чехи

Зайцева И.К. Слова со значением «мать» в русском, болгарском и чешском языках // Материалы по русско-славянскому языкознанию: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 1982. С. 60–69.

Микитенко Н.Ю. Сопоставительный анализ русских и чешских терминов родства (В диахронии и синхронии): дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2004. 137 с.

Южные славяне

Богишич В. В. О несложной сельской семье у сербов и хорватов // ЖМНП. 1885. № 2.

Иванова Ю.В. Родственные объединения на западе Балканского полуострова в их позднейших вариантах в XIX–XX вв. // I Конгресс балканских исследований: сообщения советской делегации. М., 1966. 15 С.

Кашиба М.С. Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988. С. 82–134. (С. 85–86 — искусственное родство и его влияние на выбор брачных партнеров).

Молошная Т.Н. Поссесивные синтаксические конструкции в сербохорватском языке // Славянское и балканское языкознание: проблемы диалектологии. Категория поссесивности. М.: Наука, 1986. С. 179–188. (Много об употреблении ТР).

Смирнов И.Н. Очерк культурной истории южных славян. Вып. II: Развитие общественных отношений. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1900. (С. 157–220 — эволюция семьи и кровного союза).

Болгары

Бобчев С. О побрatимстве и посестримстве. Очерк из обычного права болгар // ЖС. 1892. Вып. 3. С. 31–42.

Волков В. Свадебные обряды в Болгарии // ЭО. 1895. № 4. С. 1–56. (С. 32–37 — побрatимство и посестримство у болгар и других народов).

Зайцева И.К. Слова со значением «мать» в русском, болгарском и чешском языках // Материалы по русско-славянскому языкознанию: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 1982. С. 60–69.

Майнов В.Н. Юридический быт болгар (По Богишичу). СПб.: Тип. Майкова, 1871. (В т.ч. о семье).

Никулина М.В. Болгары // СЛИНМ. С. 82–84. (С. 84 — вокативные ТР).

Попов Р. Родственные отношения святых в календарной традиций болгар // Категория родства в языке и культуре. М.: Индрик, 2009. С. 170–183.

Седакова И.А. К изучению общеславянской лексики в русском и болгарском языках // Philologia Slavica. (К 70-летию академика Н.И. Толстого). М., 1993. С. 394–398. (С. 396–398 — сопоставительный анализ общеслав. ТР *баба* и его дериватов в русском и болгарском языках).

Узенева Е.С. Терминология свадебного обряда села гига (юго-западная Болгария) с этнолингвистическими комментариями // Исследования по славянской диалектологии. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2001. Вып. 7. С. 66–93. (С. 70–72 — об употреблении ТР в качестве свадебных чинов).

Шабашов А.В. Някои теоретични резултати от изследването на системата на родство у българите в Украйна // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново, 1997. Т. 6. С. 353–3

Шабашов А.В. Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины) // ЭО. 1995. № 3. С. 84–92.

Шабашов А.В. До реконструкції типології сім'ї болгар і гагаузів Південної Бессарабії у 10-х — 60-х роках XIX ст. 1. Постановка проблеми. Загальна типологія родини // Записки историчного факультету. Одеський державний університет ім. І.І. Мечникова, 2002. Вып. 12. С. 104–120.

Шабашов А.В. До реконструкції типології сім'ї болгар і гагаузів Південної Бессарабії у 10-х — 60-х роках XIX ст. 2. Типологія та еволюція сім'ї у болгар і гагаузів // Записки историчного факультету. Одеський державний університет ім. І.І. Мечникова, 2003. Вып. 13. С. 54–67.

Шабашов А.В. Семья и семейные отношения // Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. Одесса, 2003. С. 554–586.

Шабашов А.В., Шабашова Ю.О. Система на кръвното родство при българите от Южна Украйна. По материали от Одеска и Николаевска област // Български фолклор. 1994. № 3. С. 71–78.

Шабашов А.В. Система родства болгар Украины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1996. 21 с.

Шабашов А.В. Терминология родства и система терминов родства // Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. Одесса, 2003. С. 587–607

Шабашов А.В. Терминология родства болгар Украины // Записки исторического факультета. Одеса, 1996. Вып. 3. С. 70–78.

Шабашов А.В., Шабашова Ю.О. Типологія системи кровної спорідненості у болгар Південної України // Народна творчість та етнографія. 1994. № 4. С. 30–34.

Шабашов А.В. Традиционная социальная организация и семья // Очерки истории и этнографии села Кирнички в Бессарабии. Одесса, 1998. С. 234–245.

Черногорцы

Попов А. Н. Путешествие в Черногорию. СПб.: Типография Эдуарда Пратса, 1847. (С. 123–164 — «Юридический быт Черногории», в том числе о семейном праве. Противоборство государства и родового начала).

Неиндоевропейские и нетюркские народы Кавказа

Аветисян Р. Священное природного родства: Аталычество северокавказских народов // Северная Осетия. 2003. 23 авг. С. 8.

Алироев И.Ю., Чокаев К.З. Лексические встречи в лезгинском и нахских языках // Сб. статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1970. С. 155–158. (С. 157 — вокативные и референтивные термины для отца в обоих языках).

Асланов А.М. Иберийско-кавказский субстрат в закатальских говорах азербайджанского языка (на материале цахурского языка) // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966. Т. 4. С. 203–208. (С. 205 — ТР в цахурском языке и сев.-азербайджанском диалекте).

Балкаров Б.Х. Адыго-нахские языковые встречи // Материалы I сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969. С. 169. (Об общем происхождении адыгских и нахских терминов 'брат' и 'сестра').

Битарова А.Т. Формы искусственного родства у народов Северного Кавказа. Учебно-методическое пособие. Владикавказ: Изд-во Сев-Осет гос. ун-та, 2001.

Гарданов В.К. Аталычество // IX МКАЭН (Чикаго, сентябрь 1973 г.). Доклады советской делегации. М., 1973. 22 с.

Глейс К. К праистории северно-кавказских языков // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1907. Вып. 37. Отд. 3. С. 49–90. (С. 53–55 — ТР как показатель родства кавказских языков (лазского, мингрельского, абхазского) с языками досемитского населения Месопотамии).

Джавахадзе Н.В. Грузино-вейнахские параллели в типологии систем родства // Кавказский этнографический сборник. VI: Очерки этнографии Горной Чечни. Тбилиси, 1986. С. 84–100.

Егязаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказьи. Казань, 1889. Ч. 1: Сельская община. (Роль родовых традиций).

Итонишвили В. Дж. Семейный быт горцев центрального Кавказа. Семейный быт нахов и осетин. Тбилиси, 1969.

Климов Г.А. О кавказских обозначениях невестки // Этимология 1994–1996. М.: Наука, 1997.

Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М.: Восточная литература, 2003. (С. 53–66 — «Родство»).

Ковалевский М.М. Поклонение предкам у кавказских народов // Вестник мировой истории. 1902. № 3. (Переиздано в: «Кавказ». 1902. № 107, 108; «Терские ведомости». 1902. № 138).

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1–2. (В т.ч. глава «Матриархат»).

Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1882. Т. 1. (С. 289–437 — родовой быт).

Магомедов А.А. Северокавказская семья: общее и особенное в ее формировании // Этнические проблемы современности. Ставрополь, 1999. Вып.5. С. 93–98.

Магомедов А.А. Семья на Северном Кавказе. Ставрополь: Ставропольский. гос. ун-т, 1999. 245 с.

Маремшаова И.И. Менталитет в семейных и общественных традициях: Кабарда, Балкария, Карачай. Нальчик, 1999.

Марр Н.Я. О полигении семантики ('брат' и 'кровь') // Изв. АН. 1926. С. 781–786. Переиздано в: Марр Н.Я. Избранные работы. М.; Л.: Гос. соц-экон. изд-во, 1936. Т. 2. С. 168–172.

Марр Н.Я. Яфетические зори на украинском хуторе. (Бабушкины сказки о Свиные — Красном Солнышке) // Уч. зап. Ин-та этнических и национальных культур народов Востока. 1930. Т. 1. С. 1–86. (С. 4 — ТР для ближайших родственников на Кавказе).

Мусакаев А.И., Мизиев И.М. К вопросу об идеологической общности патронимических организаций народов Кавказа // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991. С. 74–82

Николаев С.Л., Старостин С.А. Северо-кавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // ЛРДИВ: тез. и докл. конф. М., 1984. Ч. 3. С. 26–34. (С. 30–31 — ТР как показатель северо-кавказского праязыка).

Робакидзе А.И. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа // СЭ. 1968, № 5.

Смирнова Я.С. Брак поговору у народов Кавказа: формы и эволюция // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1991. Вып. 8.

Смирнова Я.С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция // Кавказский этнографический сборник. М., 1989. Вып. 9. С. 216–245.

Смирнова Я.С. Семья и семейный быт // Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992. С. 110–120.

Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX — XX в. М., 1983.

Смирнова Я.С. Усыновление покровителя // СЭ. 1984. № 2. С. 87–92.

Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е. Семья и семейный быт // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXVII: Народы Кавказа. Кн. 3. Ч. 1: Формирование, тип и структура. М., 1995.

Сокольский В. Архаические формы семейной организации у кавказских горцев // ЖМНП. 1881. № 118 (нояб.). С. 39–50

Шенкао Г.Х. Социокультурный анализ некоторых феноменов мифосознания // Из традиционной этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1993. С. 108–122. (В т.ч. о СР).

Яковлев Н. Термины «мать»—«отец», «брат»—«сестра», «дочь»—«сын» в северокавказских яфетических и некоторых других языках (материалы для яфетидологического анализа) // Уч. зап. Ин-та этнической и национальной культуры народов Востока. М., 1930. Т. 1. С. 155–173.

Абхазо-адыги

Конджария В.Х. Термины родства и семейные отношения в абхазо-адыгских диалектах // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1975. Т. 2. С. 107–113.

Рогавя Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956. 154 с. (С. 62–67 — классные показатели в ТР).

Абазины

Данилова Е.Н. Общественные и семейные отношения // Абазины: Историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского книжного изд-ва, 1989. С. 138–181.

Данилова Е.Н. Семья и патронимия в системе сельской общины абазин во второй половине XIX в. // СЭ. 1973. № 5. С. 79–87.

Шинкуба А.Е. Абазинская система терминов родства. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1987. 17 с.

Абхазы

Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка (Исследования и материал). Тбилиси: АН Груз. ССР, 1964. (С. 217–218, 225, 228 — ТР в сравнении с абазинскими).

Бизава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, 1983. 111 с.

Ботяков Ю.М. «Сход однофамильцев» в современной Абхазии // Историческая этнография: Динамика этнической культуры народов России. СПб., 2004. С. 77–86.

Державин Н. Абхазия в этнографическом отношении // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1907. Вып. 37. Отд. I. С. 1–38. (ТР как показатель эволюции семейно-родственной организации абхазов).

Инал-Ипа Ш. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954. 205 с. (С. 184–204 — «О большой семье и терминологии родства и свойства»; с. 134–135 — вокативные ТР, связанные с речевыми табу).

Конджария В.Х. Лексический состав ашхарского диалекта // Сб. науч. работ аспирантов. Сухуми: Алашара, 1967. (Абхазский институт языка, литературы и истории АН Груз. ССР.) (С. 134 — ТР).

Март Н.Я. Абхазоведение и абхазы // Восточный сборник. Л., 1926. Т. 1. С. 123–166. (С. 139–140 — яфетические связи копт., греч., лат., алб., груз. языков по ТР).

Март Н.Я. АТМА ‘брат’ / ‘кровь’ // Сб. ст. в честь проф. С.А. Жебелева [рукописный]. Л., 1926. С. 456–462.

Март Н.Я. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства // Изв. АН СССР. 1912. № 5. С. 423–432.

Март Н.Я. Яфетическое происхождение абхазских терминов родства // Март Н.Я. О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938. С. 34–43.

Смирнова Я.С. Аталычество и усыновление у абхазов в XIX–XX вв. // СЭ. 1951. № 2. С. 105–114.

Чарая П.Г. Об отношении абхазского языка к яфетическим // Материалы по яфетическому языкознанию. IV. СПб., 1912. 82 с. (С. 19, 31, 35, 44, 50–52 — ТР).

Шинкуба А.Е. Опыт анализа терминов родства у абхазов // Изв. Абхазского ин-та языка, литературы и истории. Сер. «История и экономика». Тбилиси, 1985. Вып. XIII. С. 54–56. (Только СТР абжуйских абхазов).

Адыги

Бгажноков Б.Х. Семья и традиционный семейный быт адыгов // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. IV.

Бгажноков Б.Х. Базовые принципы и основные условия заключения брака у адыгских народов // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Вып. VI.

Бгажноков Б.Х., Берзегова С.Д. Реликты древнейших форм родства в языке адыгов // Исторический вестник. 2006. Вып. 3. С. 197–201.

Берзегова С. Д. Термины родства и родственные отношения в традиционной культуре адыгов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп: Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова, 2008.

Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967. (С. 243–289 — пережитки дуальной организации и «братства»).

Калмыков И.Х. О некоторых терминах, характеризующих развитие жилого дома и становление моногамной семьи у адыгских народов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов) // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1.

Коджесау Э.Л. Патронимия у адыгов // СЭ. 1962. № 2. С. 115–119.

Ладыженский А.М. Обычное семейное право черкес // Новый Восток. 1928. № 22. С. 224–239.

Меретуков М.А. Брачные ограничения у адыгов // Всесоюз. сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1978–1979 гг.: тез. докл. Уфа, 1980. С. 139–140. (Искусственное родство).

Меретуков М.А. Система родства и свойства у адыгов // Уч. зап. Адыгейского науч.-иссл. ин-та языка, литературы и истории. Майкоп, 1970. Т. XI: История, этнография, археология. С. 301–331.

Меретуков М.А. Усыновление у адыгов в XIX веке // Уч. зап. Адыгейского науч.-иссл. ин-та языка, литературы и истории. Майкоп, 1968. Т. 8. С. 294–302.

Соловьева Л.Т. Родственные объединения адыгов: традиции и современность // Расы и народы. М., 2001. Вып. 26. С. 232–259.

Адыгейцы

Коджесау Э.Л., Меретуков М.А. Семейный и общественный быт // Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской Автономной области. М., 1964.

Яковлев Н.Ф., Аишамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М., 1941. (С. 297–300 — употребление посессивных суффиксов с ТР в адыгейском языке).

Кабардинцы

Абрамян Р.М. Кабардинская генеалогия: вчера, сегодня, завтра // Генеалогия Юга России: история и современность. Нальчик, 2004.

Гукемух И.Х. Фамильная экзогамия у кабардинцев // Ориентир. Нальчик, 2001. Вып. IX. С. 72–76.

Перищ А.С. Фамилия — лъэпкъ у кабардинцев в XIX в. // СЭ. 1951. № 1.
Студенецкая Е.Н. О большой семье у кабардинцев в XIX в. // СЭ. 1950. № 2.

Шикова Т.Т. Об условиях и формах заключения брака у кабардинцев в дореволюционном прошлом в XIX — начале XX в. // Учен. зап. Кавказо-Балкарского науч.-исслед. ин-та. Нальчик, 1959. Т. XVI.

Шикова Т.Т. Семья и семейный быт кабардинцев в прошлом и настоящем: дис. ... канд. ист. наук. М., 1956.

Горские евреи

Анисимов И.Ш. Кавказские евреи-горцы // Сборник материалов по этнографии, издаваемой при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. 3. С. 171–322. (С. 277–278 — вокативные термины свойства).

Ихилев М.И. Большая семья и патронимия у горских евреев // СЭ. 1950. № 1. С. 188–192.

Мурзаханов Ю.И. Современная семья у горских евреев Кабардино-Балкарии. М.: Чоро, 1994. 103 с.

Дагестанские народы и языки

Абдуллаев З.Г. Предисловие // ПОЛДЯ. С. 3–5.

Азизов С.А. К вопросу о дагестанской тухумной эндогамии // СЭ. 1988. № 6. С. 121–126.

Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. (С. 66–70 — ТР).

Гаджиева М.И. Семья Дагестана в традиционном и современном обществе: XIX–XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2004. 351 с.

Гасанова С.М. О некоторых терминах родства // Материалы сессии, посвящ. итогам экспедиционных исследований в Дагестане за 1978–1979 гг. Махачкала, 1978. С. 58.

Гасанова С.М. О некоторых терминах родства (по данным чирагского диалекта) // Материалы сессии, посвящ. итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976–1977 гг. Махачкала, 1978. С. 59.

Гасанова А.М. Термины родства и свойства в ботлихском, годоберинском и андийском языках // ПОЛДЯ. С. 41–49.

Дешериев Ю.Д. Грамматика хиналугского языка. М., 1959. 223 с. (С. 197 — ТР в сравнении с будухс., крызс. и лезгинс. языками).

Кадыраджиев К.С., Вазирова К.К. Тюркские термины родства и свойства в нахско-дагестанских языках // ПОЛДЯ. С. 161–170.

Кибрик А. Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: МГУ, 1990. (С. 54–62 — ТР).

Ковалевский М. Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. 1886. № 12. С. 513–557.

Мейланова У.А. Об отражении категорий класса в именах существительных дагестанских языков // Уч. зап. Дагестанского ин-та языка и литературы. Махачкала, 1964. Т. 13. С. 5–25. (С. 12–14 — классные показатели в ТР).

Мейланова У.А. Семья, терминология родственных отношений // Мейланова У.А. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971. С. 127–135.

Панек Л.Б. О некоторых терминах родства и грамматических классах в дагестанских языках // Языки Дагестана. Махачкала, 1954. Вып. 2. С. 227–234.

Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973. (С. 97–100 — ТР).

Аваро-андийцы

Магомедбекова З.М. К именному словообразованию в аваро-андийско-дидойских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. 1987. № 14. С. 215–224. (С. 221–222 — об особом суффиксе, употребляемом с ТР).

Саидова П.А. Терминология родства и свойства в аваро-андийских языках / ПОЛДЯ. С. 6–20.

Аварцы

Ахмедов А.А. Термины родства у томарских аварцев (анцинский диалект) сел. Камулук (-Къамилухъ) Тляратского района ДАССР // ОЛДЯ. С. 64–73.

Гарунова К.И. К вопросу о терминологии родства в некоторых говорах южного наречия аварского языка // ПОЛДЯ. С. 21–30

Казиев Г.К. Термины родства в аварском литературном языке // ПОЛДЯ. С. 31–40.

Никольская З.А. Из истории семейно-брачных отношений у аварцев XIX в. // КСИЭ. 1949. Вып. 8. С. 53–59.

Андийцы

Магомедова П.Т. Термины родства и родственных отношений в чамалинском, тиндинском и багвалинском языке // ОЛДЯ. С. 20–32.

Даргинцы

Абдуллаев З.Г. К генезису терминов родства даргинского языка // ПОЛДЯ. С. 50–71.

Исаев М.-Ш.А. Термины родства как структуро- и смыслообразующие центры фразеологизмов даргинского языка // ПОЛДЯ. С. 88–100.

Гасанова С.М. Термины родства и свойства в даргинском языке (По данным диалектов) // ПОЛДЯ. С. 72–87.

Муталов Р.О. Термины родства в ицаринском говоре даргинского языка // ПОЛДЯ. С. 101–103.

Дидойцы

Халилов М.Ш., Исаков И.А. Термины родства и семейных отношений в дидойских языках // ОЛДЯ. С. 33–54.

Харадзе Р.Л. Коллатеральное родство у дидойцев // АН Груз. ССР. 1946. Т. 7. № 8. С. 573–577.

Лакцы

Абдуллаев А.А. Лакские термины родства в условиях двуязычия // ПОЛДЯ. С. 187–190.

Джидалаев Н.С. Термины родства и свойства в лакском языке // ОЛДЯ. С. 6–19.

Хайдаков С.М. Принципы распределения имен существительных по грамматическим классам в лакском языке // *Studia Caucasica* (The Hague). 1963. № 1. С. 48–55. (С. 49–50 — об особенностях употребления ТР).

Лезгины

Агаширинова С.С. Субстратные термины родства у лезгин // Всесоюз. сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978–1979 гг.: тез. докл. Уфа, 1980. С. 124–125.

Мейланова У.А. Основные термины кровного родства в языках лезгинской

группы // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1985. Т. 12. С. 310–317.

Рутульцы

Ибрагимов Г.Х., Гусейнова Ф.И. Термины родства в диалектах рутульского языка // ПОЛДЯ. С. 204–208.

Табасараны

Шалбузов К.Т. Термины родства и свойства в табасаранском языке // ПОЛДЯ. С. 191–195.

Цахуры

Ибрагимов Г.Х. Термины родства в цахурском языке // ПОЛДЯ. С. 196–203.

Исаев Н.Г. Термины родства в цахурском языке (по данным речи сел. Калаял) // ОЛДЯ. С. 55–63.

Картвельские народы и языки

Соселла Э.Г. Анализ систем терминов родства (по материалам картвельских языков). Тбилиси, 1979. 112 с.

Грузины

Гонинашвили И.И. Система родства в горной части Восточной Грузии (Мтиулет и Гудамакари) по письменным источникам и этнографическим материалам: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1989. 25 с.

Итонишвили В.Дж. Из истории семейных отношений грузин-горцев. Тбилиси, 1960.

Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М.: РАН, 1994. (С. 220–221 — ИЕ термин для золотки, заимствованный в грузинский).

Ковалевский М. Пшавы // Юридический вестник. 1888. № 2. С. 199–226. (С. 201–205 — родовое устройство).

Макалатия С.И. Из старого народного быта пшавов // Советская этнография: сб. ст. М.; Л., 1938. Вып. 1. С. 98–117. (С. 98–102 — побратимство).

Марр Н.Я. Абхазское происхождение грузинского термина родства *bida* ‘дядя’ // Изв. АН. 1914. № 2. С. 143–146.

Мгеладзе Н.В. Система кровного родства в Аджарии: Историко-этнографическое исследование. Батуми: Сабчота Аджара, 1988.

Мгеладзе Н.В. Формы социальной организации и система терминов родства в традиционной культуре грузинского народа (этнокультурные аспекты, историческая и локально-региональная специфика): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 51 с.

Панек Л.Б. Социальные отношения у мтиулов // КСИЭ. 1946. Т. 1. С. 35–36. (С. 36 — в автореферате диссертации, защищенной в 1944 г., дается общая характеристика ТР в грузин. яз.).

Панек Л.Б. О терминах родства в грузинском языке // Сб. МАЭ. 1949. Т. 12. С. 71–77.

Сергеева Г.А. Об обычае избегания у народов Грузии // Полевые исследования Института этнографии 1974. М., 1975. С. 141–148.

Соловьева Л.Т. Динамика обрядности детского цикла у грузин Картли и Кахети (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Этнокультурные процессы: Методы исторического и синхронного изучения. М., 1982. С. 59–74. (В т.ч. об искусственном родстве).

Харадзе Р.Л. К вопросу о системе родства в Хевсурети // Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры Груз. филиала АН СССР. Тбилиси, 1940. Вып. 5–6. С. 509–521. (С. 519–520 — резюме на рус. яз.).

Сваны

Дондуа К.Д. К вопросу об особой форме множественного числа в сванских терминах родства // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1937. Вып. 7. С. 549–560.

Нахские народы и языки

Шавхелишвили Б.А. Термины родства в нахских языках: автореф. дис. ... канд. наук. М., 1978. 20 с.

Вайнахи

Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис лексика. М., 1953. 384 с. (С. 311–312 — ТР для ближайших кровных родственников; с. 330 — ТР, заимствованные из грузинского языка).

Джавахадзе Н.В. Этнорегиональные аспекты системы терминов родства кистов Панкиси // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1988. Т. 7. С. 42–54.

Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии. М., 1988. Вып. 3. С. 114–142. (С. 120–122 — различные формы фиктивного родства).

Ингуши

Генко А. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. 1930. Т. 5. С. 681–761. (С. 725–726 — о некоторых северокавказских и индоевропейских ТР).

Джавахадзе Н.В. Термины родства у горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. II: Очерки графики Горной Ингушетии. Тбилиси, 1968. С. 226–236.

Мержоева З.С. Концепты родства в молодежном языковом сознании русских и ингушей: дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2009. 159 с.

Мержоева З.С. Русские и ингушские концепты родства: Описание интерпретационного поля // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. 27 (61). Аспирантские тетради. С. 179–183.

Оздоева Э. Г. Лексика родства в ингушском языке: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х.М. Бербекова, 2007.

Яковлев Н.Ф. Ингуши: Популярный очерк. М.; Л., 1925. 135 с. (С. 43–46 — ингушская ТР).

Чеченцы

Арсанукаева М. Родство в мусульманском и обычном праве чеченцев // Религия и право. М., 2003. № 1. С. 22–27.

Мамакаев М.А. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973. 99 с. (С. 30–31 — ТР внутри тайпа (рода) до 7–8 поколения).

Натаев С.А. Система родства и этнические связи чеченцев // Вестн. АН Чеченской Республики. 2007. № 1. С. 172–176.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ¹

АР-1 — Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 1995. Вып. 1.

АР-2 — Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 1998. Вып. 2.

АР-3 — Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 1999. Вып. 3.

АР-4 — Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 1999. Вып. 4.

АР-5 — Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 2000. Вып. 5.

АР-6 — Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 2001. Вып. 6: *Дзибель Г.В.* Феномен родства. Прологомены к идентической теории.

АР-7 — Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 2001. Вып. 7.

АР-8 — Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 2010. Вып. 8: *Маслов А.А.* Системы родства народов манде: Опыт историко-типологического исследования.

АР-9 — Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 2005. Вып. 9.

АР-10 — Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 2006. Вып. 10: *Калюта А.В.* Ацтеки: родство, гендер, возраст. Опыт историко-социологического исследования мезоамериканского общества XV–XVII веков.

АР-11 — Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 2006. Вып. 11.

АР-12 — Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 2009. Вып. 12.

АМАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

АОС — Архангельский областной словарь

АРАН — Архив Российской академии наук. СПб.

АФ — Антропологический форум. СПб.

АЭС — Africana. Африканский этнографический сборник. Л.

ВДИ — Вестник древней истории. М.

ВЯ — Вопросы языкознания. М.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

ЖС — Живая старина. М.

ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности АН

ИРГО (РГО) — Императорское Русское географическое общество

ИЯШ — Иностранные языки в школе. М.

КАОС — Картотека Архангельского областного словаря

¹ См. также список сокращений, которые используются только в статье И.Б. Качинской «Русские термины родства и личное имя (по материалам архангельских говоров)».

КСДИЭ — Краткое содержание докладов годичной научной сессии
Института этнографии АН СССР. Л.

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.

ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров

ЛИПНБ — Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики (М., 1970)

ЛРДИВ — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: тез. докл. Междунар. конф. (М., 1989)

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

МДАБЯ — Малый диалектологический атлас балканских языков

МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук

НАА — Народы Азии и Африки. М.

НЖ — Наука и жизнь. М.

НЛ — Новое в лингвистике

ОЛДЯ — Отраслевая лексика дагестанских языков. Материалы и исследования (Махачкала, 1984)

ПМА — Полевые материалы автора

ПОЛДЯ — Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Термины родства и свойства (Махачкала, 1985)

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, М.

Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л. (СПб.)

СИТИЯК — Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Вопросы преподавания иностранных и национальных языков: сб. ст. Междунар. конф. (22–26 июня 2005 г.). XXIV Дульзоновские чтения (Томск, 2005)

СЛИНМ — Системы личных имен у народов мира (М., 1989)

СНА — Семья у народов Америки (М., 1991)

СНВ — Страны и народы Востока. Л. (СПб.)

СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук

СТ — Советская тюркология. М.

СФУ — Советское финно-угроведение. М.

СЭ — Советская этнография. М.

ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. Л.

УрО РАН — Уральское отделение Российской академии наук

ФН — Филологические науки. М.

Э — Этнография

ЭО — Этнографическое обозрение. М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

авест. — авестийский	общ.-монг. — общемонголь-
айн. — айнский	ский
алб. — албанский	общ.-тюрк. — общетюркский
англ. — английский	орок. — орокский
арм. — армянский	осет. — осетинский
башк. — башкирский	оск. — оскский
болг. — болгарский	перс. — персидский
в.-луж. — верхнелужицкий	польск. — польский
валл. — валлийский	праанатол. — праанатолий-
вед. — ведийский	ский
гаг. — гагаузский	прагерм. — прагерманский
герм. — германские	праслав. — праславянский
гот. — готский	рус. — русский
греч. — греческий	санскр. — санскрит
др.-англ. — древнеанглийский	серб.-хорв. — сербскохорват-
др.-арм. — древнеармянский	ский
др.-в.-нем. — древневерхнене-	слав. — славянские
мецкий	словац. — словацкий
др.-инд. — древнеиндийские	словен. — словенский
др.-рус. — древнерусский	ст.-осман. — староосманский
др.-тюрк. — древнетюркский	ст.-польск. — старопольский
др.-фриз. — древнефризский	ст.-слав. — старославянский
индо-иран. — индо-иранский	т.-ман. — тунгусо-
ит. — итальянские	маньчжурские
каз. — казахский	татар. — татарский
кар.-балк. — карачаево-	тоск. — тоскский диалект ал-
балкарский	банского
каракалп. — каракалпакский	тох. — тохарский
кирг. — киргизский	тув. — тувинский
кор. — корейский	тур. — турецкий
крым.-татар. — крымско-	тюрк. — тюркские
татарский	тюрк.-кыпч. — тюркско-
кум. — кумыкский	кыпчакский
лат. — латинский	уйг. — уйгурский
латыш. — латышский	укр. — украинский
лит. — литовский	ульч. — ульчский
маньчж. — маньчжурский	фр. — французский
микен. — микенский	чаг. — чагатайский
молд. — молдавский	чеш. — чешский
монг. — монгольский	чув. — чувашский
н.-луж. — нижнелужицкий	чукот. — чукотский
нан. — нанайский	эвенк. — эвенкийский
нем. — немецкий	эскимос. — эскимосский
нивх. — нивхский	якут. — якутский
ног. — ногайский	

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (В.А. Попов).....	3
Список сокращений в тексте.....	7

Дискуссии и обсуждения

Тетраидная теория генезиса первичных систем родства

Гиренко Н.М. К дискуссии о генезисе первичных систем родства.....	8
---	---

Проблемы реконструкции протосистем терминов родства и свойства

Дзибель Г.В. Индоевропейские термины родства, индоевропейские ларингальные и проблема языкового родства.....	24
---	----

Теория и методология

Успенская Е.Н. О значении родственных отношений в кастовом обществе.....	33
---	----

Бурыкин А.А., Попов В.А. Проблемы изучения системы терминов родства и свойства нивхов.....	74
---	----

Конкретные исследования

Качинская И.Б. Русские термины родства и личное имя (по материалам архангельских говоров).....	95
---	----

Ахметова М.В. Города как родственники (об одном типе метафорического употребления терминов родства в русском языке).....	111
--	-----

Шабашов А.В. Тюркские термины родства в древнерусских письменных памятниках (до 1480 г.).....	148
--	-----

Аникина Т.С. Термины родства как элементы атрибутивно-посессивных конструкций (на материале суахили, руанда, йенданг и русского языков).....	159
--	-----

Материалы

Руднева Е.А. Термины родства в албанском говоре украинского Приазовья.....	169
---	-----

Коконова А.Б. Наименования новорожденного ребенка в говорах Русского Севера.....	187
---	-----

Албогачева М.С.-Г. Система терминов родства и семейно-брачные отношения у ингушей.....	198
---	-----

Арзютов Д.В. «Периферия» системы родства алтайцев: <i>сурас</i>	210
---	-----

Иванов А.В. Терминология родства у ерукала.....	221
---	-----

Сим А.Ю. Терминология родства у афробразильцев.....	234
---	-----

Библиография

Дзибель Г.В. Аннотированная междисциплинарная библиография научной литературы на русском языке по родству, системам родства, системам терминов родства, семейно-родовой организации и браку (с добавлениями литературы на языках бывшего Советского Союза и Болгарии), 1835–2012.....	243
---	-----

Список библиографических сокращений.....	363
--	-----

Список сокращений языков и диалектов.....	365
---	-----

CONTENTS

Foreword (<i>Popov V.A.</i>).....	3
Abbreviations in the texts	7

Discussions and Exchanges

The tetradic theory of the genesis of the initial kinship systems

<i>Girenko N.M.</i> On the discussion of the genesis of primary kinship systems....	8
---	---

Problems of reconstruction of kinship and affinity protosystems

<i>Dziebel G.V.</i> Indo-European kinship terms, Indo-European laryngeals, and problem of linguistic kinship.....	24
---	----

Theory and Methodology

<i>Uspenskaya E.N.</i> On the importance of kinship relations in caste society	33
<i>Burykin A.A., Popov V.A.</i> Some problems of the Nivkh system of terms of kinship and affinity	74

Case Studies

<i>Kachinskaya I.B.</i> Russian kinship terms and the personal name (based on the Archangelsk region)	95
<i>Akhmetova M.B.</i> Towns as relatives (On a type of metaphoric use of Russian kinship terms).....	111
<i>Shabashov A.V.</i> Turkic kinship terms in ancient Russian written sources (before 1480 A.D.)	148
<i>Anikina T.S.</i> Kinship terms as elements of attributive-possessive constructions (based on Swahili, Rwanda, Yendang, and Russian data).....	159

Materials

<i>Rudneva E.A.</i> Kinship terms in an Albanian subdialect of the Ukrainian Pryazovia	169
<i>Kokonova A.B.</i> Designations for the new-born child in subdialects of the Russian North	187
<i>Albogachieva M.S.-G.</i> The system of kinship terms, marital and family relations among the Ingush.....	198
<i>Arzutov D.V.</i> Suras as the “fringes” of the Altaian kinship system.....	210
<i>Ivanov A.V.</i> Yerukala kinship terminology	221
<i>Siim A. Yu.</i> Kinship terminology among the Afro-Brazilians	234

Bibliography

<i>Dziebel G.V.</i> Kinship, kinship systems, systems of kinship terminology, family and clan organization: An annotated interdisciplinary bibliography of literature published in the Russian language (with additional literature in the languages of the former Soviet Union and Bulgaria), 1835–2012	243
Abbreviations in references	363

альманах

**АЛГЕБРА РОДСТВА
РОДСТВО. СИСТЕМЫ РОДСТВА.
СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА**

Выпуск 13

*Утверждено к печати Ученым советом
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук*

Редактор *Т.В. Никифорова*
Художник *А.Ю. Харитонова*
Технический редактор *А.А. Банкович*
Компьютерная верстка *А.А. Банковича*

Подписано к печати 20.11.2011. Формат 60×90 1/16
Объем 23 п.л. Печать офсетная. Тираж 250 экз. Заказ № 0632

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12